

Пробуждение Чародея

КЕННЕТ

БАЛМЕР

КЕННЕТ
БАЛМЕР

Пробуждение Чародея

КЕННЕТ
БАЛМЕР

Накануне Судного дня

Пробуждение Чародея

Планета кочующих городов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

1994

Балмер К.
Б 20 Пробуждение Чародея: Романы/Пер. с англ. —
СПб.: Северо-Запад, 1994. — 510 с.
ISBN 5-8352-0290-3

Издательство «Северо-Запад» предлагает познакомиться с творчеством английского писателя Кеннета Балмера, до сих пор не переводившегося на русский язык.

Нашим любителям фантастики его имя знакомо лишь понаслышке. Известный фантаст, редактор и издатель, писавший под разными псевдонимами, он всегда удивлял читателя разнообразием своей тематики.

Перепечатка отдельных глав
и произведений в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данных произведений
возможно исключительно с ведома издателя.

© Нахмансон М., Тимохин В.,
Федюнин Г., перевод, 1994

© С. Богдан, иллюстрации, 1994

© Издательство «Северо-Запад»,
оформление, 1994

ISBN 5-8352-0290-3
® ~~СЕВЕРНО-ЗАПАД~~. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом

РОМАН

Накануне Судного
ДНЯ

I

Приближалось лето, приближалось то время, когда розы окутают перлогу своим пышным цветом, а пока по стенам ее свисали лишь засохшие стебли, словно сброшенные путы уходящей зимы. Глубокий снег покрывал шесть из семи вершин Маникоро, и близился тот миг, когда бурлящий, искрящийся белой пеной поток устремится вниз, чтобы наполнить ручьи и разбудить краски погруженной в зимнюю спячку земли. Мир снова возвращался к жизни.

Эта перспектива наполняла сердце Керит тоской.

С угрюмой нерешительностью она постукивала хрустальной туфелькой по каменным плитам, где зеленый мох шарил проворными липкими щупальцами в поисках муравьев и жуков, подбиравших крошки, упавшие со стола во время завтрака. Стол был со вкусом размещен на террасе так, чтобы с восходом солнца его касался первый же луч, а глаза могли отдохнуть, наслаждаясь красотами обнесенного оградой сада. Но и эти красоты, и солнечный свет, и грядущее пробуждение жизни, и даже самозабвенная суэта насекомых казались сейчас всего лишь насмешкой.

Муравьи и жуки всегда преобладали в этом бесконечном потоке живности, стремительно несшейся прямо в пасть терпеливому мху. Когда-то эти каменные плиты поливали гербицидом. Когда-то — но не теперь. Керит раздраженно отвернулась, бросив

насекомых на произвол судьбы. В конце концов, они были счастливее людей ее страны — беспечно размножаясь, они не ведали причин своего конца.

Изящной, изысканно бледной и не обремененной драгоценностями ручкой она приподняла стакан с остатками молока. Длинная шея принцессы, открытая и беззащитная, вытянулась еще немного, когда она начала пить. Голубое, без пояса, платье, лишенное всяких украшений, свободно облегло фигуру. Блистательная, она была подобна первой летней розе с капельками росы на лепестках — едва распутившейся, трепетной и несмелой.

Джарфон из Тривеса одним махом отправил в рот кусок печенья, и его обрамленные густой растительностью губы сомкнулись, закрыв ряд крепких ровных зубов. Упругие желваки ритмично задвигались под грубой кожей в такт неспешным жевательным движениям.

Он отхлебнул молока и произнес:

— Госпожа моя! Наше бедственное положение тревожит меня больше, чем любого из ваших подданных. Но мы должны мужественно продолжать борьбу. Посланец...

— Мужество! — Принцесса Керит поморщилась. Ее пальцы крошили печенье для суевившихся под стулом муравьев. — Моему народу мужества не занимать. Но я не понимаю, для чего это нужно.

— Мы должны встретить нашу судьбу...

— Знаю. — Она быстро встала, и ее золотисторыжие волосы рассыпались, образовав вокруг головы светлую огненную паутинку. — Мужественно и с достоинством, спокойно и величественно — как эти жалкие муравьи, слепо бегущие у меня под ногами.

— О нет, моя госпожа! — Джарфон из Тривеса тоже поднялся. Приличия запрещали сидеть перед стоящей дамой — не важно, была ли эта дама владычицей Брианона или простой горожанкой. Мучения принцессы опечалили его. — Эти муравьи ничего не знают о грозящей им смерти, и они не прекращают своей работы до последнего мгновения. Мы, люди, не можем оказаться слабее их.

— Так что же с посланцем, Джарфон?

— Еще не прибыл.

Она вцепилась в спинку стула.

— Я надеялась, что на этот раз...

— Та женщина опоздала всего на десять дней. Мы возлагаем свои надежды на столь хрупкие вещи, что даже небольшая заминка заставляет нас страдать, предчувствуя неудачу.

Керит вздохнула, и в этом вздохе отразилось безмерное отчаяние, словно саваном окутавшее светлые земли Брианона.

— Сегодня еще многое предстоит сделать... — Она умолкла, и тень отвращения к себе исказила ее тонкие черты. — Нет, Джарфон. Мы обманываем сами себя, и вы прекрасно это понимаете. Мы даем работу рукам, в надежде отвлечь мысли. Но какой в этом прок?

— Один день, моя госпожа, всего один день...

— Мы долго питали надежды, но через девятнадцать лет любая надежда становится просто смешной.

Джарфон из Тривеса поднял свой короткий яркосиний плащ и набросил его на плечи, укрепив золотыми застежками — день обещал быть ясным, но лето еще не наступило, и со стороны укутанных снегом древних вершин Маникоро дул ветер. Он попытался найти слова ободрения.

— Девятнадцать лет для вас долгий срок, моя госпожа, ведь он равен всей вашей жизни. Я же посвятил ожиданию только треть своего пути. И моя надежда, вопреки всему, пока еще теплится.

— И вы мужественно продолжаете борьбу. — Керит улыбнулась, и благодаря этой улыбке слова ее прозвучали не насмешкой, а сердечной клятвой, скрепляющей дружеский союз двух людей, готовых мужественно и с достоинством — как муравьи — встретить свой конец.

— Дома на девяносто седьмой улице больше не пригодны для жилья, — помолчав, сказал Джарфон из Тривеса. — Надо переселить людей...

— Вы — мой главный министр, Джарфон, и я доверяю вам решение всех подобных дел. Раз уж дома не чинятся сами, нам не остается ничего другого,

кроме как переселять людей... Надеюсь, все обойдется без осложнений.

Джарфон знал, что она имела в виду не осложнения материального порядка, ибо с такого рода первобытными пристрастиями на Брианоне давно было покончено. И все же...

— Ни один человек не может спокойно смотреть, как становится прахом дом, где он жил и где сотни лет, не ведая печали, обитали его предки. Теперь, когда эта трагедия обрушилась на нас, некоторые люди испытывают такую привязанность к материальным благам, над которой только посмеялись бы прежде... прежде вашего рождения.

— Моего рождения... — Керит запнулась. — Да.

— Вы родились последней, моя госпожа...

— Последней... Ах, как бы я хотела, чтобы меня не было вовсе! Не приходиться в этот мир, не видеть мук моего народа, не страдать самой вместе с ним... Зачем я родилась на свет — разве только для того, чтобы умереть? Какой же во всем этом смысл?

— Никто не родится по своему желанию, моя госпожа... Но раз уж мы здесь, нам следует принять это как данное и поступать так, как будто все имеет свой смысл...

— Смысл! — Она дернула округлым плечиком и решительно направилась к балюстраде, кольцом окружавшей террасу. Там огромный, изумрудно-багряный стихафон спиралью обвивал столбик перил. Его широкие влажные листья сверкали на солнце, а малящие ярко-красные пасти застыли в ожидании. Трупная муха приземлилась на лепесток в поисках нектара, и лепестки сомкнулись — мухи не стало.

— Какой же в этом смысл для мухи? — хмуро спросила Керит. — Ее смерть ничего не решает.

— Умей стихафон говорить, он ответил бы на ваш вопрос лучше меня, моя госпожа.

— Но муха, Джарфон, муха! Конечно, растение поглощает пищу, чтобы стать сильнее, — но при чем здесь муха? Зачем эта жертва?

— Роль побежденного не менее важна, чем роль победителя.

— Такое рассуждение — просто банальность, придуманная ради самоуспокоения. Разумеется, раз есть победители, то должны быть и побежденные. Но почему мы, мужчины и женщины Брианона, должны быть жертвами? Почему злой рок обрушился именно на нас? За что?

Джарфон из Тривеса не мог вынести исполненного муки взгляда своей юной повелительницы.

— Если бы мы знали это, моя госпожа, мы сделали бы так, чтобы в нашем мире снова рождались дети.

За желтовато-коричневой стеной безмятежного сада высился Весенний Дворец — сверкающая громада, выстроенная для кратких посещений в периоды скоротечной на этой планете весны, когда жизнь еще только примеряет на себя грядущее летнее великолепие. Широколистные деревья с тяжелыми кронами окружали хрустальные шпили дворца. На карнизах сонно курлыкали голуби. Вокруг нижних террас, где среди бурой рыхлой земли скоро должны были распуститься всевозможные цветы, наблюдалось какое-то движение. Тонкие солнечные блики играли на металлической поверхности лезвий машины-садовника, уже приступившей к работе — оранжевый шарообразный механизм медленно полз, выполняя свои обязанности с безнадежной обреченностью, и эта усталость автомата выглядела куда страшнее, чем вялые движения утомленного человека.

Три или четыре садовника трудились поодаль, с готовностью отдавая свое время и труд за благосклонность юной повелительницы. Их движения были почти так же проворны и умелы, как и движения машины.

— Почему мы не можем успокоиться? — спросила Керит, наблюдая, как стихафон медленно расправляет лепестки, призывно полыхавшие багрянцем в лучах утреннего солнца.

— Потому что мы люди, — ответил Джарфон из Тривеса. Он быстро прошелся по террасе, пытаясь встряхнуться. — Как вы уже заметили, моя госпожа, у нас много дел сегодня. После переселения назначена аудиенция Гильдии пограничников. Затем...

— Хорошо, мой друг. Я готова. — Керит подобрала свое лазоревое платье, и хрустальные туфельки отважно застучали по каменным плитам. — Несмотря ни на что, мы должны мужественно продолжать борьбу.

Щемящий, вытягивающий жилы вой огласил окрестности.

— Предаккеры, — зачем-то пояснил Джарфон из Тривеса.

Невольно оба они, шурясь от солнца, устремили глаза в светлое утреннее небо. Он крепко сжал ее руку, что было оправдано наличием общей опасности.

— Да, Джарфон. Вы правы. Конечно, все мы когда-нибудь умрем, но смерть в когтях предаккера...

Керит содрогнулась от такой мысли.

Они торопливо зашагали прочь с террасы по желтой кирпичной дороге. Мужчины и женщины — садовники и люди, занимавшиеся исполнением утренних поручений, — все спешили укрыться за стенами Весеннего Дворца. Солнечные лучи струились в прозрачном воздухе, разгоняя остатки ночной дымки, но встревоженные лица придавали общей картине какой-то зловеющий оттенок. Никто не бежал. Но никто и не стоял на месте.

Сирена взвыла последний раз и умолкла.

Выглянув наружу сквозь высокие, до потолка, окна покоев Прекрасного Мака, Керит успокоилась — теперь от предаккеров ее отделяли прочные стены. С чувством отвращения она приготовилась наблюдать за дальнейшим развитием событий... Стены покоев были расписаны переливающимися красками, образовывавшими причудливый орнамент — цветы мака наслаивались друг на друга, окруженные хитросплетениями стеблей и листьев, и являли собой безудержное буйство бьющей через край жизни. Ей давно хотелось сменить убранство, но теперь, когда дома людей не чинились, она не могла позволить себе такого легкомысленного занятия, как переустройство интерьера.

Над плоской кроной поросшего лишайником дерева появились две черные точки — крошечные и далекие, но дерзко летевшие прямо ко Дворцу.

— Вон они! — воскликнул Джарфон из Тривеса.

— У вас есть бинокль? — спросила Керит.

— Одну минуточку, моя госпожа. — Джарфон из Тривеса обвел взглядом помещение. На высоком тонконогом столике расположились графин с теплым фаллонийским вином и полдюжины изящных стеклянных бокалов, игравших на солнце радужными бликами. Бесшумно ступая по лилово-малиновому ковру, он быстро приблизился к столику, выбрал два бокала, положил их набок и прижал вплотную друг к другу.

Секунду он постоял словно человек, погруженный в глубокое раздумье, затем быстро нагнулся, поднял со стола полевой бинокль и протянул его принцессе Керит.

— Благодарю вас, Джарфон. — Она поднесла бинокль к глазам и, подкрутив регулировочный винт, поймала в фокусе две зловещие точки. И тут же на фоне голубой дымки возникли два жутких омерзительных существа.

Джарфон из Тривеса положил ей руку на плечо — это снова была рука друга, стремящегося поддержать ее.

— Предаккеры не слишком хороши собой, моя госпожа.

— Да уж. — Она протянула бинокль главному министру, и он, сдвинув темные брови, приблизил глаза к окулярам.

— Две молодые особи, — произнес он строго. — Юная парочка. Решили слетать за легкой добычей, прежде чем начать высиживать потомство. — Он стиснул бинокль так, что побелели костяшки пальцев. — Надо отыскать гнездо этих бестий. Сейчас же пошлем экспедицию и всю нечисть...

— К чему такое беспокойство, Джарфон? Когда мы... уйдем, останутся хотя бы предаккеры.

— Благородный порыв, но я его не разделяю.

Он протянул ей бинокль, но в нем уже не было необходимости; хищники быстро приближались ко Дворцу. Принцесса Керит промолчала. Предаккеры были огромными, сильными тварями, способными в одиночку поднять целую овцу, и им ничего не стоило разmozжить человеку череп — да так, чтобы мозги брызнули во все стороны. Покрытые чешуей и на-

ростами когтистые птицы, с сизыми кожистыми шеями и ярко-алыми широко разинутыми клювами, откуда время от времени высовывались раздвоенные языки, шумно хлопали крыльями, и каждый взмах походил на удар огромного мясницкого топора.

Находясь под защитой хрустальных стен, Керит не чувствовала страха. Но отвращение ко всему безобразному, жестокому, злобному в ее стране наполняло мысли принцессы печалью. Она стояла возле окна, стройная и худощавая, одной рукой держась за пышную цвета слоновой кости гардину, а другую прижав к груди.

Вдруг Джарфон из Тривеса снова поднес бинокль к глазам и начал крутить винт. Лицо его напряженно сморщилось, и щеки покрылись желтыми пятнами.

— Что случилось, Джарфон?

Он рывком опустил бинокль. Керит посмотрела вниз, оглядывая то место, над которым, выискивая добычу, кружили предаккеры. По извилистой дороге из желтого кирпича, вздымая облако пыли, мчался всадник. Он приник телом к шее лошади, и плащ колыхался у него за спиной, словно подрезанные крылья. Керит могла ясно различить белый треугольник его лица, видневшийся из-под низкой, с полями, шляпы.

— Посланец! — выдохнул Джарфон из Тривеса.

Лошадь неслась беззвучно — одинокая маленькая фигурка посреди обезлюдившего пространства. Первый предаккер замедлил свой круговой полет и начал складывать блестящие крылья.

— Нет... — прошептала Керит, принцесса Брианона. Злая ирония ситуации была очевидна. «Нет», — подумала она с содроганием: сам посланец, в неистовом отчаянии прищипоривавший коня, не мог ощущать этого, но они, так ждавшие его возвращения, заранее знали, что доставленные им известия не принесут радости. Теперь же из-за их бессмысленной затеи всадник находился на волосок от гибели. Как и всякий здравомыслящий человек, Керит ненавидела напрасные жертвы.

— Если он сумеет невредимым доскакать до верстового столба, — прорычал главный министр, сдер-

живая ярость и нетерпение, — то окажется под нашим прикрытием. Как хорошо, моя госпожа, что я настоял в этом году на размещении отряда ваших стражников в Весеннем Дворце...

— Да, да, Джарфон. — Керит прикусила губу и в чудовищном напряжении стиснула гардину цвета слоновой кости. — Вы были, как всегда, правы.

Джарфон из Тривеса наблюдал за фигурой, летевшей во весь опор по широкой пыльной кирпичной дороге, и на его мужественном бородатом лице промелькнула тень сожаления о том, что он был в три раза старше принцессы. Образ мчащегося ради своей жизни посланца вызвал в нем привычный приступ тоски. Здесь, в обреченном Брианоне, они все неслись вперед ради спасения жизни, но у финишного столба их поджидал лишь хмуро ослабившийся череп.

Семь стражников бегом спустились во внутренний двор, откуда семьдесят девять ступеней лестницы вели к западному portalу Весеннего Дворца, и начали сновать среди бликов и теней опалового мозаичного панно. Их движения были быстры и точны. Каждый действовал с той аккуратностью, какая обретается после долгих часов муштры на плацу. Впрочем, дело было даже не столько в усердных тренировках, сколько в укоренившейся привычке жителей Брианона к завершенности и точности, к безукоризненному исполнению всякой, пусть и ничтожнейшей будничной работы.

На фоне ладно скроенных желтых туник и классического изгиба бронзовых шлемов черная с голубым отливом сталь их тяжелого оружия смотрелась подобно кровоподтеку на женской щеке.

— Они могут прошить насквозь эту тварь, если она залетит за верстовой столб, — произнес Джарфон из Тривеса с некоторым удовлетворением.

Первый предаккер стремительно пошел вниз.

Сержант, командовавший сторожевым отрядом, отдал приказ открыть огонь, и эхо его зычного голоса прокатилось по всем семидесяти девяти ступеням. Семь пальцев нажали спусковые крючки. Лязгнули семь замков. Семь луков обратили свою затаенную силу в удар тетивы. Мелькнули семь стрел.

Где-то среди ухоженных полей, окаймлявших желтую кирпичную дорогу, между верстовым столбом и двором семь стрел вонзились в землю, глубоко ушли в жирный чернозем, чтобы вернуться на поверхность нескоро, возможно лишь месяцы спустя, когда садовник, двигаясь между грядками, с ворчанием наткнется на них своей мотыгой.

— Слишком близко, — простионала Керит.

— Это только для острастки. — Джарфон из Тривеса чувствовал сильное желание самостоятельно натянуть арбалет, прицелиться, нажать спусковой крючок... Но ни один арбалет Брианона не мог поразить быстро снижающегося хищника на таком расстоянии.

— Хоть бы какое-нибудь укрытие... — В голосе Керит звучало презрение к себе. — Мы должны позаботиться о строительстве укрытий вдоль дороги, Джарфон. С каждым годом предаккеры становятся все наглее и опаснее. Я боюсь, это не последний...

— Смотрите!

Предаккер наполовину сложил крылья. Его затянувшийся спуск перешел из плавного скольжения в стремительный бросок. Пасть широко раскрылась, обнажая ярко-красное нутро. Посланец выставил руку, пытаясь закрыться от удара, затем попробовал соскользнуть вниз под живот лошади. Но было уже поздно — лязгнули челюсти, и тяжелый удар когтистой лапы обрушился на него.

Керит отвернулась.

Слезы застыли на ее щеках подобно жемчужинам.

— С ним все кончено, — глухо произнес Джарфон из Тривеса.

— Напрасная жертва, — ответила Керит, чувствуя приступ ненависти к себе, к тому жалкому положению, в котором оказалась ее измученная страна, к предаккеру... — Бедняга...

На желтой кирпичной дороге осталось лишь блестящее темное пятно.

Ошалевшая от страха лошадь поскакала одна, делая большие прыжки, широко раздувая ноздри и дико вращая огненными шарами глаз.

Смуглая женщина в простом зеленом платье вошла в Покои Прекрасных Маков. Ее округлое, с гладкой

кожей лицо выражало гревогу и сострадание, но движения коренастого тела были спокойны и уверенны.

— Пойдемте отсюда, моя госпожа... Я приготовила немного согревающего...

Керит обернулась и положила свою хрупкую ладонь на плечо женщины.

— Ровена... Дорогая Ровена. Да... Благодарю тебя.

Джарфон из Тривеса отложил бинокль.

— Да, Ровена, спасибо, что ты пришла. Принцессе очень тяжело. Я встречу с представителями Гильдии пограничников и все им объясню. Не позволяй твоей хозяйке волноваться... И дай мне знать, когда она полностью оправится.

— Благодарю вас. Так будет лучше всего. Я уверена, они поймут.

Когда принцесса Керит, ведомая под руку ее старой кормилицей, покинула Покои Прекрасных Маков, Джарфон из Тривеса провел по волосам рукой и задумался. Пограничники поймут. Они должны понять.

Весь Брианон испытывал чувство любви и преданности к принцессе Керит. Да, пограничники поймут.

Но кто может понять, откуда это бедствие обрушилось на Брианон? Есть ли в мире хоть один человек, который знает ответ?

II

Звездные корабли не место для интриг — тем более если они заканчиваются неудачей.

— О Господи! — простонал Джек Уолли.

Он сидел, забившись в дальний угол самого глубокого трюма солтерранского звездолета «Басенто», и, обхватив колени, ждал, что главный инженер со своей жуткой монтировкой наконец-таки доберется до него.

А ведь как хорошо все начиналось! Однажды вечером, во время прогулки под звездами, Мэйзи д'Анджело — миловидная девушка с соблазнительной фигуркой, путешествовавшая в компании со своей престарелой теткой, — вздохнула и, надув губки, крепко сжала его руку.

— Ах, Джек, — сказала она простодушно. — Я вынуждена торчать с моей глупой старой тетушкой за столом третьего помощника — там и словом-то не с кем перекинуться. Думаю, они могли бы посадить меня за стол капитана.

— Просто обязаны были, — Джек Уолли произнес это с непринужденной галантностью, обнимая ее за талию и предвкушая следующее смелое движение. — Ты заслуживаешь и много большего, звездочка моя.

— Ок...

Он не стал говорить, что его самого определили за стол четвертого помощника начальника хозяйственной части. Это было бы слишком грубо, да и небезопасно — ведь Джек еще не добился решительной победы над этой девушкой.

— За столом капитана царит эта жуткая рыжеволосая стерва — юная леди Диана Даркстер. Да еще какая-то перезрелая миланка с Венеры, жирная и слюнявая. А я прозябаю за столом третьего помощника. — Она слегка повернула локоть, и ему удалось продвинуть руку еще дальше. — Это просто несправедливо, Джек, правда, несправедливо.

— Конечно, моя звездная куколка.

— Ну, а ты разве ничего не собираешься предпринять? — Мэйзи резко повернулась, и ее острый локоток впился ему в запястье, прервав очередное смелое движение. — Я хочу спросить, Джек, дорогой, ты ведь меня действительно любишь, правда?

— Ну, разумеется, Мэйзи! Что за глупый вопрос. Давай пройдем вон туда, где звезды светят ярче...

— Это потому, что корабельные огни там выключены. Уж не думаешь ли ты, что молодая воспитанная леди станет сидеть с тобой в темноте, Джек Уолли?

Уолли с грудом сдерживал охватившее его от близости успеха возбуждение. На этот раз, похоже, все должно было удался.

Космический бродяга, молодой повеса, Джек был из тех, кто не упустит своего и не думает о счете до той поры, пока его не предъявят. Да и в свои двадцать с небольшим он вечно с трудом наскребал средства для оплаты. Впрочем, Мэйзи д'Анджело представлялась ему не слишком дорогостоящей питучкой.

Ну, хочет она сидеть за капитанским столиком — так он ей это устроит и получит взамен неплохую награду.

Мэйзи поплотнее укутала обнаженные плечи легкой шалью из искусственного шелка, накинутой поверх пышного ярко-розового платья. Откуда-то изнутри корабля неслись опьяняющие звуки танцевальной вечеринки — хлопанье пробок, ритмичное глухое постукивание в такт монотонному завыванию проигрывателя, ровный гул старающихся перекричать друг друга голосов. Она выглядела очаровательной и желанной, а ее маленькая прихоть казалась Уолли ничтожной платой за такой лакомый кусочек.

— Не волнуйся, мой звездный цветочек. Ты будешь сидеть за столом капитана, или я не Джек Уолли.

— Ах, Джек... правда? — Она заволновалась. — А ты сможешь? Но как?

— Предоставь это мне. Пойдем присядем вон там на минутку, чтобы я мог немного поразмыслить...

— Присядем только для того, чтобы ты мог поразмыслить?

— Ну... — протянул Джек Уолли.

И вот поэтому теперь он торчал здесь, в корабельном трюме, а главный инженер разыскивал его повсюду, размахивая своей жуткой монтировкой. Этой монтировкой можно было запросто снести человеку череп. Или сделать его калекой на всю жизнь. Уолли крепко обхватил колени и задрожал. Да будь прокляты все пустоголовые милашки в галактике!

Бесконечные улыбки, подчеркнутая вежливость, насупленные прилизанные волосы — все это, разумеется, было обрушено на мисс Диану Даркстер, которая, в свою очередь, смотрела на Джека так, будто перед ней приоткрыли бачок с помоями. Довольно самоуверенная рыжеволосая коротышка, впрочем, наверняка про себя полагавшая свои волосы золотисто-каштановыми, она обладала телом, которое, к изумлению Уолли, при более внимательном, чем это позволял лишь случайно брошенный взгляд, обследовании оказалось куда более изящным и сладострастным, чем все прелести мисс Мэйзи д'Анджело. Ее лицо, и без макияжа излучавшее внутреннюю красоту, он нашел просто поразительным.

Все это, без сомнения, увеличивало шансы Джека на успех, и даже более того — она просто непременно должна была клюнуть на его историю.

Утреннего дежурства ему вполне хватило на то, чтобы облечь свой замысел в форму непринужденной беседы.

— Марджорам Четвертый? — повторила Диана Даркстер, царственно вскинув брови. — Нет, я никогда не была там.

— Ах, ну конечно же нет! — На круглом щекастом лице Уолли отразился ужас. — То есть я имел в виду... ну... такая женщина, как вы.. Ведь все прекрасно знают, что случается с теми, кто находился на Марджораме Четвертом и подцепил... впрочем, наверное, не стоит углубляться в детали.

— О чем вы, мистер Уолли?

Крайнее изумление отразилось на невинном лице Джека, и оно приняло вид глубоко потрясенный. Джек всегда гордился своим умением проделывать подобную штуку при помощи неуловимых движений лицевых мускулов.

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы и в самом деле...

Они сидели, откинувшись в креслах возле площадки для шафлборда, и пластиковые диски то и дело проскальзывали у них под ногами.

— Я хочу сказать, что мне ничего об этом не известно, — резко отозвалась Диана, отбросив пинком очередной диск.

— Ах, ну да, конечно, я понимаю. Девушки вашего круга просто не сталкиваются с подобными вещами. Глупо было с моей стороны и заговаривать об этом. Я в самом деле не знаю, отчего вдруг это пришло мне в голову именно сейчас. Просто такие вещи очень заразны... ну, вы меня понимаете... некоторые люди только выглядят, как будто они... впрочем, не стоит называть имен... ха-ха... ну, вы понимаете...

— Боюсь, что нет, мистер Уолли.

Но ему удалось зацепить ее. Диана хмуро и пристально глядела на него из-под царственных бровей, теребя оборку платья. Тени играли на ее лице, смягчая напряженную линию губ и мягко скользя под глазами,

что делало их блеск еще более ярким. Она была воистину восхитительна... Но совершенно не пара для Уолли. Он в сотый раз пожалел, что никогда не сможет подняться выше того уровня, к какому принадлежал с рождения. Нет, ему суждено навеки остаться всего лишь одним из миллиардов полувоспитанных обитателей галактики, не понимающих, зачем это воспитание вообще существует, и лишенных всякой надежды на то, что их неведение когда-либо рассеется.

Она так плавно поднялась с кресла, что у Уолли перехватило дыхание. Ей было не больше девятнадцати.

— Благодарю вас за интересную беседу, — и Диана рассеянно удалилась.

Уолли тихо усмехнулся — уверенность в том, что она попалась-таки на крючок, заставила его забыть о своем ничтожестве. Это было неплохое развлечение. Да еще Мейзи... впрочем, данная награда едва ли стоила усилий такого человека, как Уолли. Сама организация этого дела доставила ему немалое удовольствие...

Да уж, организация... Окинув взглядом темное пространство самого глубокого трюма «Басенто», он проклял тот день, когда его угораздило положить глаз на Мэйзи д'Анджело.

За обедом в тот вечер свободное место между капитаном и главным инженером злое ще зияло пустотой. Дама с Венеры также отсутствовала. Мейзи о чем-то оживленно беседовала со стюардом. Затем величаво вплыла Диана и, не глядя в ту сторону, где располагался столик капитана, в сопровождении официанта уверенно проследовала к столу третьего помощника инженера. Шурша юбками, Мэйзи легко и проворно продефилировала через весь зал и уселась рядом с капитаном. Ее обнаженные плечи блестели под флуоресцирующим светом, несмотря на щедрый слой пудры. Главный инженер — толстопузый хамоватый мужчина с непрекращающимся тиком левого глаза — уставился было на нее, затем буркнул что-то себе под нос и снова принялся за еду.

С чувством глубокого удовлетворения Джек Уолли вернулся к своему бифштексу. Он затеял небольшую комбинацию, и она сработала превосходно.

Точнее, все было превосходно.

До тех пор, пока главный инженер не вознамерился осведомиться о здоровье той толстухи с Венеры, которая решила обедать в своей каюте.

Все дьяволы космоса не смогли бы вывести, отчего этот мрачный, с прокисшими мозгами субъект — клоун в золотых шевронах — не пустил это дело на самотек, что было бы вполне разумно. Во всяком случае, Джек Уолли на его месте именно так и поступил бы, но главный инженер вдруг возомнил себя самым галантным мужчиной во всей Вселенной, а пухлая вдовушка с Венеры показалась ему нежным птенчиком, с которым можно чудно поворковать.

Бедный Джек Уолли. Он и не подозревал, какая каша заваривается для него в котле возмездия, когда, весело мурлыкая себе под нос, он проходил мимо каюты вдовы, направляясь к апартаментам Мэйзи. С тетушкой он решил разобраться позже, ведь сейчас Мэйзи, должно быть, томилась от нетерпения, желая выказать ему свою признательность...

Дверь каюты распахнулась. Вдова, шурша своим жутким туалетом, который делал ее похожей на раздуваемую свежим ветром палатку, со слезами на глазах пыталась вытолкать главного инженера. Главный инженер со свекольным лицом отчаянно упирался, бормоча избитые фразы, с какими, по его мнению, сильный мужчина должен был обращаться к даме, и изо всех сил комкал в руках свою форменную фуражку.

— О Боже, — простонал Джек Уолли.

— Она мне все рассказала — вы подлый, гнусный обманщик! — Вдова не забыла крепкие словечки, которые в ходу на Венере. Они ей оченьгодились в этот момент.

— Но, мадам... прошу вас... это просто невозможно...

— Ах, невозможно? Вы... вы грязный червяк!

— Но Мэри, — механически произнес инженер, — ради. ради Бога, о чем вы? — Он отчаянно силился понять, что же происходит.

Уолли замер за углом, парализованный, словно кролик перед удавом

— Я слыхала о типах вроде вас! Подлые! Мерзкий! Убирайтесь вон, а то я позову интенданта!

Главный инженер швырнул фуражку об пол.

— Если Чарли Роббинс явится сюда прежде, чем вы мне объясните, в чем дело, то я вкручу ему башку в плечи!

— Ах! — вдова отшатнулась.

Инженер подался вперед.

— Что случилось, мадам? Вспомните, о чем вы... о чем мы с вами говорили. Такое долгое путешествие... мы оба одинокие люди...

Она зажала уши руками.

— Оставьте меня, вы, грязный распутник, зараза ходячая! Мне все известно о Марджораме Четвертом!

— Так вот оно что! — пробормотал Джек Уолли.

— Марджорам Четвертый?

— Вам этого мало? Вы ведь там были, не так ли? Нет, ну вы, конечно, сейчас все станете отрицать. Это вполне в вашем стиле... Вот чего стоят ваши любезности... и после Марджорама Четвертого вы смели еще приставать ко мне... О-о! — Она закатила глаза. — Я сейчас лишусь чувств.

— Позвольте, я помогу вам...

— Подите прочь, распутный кровопийца! Упырь! Вурдалак! Вы... вы... О-о-о!

Главный инженер в ярости плясал на своей фуражке. Он попытался ухватить объемистую ручку дамы, но вместо этого сгреб целую пригоршню оборок, кружев и искусственного шелка. Что-то лопнуло. Пухлая вдова завопила, как кричат бескрылые птицы с Пятой планеты Петтигью, когда раз в семнадцать лет откладывают свое единственное гигантское яйцо.

— Но при чем здесь Марджорам Четвертый? Что случилось с этим местом?

— Он еще спрашивает! Вы... — Щеки ее тряслись, по носу текли слезы, а руки судорожно теребили топорщащийся во все стороны ворох кружев на корсете, защищая то, что и так было надежно укрыто. — Я больше не могу выносить этот ужас! Прочь! Убейтесь вон, чудовище!

— Но с Марджорамом Четвертым все в порядке, мадам! Я живу там! Это мой дом!

— О-о-о! — И бедная женщина действительно хлопнулась в обморок.

Некоторое время главный инженер в бессильной ярости оглядывал обстановку, затем повернул свое налитое кровью лицо в сторону коридора и, заметив Уолли, побагровел еще больше. — Чего, черт возьми, тебе здесь нужно?

— Н-ничего. — Уолли начал незаметно пятиться назад. — Просто проходил мимо.

— Ну и проходи.

Другой бы на его месте так и поступил, но надо знать Джека Уолли.

— Что-то случилось с дамой? — не утерпев, спросил он.

— Нет, — прорычал главный инженер. — Она просто решила вздремнуть в коридоре. — Затем, должно быть вспомнив, что он все-таки корабельный офицер, добавил уже мягче: — С ней сделалось дурно. Помогите мне уложить ее на кровать.

— Слушаюсь.

И надо же было вдове прийти в себя именно в тот момент, когда главный инженер и Уолли волокли ее тело к кровати, держа один за плечи, а другой — за ноги. Вдова широко раскрыла глаза и огляделась вокруг. Челюсть ее отвисла, и зубной протез с грохотом шлепнулся на пол. Она запыхтела и стала хватать ртом воздух, словно захлебывающийся на морозе насос.

— Как?! И вы тут? — Ей удалось вырваться. Лицо ее стало зеленым. — Убирайтесь! Диана передала мне все, что вы рассказали ей о Марджораме Четвертом! Да вы тут все сговорились! Помогите! Убивают! Помогите! Помогите!

В дверях появился капитан. Из-за его плеча высывалась голова стюарда. В спокойных глазах капитана блеснул огонек — по крайней мере, так показалось Джеку Уолли: он знал, что командир корабля терпеть не может подобных сцен.

— Это что тут еще за светопреставление, чиф?

— Ух... это, сэр... ух...

И тут до инженера дошел смысл слов его несостоявшейся возлюбленной. Он обратил свой злобный взгляд на Уолли, который был уже на полпути к двери.

— Эй, парень, ты что-то говорил им о Марджораме Четвертом? Ну-ка отойдем на пару слов!

Но Джека и след простыл.

А теперь он, скорчившись, сидел в трюме корабля, жалкий, несчастный, в то время как взбешенный инженер с налитыми кровью глазами разыскивал его повсюду, размахивая своей смертоносной монтировкой.

— О Господи, — простонал Джек Уолли.

Он нащупал половинку апельсина в одном из карманов своего уныло-щегольского рабочего комбинезона и с тоской принялся жевать ее.

Если бы он только знал, что именно эта очаровательная идиотка Диана Даркстер рассказала толстой вдове. Если бы он только знал, какие обвинения обрушивает на него главный инженер. Если бы он только знал... но нет! Гораздо лучше для его душевного спокойствия было не ведать об этом. Он жевал апельсин и прикидывал, действительно ли смерть в космосе столь быстра и безболезненна, как о том говорят. Если бы ему удалось отыскать место для сброса отходов, он мог бы выскользнуть в бездонную тьму...

На глаза его навернулись слезы. Бедный Джек Уолли! Вот и все, на что он оказался пригоден в этой галактике, — мешок отбросов, который лениво вышвырнут в космическое пространство. Отделаются от Джека Уолли, вот и весь разговор. Кому он нужен!

Что тут говорить, если даже у его отца с матерью появились подобные мысли, едва он научился ходить.

Когда же он заговорил, их сомнения переросли в уверенность.

Бедный старина Уолли. Если бы он не был мужчиной и космическим бродягой, то мог бы поклясться, что позволил крупной слезинке скользнуть по его щеке.

Бедный старина Уолли. Единственное его отличие от безликой толпы состояло в том, что он родился на Земле, в этой закрученной спиралью круговерти, где земные мужчины и женщины боролись, торговали, строили планы и учились идти своим путем к таинственной, загадочной, манящей и пугающей цели. Это отличие все еще приносило ему кое-какие дивиденды. Но, полуобразованный, мог ли он на что-то

рассчитывать? Это было просто смешно. Шестнадцатилетним юнцом его вытурили из колледжа, и следующие знания ему пришлось добывать самостоятельно, полагаясь на пособия правительства и собственные силы. Надо было обладать недюжинным стремлением, чтобы в его положении получить ту работу, которую он теперь имел, — и Джек был несказанно рад, что ему это удалось.

Сопровождая грузы компьютеров, предназначенных для удаленных внешних миров, с улыбками пересказывая рекламную информацию и изображая, будто он понимает, как эти штуковины работают, бесстыдно навязывая дурацкие механические мозги народам, не видящим, как их надувают, он нес знамя земной культуры чужим цивилизациям и зарабатывал себе на корку хлеба, дабы поддержать свое скромное существование.

Две недели беглых занятий при фирме — несколько кратковременных поездок во внешние миры, где продукция начинала давать сбои прежде срока, вежливые извинения за нечаянные опоздания — и он, как считалось, научился продавать компьютеры. Господа Хардакр и Глоссон, запросто вхожие в правительственные департаменты экзобиологии, чужих цивилизаций и внешней торговли, учили своих юных воспитанников, что никакие преимущества честной торговли не избавят их от бедности и страха перед будущим. «Не волнуйся, сынок, — говорили они. — Не стоит переживать. Просто улыбайся, как бармен за стойкой. Представь себя тряпкой возле дверей и не обращай внимания, когда об тебя будут вытирать ноги, — стерпи все, и ты получишь множество заказов. Мы ведь продаем неплохие машины».

Ха.

Это был первый урок. Не попадайтесь на крючок, когда вам пытаются всучить партию товара. Даже если — особенно если — это делают бравые ребята из вашей собственной фирмы. Разве они когда-нибудь признаются, что распихивают по галактике барахло? То-то и оно. Джек Уолли снова застонал, а затем вздрогнул и мелко затрясся, заворуженно глядя на отъезжающую в сторону металлическую дверь трюма.

Он уже знал, кто окажется за дверью, когда она откроется полностью: главный инженер, раздувшийся, словно жаба, с лицом цвета подогретого красного вина и поднятой кверху монтировкой, которой он будет вершить свой страшный суд — выбьет мозги, выпустит кишки, а затем и вовсе снесет Джеку голову. Уолли опять застонал, пытаясь процарапать ногтями обшивку корабля.

Будь проклята Мэйзи д'Анджело!

Будь проклята Диана Даркстер!

Будь проклята эта старая калоша с Венеры!

И будь трижды проклят главный инженер с его смертоносной монтировкой...

III

В то время когда Джек Уолли трясся от страха, глядя на распахивающуюся дверь самого глубокого трюма звездолета «Басенто», владелец этой межзвездной компании, словно пес на привязи, широкими шагами расхаживал по рубке управления, проверяя счета с надменным равнодушием датского дога. Капитан Рэттрей был небольшого роста. Мундир висел на нем мешком. Несмотря на свои семьдесят лет, он все еще продолжал заниматься торговлей на межзвездных просторах. Будучи человеком здоровым и крепким, капитан обладал к тому же и завидной решимостью — не бессмысленной, но такой, которая с успехом вела его от Земли к Тетрахусу, от Алкипы к Заностро. Он прекрасно знал свою работу, но не терпел, когда ему мешали.

— И когда найдете его, передайте, что я лично сорву нашивки с его рукава! — Лицо капитана смягчилось, и взгляд из гневного стал просто хмурым, в предвкушении того удовольствия, с каким он протянет руку к предмету особой гордости главного инженера — его нашивкам.

Капитан схватил микрофон и поднес его ко рту.

— Как дела с третьим двигателем, мистер Фартингейл?

Из расположенного поблизости громкоговорителя донесся шквал хриплых звуков — что-то вроде «...раскачивание ведущих турбин, колебание динамометрического входа на вращающемся сжимающем кхеджи-лоббере...»

Последнее слово явно должно было звучать иначе.

— Повторите, что вы сказали, — прохрипел капитан.

Но громкоговоритель кашлянул, загнусавил и наконец угрюмо затих.

Капитан перевел свой желчный взгляд на мистера Твайтса, седьмого помощника.

— Отправляйтесь вниз, юноша, — произнес он осипшим от злости голосом. — Найдите второго помощника инженера и передайте ему, что если он через пять минут не заведет свои дрянные ржавые двигатели, я затолкаю его ключ в такое место, которое больше всего для этого подходит! Марш!

— Д-да, сэр, — смущенно пробормотал перепуганный парень и исчез, словно терьер в кроличьей норе.

Корабль затрясло. Палуба накренилась, женщина-техник рухнула на обшивку и разразилась проклятиями. В лицо ей брызнул шипящий сноп искр.

— Вышел из строя второй двигатель! — заорал штурман.

— Я ему выйду — только бы добраться до главного! — Капитан в припадке бешенства выплясывал джигу. — Мой корабль! Мой «Басенто»! Да он запросто проскакивал сквозь все дьявольские гиперпространства, а теперь этот жирный кретин засадил нас! — Корабль снова накренился, капитан прикусил язык и врезался носом в тумбу штурманского компаса, так что на глазах у него выступили слезы.

— Идиот! — закричал он на побледневшего штурмана. — Вы что, не можете спрятать свои дрянные приборы куда-нибудь подальше?

Недостаток мужества и здравый смысл заставили штурмана воздержаться от замечания, что тумба компаса была смонтирована еще при сборке корабля.

Капитан потрогал нос и вытер слезы.

Корабль кренился и вздрагивал. Бортовые огни погасли, но голубое аварийное освещение не вклю-

чалось. Борт был черен, словно дно угольного мешка, яркий свет пробивался только со стороны двери, так что лица людей виднелись лишь наполовину.

Безвкусный дым от горящей где-то изоляции разливался в воздухе, забиваясь в рот и щекоча ноздри.

Девушка-техник радарной установки заплакала.

— Я уже десять лет в космосе, — всхлипывая, сказала она, — и ничего подобного прежде не видела.

— А я в космосе уже семьдесят, — раздраженно отозвался капитан. — И могу посоветовать вам только то же, что и остальным, — лягте на спину и расслабьтесь.

— Похоже, дело нешуточное, сэр. — Широкое, лунообразное, покрытое испариной лицо второго помощника склонилось над капитаном, словно воздушный шарик на привязи.

— Ложитесь, черт бы вас побрал, — откликнулся капитан. — Конечно, нешуточное. Мой нос будет болеть целую неделю.

— Если оборудование для искусственной гравитации выйдет из строя...

Капитан собрался было ответить, но тут и он, и все те, кто не был пристегнут ремнями, оторвались от пола и, кувыркаясь, поплыли в воздухе.

— Молчали бы лучше, мистер, — язвительно заметил капитан. — Посмотрите, что вы натворили!

— Я?! — оскорбленно воскликнул второй помощник. — Я тут ни при чем. Это все главный инженер!

— Вы правы. — Капитан ухватился одной рукой за подпорку, а другой поймал проплывавшую мимо девушку-техника по связи. — Повиси спокойно, детка, а то выдернешь мне руку из сустава.

— О сэр! — завопила она.

Корабль содрогался, выделявая в космосе немыслимые пируэты. Искусственное тяготение то появлялось, то исчезало — совершенно непредсказуемо. Спотыкаясь вошел вернувшийся из машинного отсека седьмой помощник с окровавленным лицом и двумя выбитыми при падении зубами. Волосы его были всклокочены, словно морские водоросли.

— Никто не знает, где главный, сэр. Все системы работают на пределе, и мы катимся к черту! Авто-

матика отказала. Второй инженер пытается отключить все и выйти в нормальное пространство, сэр...

Забыв, что находится в состоянии свободного падения, капитан снова попытался сплясать свою джигу бессильной злобы, но вместо этого стремительно, будто подросток-рокер, пролетел через рубку. Финишировал он, влетев носом в щель за большим компьютером.

Когда его извлекли оттуда, он пристально посмотрел на штурмана.

Штурман съежился.

— Отключайте. Оставьте только самое необходимое. Выводите корабль в нормальное пространство, — произнес капитан голосом старого, уставшего человека. Он нащупал сиденье, грузно, словно подрубленное дерево, рухнул на него и пристегнулся ремнем. — Плакала моя премия за полет, а также всякая надежда на повышение в течение ближайших двадцати лет. — Он сцепил пальцы. — Вот доберусь только до главного инженера... — Окончание его фразы заставило обеих дам-связисток покраснеть и спешно отпрянуть в сторону.

Мистер Твайтс предпринял вторую попытку отыскать мистера Фартингейла в гремящем хаосе «Басенто».

Но задолго до того, как он добрался до первой двери в перегородке машинного отделения, и даже задолго до того, как была осуществлена первая операция из сложной последовательности действий, необходимых для перевода звездолета из гиперпространства в нормальное, раньше чем команду охватил неподдельный, холодящий внутренности страх, корабль взорвался.

Корабль взорвался.

Как описать обращение в ничто тепла, света и воздуха человеческого жилища?

Взорвавшийся корабль подобен зародышу, выброшенному из тихого уюта материнской утробы в жестокие объятия мертвого космоса. Металл дрожал и раскалывался. Воздух с шипением вырывался наружу. Тепло рассеивалось, уступая место холоду. Слабеющие огни терялись среди множества звездных спектров. Корабль взорвался.

Повсюду в этой утратившей свое могущество громаде были разбросаны оазисы, где еще сохранялись свет, воздух и тепло — но в количестве, достаточном лишь для того, чтобы поддержать биение сердца в мучительные мгновения предсмертного вопля. Продержаться чуть дольше позволяли лишь несколько отсеков.

Рубка управления все еще продолжала функционировать. Кое-какие из спасательных шлюпок, где целовались влюбленные парочки, как это всегда бывает в подобных местах, также еще оставались жизнеспособным средством космического транспорта.

В некоторых трюмах еще был воздух.

Корабль взорвался...

Бедный старина Уолли.

В эти мгновения свободы, прежде чем корабль накренился, как пьяный, в своем предсмертном фантанго, подгоняемый вышедшими из-под контроля двигателями и гиперпространственным полем, содрогавшимся, подобно взбесившейся юле, в бесконечной смене неведомых измерений, Джек Уолли оттолкнулся одеревеневшими ногами от пола и встал, скользя спиной по металлической обшивке. Он задыхался. Дверь бесшумно приоткрылась. Яркий свет хлынул внутрь, очертив на полу огромную искаженную тень чудовищного гаечного ключа.

Уолли жалобно застонал.

Дверь с грохотом распахнулась. Главный инженер шагнул внутрь с видом великана-людоеда, демонстрирующего свою силу перед загнанной добычей. Вырывалось ли пламя из его ноздрей? Вправду ли пахло серой? Действительно ли искры летели из наполненных злобой глаз! Или же это просто воспаленный мозг Уолли сыграл со своим хозяином злую шутку?

— Уолли! Вот ты где! Мерзавец!

Уолли увернулся. Металлическая болванка просвистела мимо его левого уха, со звоном ударилась в стену и рикошетом отлетела назад.

— О-о-о! — заорал инженер, пританцовывая на одной ноге и обхватив голень другой обеими руками. — Я искалечен на всю жизнь!

Опустив голову и слепо загибая перед собой руками, Джек Уолли на ватных ногах выскочил из своего спасительного убежища и помчался по пешеходным переходам корабля, словно норовистый жеребец. Палуба выделявала немыслимые трюки, и его швыряло из стороны в сторону. Джек совладал бы и с выпрыгивающим из груди сердцем и с расплющенными, словно только что выскочивший из автомата бумажный кулек, легкими, но... но разве можно было устоять на таких непослушных ногах?

Он растянулся во всю длину, и главный инженер, споткнувшись, плюхнулся поверх него: двое мужчин со своеобразного цвета лицами, судорожно глотая воздух, пытались выкрикивать слова проклятия, мести и страха. Они злобно пыхтели друг на друга, словно раздувшиеся лягушки у пруда в безлунную ночь.

Сцепившись, они покатались в сторону спасательных шлюпок. Главный инженер ударился головой о подпорку и отпрянул назад.

— Что, черт побери, здесь происходит? — Инженер оттолкнулся коленом от физиономии Уолли и встал, позабыв о драке. Он несколько пришел в себя и теперь лишь немного подволакивал ногу. — Оставим это, Уолли. Что-то неладно с кораблем!

Юная парочка — она, поправляющая платье, и он, вытирающий губы, — спотыкаясь, вышла из тени воздушного шлюза шлюпки.

— Мэйзи! Как ты могла?! — сдавленно прошептал Уолли, переводя дух.

И тут все поплыли в невесомости.

— Забирайтесь в лодки. Я выясню, что происходит... — заорал главный инженер и тихо добавил: — Эти болваны дежурные способны напортачить, даже управляя такой консервной банкой.

Он перевел взгляд на Уолли, и глаза его опять налились кровью, но тут искусственное тяготение швырнуло всех на палубу.

Пронзительные крики, вопли, стоны, суматоха охваченных безумным страхом людей наполнили корабль, но те, кто находился в расположенной на отшибе рубке управления, ничего не знали об этом.

Уолли дотащился до воздушного шлюза лодки и нажал на рычаги управления. У него было достаточно времени, чтобы забраться внутрь. Заметив Мэйзи с новым любовником, пытающихся проникнуть в шлюз другой лодки, и столпившихся вокруг них людей, он не стал закрывать дверь и закричал:

— Скорее сюда! Здесь еще полно места!

Толстый седеющий мужчина с портфелем стал энергично пробиваться к лодке Уолли. Он вытянул руку вперед и почти уже коснулся двери, когда корабль взорвался.

У Джека было такое чувство, будто ему дали крепкого пинка под зад. Падая, он увидел, как наглухо захлопывается дверь воздушного шлюза, словно пасть крокодила. Замигали разноцветные огни. Взыла сирена. Он лежал на резиновом полу между рядами пустых кресел. Двери шлюза были закрыты. Спасательная шлюпка выполняла свою функцию согласно давним-давно заложенной в нее программе, предусматривающей необходимые действия в чрезвычайных обстоятельствах. Неясные очертания обстановки этого временного спасательного суденышка обступали Джека. У него болела голова, текло из носа, и чувствовал он себя ужасно.

Сквозь обшивку корабля доносился резкий и мучительный вой, в котором смешались скрежет разрывающегося металла и свист вытекающего воздуха.

Джек знал, что это означало.

Торможение застало его врасплох.

Он задыхался, у него болела голова, текло из носа, слезились глаза и звенело в ушах. Ударившись об опору сиденья, он издал истошный вопль.

Бедный Джек Уолли.

Когда шлюпка приготовилась к совершению посадки на планету, бедняга Уолли похолодел.

IV

В современную эпоху, когда с расцветом Ажажа жителям Земли стали доступны самые заветные и внушающие благоговейный трепет уголки галактики, вероятность того, что звездолет постигнет

катастрофа, рассчитывалась по кривым страховых компаний, а ценность хрупкой человеческой жизни измерялась в твердой валюте. Если на сотню миллионов успешно перевезенных пассажиров и попадался один погибший, ученые мужи от статистики улыбались, потирали скользкие ладони и предоставляли заботы об этом несчастном профессионалам-могильщикам, компенсируя горечь утраты страховым чеком на кругленькую сумму.

Среди плывущих розовых облаков сна Джек Уолли разглядел размытые, неестественно склоненные набок фигуры своих отца и матери — одетые в черное, они принимали страховой чек. Скупая слеза скользнула, как единственная дань памяти ушедшему сыну... «Наконец-то, — Джек услышал, как отец заговорил ровным бесцветным голосом с провинциальными интонациями, — наконец наш мальчик хоть как-то оплатил нам за то, что мы сделали для него».

«Подумать только, — это, видимо, была его мать — опрятная женщина со впалыми щеками и мозолями домохозяйки на руках, — подумать только, наш сын попал в газеты и на телевидение! Сегодня мне даже не пришлось стоять в очереди. — Всхлипывание, прощальный взмах кружевным носовым платочком... — Он был славным мальчиком».

— Да нет же, не так! — закричал Джек Уолли, вздрогнув и прищутив глаза от странного оранжевого света. — Я был плохим! Все вы постоянно напоминали мне об этом! Мне все говорили, что я плохо кончу... Так оно и случилось... Мозги вашего сына испачкали его лучший костюм, после того как главный инженер своей жуткой монтровкой... О-о-о...

— Ква шулэй харусмит сжибонк, — произнес мягкий, свежий и восхитительно женственный голосок.

— Что? — отозвался Уолли.

— Клэй брулей мими, — продолжил тот же божественный голос.

Заморгав, Уолли оттолкнулся локтем от подушки сиденья и встал. Его глаза наполнились влагой, и на какое-то мгновение все вокруг показалось ему двоящимся и окрашенным по краям в радужные

цвета — фиолетовый, красный, зеленый. Он прищурился. Желтый цвет хлынул водопадом, за ним последовал оранжевый, и после этого зрение снова вернулось к нему.

Облик девушки вполне соответствовал ее голосу.

— Хм, — слабо пробормотал Джек. — Хм, хм.

Девушка слегка отступила назад, и длинные темные блестящие волосы скользнули по щеке Джека. Ее раскосые темно-фиолетовые глаза широко раскрылись, а по прелестному низкому лобику пробежала тень изумления.

— Клао михиэн, хапо! — сказала она не вполне уверенно.

— Хм? — переспросил кто-то из-за спины Джека густым бархатистым голосом, в котором явно звучали настойчивые вопросительные интонации.

— Я, — терпеливо ответил Джек, почувствовав, что разговор начинается, — я — Джек Уолли. — Он ткнул себя пальцем в грудь, но тут с ужасом обнаружил, что ни одна тряпка не прикрывает его наготу, и поспешно натянул желтую простыню до самой шеи.

Девушка произнесла что-то похожее на «Джек Уолли».

Джек, не касаясь, указал на нее пальцем. Ее роскошное оранжевое платье казалось совсем прозрачным, и невозможно было понять, что скрывалось под ним — то ли плотно облегающее трико телесного цвета, то ли непосредственно само тело.

— А ты кто? — несколько бесцеремонно спросил он в свою очередь.

— Мими, — ответила она.

— Понятно, — пробормотал Уолли. — Что ж, мы еще попробуем с этим разобраться.

С таким именем сложности типа «Я — Ах, ты — Ох» могли превратить беседу в фарс. И тут Джека — погибшего и похороненного со страховкой, на которую можно будет приобрести большой телевизор, новый автомобиль и путевку на Венеру, — охватил приступ хохота. Он чуть было не воспрянул духом и почти поверил, что еще не погиб и никто не собирается хоронить его.

Но нет, конечно же, он погиб.

Окончательно и бесповоротно.

Он приземлился на чужой планете, куда не проник даже галактический «пиджин-инглиш». Эти люди пытались говорить с ним на своем языке, хотя, должно быть, именно они вытащили его из спасательной шлюпки и могли бы догадаться, что он прибыл из другого мира, — если, конечно, здешние жители вообще знали о существовании других планет. Могло оказаться и так, что он сам выбрался из шлюпки и болтался здесь в состоянии шока, но Джек считал это предположение весьма сомнительным, отлично понимая, что на роль героя он никак не тянет.

Девушка принесла чудесную серебряную чашу с бульоном, и Уолли, проглотив все без остатка, почтительно попросил добавки. Угощение лишь раззадорило его аппетит.

Они поняли, что в данный момент ему нужнее всего пища, и решили начать с этого. Вскоре Джек мог уже правильно повторить большую часть названий предметов, находившихся в маленькой хижине. Похожая на улей, скромно обставленная и несущая на себе печать примитивной культуры, эта хижина все же создавала некоторое ощущение домашнего тепла и уюта. Человек, потерпевший крушение в космосе и угодивший на чужую, не отмеченную на звездных картах планету, мог оказаться и в куда худших условиях.

В последующие дни Уолли сосредоточился на изучении языка. Он считал себя совершеннейшим недоучкой, но в то же время понимал, что его нынешнее куцее образование соответствовало самому блестящему набору технических знаний, какой только мог получить юноша в веке, скажем, двадцатом. Джек, может, и не разбирался толком в причинах пульсации галактики и не понимал основных мотивов к получению образования, но практически он был вполне подготовлен к той жизни, которую вел. И раз уж суждено ему было оказаться на чужой планете, он и здесь не собирался пропадать.

Пища поначалу вызывала у него легкую тошноту.

Но все же Джек считал, что ему крупно повезло.

О том, чтобы отказаться от еды, не было и речи. Разве можно обойтись без этого... Итак, он ел, поглощая вместе с пищей все чужеземные бактерии и вирусы. И выжил.

Уолли знал, что, когда первые живые существа примитивных планет выползали из грязных болот и затопляемых отмелей на сушу, они подвергались воздействию различных форм радиации. Это создало два необходимых условия для жизни: молекулу белка двух видов и нуклеиновую кислоту. Многочисленными лабораторными экспериментами было доказано, что одни и те же стимулы вызывают появление одинаковых молекул. А эти молекулы, взаимодействуя в божественном ритме галактики, в изобилии порождают жизнь. При наличии желтой звезды G-типа, силы тяжести, близкой к одному «g» Земли, циклической смены времен года, либрации, прецессии, орбитального вращения вокруг солнца в столь же благоприятной для вышедшей из воды жизни области — на любой планете рано или поздно должны появиться мужчины и женщины, достаточно похожие на мужчин и женщин из какого-либо другого места. Что же касается вопроса о половом воспроизводстве населения, то Уолли решил, что ему едва ли удастся стать здесь отцом ребенка. Впрочем, он был слишком молод, чтобы сожалеть об этом.

Его больше всего беспокоили вирусы и бактерии, против которых он не имел ни естественного иммунитета, ни специальных вакцин и прививок. Джек понимал, что с этим следует разобраться, как только появится возможность более подробно побеседовать с окружающими его людьми. Они называли себя «Бездомными» — Керим, — и он никак не мог понять, почему. Хижина, где он находился, явственно воплощала в себе любовь, заботу и стремление обустроить постоянное жилище. Судя по облику деревни, расположенной в чаше долины, окруженной поросшими деревьями и кустарником горами, Бездомные, или Керимы, жили здесь достаточно давно.

Лишь одна мысль не давала Джеку покоя, всякий раз тревожа его своей пугающей реальностью. Ведь могло получиться так, что прилежное изучение ке-

римского языка лишь открыло бы ему, что эти приветливые люди на самом деле представляли собой некую второстепенную, незначительную группу, и тогда ему пришлось бы начать все сначала и изучать язык того народа, который действительно правил данной страной.

Вдобавок — и от этой возможности сердце Джека начинало учащенно биться — он мог оказаться в обычной колонии Солтерры. Где-то рядом, за холмами, мог находиться город землян — с банками и магазинами, чистенькими домиками, библиотеками, церквями, кладбищем, аэропортом и транспортным узлом. Уолли спрашивал об этом у своих хозяев, но вразумительного ответа не добился и в конце концов решил, что, скорее всего, он очутился в совершенно девственном месте.

Девственным, разумеется, в смысле нетронутости его солтерранской культурой.

Вскоре он отметил один озадачивший его факт — полное отсутствие детей. Босые пятки не вздымали пыль деревенских улиц, никто не гонялся за дворняжками, да и тем не за кем было бегать, нигде не вспыхивали драки с пронзительными воплями, маленькие девочки не сосали свои грязные пальчики, а мальчишки не кувыркались через голову. Детей не было.

Когда Джек взвесил все хорошее, что ему удалось узнать о деревне и ее обитателях, у него сложилось весьма неплохое мнение об этих людях, однако их безмятежное существование казалось неискренним и притворным на фоне мрачной тишины, вызванной отсутствием детей. Их не было совсем.

Он пытался расспрашивать о причинах, но в ответ получал лишь хмурые взгляды — люди пожимали плечами и быстро отворачивались. Такая скрытность вызвала у него неприятное ощущение.

Отец Мими, Друбал, — бородатый гигант с бронзовой кожей и густым низким голосом — был почти неотличим от землянина. Глядя же на Мими, напротив, можно было сразу безошибочно определить, что она появилась на свет не на Земле. Что-то в разрезе ее глаз, сами глаза, очертания груди под

оранжевым платьем, что-то в ее походке, диковатой и по-неземному грациозной, что-то глубоко сокрытое в подсознании ее расы исподволь давало понять, что эта девушка чужая. Но, даже чужая, она оставалась прекрасной — как звезда, как первый весенний день, как распутившаяся роза. Джек Уолли провел немало счастливых часов, пытаясь подобрать ей подходящие цветочные эпитеты.

Разумеется, он и пальцем не прикасался к ней.

Однажды Друбал несколько грубовато объявил:

— Ты силен, Джек, и твои раны уже зажили. Утром пойдешь со мной на охоту.

— Да, — ответил Уолли по-керимски. — Конечно. С удовольствием.

Все прочие жители деревни были одинаково добры к Джеку. Многих из них он знал по именам, и среди примерно трех сотен человек не было ни одного, кто удостоил бы его хмурым или сердитым взглядом, недобрый словом. У каждого из них была своя работа, и они выполняли ее со спокойной и сдержанной аккуратностью, что производило немалое впечатление на юношу, совсем недавно выбравшегося из хаоса разлетающейся и содрогающейся галактики.

Джек Уолли был принят в эту замкнутую общину без единого вопроса, что вполне могло бы и обеспокоить его, имея он склонность к углубленному анализу ситуации. Как бы там ни было, он встал с постели на следующее утро, надел зеленый мешковатый балахон, который ему выдали в качестве единственной одежды, и затянул ремешки мягких замшевых сандалий с твердой подошвой, изготовленной из какого-то непонятного материала. Он умылся, но бриться было нечем — волей-неволей приходилось отращивать бороду. Позавтракав фруктами, яйцами и молоком, Джек приготовился к выходу.

Друбал взял свой отшлифованный временем арбалет, металлические части которого были тщательно смазаны и сверкали тем глубоким, внутренним блеском, какой бывает только у старой, любовно сохраняемой вещи.

— Это покрытие несколько отличается от хрома, к которому я привык, — сказал Уолли со вздохом. —

Хром начинает осыпаться через пару месяцев. Так чем я смогу помочь тебе на охоте, Друбал? Буду метать копьё?

— Ты можешь стрелять из арбалета, Джек, — ты же видел, как это делается.

Уолли снова подивился тому, как легко и непринужденно вели себя эти аккуратные от рождения люди. Что ж, ведь они были чужими. Это, конечно, все объясняло, но Уолли постепенно начинал чувствовать, что чуждость их не могла быть единственной причиной царившей вокруг странной атмосферы.

Друбал, казалось, чего-то ждал.

Уолли огляделся. Четверо или пятеро мужчин уже направились прочь от деревни, решительно ступая длинным размашистым шагом профессиональных охотников. У каждого из них был арбалет, а некоторые захватили с собой и копьё. Яркое светило солнце, предвещая еще один погожий летний денек. Женщины и девушки разбрелись по своим домашним надобностям. Начинался обычный трудовой день деревни, и каждый выполнял свою работу на благо общего дела.

— Я готов, — сказал Уолли.

— Хорошо.

С нарастающим раздражением Джек недоумевал: чего же еще ждет старый Друбал?

— Где твой арбалет, Джек?

— Вы же знаете, что у меня его нет. Все, чем я владею, было при мне, когда меня притащили сюда. Вы дали мне эту одежду и сандалии. Больше у меня нет ничего, и вам это известно.

Друбал посмотрел на него с удивлением, словно на мальчишку, который заявил, что у него нет перочинного ножика.

Мрачная тень пробежала по его бородатому лицу, подобно грозовой туче в летний день, но вскоре оно просветлело, и Друбал улыбнулся:

— Прости меня, Джек. Не всем это легко дается. Хотя, говорят, другие совершают это, не произнося вслух ни слова, но, по-моему, это выдумки. Если не возражаешь, я сам все сделаю.

— Ну конечно же, — ответил Джек, глубоко вздыхая. — Благодарю вас.

Он так и не смог понять, о чем говорит Друбал.

Друбал же огляделся вокруг, выбрал две веточки и пригоршню травы. Затем он согнул одну ветку и положил ее поперек другой, образуя, как с интересом заметил Уолли, грубое подобие арбалета. Травинки он поместил рядом с этим макетом. Отступив на шаг и сосредоточившись, он сложил ладони вместе и направил большие пальцы кверху, а остальные — книзу. Борода его приподнялась, вздыбившись к небу.

«Ну прямо Моисей!» — с усмешкой подумал Уолли.

Медленно, сосредоточившись так, что капельки пота потекли от висков к бровям, Друбал нараспев заговорил:

— Арбалет, о Пи-Айчен! Арбалет, добрый и верный, хорошо смазанный, изготовленный мастерством рук Твоих, сверкающий и отлаженный, красивый и удобный. И вдобавок к этому чуду, о Пи-Айчен, дай мне стрелы — надежные, бьющие точно в цель — такие, что лишь Ты один способен создать. Только об этом прошу я Тебя сейчас, о великий Пи-Айчен, во имя вечной славы Твоей. Ибо лишь Ты один, о могущественный, есть и пребудешь во веки веков.

Уолли ошарашенно уставился на Друбала. Тот стоял совершенно спокойно. Несмотря на молодость, Уолли был не настолько глуп, чтобы позволить себе хоть одним неразумным жестом вмешаться в культовый ритуал чужой цивилизации. Да он и не видел особой разницы между жертвоприношениями древних и шутством нынешних священников, а сказки о маленьких зеленых или желтых божках, сверкающих своими маленькими зелеными или желтыми глазками, до сих пор рассказывали по всей галактике. Друбал медленно поднес ладони ко лбу, затем резко опустил голову, махнул рукой и отрывисто произнес:

— Ну вот и все, Джек. А теперь отправимся в путь. Остальные уже вышли, и нам следует поторопиться, чтобы догнать их.

— Угу, — отозвался Уолли.

— Ты не виноват, Джек, пойми меня правильно. Просто я мог сделать арбалет быстрее, только и всего.

Уолли взглянул в ту сторону, куда указывал палец Друбала, и отскочил, словно у его ног неожиданно материализовалась гремучая змея.

В пыли деревенской улицы, где еще мгновение назад лежали две скрещенные ветки и пучок травы, теперь поблескивал новенький, в масле, арбалет с колчаном острых стрел.

— Вот это да! — воскликнул Уолли и сглотнул, ощутив во рту привкус пыли. — Кто бы ни положил сюда арбалет, он сделал это совершенно незаметно.

— Разумеется, ведь пути Пи-Айчена сокрыты и исполнены смысла, — многозначительно ответил Друбал тем же протяжным голосом. — Пойдем, Джек. Бери это с собой.

— Да, конечно. — Уолли схватил рукоятку арбалета и вдруг ощутил, как сквозь теплую пыль ледяной холод дерева и металла жалит его пальцы.

— Какой холодный! — изумленно воскликнул он.

— Так всегда бывает, парень. А теперь идем, во имя очаровательной и печальной дамы Кребойна!

Уолли уже слышал эту напыщенную клятву мужчин Керима, и ему стало стыдно оттого, что он своим невежеством нарушил спокойствие и достоинство Друбала. Что ни говори, а арбалета не было, когда Друбал начинал свою молитву, и он появился после того, как тот ее закончил. Он молил своего бога Пи-Айчена об арбалете. И арбалет появился. Никто другой не помогал ему вызвать этот призрак, тут Уолли мог поклясться.

Итак?..

Итак, ничего. Не было фактов, чтобы сформулировать какую-нибудь хотя бы самую безумную гипотезу. Пусть только Друбал еще раз попробует повторить свой трюк, тогда уж старина Уолли будет смотреть во все глаза...

Они вошли в лес и сперва продвигались по топтаным дорожкам, которые казались упругими от летней пыли, а затем углубились в зеленую прохладу деревьев, прислушиваясь к неясному шуму окружающей жизни. Уолли был жителем городского предместья, и он боялся бы леса, не доведись ему испытать прелести сезонных сельскохозяйственных работ на Лэ-

зенби-Три, осуществлявшихся за счет правительства. Его номер был нанесен краской по трафарету на хлопчатобумажной робе, так что потерять своего работника власти не могли.

Как пригородный житель, Уолли видел мясо только в консервах, в замороженных брикетах без костей, упакованных в пластиковые мешки, да еще в бесформенных грудях перемолотых и почти безвкусных полуфабрикатов. Поэтому он непременно боялся бы вида крови, если бы только многократно не был свидетелем того, как один человек гонится за другим с мясницким тесаком или топором и успевает закончить свое дело раньше, чем примчатся тюремщики, поднимут оглушительную стрельбу и отделят живых от мертвых.

Для юноши Джек Уолли обладал немалым запасом знаний о темных сторонах жизни, совершенно, впрочем, бесполезных как на борту звездолета, так и в предместье гигантского механического мегаполиса. Неожиданно эти воспоминания с поразительной четкостью, словно на экране телевизора, высветили в его сознании образ главного инженера, гонящегося за ним с монтировкой.

При мысли о пассажирах «Басенто» Джека охватила тоска.

Где были теперь эти несчастные? Рассеянные в виде мельчайших атомов на нескольких парсеках космического пространства, летящие словно мертвая межзвездная пыль... А он, Джек Уолли, в зеленом одеянии и с волшебным арбалетом за плечами, мерил крупными шагами очарованный лес, он жил самой чистой и естественной жизнью, какую только можно представить. Так говорил он самому себе, пытаясь примириться с обстоятельствами.

— Запомни, — произнес Друбал с торжественностью, вполне соответствовавшей обстановке зеленого сумрака, — как только выпустишь стрелу, перезаряди арбалет. Не забудь — сразу же. Это надо делать в первую очередь.

— А если, — отозвался сообразительный Джек, — добыча ускользнет от меня и я потеряю ее из виду?

— Тогда ты погонишься за ней. А когда снова настигнешь, то что ты будешь делать, Джек? Стрелять в нее из пустого арбалета?

— Хм. Все ясно, Друбал.

— Хорошо. Мне тоже ясно, что тебе не мешало бы потренироваться. Мы не спрашивали тебя о твоей предыдущей жизни и не станем этого делать. Это не в наших правилах, да и какая, в конце концов, разница, не так ли?

— Пожалуй, — неуверенно отозвался Уолли.

— Ты чужестранец, и поведение твое необычно, — продолжал Друбал, раздвигая ограду из листьев у края тропинки и выглядывая сквозь нее. Он весь напрягся, а затем вновь слегка расслабился, продолжая, впрочем, оставаться начеку.

— Мне очень жаль, что... — начал было Уолли.

— Тихо! — Друбал махнул рукой.

Уолли запнулся, досадуя на свою оплошность.

Осторожно, отодвигая листок за листком, Друбал продвигался вперед. Уолли старался не отставать от него, надеясь, что производит не слишком много шума. Друбал, очевидно, мысленно записал его в школу ходьбы крадучись, поскольку он продолжал торопливо идти вперед, воздерживаясь от дальнейших пояснений.

Вообразив, что он — Великий Белый Охотник, Уолли отдался сладким мечтам, представляя себя в героических и воинственных позах, как вдруг впереди показалась добыча.

Первой осмысленной реакцией его было стремление убежать как можно быстрее и как можно дальше, насколько это вообще позволяли сделать его враз ослабевшие ноги.

Эта тварь, по всей видимости, была керимским аналогом свиньи. Размерами она соответствовала самцу слона, а ее щетина с виду походила на туго натянутую проволоку. Клыки — Уолли в этом нисколько не сомневался — были сделаны из хромированной стали с молибденом. Копыта выглядели так, словно их долго и тщательно чистили, сладострастно предвкушая, как обрушатся они на жалкие людские тела и превратят человеческую плоть в кровавое месиво. Шкура была

не чем иным, как великолепным панцирем. Вдобавок все это еще и воняло.

Друбал поднял арбалет.

Уолли осмотрел свое оружие. Шестидюймовые стрелы с гладкими блестящими стальными наконечниками — да с чего они взяли, что этим можно свалить такое чудовище?! Стрелы просто отскочат от него. А если все же и вопьются, то совсем чуть-чуть и вскоре опять выпадут. Поэтому в лучшем случае можно надеяться лишь на то, что слоновая свинья вообще не заметит этой легкой щекотки.

Скрипя зубами, Друбал старался сдерживать охватившее его волнение. Борода его топорщилась, глаза дико вращались, а все тело дрожало от крайнего возбуждения.

Впрочем, Уолли казалось, что возбуждение это могло лишь добавить удовольствия свинье, когда та клыками и копытами начнет терзать двух ничтожных смертных, у которых не достало ума убежать.

Стеной окружавший их зеленый лес глубоко вздыхал в ритме затаенной жизни. Весело стрекотали насекомые. Какая-то птица слетела вниз и осуждающе взглянула на охотников. Все было как и несколько мгновений назад, если не считать того, что мозолистая рука Друбала раздвинула последний лиственный занавес, отделявший их от похрюкивающего на лужайке дьявола.

Крошечные изумрудные птички, собравшись в круг, порхали вокруг слоновой свиньи — они то пикировали вниз, подбирая остатки пищи между ее массивными лапами, то вновь стремительно взлетали вверх и клевали складки тела между могучими бедрами, а то садились на голову чудовища и, запустив клювы в заросли упругой щетины, наслаждались застрявшими там кусочками съестного. «Стрелы Друбала причинят свинье не больше вреда, чем эти изумрудные птички», — пронеслось в голове Уолли, и он тяжело вздохнул про себя.

На лужайке между ними и людоедом виднелось темно-коричневое пятно, покрытое причудливо переплетенными пучками травы более ярких оттенков. Зверь поднял лапу и грузно опустил ее в облако

пыли и сверкающих зеленых птичек. Уолли отпрянул, и новая волна пота оросила его брови.

— Спокойно, Джек, — выдохнул Друбал, и слова его прозвучали как страшный приговор. — Эти дрогги атакуют, едва заведев человека.

Он раздвинул последние листья и ступил на лужайку.

Дрогга прищурила один глаз. Налитый кровью и злобой, этот глаз смотрел прямо на Друбала. Массивное копыто приподнялось и сверкнуло на солнце, послав в лицо Уолли стремительный и острый, словно бритва, луч.

Чудовище испустило боевой клич, похожий на гудок паровоза, и с окрестных деревьев посыпались листья.

Зверь ринулся в атаку.

Пятки Уолли взметнулись вверх, голова пошла вниз, и он с треском полетел сквозь кусты, подпрыгивая на поваленных бревнах... В пятидесяти ярдах над собой Джек увидел вертящийся колесом клочок неба и коричневые стволы, отсвечивавшие радужными цветами в лучах солнца. В возникшей суматохе он сперва ударился спиной о каменистую землю, взметнув тучу пыли, а затем лиана, коварно обвившись вокруг лодыжек, скрутила его тело и подвесила вверх тормашками футах в пятнадцати над землей.

Бедный Джек Уолли. Вот уж попался на крючок!

Болтаясь вниз головой, с вытаращенными глазами, он видел, как гигантское облако пыли вздымалось над лужайкой подобно столбу дыма над вулканом. Его помутненному взору представилось, будто половина лужайки вообще исчезла. Друбал с холодным бесстрашием медленно двигался вперед к краю ямы, откуда вырывался чудовищный по омерзительности рев.

— Снимите меня отсюда! — заорал висящий вниз головой Джек Уолли.

Друбал не обратил на него никакого внимания. Глядя в глубь дымящейся ямы, бородастый охотник размышлял.

Джек повернулся и закружился, словно беспомощная муха, запутавшаяся в шелке паучьей сети. Ему чудилось, что лиана вот-вот перережет кости его ло-

дыжек и он шлепнется на землю, а ступни ног так и останутся висеть, опутанные стеблем. Впрочем, при падении он все равно наверняка сломает себе шею...

— Снимите меня отсюда! — снова сбивчиво выпалил несчастный Уолли.

Кровь распирала его голову, и та, казалось, в любое мгновение готова была лопнуть, как перезревший плод...

Друбал небрежно махнул ему рукой и не торопясь повернул обратно.

— Я же тебе говорил, — заметил он с укоризной, отклоняясь назад и обращая свой взор кверху, — не двигайся. Еще повезло, что дрогга бросилась на меня, а не на тебя.

— М-м-м-м, — простонал Уолли. — Вниз! Ну снимите же меня!

— Убери голову, — бесстрастно скомандовал Друбал, доставая из кармана нож и метая его в сторону Уолли. Джек вздрогнул и втянул голову в плечи. Нож рассек лиану, и Уолли с размаху шмякнулся на землю, стукнувшись спиной так, что ноги его распрямились, руки раскинулись под прямыми углами к туловищу, а кисти распластались по поверхности, прижатые сильным ударом.

Когда он наконец совладал с отчаянным колокольным звоном в голове и тяжело поднялся на ноги, Друбал уже снова обследовал ловушку. Дрогга к этому времени начала терпеливо скрести клыками стену, в надежде набрать достаточно земли и образовать наклонную плоскость для побега.

— Умная тварь, — Друбал добродушно покачал головой.

— О, моя спина... — простонал покалеченный Джек Уолли.

— Ты сам виноват, парень. Если будешь так делать, никогда не станешь настоящим керимским охотником...

— Я научусь, — с воодушевлением откликнулся Уолли.

— Боюсь, что тебя прикончат и сожрут, прежде чем представится случай поучиться.

— Откуда вы узнали, что здесь находится западня?

Друбал улыбнулся.

— Удача, да еще чистая совесть. Это, несомненно, ловушка Зеленых Братьев.

— Зеленых Братьев?

— Маленькие существа, живущие отдельно ото всех. Никогда не перечь им. Они этого не любят. Наверняка они уже услышали шум. — Друбал покорно вздохнул. — Придется с ними поделиться.

Уолли еще раз потер спину и вздрогнул.

Стрела арбалета, прилетевшая из чащи, впилась в ствол дерева рядом с его головой и задрожала. Уолли уставился на нее, снова ощущая сильные позывы со стороны кишечника.

— Тихо. Это Зеленые Братья.

V

Братцы и впрямь оказались небольшого роста — этакие миниатюрные страшилища с короткими толстыми туловищами и плоскими живыми лицами, которые могли бы вызвать даже добродушную усмешку, не будь у них бледно-зеленого травянистого оттенка. Фута в четыре ростом, жилистые, с гибкими, как лиана, мускулами, кривыми ногами и руками-щупальцами, Зеленые Братья были одеты в листья и кору деревьев. На головах у них громоздились непомерные, не меньше двух футов в высоту, плетеные шлемы, подобные головным уборам наполеоновских гренадеров, — жалкая попытка придать больший вес своему достоинству.

Они точно знали, зачем пришли.

— Это наша дрогга.

— Это ваша ловушка, — внимательно и настороженно заметил Друбал.

— Наша ловушка — наша дрогга. И кончено.

— Ваша ловушка — моя дрогга.

— Мы все сказали.

— Это я загнал дроггу туда. И могу предложить вам половину.

— Возьми себе четверть.

— Половину.

Стоять без дела, когда друг торгуется и его надуют, было не в правилах Уолли. Выпивтив грудь и всплеснув руками, он шагнул вперед.

— Послушайте меня, друзья, — начал он елейным голоском прожженного мошенника. — Эта дрогга никогда не полезла бы в западню по доброй воле. Мой добрый друг и товарищ Дру... А-а-а!

Бедный Джек Уолли. Он попытался сесть, но колено Друбала уперлось ему в грудь и снова заставило опустить голову вниз. Свое «А-а-а!» Джек заорал именно в тот момент, когда Друбал, издав неопиcуемый вопль, прыгнул на него.

— Какая... какая муха тебя укусила, Дру?..

Друбал снова прижал его к земле. Окаймленные бородой губы зашептали прямо в ухо Джека:

— Никогда, понял, никогда не называй человека по имени, если тебя могут услышать Зеленые Братья, эти Шепчущие Колдуны! — Он запустил шишковатую руку в шевелюру Джека и потянул его за волосы, помогая подняться. Крик застрял в глотке Уолли, а скальп его едва не отделился от головы. — Просто говори, — закончил Друбал, источая сладость и расплываясь в улыбке, — «тот человек», или «этот человек», или...

— Или вообще ничего! Так, видимо, будет лучше!

Уолли перешел на другую сторону поляны, присел на землю и стал забавляться, кидая камешки в дроггу.

Они отскакивали, словно теннисные шарики от скалы.

Настроение Друбала полностью соответствовало потребностям текущего момента. Для Уолли уже одно это было ценным уроком.

Он никак не мог взять в толк, откуда брался этот строгий и возвышенный религиозный пыл, овладевавший Друбалом в тот момент, когда он обращался к своему богу Пи-Айчену. Как это вязалось с его полнейшим безразличием ко всему, что выходило за рамки сиюминутных целей? Джек уже не удивился, когда услышал, что спор закончился соглашением разделить дроггу пополам. Мнением самой дрогги никто поинтересоваться не удосужился.

— Дело сделано, — сказал Друбал, когда Уолли присоединился к нему. — Надо позвать людей.

Предводитель Зеленых Братьев подтвердил свое согласие едва заметным жестом и отвернулся. Друбал кивнул Джеку, и они вместе двинулись назад в деревню, где мужчины, юноши и девушки быстро организовали отряд для разделки дрогги. Все, казалось, были очень рады. Мясо дрогги, заключил Уолли, являлось для этих людей деликатесом. Теперь он тоже мог претендовать на свою долю.

Мими отправилась с отрядом, и Джек, сославшись на ушибленную спину, вынужден был принести извинения за то, что не может сопровождать ее. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Присев в тени хижины, он решил попробовать сам — а вдруг получится?

Джек подыскал деревянную палочку и аккуратно уложил ее на землю. Ему очень понравился нож Друбала — тот, которым старый охотник рассек лиану. Нож этот, кувyrкаясь, скрылся в лесной чаще, и Друбал не стал утруждать себя поисками. Уолли догадывался, почему.

— О Пи-Айчен, — начал он нараспев, сложив вместе ладони и направив большие пальцы вверх, а остальные — вниз. — О, Пи-Айчен, молю Тебя, подари мне нож. Острый нож, такой же, как тот, что Ты сотворил для Друбала, царь ножей, какой лишь Ты один, о Пи-Айчен, способен создать.

Он посмотрел вниз.

Копия ножа Друбала лежала на земле, где еще мгновение назад был лишь кусок дерева.

Джек медленно поднялся, затем схватил нож — и в его потную ладонь вонзились острые иголки холода. И тут он просто заплясал на месте.

Он смеялся. Он хохотал. А затем, ослабев, привалился к стене хижины и позволил приступу безудержного веселья окончательно взять верх.

Подумать только, что он сможет сделать с этим даром!

Грубый макет, молитва — и вот желанный предмет уже лежит у вас перед носом.

Волшебство.

Джек вытер глаза и сам удивился этому сомнительному слову.

Действительно ли это было волшебством? Или нож исчезнет, лишь только спрятанные где-то зеркала повернутся в другую сторону?

Он не мог придумать способа, как это проверить, не совершая богохульства в отношении Пи-Айчена, а последнего ему уж никак не хотелось. Бог знает, что могло случиться. Нож постепенно согрелся и оказался точно подогнанным по руке. Принимай вещи такими, какие они есть, — это всегда являлось девизом Джека, а тем более теперь, когда момент для смены жизненной философии был совершенно неподходящий.

Молодой человек, который хотя бы немного прожил в среде высокоразвитой межзвездной цивилизации, автоматически ищет решения всех своих проблем при помощи науки и техники. Люди типа Уолли неспособны рассматривать волшебство как нечто обладающее реальной силой. Они могут рассуждать о волшебстве или даже где-то в высших мозговых центрах пытаться проанализировать его, но внутреннее ощущение абсолютной правоты научного знания никогда не позволит им всем сердцем поверить во что-то, выходящее за рамки все тех же научных догм.

Плавно покачивая бедрами, подошла Мими. Ее кисти и запястья были красными от крови, а спокойное чужеземное лицо излучало тот же внутренний свет, что запомнился Джеку у Дианы Даркстер. Мими улыбнулась Уолли, и он неуклюже подполз к ее ногам.

— Сейчас принесут нашу половину дрогги, Джек. Вечером будет большой праздник.

— Ты же знаешь, Мими, я чужой для вас. Я не настоящий керимец.

— Мы не спрашиваем людей, откуда они, — тихо ответила девушка, отмывая руки у большого ведра за дверью. — Главное, какой ты сейчас.

— Ладно... Но скажи мне тогда, а почему вы не попросите Пи-Айчена дать вам пищу, вместо того чтобы ходить на охоту?

Она мягко рассмеялась тем низким печальным смехом, который вообще был характерен для Бездомных.

— И таким образом лишим мужчин удовольствия от охоты?

К этому трудно было что-либо добавить.

— Ты хочешь сказать, им нравится убивать?

Мими бросила на него быстрый взгляд, и ее черные волосы упали на лицо, так что на мгновение Джеку показалось, будто она наблюдает за ним из-за укрытия.

— Нет, Джек. Нам не нравится убивать. Сегодня мы предоставили это Зеленым Братьям, а сами лишь проследили, чтобы они не взяли себе больше, чем было условлено. Но ведь охота... в ней есть нечто захватывающее.

— Это я понимаю, — Уолли с отвращением вспомнил недавнюю охоту, добычей в которой был он сам. Теперь-то главный инженер и его смертоносная монтировка были лишь частицами пыли, рассеянными в межзвездном пространстве...

Это воспоминание повлекло за собой и другие мысли. Джек с интересом взглянул на Мими. Она стояла, приглаживая руками волосы, и ее белая кожа нежно поблескивала на фоне густых темных прядей. Оранжевое платье, дразня, повторяло очертания фигуры.

Уолли подобрал в пыли дюжину камешков, быстро сложил их в ряд и добавил стебельков травы. Затем, внезапно осознав, что Мими может смотреть на него сбоку, он спешно захлопнул приоткрытый рот и почувствовал себя дураком. Но ее взгляд был устремлен прочь. Она последний раз провела рукой по волосам и скрылась в хижине. Уолли мог слышать, как она загремела там горшками и кастрюлями. Значит, и она тоже могла слышать его, а он вдруг почувствовал, что ему совсем не хочется, чтобы до ее ушей случайно донеслись те слова, которые он собирался произнести.

Придав рукам нужное положение, он заговорил тихо и торжественно:

— О Пи-Айчен, подари мне ожерелье, прекрасное и сверкающее, богато украшенное драгоценными кам-

нями, ожерелье, подходящее для белоснежной шен королевы, такое ожерелье, какое только Ты один, о великий и могущественный Пи-Айчен, можешь создать.

Камни послушно преобразились. На сей раз Уолли внимательно следил за ними. Сперва камни и травинки слегка затуманились. Потом на них заиграли какие-то цветные блики, контуры расплылись, сделались неясными, и вот — перед его глазами возникла нитка из драгоценных камней, за которую на Бонд-стрит можно было бы выручить состояние, достойное королевы всей планеты.

Он взял ожерелье, и холод камней вновь заставил его вздрогнуть.

— Ух ты! — воскликнул Джек, и в его глазах заблестели алчные огоньки. — Если бы это можно было забрать на Землю!

Некоторые драгоценные камни он определить не мог, в других же узнал рубины, изумруды, бриллианты, аметисты и беллахрониты — сокровища со всех концов галактики. Он пропустил нитку сквозь пальцы, согревая ее и любуясь разноцветными искорками, вспыхивавшими вокруг граней в теплом вечернем воздухе.

Мими приоткрыла рот в восторженном изумлении.

— Ах, Джек! — Она взяла ожерелье, и ее тонкие пальцы коснулись руки Уолли, заставив его вздрогнуть. — Это мне?

— Ну, конечно же, моя звездная куколка!

Земные эпитеты вполне годились и для керимских девушек.

Она надела ожерелье через голову. Драгоценные камни засияли у нее на груди, словно язычки пламени.

— Спасибо, Джек. Они просто чудесные! — Мими мягко наклонилась вперед и поцеловала его своими нежными пухленькими губками.

У Джека закружилась голова.

Да, она была чужая, и все же в ней было что-то общее и с Еленой из Трои, и с Клеопатрой, и с соседской девушкой на далекой родине.

Уолли положил руки на спину Мими и привлек ее к себе, как вдруг снаружи раздался голос Друбала:

— Привет всем! Есть тут кто-нибудь?

Они оба вскочили, и краска очаровательно залила щеки Мими. Уолли почувствовал холод на лбу и вытер пот. Не глядя друг другу в глаза, они вышли наружу. Друбал поставил на пол массивный тюк, обернутый глянцевыми листьями и перетянутый стеблями лиан. Снимая эту штуковину с плеч, он что-то ворчал себе под нос. Из угла красными капельками сочилась кровь.

— Вот! — сказал он с глубоким удовлетворением. — Нам достался левый бок!

— Ах, отец, как это замечательно! — Мими оглянулась, затем выхватила нож из-за пояса Уолли и набросилась на тюк. — Все по справедливости! Вы поймали дроггу, значит, вам и принадлежит лучший кусок! А то я уж не могу и вспомнить, когда последний раз пробовала жареное сердце дрогги!

Она принялась разрезать веревки.

Бедный Джек Уолли! Он гордился своим умением твердо и уверенно вписываться в новые условия жизни, но при этом оставался всего лишь юнцом из предместья, вскормленным консервированным мясом. Сердце на обед — это было для него чересчур. А тем более сердце размером с колесо грузовика...

Он почувствовал, как у него комок подкатывается к горлу.

— Извините! — заикаясь, промямлил Уолли и, придерживая рот рукой, скрылся за углом.

О, стойкий Джек Уолли!

Крутой парень Джек Уолли, не переносящий вида вареных сердец и извергающий из себя свое собственное!

В эту ночь большие костры бросали вызов темноте, обильный целебный жир пузырился в котлах, толстые сочные куски поджаривались, заставляя слюнки течь в предвкушении удовольствия, и небесные ароматы возносились к звездам. Мужчины и женщины Керима забыли на время о том, что они Бездомные, и расселись поудобнее, поблескивая зубами и набивая щеки в свое удовольствие. Капли жира, сверкая, стекали у них по щекам.

Юноши скинули с себя всю одежду, оставшись в одних набедренных повязках, и ходили гоголем, топоча ногами, вздымая пыль и потрясая копьями.

Девушки, разукрашенные бусами и перьями, плясали, водили хоровод, пели и хлопали в ладоши. Чудесные золотые колокольчики на их стройных лодыжках позвякивали в такт движениям, будоража кровь.

А Джек Уолли сидел в тени хижины, куда не проникали красные отраженные отблески пламени, не глядя жевал мясо и думал о Мими, Мэйзи д'Анджело, Диане Даркстер и обо всех остальных, стараясь при этом — о, как же он старался! — не вспоминать о дроге, часть которой он в данный момент поглощал.

Тайна керимов больше ничего не значила для него. Они были чужими, а ему чужие всегда нравились, и он ладил с ними, а когда возникали какие-то трения, чувствовал свою вину больше, чем если бы это были земляне. Так что данное обстоятельство никоим образом его не смущало. Мими была девушка что надо, и он желал ее. У нее не было матери, которая могла бы наставлять ее, но осторожный и предусмотрительный Уолли понимал, что Друбал, заботясь о внуках, станет присматривать жениха для своей дочери с куда большим усердием, чем это принято в полных семьях.

Джек начал клевать носом. У него был тяжелый день. Лодыжки все еще болели. Спина не отставала от них. Он тяжело повалился на бок, и жирный кусок мяса выпал у него из рук.

Изящная фигура, грациозно пританцовывая, ступила в тень хижины. Бусы и золотые колокольчики звенели согласно и мягко, перья призывно шелестели.

Отблески костра скользили по стройному телу, и белая плоть тепло окрашивалась румянцем. Никакое оранжевое платье не скрывало более того, что находилось под ним. Темные глаза, хранящие глубокую тайну, слегка приоткрытый рот с пухлыми губками, живое, исполненное юношеской любви тело... Мими танцевала перед Джеком Уолли.

Но голова Уолли упала на грудь, и из его полуоткрытого рта доносился храп, похожий на бульканье воды в котле.

Другая фигура присоединилась к Мими — гибкая, сильная и ловкая, в набедренной повязке, туго натянутой под плоским животом, и с мощной, словно литой, грудной клеткой. Молодой, мужественный атлет.

Смех, хихиканье. Прикосновение рук. И две танцующие фигуры исчезли вместе — бок о бок, тесно прижавшись друг к другу.

А Джек Уолли — бедный, ограбленный Джек Уолли — спал.

VI

— Но я думал, что Пи-Айчен — это ваш Бог...

— Тут нет никакой разницы, так что слова твои граничат с богохульством, парень! Попридержи язык.

Джек поспешно проглотил очередной кусок и еще усерднее заскреб ложкой в котелке Мими. Кружок остывшего пепла в лучах утреннего света навевал уныние, как символ разбитых надежд.

— Религия восхищает меня, — лгал Уолли, — но я взял за правило никогда не обсуждать этого с посторонними. Мы чужие друг другу, Друбал?

Друбал последний раз любовно вытер свой арбалет промасленной тряпкой.

— Нет, Джек, — ответил он очень серьезно. — Чужих не бывает. Мы не задаем вопросов...

— Вы извлекли меня из разбитой спасательной шляпки...

— Этого я не понимаю. Мы нашли тебя возле груды металла и странных приборов.

— Почему тогда вы не хотите проводить меня туда? Если нет никаких религиозных запретов...

— Когда придет время, ты узнаешь нашего Бога. Что же касается кучи разломанного хлама, которую ты называешь спасательной шляпкой, то Пи-Айчен взял ее к себе.

— Вы хотите сказать, что все пропало?
— Конечно. Ничего не остается ржаветь понапрасну.
— Понимаю. — На самом деле он ничего не понял, но расспрашивать Друбала об этом, видимо, было бесполезно.

Голова Уолли раскалывалась, хотя он и не пил спиртного накануне вечером. Мими еще не появлялась из своей половины хижины, отделенной занавеской. Джек прикидывал, не следует ли ему сотворить еще какой-нибудь подарок — скажем, браслет, или парочку браслетов — и тогда попробовать начать все сначала. Только этим утром до него дошло, что он накануне просил Пи-Айчена сотворить браслет, не произнося вслух ни слова, — данное открытие могло впоследствии очень пригодиться.

— Пи-Айчен дает, и Пи-Айчен берет. Таков непреложный закон нашей страны.

— Простите... но... Вам известно, кто такой Пи-Айчен? Я хочу сказать... — Уолли внимательно следил за выражением лица бородатого Друбала. — Я ничего не знаю и нуждаюсь в помощи. Разве вы откажете мне в этом?

Друбал аккуратно положил арбалет на подстилку из листьев и приступил к осмотру стрел. Не глядя на Уолли, он ответил:

— Пи-Айчен существует давно. Он дает нам все, о чем мы просим, если мы не нарушаем его законов. Но есть вещи, которые он не дает. Он не дает живых существ или существ, которые теперь мертвы, но когда-то были живы.

«Значит, танцующих девушек от него не допросишься», — разочарованно подумал Джек и почувствовал себя одиноким.

— И никто, — произнес он вслух, стараясь говорить как можно спокойнее, — не знает, как Пи-Айчен творит эти чудеса?

— Какие чудеса ты имеешь в виду, Джек?

— Как это, какие чудеса? Стоит только помолиться, и появляется все, что ты пожелаешь. Разве это не чудо?

Друбал выглядел искренне озадаченным.

— Нет, Джек. Так было всегда.

— Ну, тогда я сдаюсь.

— Старые мудрецы однажды рассказывали мне, что когда-то в треугольной серебряной башне жил некий человек, который знал о Пи-Айчене больше, чем кто-либо из живущих. Он мог просить Пи-Айчена о чудесах, которые находятся за пределами нашего понимания, и получал их. Говорят, он был человеком странным и угрюмым.

— Это звучит интересно. А мудрецы не поведали вам, где он жил?

— Нет. Им удалось узнать лишь, что он жил в краю черных валунов и серебряных перьев — там, где царит вечная мгла и звучат оглушительные раскаты грома.

Разноцветная занавеска, отделявшая половину Ми-ми, заколыхалась, и белая изящная ручка высунулась наружу. Уолли встал.

— А им было известно его имя, Друбал?

— Имена — это большая ценность, Джек. Каждое имя — словно кристалл, исполненный света и смысла и даруемый при рождении, как святыня, каждому мужчине и каждой женщине... — Он замолчал и на мгновение замер в позе, которая выдавала сильную усталость и тоску по нормальной жизни. — Не обращай внимания на нашу печаль — она всегда с нами, и мы часто вынуждены задумываться об этом... Нет, Джек, у того человека не было имени, которое отличало бы его от других, разве что... — Он заколебался.

— Да?

— Прости, что я так грубо обошелся с тобой тогда. — Друбал упорно пытался ускользнуть от настойчивых расспросов Уолли. — Но ты чуть было не выдал мое имя Зеленым Братьям, этим Шепчущим Колдунам. И хотя Друбал вовсе не есть мое настоящее имя, а только псевдоним, данный мне после того, как истинное имя было произнесено лишь однажды при моем посвящении, Шепчущие Колдуны способны воспользоваться даже этим.

— Вы собирались рассказать еще что-то о человеке из серебряной башни. Забудьте о том происшествии. Я больше не обижаюсь.

Мими уже полностью отдернула занавеску, но, стоя в тени, продолжала оставаться невидимой.

— Мудрецы обычно называли его Хранителем. Это имя, очевидно, имело к нему отношение, но не являлось его собственным. Кем он был и что охранял, остается только гадать.

— Может быть, он охранял Пи-Айчена?

Друбал от души расхохотался, давая понять гостю, что никогда не слышал подобной глупости.

— Рассказывай эту чепуху кому-нибудь другому, парень. Простые смертные охраняли Пи-Айчена! Да для чего, скажи на милость, Пи-Айчену могла понадобиться такая охрана?

Уолли кивнул и отодвинулся назад, стараясь не смотреть в темноту, где Мими расчесывала волосы, готовясь покинуть свою комнату. Она проснулась в это утро позже обычного, но Друбала данный факт, похоже, не волновал. Джек хотел отправиться в лес, и только бессвязные воспоминания Друбала удерживали его. Наконец тот собрал свои стрелы.

— Что ж, вполне резонно, Друбал. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы уйти — у меня есть кое-какие дела.

И он направился к выходу — не слишком поспешно, но в то же время и достаточно быстро, чтобы успеть дойти до двери и выскочить на ведущую к лесу тропинку прежде, чем Мими появится в лучах солнечного света.

Он не хотел столкнуться с ней лицом к лицу этим утром, не обдумав все хорошенько еще разок.

Прошлой ночью он жаждал встречи с ней с таким трепетным пылом, какой сам же бы высмеял еще несколько месяцев назад. Он, Джек Уолли, первый ловелас во всей галактике, дрожал от возбуждения, ожидая встречи с какой-то чужеземной деревенской девчонкой. Да к тому же и не дождался, проснувшись с первыми лучами солнца распростертым прямо на земле, совершенно разбитым и с одеревеневшими конечностями.

А ведь он накануне не брал в рот ни капли.

Теперь Джек устало брел по лесу, обуреваемый разнообразными мыслями.

Он подыскал полянку, где блестящие листья окружали его со всех сторон, а деревья образовывали некое подобие изгороди.

Везучий Джек Уолли!

С помощью примитивных макетов и кратких заклиний он мог собрать богатство, способное насытить самую алчную утробу, мог творить золото из свинца, великое из малого, мог волшебством воплощать в реальность все праздные детские мечтания и щедро вдыхать жизнь в схоластические построения алхимиков.

О, воистину везучий Джек Уолли!

Камни, палки, листья, веточки, пыль — дрожа от страстного желания, он сгреб это в кучу и уставился на нее. Каждая ничтожная былинка казалась ему окутанной розовыми облаками, предвещавшими грядущее великолепие вожаемой им вещи.

Вон тот круглый камешек — что это, если не наручные часы с радиевым источником, показывающие время и даты на пятидесяти планетах, а также систему времен года там, где она есть? А эта веточка — алмазная булавка для галстука! Алмазная? Да нет же, стоит только захотеть и там окажется любой из целой сотни драгоценных камней — булавка с беллахронтисом, булавка с... Вам запонки, сэр? Сию минуточку... пара комочков земли, пучок травы... А вот и украшения для моей дамы — подвески, кулоны, кольца, ожерелья, диадемы... Ах, как славно будет выглядеть Мими в диадеме, сверкающей в дымчатой мгле поблескивающих, словно вороново крыло, локонов! Автомобиль? Нет ничего проще — четыре валуна и поваленный ствол. Одежда? Все листья леса сгруппировались и вздыхают, с тревогой ожидая послушного превращения в шикарные одежды для важных особ.

Дьявольски везучий Джек Уолли!

Он сидел, уставившись влажными глазами на кучу своих палочек и камешков, листьев и веток, и видел перед собой все сокровища галактики.

Но в первую очередь — еще до того, как начнется благопристойное действо по сотворению восхитительной груды несметных богатств, и до того, как осуществятся все желания его сердца, — в первую очередь

надо было покончить с сухой деловой частью. Ибо Джек Уолли — сладко пахнувший фиалками Джек Уолли — вовсе не забыл о сложности своего положения.

Он быстро сложил из четырех веточек квадрат, бросил туда несколько камешков и художественно расположил их, стараясь по мере возможности воспроизвести схему, которую видел когда-то лишь мельком, витая мыслями совсем в другом месте.

Затем он соединил ладони вместе, большие пальцы обратил к звездам, остальные направил вниз и сосредоточился.

— О великий и могучий Пи-Айчен, — мысленно затянул он. — Пи-Айчен, дарующий человеку исполнение всех его желаний, дай мне межзвездный передатчик — широкополосный, со сверхмодуляцией, на транзисторах, с автоматическим сетчатым локатором, сверхмощный, с годичной гарантией или денежной компенсацией в случае поломки... — Последнее прозвучало смешно, и он было запнулся, но затем снова продолжил: — О, Пи-Айчен, Единый и Неделимый, подари мне сейчас межзвездный передатчик, чтобы я мог говорить со своим собственным народом.

В приятном томительном ожидании Уолли уставился на прямоугольник из веточек и камешки.

Но куда же делась неясная дымка? Где серебристый туман, где игра цветных бликов? Когда же наступит превращение?

На этот раз нетерпение подвело его. Джек пристально всматривался в разложенные перед ним предметы, страстно желая, чтобы передатчик наконец появился во всем великолепии своей блестящей хромированной отделки.

Ветки и камни лежали как ни в чем не бывало.

— Появись! — упрашивал он.

Ветки и камни.

— Эти палки и камни могут переломать мне кости, если удача от меня отвернется! — проворчал Уолли.

Он попробовал снова. Он пытался добиться этого всеми возможными способами. Он произносил слова вслух, он использовал грубую лесть, он становился на колени и умолял. Он сконструировал трехмерный

ящик и поместил камни там, где, по его расчетам, должны были находиться транзисторы, катушки и дроссели. Он набросал листьев, имитируя печатные платы. Он начинал снова и снова и, наконец, опустился на корточки в изнеможении.

О, несчастный Джек Уолли!

Он уныло разглядывал кучи лесного мусора, которому вскоре предстояло превратиться в богатства, достойные властелина мира. Какой прок в них был теперь? Ведь он застрял здесь. Застрял крепко и безнадежно в золотоносных жилах чужой планеты и уже никогда не сможет выбраться... никогда... никогда.. НИКОГДА...

Он легонько пнул ногой модель передатчика.

Палки обрушились, оставив на земле лишь хаотическое нагромождение листьев, камней и грязных веток.

Что ж... Он глубоко вздохнул, небрежно разложил камешки и траву и мысленно, с небрежной резкостью, произнес:

— Эй, Пи-Айчен! Преврати эту чепуху в прекрасную диадему, если, конечно, сможешь! И постарайся сделать это лучше!

Камни и трава послушно исчезли, уступив место холодным как лед, искрящимся огоньками и сказочно прекрасным драгоценностям — диадема вполне годилась для коронации императрицы.

Он подхватил сверкающее чудо, нахлобучил его на голову и исполнил дикую пляску со вскидыванием рук в воздух, топанием ногами и разбрасыванием груд драгоценных камней, прекрасных ювелирных изделий, одежд и прочей роскоши — вполне реальной, но до времени заключенной в грубые оболочки веток, камней и листьев.

— Бедный старина Уолли! — захныкал он сначала про себя, а затем, заливаясь горячими слезами ужасного разочарования, жалобно заголосил вслух: — Бедный старина Уолли!

Вдруг какое-то движение в лесу привлекло его внимание. Джек мгновенно замер, оборвав безумную пляску отчаяния, и схватился за ветку, чтобы не потерять равновесие. Стрела со звоном впилась в

ствол дерева, образовав гипотенузу между его рукой и основанием ветки.

Во рту появился пресный вкус пыли, и он сплюнул, чуть-чуть приподняв голову от земли и стискивая руками мертвые листья и прочие образцы несостоявшегося богатства. Он не помнил, как плашмя падал лицом на землю. Он успел заметить лишь стрелу, ударившую в дерево, а в следующее мгновение пыль уже лезла прямо в его приоткрытый рот.

Проворный Джек Уолли...

Оказавшаяся под рукой расщепленная палка напомнила ему...

«Дротик, Пи-Айчен, и побыстрее!» — злобно подумал он. Холод древка обжигал пальцы, но Джек сердито стиснул его и приподнялся, высматривая сидящего где-нибудь на корточках Зеленого Брата, на которого он смог бы выплеснуть свой гнев, разочарование и страстное желание мести.

Зеленые Братья получили свое прозвище не только за зеленоватый оттенок кожи — в лесу они чувствовали себя как дома и умели подкрадываться совершенно незаметно, молчаливые и беспощадные.

Джек осторожно пополз вперед. Вдруг что-то уперлось ему в лоб, он тихонько вскрикнул и сделал наугад яростный выпад дротиком вверх. Его удар пришелся в пустоту, дротик выскользнул из пальцев и с шумом рухнул на землю. Диадема залихватски съехала на нос.

— Тьфу, черт! — выругался Уолли. Он сдернул диадему с головы и собирался было выбросить ее, но, передумав, сорвал с дерева лист, приложил его к своему зеленому мешковатому балахону на уровне поясницы и мысленно произнес: — Карман, Пи-Айчен, будь ты проклят! Карман, чтобы положить эту штуковину!

Он сунул диадему в карман и пополз вперед за дротиком.

Затем, осознав, что Зеленые Братья уже ушли, он подумал об арбалете и выругался, когда ничего не получилось. Свирепо скрутив из веток макет, он сосредоточился снова, после чего привстал на одном

колене и, стиснув арбалет, огляделся вокруг, подыскивая цель.

О, коварный Джек Уолли!

Когда он, неуклюжей походкой, волоча по земле копье, с лицом, перекошенным от тщетных усилий придать себе беззаботный вид, возвращался в деревню, его одолевали мучительные мысли о собственной ничемности. Но, как бы ни складывались обстоятельства, он должен сохранять бравый вид перед лицом окружающего мира — не важно, своего или чужого — и не позволять собственным неудачам исказить тот образ, который, как он полагал, ему соответствовал.

Мими вынырнула из хижины с миской пудинга и, заметив его, расхохоталась.

Уолли угрюмо уставился на нее, и что-то в глубине его души шевельнулось, когда он увидел белый треугольник шеи, вздрагивавший в такт с приступами звонкого смеха. Ее лицо поплыло у него перед глазами. Уронив арбалет, Джек выхватил миску с пудингом из ее рук и поволок девушку в хижину.

Она перестала смеяться, и веки ее полускрылись.

— Джек? Джек... Что случилось?

Дротик со стуком шлепнулся на пол. Он вытащил диадему и бережно водрузил на облако блестящих волос.

— Вот, моя белоснежная лилия! Ты выглядишь потрясающе!

Она взглянула в пятнистое зеркало, висевшее на стене.

— Как мило, Джек, — сказала она, прихорашиваясь. — Ты и вправду научился заставлять Пи-Айчена делать замечательные украшения!

Да уж, на этой планете не было тайн.

— Рад, что тебе понравилось, мой звездный цветок. А где Друбал? — Последнее прозвучало вполне невинно.

— Отправился в лес. Он вернется не скоро.

— Добрый старый Друбал, — нежно заметил Уолли.

На сей раз ему хотелось только одного. Джек осознавал это и понимал, почему именно сейчас страстное желание овладело им так сильно. Если

раньше чувство вины и боязнь отцовства сдерживали его, то теперь все это можно было отбросить, оправдывая себя чуждой биологией иных планет.

Он погладил ее рукой по щеке — нежной-нежной! — и заглянул в глаза. Губы ее дрожали.

— Я не встретился с тобой прошлой ночью, Мими. Прости меня.

Она опустила глаза.

— Я танцевала для тебя прошлой ночью, Джек. Но ты... ты спал.

Он почувствовал в ее словах упрек — нежный и призывный.

— У меня был тяжелый день... но... может быть, ты станцуеть сейчас?

— О... я не могу! Я хочу сказать, только не это... Вот так, без подготовки...

— Быть может, — немного неуверенно возразил Джек, — сегодня можно обойтись и без подготовки?.. Как ты считаешь? — Застежки ее оранжевого платья расстегнулись с прелестной услужливостью. Со вздохом и шелестом съехал лиф.

— О да, — промолвил Уолли, глубоко вздохнув и подавшись вперед. — Да, моя милая крошка, ты похожа на девушек моей планеты, только лучше...

Его дрожащие руки покоились на ее плечах. Ее лицо было обращено к нему — открытое и исполненное невинного ожидания, и это еще больше разжигало в нем лихорадку страстного желания. Он придвинулся ближе, его руки скользнули вниз...

— Джек, — зашептал призрачный голос прямо в его ухо. — Джек, ты нужен нам. Приходи, Джек. Оставь все, что тебе дорого, Джек, и приходи к нам. Ведь ты так нам нужен, Джек... Приходи, Джек... Приходи...

Он резко выпрямился, словно десяток кобылиц разом лягнули его пониже спины.

Руки его мгновенно слетели со сверкающего белозной тела возлюбленной и вытянулись по швам.

По лицу его скользнуло злобное выражение, а затем взгляд стал равнодушным и пустым.

Дьявольский голос продолжал нашептывать в уши:

— Ты же отличный парень, Джек. Приходи! Иди к нам! Оставь все, чем владеешь, Джек... Приходи к нам... Ты нам так нужен... Приходи, Джек... Джек, приходи же...

— Джек! — закричала Мими. Она бросилась на него, обвивая белыми руками крепкое тело и прижимаясь к нему. Оранжевое платье, закрепленное на талии, волочилось по полу.

Он тупо повернулся на одеревеневших, словно механических ногах, продолжая держать руки по швам. Тело Мими, колыхаясь, тащилося за ним по земле. Джек направлялся к двери. Платье зацепилось за его ноги, потянулось вперед и порвалось. Затем и Мими с диким отчаянным воплем отлетела в сторону.

— Джек! — закричала она, лежа на полу и безвольно раскинув ноги. Одной рукой она прикрывала грудь, а на другую пыталась опереться, чтобы встать. — Джек! Остановите же его, кто-нибудь! Остановите его!

Но Джек слепо шагал прочь от хижины. словно запрограммированный робот, он ступал по деревенской пыли, направляясь к зеленому лесу.

Мужчины и женщины выбегали навстречу и останавливались, пристально глядя на него и перешептываясь. Мими в развевающихся обрывках платья выскочила из хижины и в отчаянии пыталась пробиться сквозь толпу зевак, бессильно размахивая руками...

— Джек!..

— Ничего нельзя сделать, Мими... Ничего!

— Мы можем связать его...

— Ты же прекрасно знаешь, что это не поможет! Ты только обречешь его на медленную смерть — он задушит себя, пытаясь вырваться из пут. Дай ему уйти... Бедный Джек Уолли... — Джек!

— Приходи к нам, Джек... Ведь ты так нам нужен... Оставь своих друзей, оставь свой дом — мы будем твоими новыми друзьями и твоим новым домом... Приходи, Джек... Приходи к нам... Скорее, Джек... Скорее... Приходи, Джек, приходи...

— Вернись назад, Джек!

— Оставь его, Мими! Ты не сможешь ничего сделать!

— Пусть он идет, Мими... Шепчущие Колдуны завлекли его своими чарами, и ты не в силах вернуть его...

— Шепчущие Колдуны...

— Зеленые Братья...

— О мой Джек... Уходит... Уходит навсегда!

— Не останавливайся, Джек... Скорее, мы так ждем тебя... Приходи к нам, Джек...

— Джек!

Бедный Джек Уолли.

VII

Бифштекс с картофельным пюре и зеленым горошком...

Новенькая с иголки белая рубашка, только что вынутая из пластикового мешка...

Первая порция виски за вечер...

Фиалковые глаза девушки, широко раскрытые от внезапно постигнутого наслаждения...

Ничего из области духа — Шепчущие Колдуны манили к себе только чувственными удовольствиями.

— Оставайся здесь, Джек, и вкуси покой...

Вытаращенные глаза Уолли заморгали, и он снова обрел способность видеть.

— Мими... — начал было он, но осекся и закрыл рот, не в силах поверить тому, что видели его глаза, тому, что почувствовали спина, руки и ноги.

Клетка была сконструирована весьма искусно. Прутья решетки допускали регулировку по ширине и высоте, так что в данный момент ее размеры были подогнаны как раз по фигуре Уолли. Он не имел возможности ни встать во весь рост, ни присесть и вынужден был оставаться в неестественном скрюченном положении, постоянно ощущая нарастающие мучительные боли в мышцах. Время от времени очередная мышца, не выдержав напряжения, судорожно

сокращалась, и тогда он резко ударялся головой о деревянные прутья верха клетки.

Крайнее неудобство положения заставило Джека наконец поверить, что чувства его не обманывают.

Но ведь еще недавно он был в хижине с Мими — теплой, нежной и уступчивой Мими — так что же случилось? Он не мог поверить, что Друбал способен на такие крайности.

Его взору представилась маленькая, но угрожающая крепкая фигурка, и Уолли все понял. Зеленый Брат стоял рядом, посмеиваясь над пленником. Джек пригнул голову и, пытаясь выглянуть из клетки, неистово завертелся, словно механический агрегат, работающий на пределе своих возможностей. Около двух десятков Зеленых Братьев обступили его кольцом — маленькие странные человечки привстали на цыпочки, вытягивали шеи, зевали и весело болтали друг с другом. В центре круга на вкопанном в землю столбе торчало набитое соломой чучело, имевшее некоторое сходство с Уолли.

Они услышали его имя, когда он кричал в лесу, задыхаясь от бессильной ярости, а потом пошли домой, изготовили этого проклятого соломенного идола и зашептали свои парализующие разум заклинания, которые и привели его сюда.

Этими шепотами они приволокли Джека Уолли, как сопливого телка на поводке...

Какое унижение!

Зеленый Брат просунул между прутьями длинную палку и ткнул Уолли под ребра.

Зеленую одежду у Джека отобрали, и он сидел в клетке совершенно голый. Палка впилась ему между ребрами так, что он вскрикнул.

— Эй! Тебя что, Нарбошник Кейвз попутал?

Это выражение Джек как-то раз слышал от одного мужчины из деревни, когда жена того нечаянно уронила в огонь чан с пищей. Присутствовавшая при этой сцене Мими густо покраснела.

— Значит, ты уже проснулся. Хорошо, — продолжал Зеленый Брат не терпящим возражения тоном. — Веди себя прилично, и все будет в порядке, Джек.

— Пропади ты пропадом, — отозвался Уолли.

Они принесли ему глиняную миску с жидкой кашей и швырнули обгрызенную хлебную корку... Руки Уолли не были связаны, но после того, как он провел ночь, скорчившись в клетке, униженный и беспомощный, он не то что бежать — даже просто ходить был не в состоянии. Зеленые Братья явились за Джеком на рассвете и погрузили его, будто мешок, между двумя маленькими пятнистыми тварями, от которых несло, как от козлов. Руки и ноги Джека бессильно свисали, тело раскачивалось, словно воздушный шар на шесте.

Маленькая процессия отправилась в путь через зеленый лес, и сжатый в комок Уолли последовал вместе с нею.

Джеку стоило большого труда ни о чем не думать. Живой, деятельный ум, всегда активный и изворотливый, и теперь не позволял ему вот так просто смириться с обстоятельствами. Переход через лес, монотонное раскачивание клетки казались бесконечными, и его мучения, раскручиваясь, словно по спирали, постепенно переходили от сине-черных укусов боли к огненно-красным вспышкам смертной агонии. Вот наказание. О, какое же это было наказание для бедного Джека Уолли!

Около полудня Зеленые Братья устроили привал, во время которого было организовано настоящее пиршество — они жарили на трескучем огне части мясной туши и жадно запивали еду освежающим напитком из больших фляг. Уолли они удостоили миской жидкой каши и очередной обгрызенной коркой. Он выпил кашу и проглотил почти всю корку раньше, чем успел что-либо подумать.

— Пирогов с гнилой собачатиной вам в глотку! — пробормотал он, дожевывая последние крошки.

Джек по-прежнему сидел нагишом, и руки его оставались свободными. Прутья деревянной клетки, в которую его затолкали, были очищены от коры. Они выглядели абсолютно гладкими и неподвижными, а скреплявшие их веревки были пригнаны настолько плотно, что уцепиться было совершенно не за что. Если не считать его самого, в клетке больше решительно ничего не было.

Даже если бы Джек смог бы выбраться на свободу, — а теперь, когда скудная пища слегка подбодрила его, он был совершенно уверен, что сумеет сделать это, стоит только захотеть, — его скрученные узлом мышцы отказались бы повиноваться приказам мозга до тех пор, пока не прошел бы достаточно долгий и блаженный период их обратного распутывания и распрямления. Его скатали в шар и заперли, словно свинью перед убоем, так что простой выход наружу всех проблем не решал.

Сквозь пелену перед глазами он видел, как новые Зеленые Братья, двигаясь своей зловещей медленной рысью, совсем непохожей на свободную походку обычных людей, вихляя бедрами и пританцовывая, присоединились к его мучителям. С ними прибыло еще четверо скрученных в шары и запертых в клетки пленников.

Пока растянувшаяся процессия медленно двигалась по тайным лесным тропам, Уолли оставалось только разглядывать своих новых товарищей по несчастью, хотя они его совершенно не интересовали и никакой пользы в их присутствии он не видел. Все мысли Джека были заняты решением только одной неотложной проблемы — как быстро вернуть подвижность мускулам.

Двое из пленников оказались юношами с сильными смуглыми обнаженными телами. Их жилистые ноги были неестественно подогнуты, темные волосы путались в прутьях решетки, а на бледных лицах застыло унылое и скорбное выражение.

Третий пленник выглядел старше — это был мужчина средних лет с копной торчавших во все стороны черных волос, покрытый шрамами, сверкавшими на его мускулистом теле подобно белым клыкам, и широким лицом, искаженным злобой и ненавистью. Уолли решил, что на него можно будет положиться, если решающий миг когда-нибудь настанет. Этот мужчина беспрестанно ворочался, напрягая то одну, то другую группу мышц и шевеля руками и ногами, насколько упругие прутья решетки позволяли это сделать. Уолли попытался последовать его примеру, но острая боль пронзила сведенные мышцы и он начал судорожно

хватать ртом воздух. Все же Джеку была понятна мысль этого упрянца, и он стал пробовать еще и еще раз, принуждая зажатое со всех сторон тело одолевать собственные мышцы.

Четвертым пленником была девушка. Длинные темные волосы скрывали большую часть ее белого, в кровоподтеках, тела, неестественное положение которого казалось совершенно неподходящим для женщины, тогда как мужчины, скрюченные аналогичным образом, смотрелись скорее смешно. Уолли не мог видеть ее лица. Когда процессия изгибалась на поворотах тропинки и похожие на козлов пятнистые животные сбивались вместе, до него доносился непрекращающийся тихий стон — горькое, жалобное всхлипывание.

Помещение в такую клетку мужчины, подумал Уолли, значило лишь унижение его достоинства, но подобный поступок в отношении женщины превращался уже в тягчайшее преступление против самой ее природы.

Так — в спазмах мышц и онемении конечностей, в ударах и раскачивании клеток, в синяках и царапинах — и прошел день для Уолли и четверых остальных пленников. С наступлением ночи Зеленые Братья остановились на привал возле покосившейся тростниковой хижины и принялись за организацию лагеря. Джек собрал все свои силы и, ценой нескольких квадратных дюймов кожи, ободранных им о прутья решетки, сумел-таки развернуться и посмотреть на женщину. Однако ему удалось разглядеть лишь квадратный решетчатый контур клетки и скорченную белую фигуру в ней, частично прикрытую длинными черными волосами. Он пытался напрячь зрение, чтобы разглядеть ее более подробно, но очертания предметов начали постепенно размываться, черные тени заскользили словно летучие мыши и наконец наступила тьма.

Неужели это происходило наяву?

С какой неистовой и самозабвенной страстью Джек мечтал о том, чтобы очнуться от этого кошмара.

Зажженные с наступлением ночи фонари разбросали повсюду яркие пятна света и словно приподняли края

сгустившегося было мрака. Со стороны тропы послышался беспорядочный шум — приближалась новая партия пятнистых козлов, навьюченных новыми клетками со скрючившимися в них пленниками. Зеленые Братья теперь много болтали и смеялись, и звуки их шумной пирушки делались все громче. Уолли воспрянул духом. И тут его клетку грубо приподняли, а затем опустили, но уже набок — Зеленые Братья не особенно беспокоились о том, в каких позах отдыхает их живая поклажа. Им требовалось освободить место для вновь прибывших. Таким образом, Уолли оказался обращенным лицом как раз к клетке женщины и всего дюймах в шести от нее.

Он не рискнул называть ее по имени — просто на всякий случай.

— Эй, ты слышишь меня, моя звездная куколка?

Ни звука, ни движения в ответ.

— Позволь увидеть твоё личико, о солнечный цветок юга...

Длинные черные волосы всколыхнулись, голова с усилием сдвинулась, и его взору предстало злобное, морщинистое лицо с одним глазом и беззубым ртом. Хриплый голос сказал:

— Ты не мог бы заткнуть свою глупую пасть и позволить человеку хоть ненадолго уснуть?

— У, ведьма! — Уолли расслабленно осел назад, потрясенный и немало позабавленный.

Более он не чувствовал за собой каких-либо моральных обязательств.

Перед ним стояло две проблемы, одна из которых решалась при помощи тренировки и потягивания мышц. Для преодоления другой ему никак не удавалось подобрать подходящего способа, и она могла оказаться куда более трудной. Друбал мало рассказывал о Шепчущих Колдунах, так что информация, которой располагал Уолли, была весьма скудной. Единственное, что он мог сделать, это сломать клетку и попытаться заставить свое тело бежать прочь как можно быстрее и как можно дальше.

С какого расстояния Шепчущие Колдуны еще могли вернуть его назад?

Легкое движение в клетке, расположенной под прямым углом к обители ведьмы, все еще продолжавшей ныть и бормотать что-то о безмозглых тупицах, пристающих среди ночи со своими глупостями, привлекло внимание Уолли. Да понимала ли старая карга, что тут вообще происходит? Или она всю жизнь спала в клетках, скорчившись, словно сложенная домашняя туфля?

Тело человека, сидевшего в той второй клетке, резко уперлось в прутья решетки, и в мутном отраженном свете Уолли заметил две руки, крепко стиснутые ладонями вместе, с большими пальцами, обращенными вверх, а остальными — вниз. Глухой мужской голос заговорил нараспев:

— О всесильный Пи-Айчен, припадаю к стопам твоего величия! Молю Тебя, даруй мне, Твоему ничтожному и недостойному слуге, нож — хороший нож, о Пи-Айчен, такой, что лишь Ты один способен создать, отличный нож, какой только Ты сочтешь возможным даровать мне...

Уолли подумал, что Пи-Айчена, должно быть, немало веселила та манера, с какой иные обращались к нему за милостью. Этот человек, очевидно, избрал форму нижайшей просьбы. Сильный голос продолжал свою речь, моля о ноже.

И произошло неизбежное — мелькание зеленых пятен в отблеске фонарей, глухой удар палкой, пронзительный крик боли, стоны. Нож так и не зазвенел.

— Заткнись, Кроч. Пи-Айчен не благоволит к тебе.

— Недомерки! Стручки зеленые! Грязная куча вонючего дерьма! — гневно выкрикивал в ночи низкий голос.

За этим тут же последовали новые удары и новый поток проклятий, смысл которых уже не достигал сознания Уолли, поскольку он вдруг понял все значение попытки Кроча к бегству. Раз уж Кроч, человек, несомненно, разумный и знающий, что он делает, да еще к тому же и житель здешнего мира, пытался бежать, значит, побег был действительно возможен. Мысль Уолли работала лихорадочно. А вдруг — он старался не проявлять излишнюю самонадеянность —

но вдруг все-таки именно ему, Джеку Уолли, суждено было оказаться более удачливым?

Джек не знал только, какая степень сходства требовалась от модели. Он поднял руку и, стиснув зубы, вырвал из головы волос. Борода его еще недостаточно отросла для этого, да и, в любом случае, была более чувствительной. Он стал покусывать волос по всей длине, стараясь хоть приблизительно воплотить в нем идею зубчатости.

— Быстро, Пи-Айчен, — заговорил он тихим шепотом. — Поспеш и дай мне пилу, способную перепелить это дерево, — только пусть ее зубья будут не слишком велики. Мне бы не хотелось устраивать шум.

И пила — холодная, как всегда, — появилась. Джек осмотрел зубья — все было в полном порядке. Он начал с ближайшей к нему перекладки. Работать в таком стесненном положении было ужасно неудобно, но веревки и дерево легко уступали уверенно грызущему их металлу. Джек трудился осторожно, часто делая перерывы и прислушиваясь. За полчаса он перепилил все, кроме последней веревки на одной стороне — этот угол был для него совершенно недостижим, поскольку находился как раз под ягодицами. Он просто не мог дотянуться дотуда. Джек попробовал перевернуться, но только ободрал кожу. Если бы он вытолкнул боковину вверх и наружу, повалив ее на оставшийся неразвязанным угол, то наделал бы этим слишком много шума. А он был еще не совсем уверен, что сумеет скрыться во мраке до того, как прибегут Зеленые Братья. Ну нет... Исчезнуть необходимо было до того, как они заметят, что он бежал. Ведь он не имел ни малейшего понятия о том, на какое расстояние простиралась дьявольская власть их колдовского нашептывания.

Часто и тяжело дыша, Джек осел назад и пристально посмотрел в единственный глаз старухи. Она приоткрыла потрескавшиеся губы, демонстрируя одиноко торчащий зуб.

— Не пойму, как такой недотепа сумел это проделать, но если ты дашь мне пилу, я перережу оставшийся узел.

Уолли знал, что Кроч также наблюдает за ним — открыв рот, тот уставился на него словно умирающий от жажды путник на полный стакан сока.

— Хорошо, держи. — Он сунул ножовку в шестидюймовую щель.

— Хи-хи, — старая карга зашлась великолепным старушечьим смехом и тут же принялась пилить собственные веревки.

— Эй, ты, — тут же откликнулся Уолли. — Ты же обещала перерезать мой последний узел!

— Всеу свое время, малыш, всеу свое время. И побереги свою вонючую глотку — еще не хватало, чтобы сюда приперлись эти зеленокожие бездельники...

Какая несправедливость! Уолли был в бешенстве. Он вырвал из головы другой волос, скомкал его и еще раз воззвал к Пи-Айчену.

— Глазам своим не верю, о чужестранец, — тихо проговорил Кроч.

Белые шрамы на его теле маслянисто поблескивали в свете фонарей. Мускулы вздымались, когда он ерзал по клетке, сочувствуя движениям Уолли, силящегося дотянуться до последнего несговорчивого узла.

— Если будешь слишком шуметь, ты пропал, — сдавленно пробасил Кроч. — Эти мерзкие зеленые затычки для сточной трубы не простят двух попыток к бегству за одну ночь.

— Слушай ты, кривая беззубая пародия на женщину! — воскликнул Уолли. — Сейчас же отдай пилу Крочу! И без всяких шуточек, а не то, когда выберусь отсюда, я выдерну все твои крашенные волосы из башки.

Она попыталась было протестовать, но затем быстро перешла на свой обычный жалобный вой и протянула пилу Крочу. Вскоре уже все трое сосредоточенно пилили, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

С громким треском, заставившим всех нервно вздрогнуть, лопнула последняя веревка на клетке Кроча. Он опустил на землю решетчатый бок и выкатился наружу. Минут через пять он смог встать на ноги и на корточках подполз к клетке Уолли.

— Давай, друг, я помогу тебе. — Еще с полдюжины движений пилой по веревке, и Уолли оказался на свободе. Все, что он мог сделать, — это выкатиться наружу и попытаться распрямить свое тело, которое упорно стремилось свернуться обратно, словно большой складной нож.

— Сейчас... еще минуточку... и я буду в порядке... — простонал он, чувствуя, как расплавленная лава мирадами булавочных уколов захлестывает его конечности, раскаленные добела ножи пронзают тело, а прежнее биение пульса и удары крови терзают давно не использовавшиеся артерии. — Да это настоящая пытка!

— Заткни свою поганую пасть! — враждебно откликнулась старая ведьма. — Если бы хоть один из вас действительно был другом, вы бы помогли мне выбраться.

— Слушай, ты... побереги свои крашенные волосы, — с трудом выдохнул Уолли, катаясь по земле и сражаясь с жалящими его иглами.

Кроч извлек старуху из клетки и приподнял ее. Уолли мог поклясться, что ее скрученные руки и ноги с треском отрывались, когда тот выпрямлял их, заткнув ей рот ладонью.

— Нам придется взять ее с собой, а то она станет визжать на всю округу.

— Да, — согласился Уолли, пытаясь встать на ноги, которые все еще ему не принадлежали.

— Идем, друг, — Кроч подхватил его свободной рукой, и они молча направились в сторону зеленого леса. Уолли повис на нем, словно мешок. Руки и ноги его подергивались от беспрестанных электрических покалываний, а макушка головы отплясывала фанданго, словно крышка на кипящей кастрюле.

Джека мучил один вопрос.

— Как далеко, — спросил он, лязгая зубами, — как далеко должны мы уйти, чтобы Шепчущие Колдуны не смогли вернуть нас назад?

Кроч расхохотался, хотя смех его скорее походил на довольное мычание.

— Да ты еще салага, как я погляжу! Только не обижайся, пожалуйста.

— О чем ты?

— Я имел глупость позволить Зеленым Братьям подслушать мое имя, когда пошел в лес, чтобы приятно провести время с одной подружкой, — но ей хотелось еще и поговорить. Тут-то меня и сцапали. Но их колдовство действует лишь однажды. Иначе зачем, по-твоему, они держали нас в этих дьявольски мучительных клетках?

— Уф-ф! — Уолли почувствовал облегчение, не смотря на продолжающие колоть его иголки и булавки.

Кроч, несомненно, хорошо ориентировался в зеленом лесу. По мере того как кровь в его жилах начинала течь быстрее, ускорялся и ритм ходьбы — слегка согнутые ноги Кроча ступали почти беззвучно, и он уверенно обходил все препятствия — упавшие стволы, болотистые участки, свисающие лианы. Глаза Уолли слипались. Он' бы, возможно, и уснул, если бы не громкий гортанный храп старой карги, давно прикорнувшей на другом плече Кроча.

Неужели это он, Джек Уолли, самый удалой парень во всей галактике, засыпал на плече чужестранца подобно старой ведьме, заставляя того тащить себя сквозь жуткие, опасные и кишасшие насекомыми джунгли? Поразмыслив немного, он решил, что особые обстоятельства служат ему оправданием. Да и ноги его ужасно болели.

Кроч, казалось, никогда не остановится. Он как пустился в путь размашистыми шагами, так и продолжал идти все дальше и дальше. Ритм ходьбы снова начал усыплять Уолли. Джек сурово твердил себе, что, будучи мозгом экспедиции, он обязан бодрствовать и оставаться начеку. Но голова его клонилась, в глазах щипало, и он закрыл их — только для того, чтобы унять боль, разумеется, — и...

— Эй, пора бы вам обоим уже и проснуться, — весело загудел Кроч глухим басом.

— Э-э-э... Что? — пробормотал Уолли, барахтаясь, словно карась на крючке. — Кто спит? А-а, эта старая ведьма...

— Да и сам-то ты храпака давал, сынок, — огрызнулся в ответ хриплый голос. — Ишь, развалился

на спине, да еще рот разинул, будто сопливый птенец, только что вылезший из яйца.

— Я просто задумался, — холодно отозвался Уолли. Он попробовал встать на ноги, но тут же упал.

— Да ладно вам, мне не привыкать, — дружелюбно заметил Кроч. — Я тут наловил немного рыбки и развел чудный костерок, чтобы поджарить ее на вертеле. Вот, попейте пока.

Уолли не удивился серебряному кубку с чеканкой в виде оживленных охотничьих сцен. Пи-Айчен посылал свои дары даже несчастным, загнанным в зеленом лесу беглецам.

— Вода! — воскликнул он, отведав. — Ты что, не мог попросить у Пи-Айчена чего-нибудь покрепче?

Кроч отшатнулся и пристально уставился на Уолли. Они сидели на небольшой лужайке возле милого ручейка, и косые лучи солнца в ликовании раннего утра наполняли листву светом.

— Станный ты человек, — медленно проговорил Кроч. — Ты взываешь к Пи-Айчену без слов — умение, как я слышал, свидетельствующее о благородстве, хотя прежде не верил этому, — и в то же время ты задаешь безрассудные вопросы. — Он перевернул серебристую рыбу на вертеле. — Нельзя просить Пи-Айчена о пище и питье, если не желаешь быть пораженным громом и молнией. Только тот, кто находится в самой крайней нужде, может рассчитывать на милость ради поддержания жизни.

Уолли уныло подумал, что все это смахивало на недавние видения бифштекса с бутылками виски и огромной красной головки сыра. Так же как и недоступные танцующие девушки.

Поскольку теперь Джек мог руководствоваться лишь собственными пристрастиями, он выбрал себе светлую желтовато-коричневую рубашку с брюками и ощутил необычайное удовольствие, когда ладно скроенная одежда появилась перед ним — холодная, но быстро вбирающая в себя тепло тела. Кроч облачился в мохнатый плащ, который превратил его в здорового медведя, подпоясанного кожаным ремнем с бронзовыми пряжками и с висящим на боку большим

мечом в ножнах. Тут послышалось брюзжащее нытье старухи, и оба со смехом обернулись.

— Благодарю Тебя, о великий Пи-Айчен, — за-скрипела она, елозя резиновыми губами по одиноко торчащим зубам. — Беллахронтисы прекрасны, но немного... прости мне мою дерзость, о великий Пи-Айчен... немного великоваты. Такие не подойдут.

— Мужчины изумленно уставились на нее. Старуха нарядилась в богато украшенную драгоценными камнями шуршащую юбку, надела золотые нагрудники и повесила на лодыжки колокольчики — полный набор тайных приманок профессиональной танцовщицы. Живот ее сверкал белизной. Беллахронтисы, очевидно, не подошли.

— Вот что значит глаза завидующие, — с присвистом заметил Кроч.

Она обернулась к ним и сплюнула. Колокольчики, камни и украшения весело зазвенели.

— На себя посмотрите, шуты гороховые. А меня оставьте в покое.

— Да не волнуйся ты! — расхохотался Кроч. — Не трону я твои побрякушки.

— А-а, пропадите вы пропадом, — проворчала старуха и, когда новые беллахронтисы, на сей раз подходящего размера, засияли божественным светом, тут же, не дав камням согреться, ввинтила их в свой пупок. — Вот, — сказала она, позируя с раскрытым по забывчивости ртом, так что у Джека с Крочем мурашки пробежали по коже от ее зияющей улыбки. — Теперь все готово, мальчики. Ну, как я выгляжу?

— Скажи ты ей, Кроч, — торжественно произнес Уолли.

— Я? — Кроч смиренно покачал головой. — Кто я такой, чтобы возносить хвалу самой королеве крокодильего царства?

Колокольчики на ее лодыжках зазвенели на удивление мягко и мелодично. Она танцевала, так ловко вскидывая вверх руки, что браслеты выбивали нежный ритм из золотых нагрудников. Юбки взлетали, словно осенняя паутинка. Ярко сияло солнце.

— Бедное, старое, одноглазое и беззубое чудо, — пробормотал Уолли, тронутый.

Ноги выделявали пируэты на траве, колокольчики согласно звенели, юбки взмывали вверх... но вдруг нетвердые старческие лодыжки дали осечку и она упала посреди рассыпавшегося великолепия шелков и драгоценностей.

— Бедняга, — сказал Кроч. — Когда-то, наверное, она была танцовщицей.

— Что значит «когда-то», собачий сын? — Оттолкнувшись от земли худыми руками, она подалась вперед и свирепо уставилась на них, склонив голову так, чтобы мощный орлиный нос не загораживал ее единственного глаза. — Я — лучшая танцовщица Брианона из всех, что когда-либо существовали. И другой такой больше не будет.

— Я верю тебе, — сказал Уолли. Он быстро подошел к ней и, нагнувшись, взял ее за руку. — Позволь, я помогу тебе подняться.

Она посмотрела на него с недоверием, готовая выругаться сквозь зубы, затем в ее одиноком, с красными прожилками, глазу появилось необычное застенчивое выражение и она хихикнула:

— Благодарю вас, добрый господин.

— Держись теперь крепче, чучело, — посоветовал Кроч.

Уолли взглянул на старуху. Она протянула ему свою белую руку, и он помог ей встать, сам удивляясь собственной галантности. На ощупь мышцы ее были тонкими, как ниточки, но кожа оказалась упругой и гладкой. Теперь он заметил, что волосы ее были окрашены в черный цвет лишь поверхностно — у основания виднелись белокурые корни. Значит, она не такая уж старая и седовласая, как он думал.

Вот только зубы...

— Разве ты не можешь попросить Пи-Айчена наделить тебя новыми челюстями?

— Пи-Айчен, дорогуша, дарит только мертвые вещи, и тебе это хорошо известно.

— Я имел в виду нечто другое... Вовсе не обязательно отращивать себе новые зубы... Впрочем, тебе виднее.

Перед глазами Уолли возникло четкое, почти осязаемое видение Мими, и он, ощутив вдруг острое отвращение к себе, потерял всякий интерес к трогательной старой танцовщице ушедших дней.

— Идите есть, — позвал Кроч. — Рыба удалась на славу.

Попробовав, они охотно согласились с этим.

— Слушай, старая метла, почему бы тебе не одеться во что-нибудь более подходящее? — спросил Уолли, удобно устроившись на прислоненной к стволу дерева шелковой подушке.

Она забренчала на него своими золотыми нагрудниками. Джек вздрогнул.

— Как хочу, так и одеваюсь. И не лезь не в свое дело, ты, черпак для помоев.

— Ну, будет вам, — сказал Кроч, укоризненно цокая. Он извлек застрявшую между зубами рыбью кость, удовлетворенно рыгнул и закончил: — Не худо бы обсудить наши планы.

— Планы? — повторил Уолли его слова.

— Ну, эта плясунья в рюшках меня не волнует, — спокойно продолжал Кроч, скрестив руки на могучей груди, — а вот ты, друг, иное дело. Я лично собираюсь в город...

— В город? — немедленно откликнулся Уолли.

— Конечно. Именно в тот, куда волокли нас Зеленые Братья. Они ведь спешили на рынок...

— Чтобы продать, как рабов?

— Нет, это дрянное слово из прошлых веков здесь совсем не подходит. Зеленые Братья делают все миленько и по закону — они намеревались выставить нас на аукционе. А затем мы подписали бы долгосрочный контракт об устройстве на работу.

Когда Друбал обучал Уолли, он упоминал рабство, как существовавший в прошлом институт.

— Я не могу понять разницы.

— Контракты. Мы бы их подписали, понял?

Уолли не понимал, но он чувствовал себя слишком умиротворенно для того, чтобы спорить. Шепчущие Колдуны утащили его прочь от Мими, и он хотел вернуться к ней. Джек был почти уверен, что сумеет

найти дорогу, но Кроч взбудоражил его своими разговорами о городе. Новые приключения манили Уолли. Ему необходимо было увидеть город — скорее всего, запутанное скопище ужасных лачуг из полуразвалившихся кирпичей — и взглянуть хоть одним глазком на этот мир, а уже потом он вернется к Мими и Друбалу. Ведь они наверняка ждут его, не так ли? Такого замечательного парня, первого удальца во всей галактике? Ну конечно же...

Независимый Джек Уолли...

— Хорошо, — согласился великолепный, независимый Джек Уолли. — Я иду с тобой, дружище Кроч. Хочу посмотреть этот твой город.

— Это вовсе не мой город, осел ты безмозглый.

Уолли вскочил, и Кроч виновато замахал своими могучими руками.

— Прости меня, дружище. Излишняя горячность приносит мне одни неприятности. Этот город — один из пяти городов Скорсо. Я собираюсь сесть там на корабль и уплыть домой.

— Так ты возьмешь меня с собой?

— С удовольствием.

Отдохнув, они приготовились идти в том направлении, где, как подсказывало Крочу его чутье лесного жителя, находился город. Кроч хлопнул себя кулаком по ножнам:

— Если хоть одна из этих зеленокожих бестий попробует помешать нам...

Уолли задумчиво испросил у Пи-Айчена арбалет с полным колчаном стрел, и они уверенно зашагали по зеленому лесу.

Громкий крик привлек их внимание и заставил обернуться.

Прижав к груди нитки с драгоценностями, сверкая и лязгая нагрудниками, старая карга вприпрыжку бежала за ними.

— Эй, подождите меня!

Она запуталась в своих браслетах и, с воплями растянувшись во весь рост, принялась судорожно стрелять разлетевшиеся украшения и бесчисленные юбки. Потом она снова вскочила и побежала за ними,

визжа, выкрикивая проклятия и размахивая руками. Выкрашенные в черный цвет белокурые волосы струились за ней, подобно прутьям метлы настоящей честной ведьмы.

VIII

Меро, один из пяти городов Скорсо, удивил и ошарашил Джека Уолли. Он ожидал увидеть обмазанные глиной хижины, крошащийся кирпич и узенькие улочки, заваленные мусором. Ему грезилось некое подобие древнеримской Помпеи, населенное слоняющимися по улицам призраками и испускающее аромат жизни, угасшей еще до своего рождения.

Вся троица, похожая на только что вышедших из зеленого леса странствующих трубадуров, стояла теперь на хрустящей, выложенной щебнем мостовой, наблюдая за слаженной работой городского транспорта, представленного большими, белыми, фыркавшими от натуги лошадьми, и разглядывая ярко одетых мужчин и женщин, которые сновали туда-сюда возле высоких казенных зданий, отстроенных из стекла, бетона и синтетических кристаллов, сверкавших, словно звездные цветы. Они прислушивались к пульсу окружавшего их большого города, вдыхали солоноватый запах моря, внимали многократно повторяющимся печальным крикам чаек, морских ласточек и бакланов, во множестве наполнявших небо.

— Ну что ж, я бы теперь... — ошарашенно начал Уолли.

— Меро — это вонючая дыра, — оборвала его старуха, рассекая воздух малиновым плащом, который она надела по их настоянию. — Если бы мне довелось танцевать здесь в добрые старые времена, у них бы глаза из орбит повылезали, вот что я вам скажу. Тоже мне, город — тьфу — халуп понастроили!

— А по-моему, тут чисто, и вообще мне здесь нравится, Саломея, — заметил Уолли.

— Морем пахнет! — воскликнул Кроч, размашисто шагая вперед, и его глаза сверкнули. — Вот взойдем на борт галеры...

— Скорее уж шлюпки какой-нибудь... — рассеянно вставил Уолли.

— ...и полным ходом двинем в Брианон!

Они проходили мимо группы молодых парней — это были юнцы лет двадцати с небольшим, щегольски и со вкусом разодетые, со множеством кружев и меха, в экстравагантных лосинах. Саломея подмигнула им, кивая головой, вытягивая губы и колыхая грудью. Кроч громко расхохотался.

— Давай, Саломея. Сейчас они падут к твоим ногам, — тихо сказал Уолли.

— Эх, вот прежде были времена! Эти безмозглые бездельники, обратив свои задницы к небу, целовали бы подол моего платья и дрались бы за малейшее проявление моей милости к ним! — Она растерла плевок и последовала за своими спутниками. — Неблагодарные сопливые ублюдки!

— Раз ты не бывала здесь прежде, Саломея, — мягко сказал Уолли, — то они не могли видеть, как ты танцуешь. Может, покажешь им сейчас?

— Это еще зачем, чужеземец?

— Ну... — Уолли чувствовал, как юноши сверлят глазами его спину.

— Разве они смогут распознать леди своими красными пороссячьими глазенками?

— Ну давай же, Саломея! — оборвал ее Кроч, размашисто шагая вперед, так что большой меч хлопал его по боку. Он стал звать старую каргу Саломеей после того, как Уолли дал ей такое прозвище. Разносившийся повсюду запах моря раздувал его ноздри и заставлял дышать полной грудью.

Саломея фыркнула и, подобрав подол, понеслась вперед, в ритме джиги, бренча браслетами и одновременно вызванивая простенькую мелодию колокольчиками на лодыжках.

Для Уолли, рожденного в лоне межзвездной цивилизации, быстрые и плавные перелеты между различными мирами были обычным делом — ему случалось жить и в гигантских мегаполисах, и в городах-садах, и на сельскохозяйственных планетах — повсюду, куда влекла его собственная прихоть или соображения материального порядка. Он предпочитал

не вспоминать только о своем пребывании на Лэзенби Три, где его необузданную натуру пытались укротить при помощи крестьянского труда. Итак, гуляя теперь по узеньким улочкам чужого города, он мысленно подбирал ему соответствующее место среди тех инопланетных миров, которые были ему уже известны.

Подобно Одиссею, вкусившему в славной стране феакийцев горькую радость воспоминаний о своей давно покинутой родине Итаке, здесь, в Мери, одном из пяти городов Скорсо, Джека Уолли охватили мучительные воспоминания об известных ему городах цивилизованной части галактики. Он невольно обернулся, пристально посмотрел на Саломею — одноглазую, с кривыми зубами, разукрашенную ворохом драгоценных камней и золотых пластин, — и печально продекламировал:

— Ты мне казалась прекрасной, но уродлива ты, Навсикая.

— Что это за нелепый, кудахтающий язык, а? — спросил Кроч, наполовину замедляя шаг.

— Просто я размышляю вслух, друг мой, — ответил Уолли на керимском. — Что там впереди?

— Это пристань. Место, где стоят галеры. Если повезет и прилив будет удачным, мы отплывем сегодня ночью.

Уолли пропустил мимо ушей последнее замечание об отплытии. Он еще не вполне изучил язык этой страны, равно как и ее обычаи.

— Но сперва, после такой веселой прогулки по зеленому лесу, мне необходимо чего-нибудь выпить. — Кроч облизал губы и погладил красной рукой бороду и усы.

— Да уж, неплохо было бы, образина ты эдакая, — сказала Саломея неожиданно учтивым тоном. — Но чем же ты собираешься расплачиваться за выпивку?

Уолли взглянул на драгоценности, украшавшие ее морщинистое тело, и вспомнил о Пи-Айчене — вывод напрашивался сам собой.

Прохожие не обращали на них особого внимания. Даже Саломею, закутанную в плащ, прикрывавший невероятные созвездия украшений, они, видимо, принимали за бабулю, гуляющую вместе со своим сыном

и внуком. Когда Кроч добродушно указал ей на это, она с визгом набросилась на него, размахивая своими костлявыми руками.

— Ишь чего удумал, толстопузый горшок с помоями! Я — его мать! Да ты на мое белое тело посмотри, оно от одной такой мысли все содрогается...

И тут вдруг и она и Кроч разом запнулись, словно тяжелое, мрачное и безмолвное дыхание смерти коснулось их, замкнув рты и прочертив на лицах горькие морщины, что придало им безнадежно печальное выражение. И снова этот приступ тоски, столь обыденный, что никто уже и не замечал его, заставил Уолли содрогнуться.

— Так чем же мы будем платить за выпивку?

В деревне Друбала никаких денег не существовало, и Уолли, живя в этом лесном раю, ни разу не усомнился в правомерности отсутствия извечного источника всех зол. Однако в таком большом городе, как этот, непременно должна была присутствовать какая-нибудь удобная в обращении и всеми признаваемая обменная единица. Впрочем, и более высоко развитые общества держались на натуральном обмене, подумал Уолли, мысленно подыскивая похожие культуры, обходившиеся без денег. Натуральный обмен — это было, конечно, прекрасно, но...

Труд — вот в чем разгадка этой социально-политической проблемы, решил Джек. Оплата трудом. Он слышал, что сходная система существовала в средние века на европейской части Солтерры, когда жизнь человека полностью посвящалась его господину, занимавшему более высокое общественное положение. Этим легко можно было объяснить и упоминавшуюся Крочем систему контрактов вместо рабства. И все же, оглядываясь вокруг и любясь устремленными в небо зданиями, чистыми улицами, слыша цокот копыт везущих экипажи лошадей, Уолли вынужден был признать, что этот город значительно превосходил средневековые поселения. Правда, он никогда толком не знал, почему именно период, последовавший за доисторическим хаосом и завершившийся затем возникновением первых технократических государств, назывался средними веками. Во всяком случае, даже

по сравнению с самыми первыми освоенными земной культурой планетами, этот город был настоящим произведением искусства.

— Ничего, расплатимся, — сказал Кроч, подмигивая Саломее.

Она забарабанила браслетами по нагрудным пластинам.

— Да неужто ты думаешь, будто я... — Ее тощая шея содрогалась от пронзительных протестующих воплей.

— Успокойся, герцогиня, — ответил Кроч. — Вспомни о своих годах — неужели ты думаешь, что кто-то вообще на тебя посмотрит, не выпив предварительно галлон чего-нибудь крепкого?

— Подлый, грязный мерзавец...

— Сюда, — сказал Кроч, энергично пихая Уолли и Саломею в выходящую на главную улицу боковую дверь. Парадный вход, увенчанный броской вывеской «ТРАКТИР ДОЛЛИ», находился немного дальше.

— Хм, — сказал Уолли.

— Убери от меня свои вонючие лапы, — завопила Саломея.

— Я знаком с Долли, — проворчал Кроч. — И вообще заткнитесь оба и дайте мне сказать. Ты, — он ткнул большим пальцем в беллахронты на пупке Саломеи, — показывай побольше вот этого и, — он слегка накинул плащ ей на голову, закрыв одну половину ее пышущего злобой одноглазого лица, — поменьше того. Идем!

Долли — это было нечто новенькое. Джек многому научился от Кроча во время их блуждания по зеленому лесу — узнал повадки зверей, приемы охоты, точным попаданием мог с пятидесяти ярдов сбить птицу на лету. Теперь, похоже, ему предстояло ознакомиться с изнаночной стороной городской жизни. Он снисходительно усмехнулся. Может быть, теперь настал черед Кроча поучиться кое-чему у Джека Уолли, первого кавалера во всей галактике...

Во рту Саломеи был зажат край плаща, затолкнутый ею в дырки между зубами, поэтому она постоянно хмыкала и причмокивала, опасаясь, что он неожиданно вырвется. Лицо ее было обращено к Долли только

одной стороной, и Кроч любовно поглаживал ее рукой по щеке, улыбаясь со всем своим мужским очарованием бога Пана, которое заставляло девушек забывать о его белых сверкающих рубцах.

Долли слушала Кроча, подозрительно косясь на Саломею.

— Может эта красотка вдобавок еще и поет? — спросила она с ядовитым сарказмом.

— О нет, Долли, моя крошка из дикого леса...

— Хватит болтать, Кроч. Ты, крысиный мешок с гнилыми кишками, я слушаю тебя только потому, что ты должен мне дюжину зеленых кож. Так она умеет танцевать?

— Как листок на ветру, о моя драгоценная...

— Заткнись, Кроч. Давай лучше поглядим.

Долли уперлась своим обширным задом в стол на задней кухне, куда, собственно, Кроч и привел их. В очаге дымно коптило пламя, и медные кастрюли отбрасывали повсюду солнечные зайчики. Запахи лука, тушеного мяса и редких трав примешивались к головокружительным ароматам вин и других крепких снадобий, придавая им земную основательность. Уолли облизнул пересохшие губы.

Долли была лакомым кусочком, как выразился бы Кроч: красивая, полногрудая, пышущая здоровьем милашка, округлая там, где полнота была вполне уместна, и худая в тех местах, где ценилась стройность. Темные блестящие глаза буравили Уолли, заставляя его вспомнить о давным-давно немойтой шее. Одним словом, это была крупная, пышная, дородная женщина со сластолюбивыми губами и ямочками, напоминающими о жирном пудинге. Из тех, что очень хороши в холодную ночь.

Это приветственное препирательство между Долли и Крочем и забавляло и пугало Джека.

Ее серебристое одеяние, скроенное по чужой моде, кокетливо обнажало пухленькую стройную ножку. Прекрасные волосы спадали по плечам, окрашивая кожу в бронзовый цвет и соперничая в блеске с развешенными по стенам кастрюлями. Долли задумчиво улыбнулась Джеку, ткнула Кроча под ребра, так что

этот здоровяк даже крикнул от неожиданности, и кивнула Саломее.

— Ну, давай, детка. Мое время дорого.

Вошли два повара в желтых тугих форменных робах и принялись разливать суп и раскладывать мясо, источавшее аромат, от которого у Джека потекли слюнки. Они украдкой поглядывали на Саломею, но вскоре один из поваров больно обжег горячим мясом нежную кожу на запястье и разразился проклятиями, после чего оба вернулись к своим обязанностям. Итак, под веселый аккомпанемент позвякивавших горшков и кастрюль, ворчание мяса и тихие неразборчивые ругательства обжегшегося повара Саломея начала свой танец.

Переход через зеленый лес укрепил ее ноги, а мясо придало бодрости. Саломея танцевала, брэнча браслетами и позвякивая колокольчиками, юбки взлетали вихрем, словно обезумевшие голуби, пытающиеся сесть на постоянно ускользящий от них насест. Она танцевала, размахивая юбками, высоко выбрасывая ноги и колыхая своими великолепными беллахрон-тисами так, что Кроч уставился на нее во все глаза, и даже Уолли — Джек Уолли, первый щеголь во всей галактике, все повидавший на своем веку, — предпочел смотреть на нее, а не на компанию выпивох в углу.

Саломея пустила в ход все свои хитрости. Струящийся шелк покрывал окутывал ее лицо, а крашенные волосы, перехваченные, как только что заметил Уолли, отделанным драгоценными камнями гребнем, в изобилии спадали по щекам, полностью маскируя отсутствие одного глаза. О да — это был настоящий танец.

— Совсем неплохо для первого раза, моя девочка, — сказала Долли, вставая и чмокая разошедшуюся Саломею в щеку. — Ты мне подходишь. Сначала мне так не показалось, но, — она зло подмигнула в сторону Кроча, — пожалуй, ты pomoжешь мне вернуть назад ту дюжину зеленых кож, которую он мне за-должал.

— Ты много потрудились сегодня, Долли, мой лесной цветочек... — начал Кроч с сияющей улыбкой.

— Спасибо, — невольно проронил Уолли, словно Саломея была его собственностью.

— Вот что я вам скажу, козлы вы вонючие... — начала было Саломея, но Кроч сильно хлопнул ее по задку, закашлялся, запыхтел, весело усмехнулся Долли и втиснул свое могучее тело между двумя женщинами.

Долли рассмеялась в ответ.

— Танцевать-то девушка умеет, — резко сказала она, — вот только заткни ей чем-нибудь эту пустую глазницу — она выглядит отвратительно. И заделай ее уродливый рот.

— Уф, — выдохнул Кроч. — Конечно, Долли.

Долли цыкнула на одного из поваров, и он пошел к пьяницам, вытирая на ходу обсыпанные мукой руки о свой желтый, в белую полоску фартук. Веселое бульканье пищи наполняло теплую кухню, обещая грядущее наслаждение.

За теплым, сладким, одобренным специями вином Кроч и Долли торговались насчет оплаты. Уолли прислушивался, пытаясь соотнести их слова со своими собственными теориями. «Зеленая кожа», без сомнения, была каким-то термином. Тогда, возможно, не труд являлся основной расчетной единицей, а зеленые кожи? В этом уже чувствовалось что-то знакомое...

Мягкое, теплое ощущение уюта овладело Джеком. Возможно, подумал он, все проявления жизни имеют свои параллели в звездных мирах: подобно тому, как при одних и тех же условиях образуются одинаковые молекулы нуклеиновой кислоты и белка, так же одинаковы могут быть и танцы, и выпивка, и любовь, жизнь и смерть, настоящая потребность в чем-то плече, на которое можно было бы преклонить утомленную голову... В своем долгом поступательном развитии жизнь протянулась светлой неразрывной нитью от одной звездной системы к другой — и в этом спиральном рукаве галактики, да и сквозь все галактики во Вселенной.

Конечно, очень сложно представить себе культуру, где танец не зародился бы одновременно с появлением человека.

Каким бы всеобщим страданием ни были охвачены люди Керима, — а это чувствовалось и в жителях Мери, и в обоих товарищах Джека из Брианона, — оно не могло до конца заглушить их тягу к самозабвенным танцам, которые в этом случае уже больше походили на молитвенный ритуал, имевший целью заворочить демона несчастья и хоть как-то смягчить всепланетное горе.

— Эй, красавица, — тяжело дыша, позвала Долли. Ее стакан был снова полон. — Ну, что там у тебя? Иди-ка сюда, я посмотрю.

Саломея шаткой походкой послушно подошла к Долли, и та уставилась в ее единственный здоровый глаз.

— Голубой, — заявила Долли таким голосом, словно сделала важное открытие. — Нарисуем яркое пятнышко голубой краской, и я считаю, что все будет отлично. — Потом она на мгновение умолкла и вдруг воскликнула: — Ах ты, подлый негодяй, Крош! Эта твоя девушка... да она же старая!

— Не старше чем ты, жирная пузатая развалина, — по своему обыкновению начала Саломея.

Крош заткнул ей рот платком.

— Не обращай внимания на ее злой язык, Долли, розочка моя предрассветная! Конечно, цветущая пора юности для нее уже миновала, но она умеет танцевать. Ты же ведь сама видела...

При словах Саломеи в глазах Долли блеснули сердитые огоньки, но затем она посмотрела на Кроша, и лицо ее смягчилось. Она легонько пихнула его под бок.

— Мне бы следовало затолкнуть тебя в клетку и отправить на рынок за ту дюжину зеленых шкур, ты, хитрый плут, но... но...

Отпустив Саломею и пинком отогнав ее в сторону, Крош нагнулся и поцеловал Долли — это было похоже на игру двух взбесившихся носорогов.

— Девочка моя, — пробасил он.

Уолли почувствовал, что сейчас никак не время напоминать Крошу о его намерении взойти на борт галеры и отправиться домой.

В это мгновение глухой грозный рев прокатился по округе, и пол в зале затрясся. Кастрюли заходили ходуном, бокалы с вином бодро звякнули, и их перезвон слился в ясный тревожный гул набата — словно колокола звонили по обреченным.

— Что это? — спросил Уолли, вскакивая.

Но никто, кроме него, и ухом не повел.

— Не меньше пяти кварталов долой, — сказала Долли, придерживая свой стакан. — Мой участок вполне хороший и крепкий — лет сто еще продержится. — Она горько усмехнулась. — Да вот только через сто лет никто не придет в Трактир Долли в поисках покоя, дружеского участия и доброго вина. — Слезинка медленно и кротко скатилась по ее округлой щеке.

Кроч обнял ее и успокаивающе прижал к себе.

— Выпьем! — громко воскликнул он, поднимая бокал. — Да пусть хоть весь мир провалится, нам нет до этого дела! Ешьте, пейте и веселитесь! — Повара с раскрасневшимися от жара лицами живо побросали свои кастрюли и принялись пить вино медленными глотками.

Затем старший из них, с лицом, задубевшим от многолетнего труда возле открытого огня, сказал:

— Нужны специи и травы, Долли. Это мясо слишком долго везли в город.

Долли с ворчанием похлопала себя по халату, достала кошелек из муарового шелка и, щелкнув золотыми пряжками, извлекла оттуда несколько маленьких плоских кружочков. Уолли придвинулся ближе. Она подняла на него глаза, прикрывая кошелек пухленькими ручками.

— Убери свой нос, малыш. А то я его прищемлю.

— Позволь мне, — сказал Уолли, улыбаясь и протягивая руку, — взглянуть на одну из них. Пожалуйста, о принцесса.

Она хихикнула.

— Ты такой же гадкий, как Кроч. На, бери...

Плоский кружок был отштампован из кожи. Никакие знаки или символы не указывали на его стоимость, но Уолли уже несколько не сомневался — это были деньги. Он повертел кружок в руках. Кожа

по цвету походила на великолепный изумруд — зеленая прямо-таки насквозь. На ощупь монеты были гибкими, но прочными, а край все еще сохранял форму, полученную при штамповке. Как же следовало называть их, обращаясь к Пи-Айчену за деньгами? Или...

— Джек прибыл из чужих краев, Долли, — сказал Кроч. — И ничего здесь не знает. Прямо как новорожденный младенец. — Он смахнул кожаный кружок с пальцев Уолли. — Что, никогда прежде не видел зелененьких, Джек?

Уолли проглотил обиду. Ведь Кроч — добрый и грубоватый старина Кроч — был абсолютно прав.

— Нет, — ответил он. — Никогда.

— Словно из лесу вышел, — сказала Долли. — Настоящий дикарь...

Вспоминая о Друбале и Мими, Джек благословлял их святую невинность.

— Это, — сказал Кроч с видом школьного учителя, насмехающегося над тупицей-учеником, — официальное платежное средство (так, примерно, следовало перевести в данном контексте произнесенные им на керимском языке слова) пяти городов Скорсо и множества других мест. Зеленые кожи. Зелененькие. Изумрудные глазки. Деньги. — Он помахал мозолистым пальцем перед носом Уолли. — И даже ты, со своей безмолвной силой, не сможешь заставить Пи-Айчена дать их тебе.

— Да, я понимаю...

Долли рассмеялась и забрала деньги назад.

— Я слышала, на днях заманили в ловушку пятерых Зеленых Братьев. Те настолько увлеклись своими злодейскими контрактами, что рискнули подойти к людям чересчур близко.

— Правда? — Кроч заинтересовался. — И кому же досталось такое богатство?

— Приамберу Мисмику, крупному судовладельцу. У него денег куры не клюют. Говорят даже, будто он предпочитает сам покупать всякую мелочь, чтобы не просить ее у Пи-Айчена...

— Ишь, гордец, — сурово заметил старший повар. — Гордыня его и погубит. Мы живем хорошо лишь милостью Пи-Айчена.

— Так вы хотите сказать, что... — начал Уолли и застыл с разинутым ртом.

— Ну, конечно. — Кроч хлопнул его по спине. — Скажу больше, если бы ты не пришелся мне по душе и если бы Саломея не грозилась устроить крик на всю округу, я стукнул бы одного зеленого братца по башке и приволок бы его сюда вместо вас. — Он расхохотался, как будто сообщил что-то смешное.

Уолли посмотрел на кожаный кружок. Из зеленой кожи. Из кожи. Зеленая кожа. Кожа Зеленого Брата. Пи-Айчен не творил живой материи. И мертвую, которая когда-либо была живой, он создавал лишь в особых, одному ему известных случаях. Все сходилось.

Такие деньги можно было заработать лишь тяжелым трудом.

— Зеленые Братья приводят своих пленников, и мы выкупаем их за зеленые кожи. Религия Зеленых Братьев предписывает им хоронить все, что остается от человека после смерти. Они на все готовы, лишь бы вернуть свои зелененькие назад. — Кроч цинично рассмеялся. — Им не нравится наш способ обработки, который придает их коже глубокий изумрудный оттенок. Система просто великолепная...

— Несомненно, — растерянно пробормотал Джек.

Кроч выпил еще, и винные пары, должно быть, ударили ему в голову и развязали язык, поскольку он разразился потоком полупьяных воспоминаний.

— Вообще-то я пограничник. Главный отстрелщик предаккеров с неплохим твердым жалованием, член гильдии. Но я пустился в странствие после смерти сына — он умер как раз тогда, когда мы уже не могли завести другого ребенка. Я плавал по морям и избороздил многие мили... — Он нетвердой рукой обнял Долли, и та глуповато ухмыльнулась. — Но я нашел наконец надежное пристанище, доброго друга и мягкую постель. Что значат все эти предаккеры и Зеленые Братья по сравнению с...

— Довольно, Кроч! — напустилась на него Долли, и лицо ее напряглось. Она взяла стакан Кроча и

осторожно поставила его на расположенный позади них стол. — Иди умойся и немного вздремни. Я приведу в порядок твою Саломею...

— Она не моя...

— Знаю. — Свиристая ухмылка на мгновение исказила ее лицо. — Если бы это было не так, вас бы вышвырнули отсюда пинком под зад.

— Добрейшая моя Долли... — теперь его голос звучал более робко.

— Иди простиись. — Долли схватила Саломею за руку и отпихнула Кроча. Глупо улыбаясь, он неуверенно двинулся прочь. Вино подействовало на него сильно и неожиданно, и Уолли никак не мог понять почему.

Ушли повара, и Долли с Саломеей также направились к двери, ведущей в соседнюю комнату. Внезапно Джек почувствовал себя незащищенным. Он сделал шаг вперед — компания вокруг него предательски растворилась.

— А как насчет... — начал было он.

— Передохни здесь минуточку, Джек. — Долли, вся состоящая из губ, глаз и нежной, податливой плоти, улыбалась. — Я пришлю кого-нибудь поухаживать за тобой.

Вино, которое столь незаметно сломило твердость Кроча и придало юношеской резвости Саломее, у Уолли вызвало лишь легкий приступ аппетита. Он побрел к очагу, достал оттуда окорок — это животное было уже знакомо ему по их путешествию через лес — и принялся за еду, разрывая сочное мясо крепкими зубами. И куда только девался тот, другой, Джек Уолли, который непременно начал бы с поисков открывашки для консервных банок?

Он облизал жирные пальцы, удовлетворенно вздохнул, и тут до его слуха донесся звук открывающейся двери. Он невольно обернулся.

Ее нельзя было назвать красивой. Разве что просто хорошенькой — и то, если бы она не плакала. Корсет ее был порван — из-под оранжевой ткани и желтых тесемок проглядывала белая кожа. Пушистые серовато-желтые волосы разметались в разные стороны. Ее взволнованный облик сулил изголодавшемуся Уолли

определенные надежды. Кость застыла в его онемевших пальцах. Слезы, капавшие из глаз девушки, падали с ясно различимым в тишине плеском.

— Пожалуйста, помогите мне! — проговорила она с тяжелым вздохом и заламывая руки. — Прошу вас! Мне больше не к кому обратиться.

Уолли нравилось смотреть на нее. Еще больше ему понравилось, когда она, рыдая, приникла к нему. Оранжевая ткань ее платья вздымалась, собираясь в складки, но совсем не мешая. Джек погладил ее по волосам.

— Ну конечно, я помогу вам...

— Мне нужно бежать — сейчас же, немедленно.. Они преследуют меня со своими мерзостями... Скажите, что вы поможете мне бежать!

— Да, да, разумеется. Только... — Джек высвободил руку, и кость грохнулась на пол. — Позвольте мне взяться поудобнее.

— Все, что вы пожелаете! — Она подняла заплаканное лицо, показывая ярко-красные припухшие губки, нежные и поблескивающие. — Все! Я на все готова ради вас! Только заберите меня из этого места! — Она схватила его за руку. — Идем! Скорее же! Я покажу дорогу.

— Хорошо. — Уолли последовал за ней к двери, но затем, заколебавшись, спросил: — А в чем, собственно, дело? Кто преследует вас?

— Я все расскажу вам. Только, прошу вас, идемте быстрее!

Джек услышал, как сзади со скрипом отворилась дверь, девушка слабо вскрикнула и принялась трясущими руками запахивать на груди обрывки оранжевой ткани, подгибая и подворачивая ее. Ее рыдания исполнились отчаянной муки.

— Ах — вот он! Спасите меня, спасите!

Уолли резко обернулся.

К нему направлялся молодой человек с приятным лицом, одетый в темно-синий костюм с блестящими латунными пуговицами, тесно прилегающий в коленях и ниже. Он заметил девушку, и лицо его переменилось — взгляд стал жестоким, ненавидящим и исполненным безжалостной злобы.

— Отойдите от нее! — отрывисто скомандовал он. — Простите, господин мой, но я должен разобраться с этой гарпией...

— О, какой ужас! — простонала девушка, наваливаясь своим мягким телом на руку Уолли.

— Что вам надо от бедной девушки? — жестко спросил Джек с металлом в голосе, который, как он надеялся, должен был уберечь его от дальнейших неприятностей. Он почувствовал пустоту в желудке и сглотнул слюну. Легкий шум в ушах, похожий на шуршание волн по прибрежной гальке, не убаюкивал, а, скорее, подстегивал его.

— О господин мой! Спасите меня от него! Он из тех типов, которые...

— Заткни свой поганный рот, гарпия!

— Э, нет. Так не годится разговаривать с дамой...

— Вы не понимаете...

— Я прекрасно понял, что вы мучаете бедную девушку! А что скажет об этом Долли? Ну-ка, отвечайте!

— Долли! — Он расхохотался, словно услышал забавную шутку. — Она велит мне продолжать в том же духе, что я и делаю! — Он попытался отпихнуть Уолли и схватить девушку. — Отойдите прочь!

— Он хочет увести меня, чтобы не отвечать за свое преступление! — Девушка уцепилась за левую руку Уолли.

Джек еще не вполне определился — у него не было ни малейшего желания изображать закованного в латы рыцаря, вступающегося за честь обиженной девицы, но он был мужчиной, и его мужское достоинство теперь явно находилось под вопросом.

— Оставьте ее в покое, — категорически заявил он.

— О, идемте же, господин мой! Еще немного...

— Видал я таких мерзавцев, — при всех своих грехах Уолли еще никогда не прибегал к подобным выпадам, — которые охотятся за служанками, чтобы прижать их в буфетной и щипать за задницу! Что ж, на сей раз вы зашли слишком далеко! — Прекрасное и гордое рыцарское чувство окрылило Джека.

— Что?! — Лицо молодого человека дышало злобой. — Дайте мне только...

Джек обрушился на него.

Удар был мастерский и пришелся точно в челюсть.

Потирая ушибленные суставы, Уолли склонился над распростертым на полу молодым человеком, словно Великий Белый Охотник над поверженной им жертвой.

— О господин! Вы были великолепны! Но нам надо уходить... скорее!

Она выволокла Уолли через дверь на улицу, и он едва успел бросить последний взгляд на распластанное и обмякшее тело своего противника. Да уж, удовольствие от неплохо выполненной работы такого рода было совсем иным, чем, скажем, радость по поводу удачной организации места за капитанским столиком.

Но вот что из этого вышло.

Чувствуя себя Юпитером, одолевшим простого смертного, Джек Уолли быстро шагал по улице вслед за девушкой, полной грудью вдыхая ни с чем не сравнимый аромат близкого моря.

Всю дорогу она поторапливала его, пока наконец, украдкой глянув через плечо, не увлекла за собой в узкий переулок. Впереди виднелись мачты со спущенными парусами, выступавшие над городскими крышами, словно подвешенные в погребе колбасы. Девушка отыскала маленькую дверь в огромном ангаре и скользнула внутрь. Там было темно, пахло капустой, отбросами и старыми вещами.

— Мы уже пришли, господин мой. Я бедная, честная, работающая девушка. Мои отец и мать служили здесь, и у меня есть маленькая комнатка — чистая, хотя...

— Ну, раз дома вы в безопасности...

— Ах, вы должны пойти со мной. — Она снова схватила его за руку, и они поднялись по скрипучей деревянной лестнице, вошли в дверь, пересекли абсолютно темную комнату, где Джек мог ориентироваться только по нажиму ее дрожащих пальцев, стискивающих его запястье, проникли за желтую занавеску и в конце концов очутились в святая святых, где...

О, да...

Джек прекрасно понимал, отчего он согласился на все это. Одного лишь взгляда на ее растрепанную шнуровку оказалось для него вполне достаточно.

Кровати в комнате не было. Однообразная мебель, с ее тоскливым городским лоском, выглядела куда более уныло, чем даже безыскусное убранство хижины Мими, и совершенно не создавала ощущения дома. Девушка приложила палец к губам. Ее глаза светились многообещающим блеском. Теперь она позволила своему оранжевому корсету сползти окончательно и потянулась к вешалке за противоположной дверью, где висело платье цвета морской волны, все разукрашенное вышивкой и перьями.

— Сейчас, я только переоденусь вот в это и тогда... ах, как я вам благодарна, добрый господин!

Уолли распахнул объятия и сделал шаг вперед. Она хихикнула.

— Моя спальня вон за той дверью...

— Так чего же мы ждем?

Она снова хихикнула. Неукротимая дрожь возбуждения придавала трепетности ее фигуре и усиливала блеск глаз. В скудном свете, проникавшем через треснутое окошко, тусклое и закопченное, она выглядела милой и соблазнительной.

— Только сперва... — она прошла в спальню, оставив дверь полуоткрытой.

Подтянув штаны, Джек Уолли храбро и уверенно двинулся вслед за ней.

Доски под его ногами слегка пружинили, как будто они были не укреплены, а подвешены на балках. Снизу доносился запах моря, резкий и противный, — смесь тины, креветок, гниющих отбросов и водорослей. Он ускорил шаги и, сияя, вошел в дверь...

В первый момент Джек вообще не понял, где он оказался.

Неприятный мужской голос, похожий на удар кнута, произнес:

— Еще один, а, Корал? Славный парень. И мускулы крепкие. Да и пришел сюда по своей воле. — Голос приближался, и Уолли, глаза которого тщетно пытались объяснить ему, куда же он угодил, а уши лопались от шума моря, треска снастей, стонов до-

щатой обшивки и плеска воды, вдруг услышал слова, произнесенные уже совсем рядом: — Ты пришел сюда по своей воле. Никто тебя не заставлял. Ну и повезло же тебе, маленький топтунишка!

Наконец до Джека дошло, о чем твердили ему его глаза.

Он находился на корабле, в некоем подобии клетки, под палящими лучами солнца. Вокруг возвышались мачты, раскачивался такелаж, беспорядочно сновали неясные тени. Девушка, должно быть, сбежала, набив свой корсет зелененькими. Мужчина — лучше сказать огромный самец — нависал над ним, широко расставив обутые в сапоги ноги, зажав в руках невероятных размеров кнут и громко хохоча.

Уолли попытался бежать обратно через предательскую дверь.

Великан взревел и, не переставая смеяться, стегнул его кнутом.

— К нам прибыл еще один маленький счастливый топтунишка! Держите его, вы, грязные бездельники с гнилыми кишками и бочонками вместо головы! Приветствуйте своего нового товарища!

IX

Абстрактное изображение парусника, плывущего по покрытому пятнами, мутному и как будто нарисованному морю, окруженное горячим мерцающим контуром, вызывающе зависло между раскаленным небом и пылающей гладью воды — галера «Лунный цветок» со спущенными парусами медленно ползла к горизонту, находясь в семи днях пути от Мери, одного из пяти городов Скорсо. В отсутствие ветра, который хоть как-то развеял бы крайнюю затхлость кубрика, зловоние распространялось повсюду, заставляя и хозяев и работников переходить с места на место, обмахиваться провонявшими насквозь косянками и прочищать носы, давным-давно забитые не упоминаемыми в приличном обществе, хотя и вполне естественными человеческими запахами.

Какая головокружительная перемена! Лязгнули челюсти, сомкнулись объятия когтистых лап, и Джек Уолли — бедный, доверчивый, сластолюбивый Джек Уолли — оказался в ловушке.

К тому же абсолютно все, что предшествовало этим мгновениям крайнего отчаяния, было делом его собственных рук!

О, несчастный Джек Уолли!

Когда его поймали в западню и заперли в клетку, он еще пытался сопротивляться — и был равнодушно выпорот кнутом, причем удары сыпались ниже спины. Теперь же, проснувшись с гудящей головой и закованными в кандалы руками, жестоко избитый и умирающий с голоду, он старался примириться с изменившимися обстоятельствами. Миновали счастливые и беззаботные дни у Друбала и Мими, а он и не заметил этого. Закончилось время веселых разгульных походов по лесу с Крочем и Саломеей — он и этого не понял. Промелькнули даже многообещающие и хмельные мгновения, проведенные в трактире у Долли, — но и тут он только хлопал глазами. Но вот теперь, сидя на борту галеры, готовый превратиться под ударами кнута в послушный механизм с горой мускулов и широкими плечами, Джек понял все. Понял — но, слишком поздно.

И все же он был молод, силен и крепок. Следовало бороться за свою жизнь. Джек решил, что, сидя с развевающейся по ветру бородой и махая веслами вместе с другими товарищами по несчастью, он станет разрабатывать план будущей битвы и тренироваться — ему нужны были мускулы из железа, сухожилия из стали и сердце из гранита. А затем он непременно возглавит мятеж и будет безжалостно уничтожать чопорных женоподобных господ, разодетых в шелка и атлас, сберегая все самое лучшее... Впрочем, времени на обдумывание у него будет предостаточно...

О, упрямый Джек Уолли! Он определенно был избран для того, чтобы изобретать утешения, находясь прямо в гуще страданий...

Весь первый день ветер быстро гнал их вперед, и до слуха Уолли доносились стоны блюющих новобранцев, непривычных к морю и не ведавших,

подобно ему, о межзвездных просторах. Затем ветер стих.

Наверх Уолли шел с почти трогательной готовностью, горя желанием поскорее вступить на путь испытаний, которые должны были укрепить его тело и руки, развить мускулы и подготовить сердце к великому дню восстания.

— Почему вы не снимите кандалы с моих рук? — вопрошал он, потрясая шестидюймовым стержнем, жестко скреплявшим его запястья. — Я же не смогу так грести.

— Грести? Иди в клетку, ты, жалкий топтун!

Уолли оглядывал галерею «Лунный цветок» с крайним изумлением. Судно было небольшое, но неплохо оборудованное. Волнуясь и дрожа, он шагнул внутрь. Его товарищи — такие же бородатые и полуголые, как и он, — бормоча проклятия, забирались в клетку, которой предстояло стать местом их общих страданий.

Джек сразу вспомнил о белых мышах и волнистых попугайчиках.

Поперек палубы располагались всего шесть похожих на сачки для омаров цилиндрических клеток, изготовленных из деревянных балок, прочно соединенных шипами и веревками. Клетки были сдвинуты от центра судна так, что образовывали нечто вроде дополнительных бортов. За бортами с обеих сторон находились огромные зубчатые колеса — по крайней мере, этот заслуженный технический термин древности лучше всего передавал облик данных узлов — связанные посредством небольших шестереночных приводов, защищенных от морских волн крышками, с ведущим валом, к концу которого было приделано тяжело хлопающее гребное колесо. Завербованные на работу забирались в клетки и занимали свои места на узких перекладинах. На небольших ровных участках палубы, укрепленных на осях внутри этих вращающихся клеток, стояли надсмотрщики. Человек должен был проворно переступать со своей ступеньки на следующую, спускаться на ней, словно на эскалаторе, а затем опять переходить на очередную ступеньку, съехавшую к этому моменту на шаг вниз. Ступеньки устремлялись вниз, проскакивая под ногами у пленников, а затем

вновь поднимались, проезжая над их головами, и опять стремительно обрушивались вниз — и так без конца.

— Да это адская мельница! — завопил Уолли, отчаянно сопротивляясь. Что-то чрезвычайно холодное легло на его плечи, словно тонкая шелковая паутинка, и в следующее мгновение ее нити вспыхнули, как будто через них пропустили ток с напряжением в миллионы вольт. — А-а-а! — заорал Джек, как только снова обрел дар речи.

Он почувствовал, как чья-то рука играючи приподняла его над полом и встряхнула. Перед ним стоял звериного вида мужчина с кнутом, тот самый, который и приветствовал его по прибытии.

— Ты будешь шагать и шагать, пока не свалишься, топтун! — Широкая, грязная, совершенно бандитского вида физиономия проплыла перед Джеком. — Ползи на свои ступеньки, скотина! Топ! Топ! Топ! Ты будешь шевелить ногами — это так же верно, как то, что мой кнут может запросто содрать с тебя кожу! Или я выпущу из тебя кишки, вышибу мозги, уничтожу!..

И Уолли был вынужден шагать, шагать, шагать...

Куда девались мечты о могучей мускулистой спине? О удалой силе рук? О широченных плечах, позволяющих вытащить из грязи застрявший там автомобиль? Где теперь недавние грезы о великом восстании?

Бег — единственное, для чего можно было тренировать мышцы в этой беличьей клетке. Тренировать мышцы для побега.

По его бедрам стекала расплавленная лава. Лодыжки трещали. Ступни распухли и покрылись волдырями, которые затем полопались и начали кровоточить. Колени тряслись, издавая отчаянный скрип. Но он продолжал шагать — топ, топ, топ...

Гребное колесо вращалось, хлопая по воде и вздымая белую пену. Галера, покачиваясь на волнах, продвигалась вперед. А гребцы в своих каторжных клетках все шагали и шагали — топ, топ, топ.

Все семь дней мучений Уолли думал только о том, как бы повыше поднимать ноги и побыстрее ставить их на очередную опускающуюся ступеньку,

чтобы не получить крайне болезненный удар шершавой доской по коленям. Даже в краткие минуты отдыха Джек не мог избавиться от этих мыслей, поскольку жуткая мельница снова и снова возвращалась к нему в кошмарных видениях.

Зверюга с кнутом — грязный, волосатый, ненавидимый великан и мучитель — регулировал ритм их каторжного труда. В рукоятке его кнута находилось небольшое устройство, возвещающее о начале очередного этапа мучений веселым надтреснутым «динь-динь».

«Динь-динь» — звенел колокольчик, и завербованные на работу вскакивали со своих мест, пробуждаясь от полубезумного сна, спотыкаясь ползли к клеткам и взбирались на вечно вращающееся колесо, подгоняемые ударами похожего на змеиный язык кнута. Зверюгу звали Хлыстом — имечко весьма ему подходившее, которым он к тому же очень гордился, весело гогоча и показывая черные гнилые зубы. «Динь-динь» — звякала рукоятка, «вжик-вжик» — свистел кнут, и сломленные, стонущие люди, словно загнанные крысы, расползались по местам для принятия очередной порции мучений.

— Я больше не могу двигаться, — тяжело выдохнул Уолли утром седьмого дня. — Мое тело совершенно одеревенело. Хлыст...

— Зови меня «господин Хлыст», ты, пузатое ведро вонючих помоев! Ха, он не может двигаться! Что ж, сейчас я помогу тебе встать, топтун! Шагай, ты, никчемная крыса! Шагай, килька безмозглая! Шагай, грязная скотина!

Вжик — взвизгнул кнут. «Шагай!» — Вжик. — «Шагай!» — Вжик. — «Шагай!» Три полосы из огня и льда обрушились на обнаженную изрубцованную спину Уолли. Взыв, как побитая дворняжка, и отчаянно хрустя конечностями, он бросился в клетку, взобрался на ступени и зашагал...

Господин Хлыст зазвенел рукояткой своего кнута и, хохоча во всю глотку, принялся десятками отсчитывать шаги гребцов.

В любое время — днем и ночью, утром и вечером — весело разносилось это ужасное «динь-динь».

«Динь-динь» — звенел колокольчик, «вжик-вжик» — свистел кнут, «топ-топ-топ» — раздавался топот гребцов...

Деревянные брусья, непрерывно вращаясь, проплывали мимо головы Джека, мимо его груди, мимо бедер, мимо бедных, распухших и покрытых нарывами ног, мимо онемевших, израненных и потерявших чувствительность ступней. Бесконечно вращающиеся брусья, динь-динь, вжик-вжик, топ-топ-топ...

Но он был еще жив.

Пока.

Спустя две недели Джек, чувствуя себя человеком, бредущим в темноте по незнакомому опасному переулку, обнаружил, что он уже способен думать о чем-то помимо ужасного колеса. Кормили пленников хорошо — сила их ног была ценным товаром для хозяина корабля. Однажды, когда ступни Джека совершенно разболелись, корабельный доктор — полный круглый мужчина с женскими руками — вскрыл нарывы скальпелем, протер тампоном поврежденные места и перебинтовал их чистыми желтыми тряпками.

Итак, теперь, совершая свое бесконечное восхождение по ступеням, Уолли думал.

Он думал. Господин Хлыст щелкал кнутом, и узкая палуба отражалась золотыми искрами в его глазах. Море ритмично ухало, когда широкие сверкающие лопасти поднимались из глубины, с шумом рассекая воду.

Он думал и думал.

Бомба.

Это был единственный выход.

Бомба. Такая миленькая симпатичная бомбочка — грохочущий снап огня и дыма, который разнесет днище «Лунного цветка».

Уолли не знал, да и не желал знать, в честь какой из лун было названо это судно. У данной планеты их было по меньшей мере шесть, но поскольку никто из тех, с кем Джеку доводилось общаться, похоже, не знал, что они живут на чем-то, что являлось планетой, — как правило, ему рассказывали всякую чепуху типа историй о плоском блине на спинах черепах и слонов — но он не хотел

искушать судьбу и рисковать быть сожженным на костре во имя торжества законов Вселенной. Итак, бомба. Да.

Когда их выпустили из клеток, он забрался в свой обычный угол ненавистного трюма и вскоре стал обладателем горки пыли, нескольких волосков, одной-двух щепок и кучки ногтей, обгрызенных с собственных пальцев. На ноги он даже не решился смотреть...

Собирая и припрятывая свое богатство, Джек все время думал о неудачной попытке получить от Пи-Айчена межзвездный передатчик и боялся худшего. Надсмотрщики — уменьшенные копии господина Хлыста — без устали рыскали повсюду, бдительно прислушиваясь, не произнесет ли кто имя Пи-Айчена.

Джек не искал союзников. Ему хотелось знать, что, когда днище этого отвратительного дьявольского судна разлетится вдребезги, он и только он будет тому причиной...

О, самонадеянный Джек Уолли...

Смена языка не оказала воздействия на таинство превращения, исполняемое Пи-Айченом, — просьба на галактическом наречии оказалась столь же действенной, как и обращения на керимском. Мысль преодолела языковой барьер.

Никто не вправе держать ближнего в рабстве... Эта бессмысленная расхожая фраза, без конца повторявшаяся во всех уголках межзвездного сообщества, к которому принадлежал Джек, вызывала лишь раздраженную презрительную усмешку, поскольку все знали, что в каком-то смысле один человек всегда является рабом другого... Так, Джек Уолли, рожденный свободным на Земле, был рабом своего желудка, а заодно и солидных дядей из крупной фирмы, которые могли способствовать его наполнению. Жизнь порождала рабство самым фактом своего существования.

Но все это были завуалированные, скрытые и облеченные в приличную форму разновидности рабства. Что-нибудь вроде: «На этой неделе ваш заработок придется урезать на десять процентов, Джек. Впрочем, если вы не согласны, то сами знаете, что можете сделать...» На Земле и в других Солтерранских мирах

это звучало даже несколько грубовато, но здесь подобная вещь казалась комариным укусом по сравнению с мучениями, выпадавшими на долю узников. Здесь люди превращались в рабов ударами кнута и прекрасно знали при этом, что они — именно рабы. На этой планете люди действительно были рабами, и факт их рабства никак не маскировался, хотя и облекалось оно в лицемерную форму «договора».

Да, Джек Уолли был рабом...

«По крайней мере, — с горечью говорил он самому себе, пока надсмотрщики с кнутами разносили жидкую кашу и порции мяса с хлебом — обильные, хотя и слишком грубые, — я теперь смогу сам выбирать для себя форму рабства!»

Он попросил Пи-Айчена сотворить вторую округлую металлическую миску, которую затем ловко запрятал, затолкав наполовину в щель в деревянной палубе и прикрыв сверху соломой, служившей им единственным одеялом. Вот когда эта солома действительно смогла пригодиться...

Если бы кто-нибудь нашел миску, он так и решил бы, что это — просто миска для еды, брошенная кем-то и забытая...

Хозяева судна беспрестанно шастали туда-сюда, подобострастно поглядывая на господина Хлыста с его повелительно позвякивающим кнутом и прислушиваясь, ради своей же собственной безопасности, не нашептывает ли кто-нибудь украдкой имя Пи-Айчена.

Подвыпившие, надушенные пассажиры не жились на корме под шелковым тентом, подчеркнуто вежливо беседуя друг с другом, весело поблескивали вращающиеся лопасти гребного колеса, рабы скорбно шагали по бесконечным ступеням, наполняя клетки жалобными стонами, похожими на придушенные крики морских чаек, — галера «Лунный цветок» во всей своей элегантной и сдержанной красе сверкающего на солнце судна величественно входила в белокаменную гавань Фирея...

— О Фирей, город прекрасных женщин, прекрасного вина и прекрасных грез! — бормотал старик с лошадиным лицом, глазами, похожими на яичные желтки, и сухими, покрытыми перхотью волосами.

Зубы у него были великолепные, и, казалось, он мог запросто слопать любого из своих менее зубастых товарищей. — Золотой Фирей...

— Золотой-то он золотой, да не про твою честь, старый плут! Небось, забыл уже и как женщина-то выглядит! — зло усмехнулся юноша с бешеным взглядом, растрепанными волосами и неуклюжими клешнями вместо рук.

Судно бросило якорь. Гребцы, скованные цепями, лежали в трюме. Шум лопастей и деревянный скрип гребных колес, визжавших словно несмазанная телега, которые терзали и без того раскалывавшуюся голову Уолли, наконец прекратились. Тяжелое громохание настолько заполняло слух, что теперь, когда его не стало, Джеку показалось, будто он оглох.

Для окружающих его людей — товарищей по несчастью — вся жизнь сводилась к одному лишь непрерывному топтанию на колесе да еще к вынашиванию планов кровавой мести, и угасшее было чувство сострадания постепенно стало вновь возвращаться к Уолли. Большинство из них угодило в кабалу в результате проделок Зеленых Братьев, других, как и Джека, заманили хитростью, третьи попали сюда из-за неладов с законом. Мореплавателям было необходимо как-то заполнять свои клетки рабочей силой.

— Сколько мы пробудем здесь? — спросил Джек у мужчины с хмурым тяжелым взглядом, толстыми влажными губами и торсом, густо поросшим черным волосом.

— Может, дня два-три — кто его знает? Да и зачем?

— Вот бы Пи-Айчен показал им всем... — начал было старик с лошадиным лицом. Надсмотрщик с размаху ударил его рукояткой кнута по лицу так, что рассек губы, а когда тот со стоном начал оседать на землю, пнул его ногой в живот.

— Не смей упоминать здесь это имя! — прохрипел он, и его жирное лицо перекошилось, а губы вытянулись, подобострастно копируя мимику господина Хлыста.

Лицо чернявого мужчины пылало ненавистью, а из горла вырывался глухой рык.

— Если бы я только обладал этой силой! Этим даром, которым владеют лишь немногие в Брианоне, — прошептал он.

Уолли понимал, что тот имеет в виду, и в его голове зародился дерзкий и самонадеянный план.

— А что бы ты сделал, если бы Он обратил эту солому в топоры и мечи, копыя и арбалеты? — спросил он.

— Что бы я сделал? — Лицо мужчины покрылось лилово-синими пятнами, отражая клокотавшую в груди бурю чувств. — Да я бы...

Но Уолли не мог так поступить. Точнее, мог, но не хотел. Эти закованные в цепи бедолаги отправились бы на дно подобно французским рыцарям при Креси, а он не имел права обрекать их на такой конец, пусть даже многие, имея перед собой подобный выбор, и предпочли бы гибель в бою смерти от непосильного труда. Джек почувствовал себя неуютно, размышляя о своих поступках и их воздействии на других людей. Это ощущение было для него новым.

— ...им головы поотрывал, — закончил волосатый, брызгая слюной.

Ожидая наступления сумерек, Уолли клевал носом. Внезапно он понял, что многие подробности кошмарной жизни на галере прошли мимо его сознания, оглушенного каторжным трудом крутильщика колеса и только теперь приходящего в норму. Джек смутно припомнил светлоголового юношу, порешившего одного надсмотрщика, и эхо тихого всплеска воды за бортом. И еще он вспомнил, как крепко спал однажды ночью под стоны и рвоту трех мужчин средних лет, братьев, напавших на господина Хлыста и жестоко наказанных за это кнутом. А наутро со стороны океана донеслись еще три всплеска.

Да и его собственная спина несла на себе причудливый узор, подтверждавший, что господин Хлыст действительно был мастером своего дела.

Нос Джека служил теперь только для дыхания — функция обоняния была им давно утрачена.

Галера, несомненно, заслуживала того, чтобы быть взорванной. Джек Уолли был достоин побега. Любые действия в отношении господина Хлыста и его под-

ручных вполне оправдывались целью предприятия. Но как же другие узники, его товарищи по несчастью? Что будет с ними?

Сгорбившись в своем углу на грязной соломе, Джек обратился со спокойной и краткой речью к собравшимся вокруг волосатому старику с лошадиным лицом и светловолосому пылкому юноше. Все время, пока он говорил, юноша безуспешно пытался расправиться с полчищами одолевавших их местных тараканов и прочих ползучих тварей.

Уолли выбрал именно этих троих потому, что они производили на него наибольшее впечатление. Вся троица — волосатый Брил, старик Кларк и пылкий юноша Стрем — устали на Джека во все глаза, когда тот сотворил из соломы три новеньких, сверкающих, остро отточенных напильника.

— Что это?.. Как?..

Он достал четвертый напильник и тихо сказал:

— Начинайте пилить и не задавайте вопросов. У нас есть друзья.

На какое-то мгновение Джек с болью подумал, что ошибся в выборе, но тут все трое принялись потихоньку пилить, вопреки его опасениям не поднимая большого шума, что вполне можно было ожидать от переполненных ненавистью людей.

Азотнокислый калий... Сера... Древесный уголь...

Пыль, огрызки ногтей, пучки грязной соломы исчезали и появлялись опять в новом облики...

Уолли готовил смесь в своей миске, пытаясь точнее припомнить проказы давно минувших дней на Лэзенби Три, чтобы соблюсти нужные пропорции. Не зная точно, насколько полученный черный порошок был устойчив к детонации, он обращался с ним с величайшей осторожностью, чувствуя, что одно неловкое движение могло стоить ему жизни. Пот разъедал глаза.

Брил прикрыл Джека своим обнаженным волосатым торсом, и за этим внушительным экраном тот мог работать с полной сосредоточенностью.

— Я передал напильники дальше! — сообщил Кларк, старик с лошадиным лицом, усмехаясь и брызгая слюной.

— Да? — мечтательно отозвался Стрем, и его дикий взгляд вдруг стал пугающе тусклым. — Вот только доберусь до господина Хлыста...

— Больше он не будет звенеть своей шутовщиной, — ухмыльнулся Кларк.

Наступила ночь. Тусклое стекло иллюминатора не пропускало ни лучика закатного солнца, и только бледное тусклое мерцание фонарей, расположенных в верхней части ведущих на палубу трапов, позволяло разглядеть обутые в форменные сапоги ноги надсмотрщиков. Их плечи и головы находились в тени, а кроважидные кровавые языки кнутов свисали на ступени.

Все было готово и находилось под рукой. В соломе лежал целый арсенал боевых топоров, стрел и мечей, из этой же соломы и изготовленных. Оружие взывало к восстановлению справедливости. Уолли потрогал запал и попытался унять дрожь в руках. Остальные не могли понять, почему им следовало держаться подалее от тайника и что еще за чертовщина должна была появиться оттуда...

Уолли чиркнул спичкой... Желтое пламя затрещало и зашипело. Он коснулся запала, и искорка, свистя и извиваясь, побежала вперед — крошечная искорка, слабый зародыш грядущих свершений, подобный семени могучего дерева. Ее пламя должно было зажечь факел свободы.

— Что там происходит? — Надсмотрщик поднял фонарь и, помахивая кнутом, начал спускаться вниз. Его обутые в сапоги ноги громко топали по ступеням, словно насмехаясь над каторжным трудом узников.

Кто-то протянул руки и схватил его за ногу. Другой без лишней торопливости нанес удар копьем. Еще кто-то подхватил выпавший из рук надсмотрщика фонарь.

Шнур запала продолжал отчаянно шипеть, отбрасывая вокруг похожие на призраков черные пляшущие тени.

Другой надсмотрщик заорал громким резким голосом. Обутые в сапоги ноги застучали по палубе. Решетки со звоном полетели в сторону, и холодный, несказанно приятный воздух хлынул в трюм. Свет

озарил белые напряженные лица, спутанные бороды, грозно поблескивающее оружие...

— Сигналийте тревогу! Зовите солдат! Бунт! Бунт!

— Это не бунт, — проворчал Джек, отступая назад вместе с Брилом, Кларком и Стремом. — Это день расплаты!

— Чего же мы ждем? — взревел Брил. — В любую минуту могут появиться солдаты с арбалетами!

Тень страха скользнула по потным лицам замерших в напряжении людей...

— Мы ждем... — начал Уолли.

Продолжать не было необходимости.

Бомба с оглушительным грохотом взорвалась, разнеся половину борта и нос корабля. Все вокруг было объято обжигающим пламенем и заполнено дымом. Холодная зеленая морская вода, покрытая седой пеной, водопадом низвергалась внутрь и с рычанием разбивалась о палубу.

— Все наверх!

Зажав в кулаке боевой топор, Брил бросился вверх по ступеням. Вслед за ним, крича и толкаясь, ринулась толпа остальных узников. Блеск оружия создавал нечто вроде ореола над их головами. Взвились стрелы арбалетов. Потекла кровь. Страх больше не было...

Пробил час расплаты! Наступил день Страшного Суда, безумный и кровавый! Узниками овладело одно желание — отомстить! Отплатить ударами мечей и копий за каждый щелчок ненавистных кнутов!

Впоследствии Уолли с большой неохотой вспоминал подробности того вечера.

Люди, с которыми обращались как с животными, начинают вести себя подобно животным. «Только Я один вам судья», — говорил Господь, но те, кто отвернулся от Господа, заслужили человеческое отпущение.

Вода вокруг «Лунного цветка» окрасилась в багровый цвет. Изуродованные человеческие тела летели за борт. Все смешалось — крики, вопли, мольбы о пощаде, силпый рык и хрипы. Мечи взлетали в воздух и, сверкая лезвиями, обрушивались вниз...

Уолли заметил господина Хлыста.

Позвякивая кнутом, тот стоял в клетке, окруженный плотным кольцом изможденных, растрепанных, грязных людей с ослепительно блестящим оружием в руках, которые обступали его, словно злые духи. Кнут натолкнулся на острый клинок, и лишенная силы плеть упала на землю. Еще кто-то из этих Эвменид в мужском облики резко рубанул мечом, и рука господина Хлыста бессильно повисла. Прохныкав прощальное «динь-динь», рукоятка кнута полетела в море.

То, что произошло потом, заставило Уолли поперхнуться. Он отвернулся в сторону и перезарядил свой арбалет.

Мимо пронесся Стрем с окровавленной и неестественно болтающейся левой рукой. Все тело его было мокрым от крови, а рот широко раскрыт в крике, который, однако, не доходил до слуха Уолли. Брил размахивал топором с обагренным кровью серебрястым лезвием, убивая направо и налево и выкрикивая что-то громким и резким голосом, но Джек и его не слышал.

В водосточном желобе у ног Уолли валялся один из надсмотрщиков. Голова его была отделена от шеи.

— Вы сами навлекли это на себя, — прошептал Джек, роняя арбалет в залитый кровью желоб. — Этот гнев копился долгое время вашими же стараниями, и теперь, когда чаша весов качнулась в другую сторону, вы пожинаете плоды собственных усилий. — Он взобрался на бортик. — Мне жаль вас и жутко смотреть на эту бойню, но вы сами во всем виноваты. — И он нырнул в воду.

«Лунный цветок» уже погружался в море, красное от огня и крови, но вакханалия неверия в божественное возмездие все еще продолжалась на его накренившейся палубе.

Холодная зеленоватая вода обступила Уолли, охлаждающая и очищающая тело словно чудесный бальзам, но она не могла изгнать из сознания заполнявшие его образы и унести прочь звуки, которые Джеку не суждено было забыть уже никогда.

— Вы сами виноваты, — снова и снова повторял его возбужденный разум. — Вы не должны были этого делать... Но раз уж вы начали, иного конца быть не могло... Проклятые глупцы!

Х

— Так, значит, ты, — сказал довольный Кроч, отпихивая от себя пивную кружку и смачно рыгая, — сыграл с ними неплохую шутку, а, мой маленький, везучий топтун?

— Прощу тебя, — Уолли поежился, — не называй меня так. Я не хочу об этом вспоминать.

— Учил-учил я тебя законам этой страны — и все зря! Как же ты меня разочаровал, помчавшись за какой-то пузатой расфуфыренной милашкой в оранжевом корсете! Тьфу! — Он провел рукой по бороде и усам, вытирая капли вина, и поднял вновь наполненную кружку, плотоядно улыбаясь и подмигивая в сторону стройных лодыжек и пухлого зада молодой служанки, скрывшейся за служебной дверью. — Тебе еще надо набираться ума-разума. Бедняга Хардра, кстати сказать, получил хорошую взбучку от Долли.

— Мне жаль, что я ударил его, — скромно ответил Уолли. — Но ты же знаешь...

— Знаю, сынок, знаю! Хардра сообщил нам, что здесь была гарпия. Однако, пока мы бежали до пристани, корабль уплыл. — Кроч тихо усмехнулся и выпил до дна за здоровье Уолли. — Но ты дал мне просто великолепный повод, чтобы можно было быстренько удрать от Долли и не отдавать ей эту дюжину зелененьких!

Они с комфортом расположились в уютной отдельной комнатке в «Золотом Теленке». Ночной ветер стучал в окошко, а яркий свет фонаря поигрывал на оловянной и серебряной посуде, рубиновом вине и недоеденных остатках пищи.

— А где Саломея?

— Где ж ей быть? Танцует у Долли. — Кроч еще раз рыгнул и доверительно придвинулся к Уолли. — Вот что я скажу тебе, Джек. Саломея была права. Они там, в Мери, ничего не смыслят в танцах! Это

здесь, в Фирее — золотом Фирее с оливковыми деревьями во двориках — исполняют танцы, достойные очей принцессы! Так что Саломея неплохо устроилась.

— Бедная старуха. Надеюсь, ноги ей еще послужат.

— Итак, Джек, — тон Кроча все еще был доверительным. — Ни одна душа не знает, что это ты потопил галеру, — кстати, как бы мне хотелось самому посмотреть на такое зрелище! А если кто-то будет лезть с вопросами к моему другу, то ему придется иметь дело со мной. Тебе необходимо немного пожить здесь.

— Что ж, пожалуй, ты прав.

Необычное уважение появилось теперь на грубом лице Кроча, когда он смотрел на Джека Уолли, — уважение, подогреваемое сплетнями о пожаре и ужасном, сверхъестественном грохоте, с которым галера отправилась ко дну. Уолли пересказал ему то, что посчитал нужным, и Кроч, расхохотавшись и задрав бороду кверху, заключил:

— Только настоящий мужчина мог потопить галеру и вырваться из клетки топтуна, Джек!

Уолли подумал, что он в любой момент мог бы заняться изготовлением оружия — стать таким оружейным магнатом. Учитывая те скорость и качество, какие он сумел бы обеспечить, производя на свет дурацкие аркебузы, он и за всю жизнь не успел бы заменить ими все арбалеты Брианона. Дальнейшее его не интересовало — в этом мире мало кто придает значение вещам, находящимся за пределами отмеренного ему срока. Слоняясь по Фирею — еще до того, как Кроч, словно морской призрак, высадился на берегу, — Джек уже трижды был свидетелем разрушения зданий. Жители, казалось, не обращали на это никакого внимания. Они просто переезжали в другое место.

Жители, казалось, не обращали на это внимания... Уолли не мог понять, в чем дело, но наконец, заметив, что в Фирее, как и в Мери и в керимской деревне, начисто отсутствовали дети, он, похоже, нашел правильный ответ.

Когда-то Фирей был крупным морским портом. И теперь еще город поблескивал в лучах солнца

своей угрюмой красотой, но следы ужасных разрушений, словно шрамы, пролегли по его улицам, а одиноко торчавшие дома были окружены горами щебня. Здесь, как и в Меро, и общественный транспорт и частные экипажи перемещались исключительно при помощи лошадей, управляемых возницами. Составить целостное представление о жизни города было делом нелегким, тем более для Уолли — человека неискушенного в области социальных исследований внеземных культур...

Джек выглядел весьма элегантно в своем новом желто-коричневом костюме с ярко-красной отделкой. Он протянул руку за бокалом вина: старый Кларк сказал сухую правду — прекрасный Фирей, прекрасное вино. Джек предпочитал легкое светло-золотистое вино, Кроч же налегал на густое, рубиновое, опрокидывая в себя кружку за кружкой.

— Итак, что же ты посоветуешь мне делать, дружище?

— Идем со мной! Я уже говорил тебе, что я — главный отстрельщик предаккеров и состою членом гильдии пограничников Брианона. Что ж... я могу поспособствовать твоему приему в гильдию. Впрочем, — он поднял руку, — сперва тебе следует поработать хвостовиком...

— Хвостовиком?

— Да. — Кроч расхохотался. Он принадлежал к тем людям, которые смеются легко и охотно. — Так мы называем новичков, поскольку их стрелы вечно застревают в хвостовом оперении. Понял?

— Да. Хотя, мне кажется, что во время нашей прогулки по зеленому лесу я с лихвой отрабатывал свою долю пропитания.

— Верно, верно. — Кроч неожиданно помрачнел, — как и все на этой планете, он был подвержен внезапным приступам тоски. — Хвостовики... — сказал он, резко отпихнув от себя кружку. — Да у нас давно уже не было ни одного из них... Очень давно.

Отсутствие обычного потока ругательств произвело на Уолли сильное впечатление. Кроч встал.

— Ну как?

Уолли кивнул.

— Если ты берешь меня с собой...

Это была работа. Попросить у Пи-Айчена денег он не мог, лес находился далеко, а жить в городе было не на что. Заплатить за поездку до Меро также было нечем — разве только наняться в гребцы, но на это Джек уже никогда бы не согласился...

— Только вот еще, — начал Джек, сам удивляясь тому, что он не только задумался о планах на будущее, но даже решил поделиться ими. — Я хотел бы вернуться назад. Назад в Меро, а потом через зеленый лес...

— А, ну конечно же! Ты хочешь вернуться домой?

Для Кроча Уолли был всего лишь мальчишкой из леса, пойманным Шепчущими Колдунами. Джек не стал его переубеждать.

— Да.

— Мою поездку оплатила Долли. Да и в любом случае, к зеленым козам здесь относятся с подозрением...

— Как же так? — воскликнул Уолли.

— Что?

— Объясни мне, Кроч, дружище. Если здесь не берут зелененькие — тогда что же вместо этого?

Кроч кивнул и приложил палец к носу.

— Преды. Даки. Предаки. Вот что.

— Но ведь для торговли нужен обмен? Я хочу сказать...

— Ну да, конечно, но преды день ото дня становятся дороже зелененьких.

Уолли с трудом соображал, что к чему.

Главный отстрельщик предаккеров. А теперь еще и деньги, название которых образовано из частей этого слова. Значит...

— А что такое «предаккер»? — спросил он, глубоко вздохнув.

Кроч ярко живописал ему данных тварей с анатомической, интеллектуальной и баллистической сторон. Но не с экономической.

— Так, значит, работа пограничника состоит в том, чтобы убивать предаккеров, необходимых для изготовления денег?

— Ну... — Кроч казался обиженным. — Отчасти, сынок, только отчасти. Мы, кроме того, охраняем принцессу Керит. Что за девушка! — Тут он погрузился в какие-то личные фантазии. — Если б мне так не нравилось... Да и ей, полагаю, это тоже по душе! Уж будьте уверены, ха-ха!

Уолли терпеливо ждал.

Неожиданно пол затрясся, и по вибрирующему столу поехали стаканы. В комнату заглянула служанка в съехавшей набок шапочке и сообщила:

— Ничего страшного. Только что провалилась улица Коронации.

— Как же так?.. — начал Уолли.

— Не волнуйся, о мой сокрушитель галер! Люди выбирают для жилья хорошие дома — те, что как следует отремонтировали себя сами, и сделали это относительно недавно, как раз перед...

— Отремонтировали себя?

— Ну да. Впрочем, все это уже прекратилось... когда же?.. лет девятнадцать-двадцать назад. — Он пристально посмотрел на Уолли.

Джек взялся за бокал, стараясь скрыть свою неосведомленность.

— Мы живем в хижинах, — сказал он, вытирая губы. Пускаться в дальнейшие объяснения Джек не решился, поскольку вдруг осознал, что не может припомнить, занимался ли Друбал или кто-либо из жителей деревни ремонтом своих жилищ. Возможно, их хижины тоже чинили себя сами, или так было прежде... Что за нелепое выражение!..

Задумавшись, Уолли неожиданно понял, что он не видел здесь никого младше восемнадцати-девятнадцати лет. А теперь еще какие-то странные разговоры о самовосстанавливающихся домах на этой захолустной планете (живя в Солтерранских мирах, Джек никогда не интересовался техническими подробностями такого рода) и опять упоминание о тех

же сроках. Похоже, что девятнадцать лет назад с этой планетой что-то случилось.

— Так ты согласен стать хвостовиком, а?

— С удовольствием.

— Отлично. Из человека, который способен потопить галеру и вырваться из клетки топтуна, должен получиться неплохой пограничник. — Кроч усмехнулся и подлил себе еще вина. — Давай же по этому поводу еще раз выпьем и закусим!

Опять вошла служанка и остановилась, опустив глаза. В руках она держала свежезаправленную лампу, и блики мягкого золотистого света играли на ее молочно-белой коже. Кроч внимательно посмотрел на девушку и сказал:

— Уже поздно, Джек. Договорим завтра. А сейчас твоя комната ждет тебя. Спокойной ночи!

Уолли вышел, прикрыв за собой дверь.

Под шум моря, доносящийся в его тесную комнатушку, он быстро заснул и не слышал, чтобы дверь Кроча открывалась или закрывалась.

Сперва образы сновидений были невнятными, но затем он отчетливо увидел раскалывающийся на части «Басенто», похожий на распутившуюся малиновую хризантему. Мэйзи д'Анджело и Диана Даркстер улыбались ему, прижавшись друг к другу обнаженными плечами, и тела их излучали жемчужное сияние. Потом женские силуэты превратились в пару Хлыстов — заросшая волосами физиономия в двух экземплярах вспыхнула поверх жемчужного сияния, — а дальше и эта фигура, мерцая, постепенно превратилась в черную тень. Темное пятно хлыста, понемногу вытягиваясь, приобрело знакомые угловатые очертания — это была монтировка, и она приближалась к нему, поскольку как раз в этот момент Джек увидел самого себя и понял, что все происходит во сне, но, будучи еще не в силах отогнать нахлынувшие на него видения, он зачарованно смотрел, как ужасное орудие само по себе вращалось, с громким жужжанием рассекая воздух. Наконец главный инженер схватил ее и, подпрыгнув, словно опереточный чертик, обрушил монтировку на голову Уолли,

и в этот ужасный миг в сознании Джека вновь мелькнул образ палубы и трюма «Лунного цветка»...

Очнувшись, он обнаружил себя стоящим в углу комнаты. Его окоченевшее тело было напряжено, зубы стучали, одеяло валялось на полу возле кровати.

Будь проклят главный инженер, будь проклята Мэйзи д'Анджело — даже теперь, мертвые и рассеянные в космическом пространстве, они пытались лишить его честно заработанного ночного покоя. Разволновавшись больше, чем ему того хотелось бы, Джек, спотыкаясь, побрел назад к кровати, взбил керимскую подушку, наполненную старыми пробками, и заснул сном если не невинного, то по крайней мере пока еще не пойманного.

Чтобы Джек Уолли страдал бессонницей? Да никогда в жизни!

На следующее утро, подкрепившись блинчиками с вареньем, восхитительными ломтиками мяса неизвестного происхождения, называвшегося здесь «макне», и полутора бокалами золотистого фирейского вина, Джек отправился в путь вместе с Крочем. Они ехали верхом на животных, которые представляли местный аналог земных лошадей. Уолли досталась мускулистая, округлая, длинноногая, тугоуздая и норовистая кобыла. Трясущейся рысью они выехали из порта, и Джек повернулся назад, чтобы бросить прощальный взгляд на город. Четко распланированные кварталы кристаллических зданий мерцали в свете утреннего солнца. Улицы были прямые и чистые, и, казалось, шум толпы, гудки автомобилей, рев скоростных экспрессов и стук монорельсовых пригородных электричек должны были наполнять город. В действительности же Джек заметил лишь нескольких мужчин и женщин, бесцельно прогуливающих по улицам, да еще пару повозок, запряженных лошадьми, чьи копыта громко цокали по мостовой, заставляя забыть о бесшумных электрических батареях. Уолли пожалел, что так и не разобрался толком с социально-политической историей галактики и не узнал законов зарождения и гибели цивилизаций.

Пока он прощался с городом, один из жилых домов накренился, и по стене его поползла паутина трещин. Затем вся конструкция искривилась, словно картонная коробка, которую пнули ногой, и здание рухнуло.

Громкий гул настиг их, когда они поворачивали лошадей, выезжая на дорогу.

— Все разваливается прямо на глазах, — печально проворчал Кроч себе под нос.

В это утро он облачился в форменную одежду, которая произвела сильное впечатление на Уолли своим удивительным сочетанием практичности и шика. Коричневая кираса, стягивавшая его внушительных размеров грудную клетку, зеленые рукава с буфами и разрезами, зеленые же, короткие, подвязанные ниже колена штаны, желтые чулки, ярко-красные башмаки, игривая шапочка с блестящим на солнце алым, склоненным набок пером — все это придавало облику Кроча ореол веселости, которая контрастировала с мрачной угрюмостью меча, арбалета, стрел и нескольких засунутых под чулки кинжалов. Еще он сохранил свой большой мохнатый плащ; свернутый за спиной подобно крыльям птицы и пристегнутый усыпанной беллахронтисами золотой цепью, этот плащ живо напоминал о прежнем Кроче, бродившем по зеленому лесу. Борода и волосы его были подстрижены, и теперь он казался всего лишь раза в два больше обычного человека.

— Мы попросим у Пи-Айчена дать тебе снаряжение пограничника, как только ты примешь присягу, — сказал он Джеку.

У седла Кроча болтался объемистый бурдюк с вином, — впрочем, можно было не сомневаться, что на всю поездку его не хватит.

Вскоре Кроч затянул песню: «Прекрасны мужчины границы — отважней их нет и храбрее; хотя, как и все в этом мире, они постепенно стареют...»

Он жадно глотнул вина и заявил:

— К черту эту дурацкую слезливую песню! Хватит распускать сопли!

И Кроч запел снова, весело горланя простенький повторяющийся припев:

Мы едем на север, мы едем на юг,
Где пред, а где дак — все смешалось вокруг
У нашей принцессы глаза голубые,
У милой принцессы голубые глаза!
Летят наши стрелы, уносятся вдаль,
Без промаха бьет вороненая сталь
У нашей принцессы глаза голубые,
У милой принцессы голубые глаза!
Готовы на все — и убить и украсть,
Готовы хоть сами к предаккеру в пасть
И все ради пары голубеньких глаз
Нашей принцессы
Хэй! Хэй! Не зевай, о предаккерах не забывай!

Кроч легко соскочил с коня, снял с плеча арбалет и взял его в одну руку. Другая рука тем временем уже доставала из колчана стрелу.

— Что означает эта песня? — спросил Уолли.

— Говоришь, что означает, сынок? Да почему я знаю. Взгляни-ка лучше вон туда. Сейчас мы проверим, сколько обедов ты можешь заработать!

Джек посмотрел в том направлении, куда указывал Кроч. Высоко в голубом небе кружилась точка. Постепенно она увеличивалась в размерах, превращаясь в покрытое перьями чудовище, лениво помахивающее крыльями. Оно, несомненно, направлялось к ним.

— У тебя есть один выстрел, Джек. А затем используй то, что попросишь у Пи-Айчена.

Уолли приподнял свой арбалет и натянул тетиву. Руки его дрожали. Затем он неуклюже соскочил с лошади, что заставило Кроча исторгнуть вопль отчаяния, и бросился к обочине дороги. Вот лист — большой и широкий. Вот длинная и прямая палка... Джек торопливо зашептал: — Пи-Айчен, скорее дай мне щит, крепкий и удобный! И копье, длинное и острое!

Он снова кинул быстрый взгляд на предаккера. Тот был уже ближе — огромные крылья застыли в бреющем полете, зубастый клюв был широко разинут, блестящие ярко-красные лапы оцетинились острыми, как опасные бритвы, когтями.

Джек неумело вскарабкался обратно на лошадь.

— Еще секунду назад мне казалось... — со вздохом облегчения начал Кроч.

Предаккер устремился вниз.

— Эй, смотри! Эта дрянь поворачивает! Он не хочет атаковать нас! Жалкий трус... Давай, Джек, скачи!

Предаккер нырнул под покров расположенных впереди чахлах деревьев. Лошади набрали скорость, и стук их копыт разносился над степью, как пулеметная очередь. Кроч припал к шее своей кобылы.

— Ну давай, моя красавица! Шевели своими быстрыми ножками! В галоп!

Вцепившись мертвой хваткой в поводья, Уолли следовал за ним, подпрыгивая вверх-вниз и трясясь из стороны в сторону. Он задыхался, зад его горел, словно исполосованный ремнем, а ноги гудели. И все же Джек не отставал от Кроча.

За зарослями низких кустов, прикрываясь охапкой упавших веток, две женщины и два мужчины скорчились в яме, вырытой животными. Еще один мужчина лежал на дороге, и лошадь тыкалась мордой в то, что осталось от его головы.

От других четырех лошадей не осталось и следа. Одна из женщин — полная, судя по виду, мать — плакала. Мужчины держали арбалеты и неуклюже пытались стрелять, не высовываясь из-за укрытия. Вторая женщина, для которой эта берлога оказалась ловушкой, забилась в нее глубже, чем другие, и Уолли мог видеть только ее роскошный плащ и великолепные золотисто-рыжие волосы.

— Здесь совсем не много места, — сказал старший из мужчин, хрипло дыша, — но вы вполне можете присоединиться к нам...

— Я, Кроч, не прячусь от предаккеров! — гордо заявил Кроч, удивив и приободрив этим Джека.

— Вы не понимаете... — промямлил второй мужчина — молодой, с болезненным лицом. Его тонкие женственные руки неловко и беспомощно теребили арбалет.

Кроч бросил на него многозначительный взгляд. Предаккер лениво раскачивался в вышине, наблюдая за людьми.

— Ждет свою подружку, — сухо заметил Кроч. — Стоило бы убить его, прежде чем они начнут орудовать вдвоем.

— Да ведь стрела не долетит до него, — запротестовал Уолли.

Кроч соскочил с лошади и прошел немного вперед мимо зарослей кустов к тому месту, где пыльная, изрезанная колесами дорога неожиданно соединялась с вымощенным желто-коричневым кирпичом трактом. Тут он вдруг захромал и улегся на спину, пристроив арбалет на своей могучей грудной клетке.

— Запомни, Джек. Ты должен поразить его с первого выстрела!

Заинтересованный предаккер начал снижаться.

— Смотри, Ларни, человек-приманка! Какое мужество! — оживленно воскликнул старший мужчина, и его крепкие зубы блеснули над изящной бородой.

— Мужество, мой дорогой Джарфон, — это товар для пограничников. Такие вещи меня не впечатляют. — Ларни все еще не перезарядил прыгающий в его руках арбалет.

Уолли взглянул на молодого и, заметив пестрый щегольской наряд, немедленно проникся отвращением к нему. Другой — Джарфон — показался ему более надежным человеком.

Ларни кого-то напоминал Уолли, но он никак не мог вспомнить, кого именно. Было что-то до странности знакомое в образе этого молодого хлыща — у Джека возникло чувство, будто он смотрится в зеркало, пытаясь разгадать секреты ушедших дней.

Грязно-коричневые крылья предаккера ухнули на повороте, хвост вытянулся, а кожистая шея кровожадно выгнулась. Уолли вытер лоб. Злобная тень пронеслась над ним со свистом, похожим на звук кнута господина Хлыста.

— Давай! — заорал Кроч.

Оба спустили курки одновременно.

Стрела Кроча поразила предаккера в грудь.

Стрела Уолли лишь всколыхнула хвостовое оперение.

Рубанув крыльями воздух, предаккер с жутким пронзительным воплем рванулся вверх, и тяжелые

красные капли брызнули во все стороны, с шумом падая в пыль, словно маленькие авиационные бомбы...

— Берегись! — тихо сказал Джарфон. — Сзади!

Уолли в ужасе обернулся. Второй предаккер пошел на хитрость — он уверенно приближался, скользя на небольшой высоте, словно ядерный бомбардировщик, идущий на бреющем полете. Его ярко-красный клюв был широко раскрыт, а голова вытянулась вперед подобно пику.

«Сразу же перезаряди арбалет», — говорил Друбал...

Джек как безумный покатился по дорожной пыли, прикрывая тело новеньким щитом и пряча голову. Длинное копьё он неловко выставил наружу и вперед... Древко было скользким от пота. Во рту ощущался пресный привкус пыли. Джек сплюнул. Клюв, подобный огнедышащему жерлу вулкана, несясь прямо на него. Предаккер еще раз или два с шумом взмахнул крыльями, его круглые блестящие глаза шныряли туда-сюда, примериваясь к цели. И тут ужасная боль пронзила все тело Джека. Он успел заметить, как копьё, блеснув на солнце, ударилось об ороговевший покров шеи и отскочило. Затем сверкающий наконецник уперся под прямым углом в покрытую перьями грудь и исчез в ней. Джека с силой швырнуло назад, и он едва не перекувырнулся, но все же не выпустил из рук щит. Древко копья билось о землю, раскалываясь и ломаясь. И вдруг что-то красное хлынуло мощной струей на его новую одежду.

— ...Это вонючее помойное ведро с грязными отбросами! — проорал Кроч, дыша винными парами прямо в лицо Уолли.

— Попридержи свой язык! — Когда опасность миновала, в визгливом и презрительном голосе Ларни вновь зазвучали командные нотки. Уолли хорошо знал такой тип голоса — он много раз слышал его, сталкиваясь с избалованными представителями сливок общества.

Джек ощущал спиной неровную поверхность дороги. Ноги ему казались странно чужими, а лицо ласкали теплые солнечные лучи. Затем по легкой прохладе он понял, что кто-то склонился над ним, закрыв солнце. Уолли открыл глаза.

Мими? Диана? Мэйзи? Нет, они не шли ни в какое сравнение с той чудной золотоволосой девушкой, что наклонилась к нему. Долгие мгновения он пристально вглядывался в ее лицо — лицо, которое ему теперь суждено было сохранить в своем сердце на всю жизнь.

— Он очнулся, госпожа. Идемте домой, прошу вас, — раздался голос старшей женщины.

— Хорошо, дорогая Ровена. Идем.

Сильные руки Кроча приподняли Джека и усадили на лошадь. Цоканье копыт, мягкое убаюкивающее покачивание, ощущения ребенка, лежащего в колыбели... Домой... Он не мог представить себе, что же за дом должен был быть у такой девушки...

Итак, маленькая процессия обессиленных от пережитых волнений людей тяжело двинулась в сторону семи вершин Маникоро, к дому принцессы Керит, царицы Брианона.

XI

— Все в порядке, дружище. Ты был серьезно болен, но теперь дело пошло на поправку. Мы еще покажем этим тварям. — Веселая болтовня Кроча разбудила Уолли, развеяв наполнявшие его мозг образы Земли, взрывающихся в космосе звездолетов и главного инженера с той самой монтировкой в руке, готового наказать глупого дитяню за его неразумные шалости.

Он мелкими глотками выпил горячий отвар, а затем закусил хрустящим макне, испытав неожиданное удовольствие. Прекрасное фирейское вино заманчиво поблескивало золотыми и серебряными искорками возле его локтя. Джек присел на кровати в комнате для гостей Дома Братства и окончательно пришел в себя.

— Ты действовал как настоящий хвостовик. Я все видел.

Уолли рассмеялся.

— Ты оказался прав, дружище.

— Что ж, ты думал, я юнец неопытный? Тот, кто впервые стреляет по предаккеру, всегда попадает

в хвост. — Кроч с довольным видом погладил себя по колючей бороде и усам. — Эти хитрые бестии летают чересчур быстро, черт бы побрал их кожаные шкуры.

— Но ведь их шкуры, — хитро заметил Джек, — это же деньги.

— Верно, сынок. — Кроч улыбнулся. — Ты получишь свою долю. Твое копье сломало ему хребет.

— А что мы будем делать дальше?

— Нынче творятся чудные дела. — Кроч встал, массивный и растрепанный. Теплое послеполуденное солнце вычерчивало в полутемной спальне неясные тени. — Станные вещи произошли в Брианоне с тех пор, как я его покинул. Да, странные. У принцессы, да будут благословенны ее пленительные лазоревые очи, появилась идея, будто мы сможем узнать ответ, если найдем Пи-Айчена.

— Найдем Пи-Айчена? — Уолли, пораженный, отставил свой бокал с вином.

— Так он сказал. — Кроч присел на край кровати, возбужденный и расстроенный. — Джарфон из Три-веса, главный государственный министр. Он руководит исполнением этого плана. Гильдия должна обеспечить эскорт на время путешествия. Я, разумеется, тоже еду, поскольку мое звание...

— А я?

— Посмотрим. Тебе надо еще немного подлечиться, чтобы ты мог как следует работать ногами... Эй, ты что? — Кроч нагнулся, поскольку Уолли запустил в него недоеденной хлебной коркой.

— Я не желаю даже слышать о работе ногами! Меня трясет при одной мысли о господине Хлысте и его повелительном «динь-динь».

— Да брось ты, с этим давно покончено. Давай лучше выздоравливай побыстрее.

Дружба — презабавная вещь. Из голого, волосатого и страшного незнакомца Кроч постепенно превратился в верного товарища и стал лучшим проводником для Уолли в этом чужом краю, так что теперь уже казалось, будто иначе и быть не могло. Еще Джек пришел к неутешительному выводу, что и он, необузданный Джек Уолли, немного переменялся за время этого путешествия. Сама идея добиться для девушки

места за капитанским столиком представлялась ему теперь ребяческой по своей сути. Если крошка так сильно захотела пересесть туда, ей следовало попросить об этой привилегии открыто. Вероятно, ее не звали из-за того, что она просто не заслуживала столь сомнительной чести.

Его мысли начали путаться. Образы перемешивались и наслаивались друг на друга — печальные воспоминания о Друбале и Мими, картины зеленого леса, Зеленые Братья, танцующая Саломея, вращающиеся и поблескивающие лопасти, господин Хлыст с кнутом в руках, малиновая вспышка взрыва, разрывающегося нутро «Лунного цветка»...

Уолли начал клевать носом, и Кроч вышел на цыпочках, произведя шуму всего лишь раза в два больше, чем это сделал бы обычный человек. Джек ласково улыбнулся ему вслед.

Везучий Джек Уолли.

К тому моменту, когда раны, нанесенные предаккером, зажили, он получил свою долю добычи — двадцать кружочков размером с монету, только что отчеканенных на Монетном дворе. Каждый кусочек кожи был тщательно обработан, имел идеально круглую форму и ровные, без махров края. При всем своем невежестве, Уолли видел, что это была именно кожа предаккера, — хотя после пропитки в чане блеск ее стал ярче, а бронзовый отлив смотрелся более насыщенным, ее нельзя было спутать ни с чем.

— Двадцать даков, приятель! И все твои! — Кроч располнел с тех пор, как они устроились на постой в Доме Братства Гильдии пограничников — если, конечно, при такой комплекции вообще можно было говорить о полноте, — теперь его диковатый, растрепанный вид вполне соответствовал облику воина, вернувшегося домой к своим товарищам. Джек подумал, что о лучшем друге, чем Кроч, нельзя было и мечтать...

Он осторожно спустился по девятиста девяти ступеням во двор, где желтые и сапфировые струи воды, вырываясь из клювов каменных предаккеров, вызывали бесконечную незатейливую мелодию. Идея, впрочем, была довольно банальная. Джек встречался и разговаривал с другими крепкими, бороатыми и

веселыми людьми, похожими на Кроча, — все это были пограничники. Они собрались здесь, чтобы принять участие в великом паломничестве своей принцессы. Уолли видел также и солдат — ладных мужчин в аккуратных желтых одеяниях и бронзовых латах. Вокруг царила атмосфера шутивого соперничества между обеими группами. Джек внимательно изучал новую для него среду.

В первый же день, как только Джек ощутил себя достаточно сильным для того, чтобы совершить прогулку по бульварам города Брианона страны Брианон, он тут же отправился на улицу бодрым пружинистым шагом, словно опасаясь, как бы ему вновь не оказаться отторгнутым от внешнего мира.

Брианон, сочетавший в себе достоинства Мери и Фирей, приправленные его собственной особой живостью, очаровал Уолли. Впечатления не портили даже грубые заборы, ограждающие здания, которые вот-вот должны были рухнуть. Мимо проезжали запряженные лошадьми экипажи. Мужчины и женщины проходили по улицам, погруженные в свои заботы. Охватившая всю планету печаль чувствовалась и здесь. Отсутствие детей сразу бросалось в глаза, терзая душу, словно жалобные стоны бесплодной женщины.

Какая-то процессия преградила дорогу Крочу и Уолли, и они остановились, наблюдая. Первыми шли важного вида мужчины в черном, расчищавшие дорогу жезлами. Их лица были вытянуты и печальны. Далее нетвердыми шагами следовали жрецы в пышных цветастых одеяниях. За ними босоногие новообращенные, тянувшие скорбную песню, несли щедро разукрашенных и увенчанных цветами деревянных идолов. В самом центре процессии парами шли юноши и девушки — с виду не старше двадцати одного года, но и не младше девятнадцати. Все они были облачены в прозрачные оранжевые одежды. Девушки своими необычными подпрыгивающими телодвижениями напомнили Джеку о Мими и зеленом лесе. Юноши несли символы продолжения рода. Девушки, сложив перед собой ладони и опустив головы, прижимались каждая к своему суженому с исступлением, которое все же не могло скрыть внутреннего ощущения безнадёжности, владевшего ими.

— Ни к чему это, — сердито сказал Кроч. — Все равно ничего не выйдет.

— Ты о браке? — откликнулся Уолли. — Я всегда считал, что брак — сущее наказание для тех, кого угораздило попасть в эту ловушку.

— Нет, я так не думаю, сынок... Я был счастливым мужем... — Образ Кроча-весельчака растаял прямо на глазах. — Чудная жена, чудный ребенок... но они умерли, умерли... Я объехал весь свет и не нашел никого, похожего на них... Да и не найду никогда...

Кроч встряхнулся, и они двинулись дальше, пройдя мимо хвоста процессии.

— И вот теперь я пью вино, развлекаюсь с женщинами, провозглашаю громкие клятвы в верности моей принцессе...

Уолли благоразумно решил не обследовать полуобвалившийся фасад ближайшего здания.

— Такова жизнь, — резко закончил Кроч. — Да, жизнь.

— Так, значит, эти пары, — спросил Джек, когда они отошли на порядочное расстояние от разрушающегося дома, — вступят в брак?

— Мы не теряем надежды, Джек, не теряем надежды.

— Да, дети...

— Даже само это слово заставляет терзаться наши сердца... Должно быть, мы в чем-то согрешили. Мы пытались найти ответ, мы все перепробовали... Но не нашли ничего, что могло бы отвести эту беду от нашей страны.

Мир взрослых, стареющих безо всякой надежды на то, что им на смену придет новая цветущая жизнь... Эта мысль заставила содрогнуться молодого и беззаботного Джека.

— Если бы мы знали окончательный приговор, обрекающий нас на полное истребление, — сказал Уолли, предусмотрительно включая и себя в это «мы», — тогда, вероятно, можно было бы усмотреть определенный смысл в такой остановке деторождения. — Джек запнулся на мгновение, а затем, не желая пускаться в объяснения из области земной истории и тем более раскрывать свое некеримское

происхождение, торопливо продолжил: — Но такое бессмысленное отрицание жизни — это же просто... — Договаривать до конца не было необходимости. Люди этой планеты вот уже девятнадцать лет, или даже больше, обсуждали эту проблему, и ничего нового к их мыслям он добавить не мог.

О, болтливый Джек Уолли...

Впереди показался Дворец. Длинное, низкое здание, с мощными, словно обшивка броненосца, стенами, расположилось поперек улицы, раскинув по обе ее стороны пшеничного цвета крылья. Поблескивавшее окнами и украшенное многочисленными колоннами и арками сооружение, несмотря на всю щедрость декоративного убранства, все же очень сильно смахивало на кита, севшего на мель в самом центре города. На вмонтированных в стены флагштоках реяло сотни две знамен. Кудрявые лужайки украшали покрытые гравием подходы к Дворцу.

Уолли заметил маленького, шарообразного, выкрашенного в оранжевый цвет робота, лениво занимавшегося садовыми работами. Джек сразу понял, что представшая его взору штукавина относилась именно к данной категории, и с трудом подавил возглас изумления. Выходит, механизмы, и более того — роботы, были знакомы керимским жителям! Это была еще одна загадка, вроде небоскребов из стали и стекла.

— Это дворец Арчрейла Порденфорса, — весело сказал Кроч, забывая за повседневными мелочами о трагическом бесплодии своей страны, как это делали тут все здравомыслящие люди. — Именно здесь останавливается принцесса Керит, когда она приезжает в город.

— Вот как? — сказал Уолли. — Принцесса Керит. Ну да.

Кроч хлопнул его по плечу.

— Знаю, знаю, сынок. Я и сам не раз об этом думал. Но потом выбросил подобную чепуху из головы.

— Я полагаю, что...

— Нечего тут полагать! Неужели ты думаешь, я бы отступился, если... — Он глубоко вздохнул, и его

мощная грудная клетка раздалась еще шире. — Она помолвлена с Ларни из Красного Джафара.

— С этим безмозглым бачком для помоев? — гневно воскликнул Уолли, покраснев до кончиков ушей. — Да он ей совершенно не пара!

— Знаю. Но тебя самого превратят в то же самое, если ты не будешь держать язык за зубами, парень.

Уолли снова ощутил предательскую трясину собственного невежества. Но он рискнул еще раз попытаться коснуться святой святых.

— Надеюсь, она рада, что ей не придется рожать ему детей, — заметил он тихим шепотом.

— Они попытаются, — ответил Кроч. — Конечно, они попытаются. Как и все остальные. Но у них не получится. Так же как и у всех остальных.

— Значит, ты уже потерял всякую надежду, Кроч?

— Совершенно. Все хорошее ушло из этой страны. Разве ты не чувствуешь этого? Жертвоприношения, молитвы, просьбы — все напрасно. Да здесь все просто сгнило.

Кроч явно был расположен к мрачным шуткам.

Уолли внимательно разглядывал панораму серых стен, коричневато-желтые колонны, плавные изгибы архитектурного стиля, знамена, роботов-садовников, покрытых золотой пленкой солнечного света, похожих на автоматы из плоти и крови, солдат в желтых одеяниях и бронзовых доспехах, охранявших принцессу Керит... Он смотрел и чувствовал, что эта планета навсегда останется чужой для него. Джек родился в таком мире, где жизнь текла без особых перемен — при этом не важно было, на какой из планет он расхаживал с гордым видом, веселился, смеялся или ухаживал за девушками.

Веселый галактический бродяга? Джек Уолли? Он ощутил на боку тонкий меч — это оружие он носил при себе по настоянию Кроча, — и его охватило странное и неожиданное чувство тревожного комфорта. Джек был человеком из мира автоматов, кибернетических устройств, напичканных транзисторами, ядерной энергии, пластика и повседневных межзвездных перелетов. А вот теперь он сжимал поблескивавшую на солнце рукоятку меча, чувствовал рядом плечо

надежного друга, видел дворец и принцессу, которых надо было охранять... И все же и ему тоже суждено было состариться!

Состарился Джек уже или нет, но в горле у него чертовски пересохло, и два товарища решили укрыться от палящего солнца в уютной харчевне, расположенной на первом этаже ближайшего ко Дворцу огромного пятидесятиэтажного небоскреба, окруженного ухоженными газонами и аккуратно подстриженными деревьями.

— Они не делали высоких зданий в непосредственной близости от дворца Порденфорса, — сказал Кроч, торопливо подходя к столу и стуча по нему оставленной там кружкой.

— Кто они?

— Великаны, которые построили этот город. Впрочем, я не знаю. Эй! Человек! Золотистого и рубинового фирейского для двух пересохших глоток!

Когда мир твой рушится, забываешь о второстепенном. Что пользы в точном знании истории, если даже на выпивку может не остаться времени?

Через час Уолли заявил:

— Теперь я нанесу визит принцессе Керит.

Кроч внимательно посмотрел на него поверх края своей кружки.

— Ты не можешь этого сделать! К тому же она сама скоро придет за нами, как только ты окончательно поправишься. Никто не имеет права являться к принцессе без приглашения.

— Мне не надо, — сказал Уолли, вставая и хватаясь за край стола, — не надо никакого приглашения. Мы же старые друзья.

— Ты что, все-таки решил превратиться в безмозглый бачок с помоями, а, Джек?

Достоинство Уолли было глубоко задето. Уязвленный в самое сердце, он произнес скорбным тоном:

— Ах, Кроч, Кроч, старый ты пьяница! Выходит, теперь и ты отвернулся от меня? Что за ж-жизнь такая... Все против меня!

— Сядь, выпей еще и заткнись! — Кроч вытянул вперед свою длинную руку. — Все равно ты через пару шагов завалишься.

Уолли попытался грациозно отклониться, в результате чего поскользнулся и с размаху наскочил на соседний стол, находившийся в десяти ярдах. Однако ему все же удалось увернуться от руки Кроча.

— Я желаю нанести дружск... дру-жеский визит принцессе! Имею п-право!

Кроч вздохнул, залпом осушил свою кружку и поднялся из-за стола, мрачный, как грозовая туча. Но Уолли уже успел выскочить за дверь и теперь нетвердой походкой двигался в сторону Дворца. Швырнув на стол деньги, Кроч последовал за ним, тяжело сопя носом.

Джек остановился, чтобы похлопать оранжевого робота-садовника по щитку.

— И каково тебе, приятель, работать в этот светлый и радостный день?

Садовник защелкал какими-то шестеренками и ударил Уолли граблями по лодыжкам. Удивленно вздернув плечи и грозя роботу пальцем, тот отпрянул назад.

— Ах ты, безобразник! Вот сейчас как выпущу все масло из твоего механизма!

Он зашел за группу бледно-зеленых кудрявых деревьев, и Кроч потерял его из виду. Нетвердой походкой Джек проковылял по вымощенной гравием дорожке, с замечательной ловкостью и изяществом перелез через стену, однако по какой-то непонятной причине вдруг обнаружил себя распластанным на спине с противоположной стороны и уставился на ближайшее окно Дворца. Солнечный луч, отраженный от оконного стекла, заставил его заморгать. Глаза сыграли с ним шутку. Прямо перед собой он видел все совершенно отчетливо, но края поля зрения расплывались так, что ему казалось, будто он смотрит в туннель, из глубины которого исходит свет. Это была всего лишь игра света, разумеется...

Джек Уолли, галактический бродяга, овладел ке-римским языком в совершенстве, и он мог говорить на нем безо всякого акцента. Внешне он также выглядел абсолютно неотличимо от пограничника-хвостовика. И все же искусство ходьбы с мечом, покачивающимся у бедра, все еще оставалось ему недоступным.

Падать Джек также научился великолепно, что он тут же и проделал. Меч коварно выскользнул из ножен и воткнулся в землю возле его перепутавшихся между собой ног. Джек с трудом засунул его обратно. Куда делось теперь его достоинство? Он почувствовал, что его штаны отчего-то намокли сзади. Обследовав их рукой, он обнаружил грязную воду, согнутое растение и край каменного кувшина. Как же он, собственно говоря, очутился в этом цветочном горшке? Джек попытался встать, но колени уперлись ему в подбородок, и он провалился обратно еще глубже.

Он мог видеть перед собой каменную балюстраду, вымощенную плитками аллею и пеструю изгородь из цветов. На лужайке, которая виднелась сквозь цветочный экран, валялся разобранный на части оранжевый механический садовник, сверкая на солнце выдранными шестеренками и проволочными катушками.

— Я ведь тебя предупреждал, — торжественно произнес Уолли. — Ты не можешь сказать, будто я не предупреждал тебя. И поделом! Ржавая железяка, ты еще имела нагл... наглость поднимать на меня свои грабли!

Он погрузился в размышления, продолжая сидеть на прежнем месте и не чувствуя неудобства от сырости. Да и что он мог поделать?

Джарфон из Тривеса, одетый неброско, но изысканно, и с вежливой улыбкой на устах вышел на вымощенный плитками двор. Его сопровождали двое или трое мужчин и пара женщин, — размытое пятно разноцветных одежд, оживленно жестикулирующих рук и сверкающих драгоценностей надвигалось на Уолли. А он сидел и думал.

Джарфон из Тривеса заговорил на великолепном керимском:

— Как мило с вашей стороны заняться ремонтом садовников. На моей памяти никто уже не умел управляться с ними. Это все, что осталось от древней эпохи механизмов.

В ответ раздался невнятный голос, говоривший на не совсем правильном керимском. Он принадлежал человеку, склонившемуся над садовником.

— Я занимаюсь этим с удовольствием, Джарфон. Приятно сделать что-нибудь своими руками.

И тут... тут Уолли просто глазам своим не поверил. Он изо всех сил пытался разлепить веки и сфокусировать зрение. Кругом плыли светлые и темные пятна. В мозгу его словно копошились чьи-то пальцы. В желудке урчало. В ушах стоял шум. Губы отвисли. Из носа текло. Пальцы, обдирая кожу, судорожно царапали по камням.

Что это было — дьяволы или ангелы, правда или ложь, сон или явь?

— Какого черта ты возишься с этим оранжевым зомби, когда нам нужен межзвездный передатчик, — произнес женский голос.

— Да здесь не из чего сделать даже элементарную рацию, черт побери, и ты прекрасно знаешь об этом, Мэйзи! А теперь приподними-ка свою задницу и подай мне вон тот ключ.

Керимский? О нет... Нет, нет, нет! Они говорили на старом добром галактическом пиджин-инглиш. Говорили как люди, которые привыкли путешествовать между звездами, расталкивая тусклые шарики планет огненными хвостами космических кораблей. От их разговора веяло домом.

Уолли попытался заорать радостное приветствие. Ему хотелось выбраться из поглотившего его цветочного горшка, смахнуть с лица налипшие лепестки и заключить этих людей в дружеские объятия. Но по какой-то странной причине он сумел всего лишь подвигать пальцами и беззвучно пошевелить губами.

— На, держи, — сказала девушка.

— Я знаю, что я хотел бы сделать с этим! — отозвался мужчина. — О, я знаю, знаю! Мы — обреченные на смерть, вот кто мы такие! Брошенные, словно червяки, умирать на этой вонючей планете... отрезанные от дома и ото всего, что делает дом настоящим домом, — от игр, от виски, от веселого смеха...

Раздался другой мужской голос, жесткий и в то же время жалобный:

— Почему бы тебе не заткнуть свой глупый рот и не заняться делом? Мы все знаем, кто виноват,

и твое нытье ничего не изменит. — Последовал тяжелый вздох. — Мы застряли на этой Богом забытой планете, и ничего тут не поделаешь!

Уолли еще раз попытался вырваться из цепких объятий цветочного горшка. И снова он лишь слегка дернулся и всхлипнул.

— Будь он здесь, я засунул бы ему этот ключ в задницу и отвинтил бы его дурацкий хребет, а вы бы мне помогли! — сказал первый мужчина.

— Да он просто безмозглый пижон, хотя и обрек нас на гибель, — отозвалась девушка.

— Нет, я все-таки приладил бы ему ключ на кадык и вертел его до тех пор, пока у него башка бы не отвалилась! — не унимался мужчина.

Джек Уолли больше не пытался вылезти из цветочного горшка. Он тихо сидел на своем месте и мечтал о том, чтобы цветы случайно не осыпались с той ветки, которая прикрывала его лицо.

Он уже совершенно промок.

Уничтоженный Джек Уолли...

— Да я бы ему кишки выпустил, мозги вышиб, я бы ему... — сказал мужчина и принялся колотить ключом по садовнику. Уолли закрыл глаза и попытался отключить свой слух.

XII

— Так погибают настоящие храбрые, — сказал Уолли, когда Кроч наконец нашел его. — Застряв задницей в цветочном горшке.

— Все в порядке, дружище, ты, должно быть, просто искал что-то на земле. — Кроч уперся ногой в камень и приготовился вытаскивать Уолли из западни.

— Они ушли? — спросил Джек, вращая глазами.

— Кто?

— Эти странные люди, которые были во дворе около садовника.

— Садовник все еще здесь. И выглядит так, словно кто-то предпринял с ним битву на топорах. Кроме этого — ничего...

— В таком случае, — бодро отозвался Уолли, — тащи.

Издав звук, похожий на чавканье великана, Джек Уолли нежно распрощался со своим цветочным горшком, а затем они вместе с Крочем быстро зашагали назад по саду, благоразумно направляясь к Дому Братства.

— Так ты действительно видел их? — заинтересованно спросил Кроч. Он крепко держал рукой Уолли за левый бицепс, и Джек болтался, словно судно на якоре во время шторма.

— Кого?

— Да этих странных людей, про которых ты меня уже спрашивал, старый пьяница.

— А-а, этих. — Уолли надул щеки и с шумом выпустил воздух. — Ну, конечно, я их видел. А что?

Кроч жадно уставился на него.

— Как они выглядят?

— Как люди. Я ведь в это время... ну... искал кое-что на земле.

— Я так и представлял себе. Люди. Судя по тому, что я слышал в окрестных тавернах, — они просто-напросто чокнутые. Правильно слова выговаривать не умеют, между собой разговаривают вообще непонятно, да и несут какую-то диковинную чушь.

— Например?

Кроч оглянулся вокруг и, понизив голос, сказал:

— Один приятель-пограничник рассказывал мне, что они утверждают, будто мы живем на шаре! Только не объясняют при этом, как же мы все с него еще не попадали, — ну, да такого сорта публика предпочитает обходиться без объяснений.

— Разумеется.

— Еще заявляют, будто сами они живут на звездах! Я бы не поверил и половине из того, что рассказал мой приятель, — он трепло известное, — но я слышал, что многое подтверждается. Других таких придурков по эту сторону Лоренченских ворот, пожалуй, и не сыщешь.

— Придурков... — с удовольствием повторил Уолли. — Да уж, я думаю, Мэйзи и впрямь заслуживает подобного эпитета.

— Кто это?

— Одна подружка. Правда, — Уолли расхохотался, и, если бы не надежный якорь, он непременно растянулся бы на дороге, — подружки приходят и уходят, а эта, к несчастью, решила вернуться. — Тут вдруг Джек осознал, хотя и не вполне отчетливо, но с некоторыми угрызениями совести, что он говорит гадости. Черт возьми! Ведь ему следует радоваться и прыгать от счастья, узнав что кому-то из команды старого «Басенто» удалось спастись. Он должен был бы испытывать смиренную благодарность ко Всевышнему за то, что еще кто-то из этих бедных, обреченных на гибель душ сумел совершить мягкую посадку на ту же планету и обрести убежище в Брианоне у принцессы Керит. Он должен был, должен...

Капитан Рэттрей, Диана Даркстер, персонал рубки управления, пухлая вдова с Венеры, Мэйзи д'Анджело и... и... главный инженер!.. Кому-то из них удалось спастись.

Будь он проклят, этот инженер вместе с его монтировкой!

Бедный Джек Уолли.

«Привет, чиф, — скажет он весело и радостно. Как мило, что вы не погибли в космосе. Я так рад всех вас видеть».

А в ответ: «Привет, Джек!» И дальше: «И я рад видеть тебя снова, Джек!» А потом: «Поди-ка сюда, Джек!»

А потом — тьма.

Бедный, несчастный, ничтожнейший из людей, Джек Уолли.

— Еще немного, и ты будешь сиять как стопка новеньких даков, дружище! — уверенно загудел бархатистый голос Кроча в Доме Братства пограничников, возвращая Джека к реальности.

Ну конечно.

Глупый Джек Уолли.

Добрый старина Кроч, заросший волосами и укутанный в мохнатый плащ так, что невозможно было

понять, где кончалось одно и начиналось другое. Кроч, изборожденный памятыми шрамами и удивлявший Джека своими практичными суждениями о человеческой жизни и подлинных ценностях. Добрый старина Кроч, рискуя жизнью, изображавший из себя приманку для предаккера, а затем так заботливо и участливо поддерживавший Уолли. Кроч, вечно благоухавший, словно наполненная до краев бочка дьявольского рубинового фирейского... Друбал был одной привязанностью Джека на этой планете, а Кроч — другой. Первый — спокойный, надежный отец и учитель, второй — необузданный, свободолюбивый, веселый и шумный товарищ-собутыльник, готовый в решающую минуту встать за друга горой. О Мими Джек больше не думал, поскольку несовместимость их генов выглядела неприличной насмешкой над тем тяжелым положением, в котором оказалась данная планета.

И зачем было переживать из-за какого-то главного инженера и его montirovki? Одно представлялось несомненным — покинуть Керим не удалось никому.

К этому времени Джек уже узнал достаточно для того, чтобы понять, почему жители Керима называли себя Бездомными. Ответ был совершенно очевиден, а сам он чувствовал себя бесконечно одиноким и со смирением согласился, что ему следовало бы еще расти и расти до настоящего осознания своей собственной никчемности. Впрочем, едва ли кто-либо из людей способен действительно до конца признать такое.

О, независимый Джек Уолли.

Внезапно он понял, что именно Друбал, Кроч и весь керимский мир дали ему. Чем он был обязан межзвездной солтерранской культуре? На какой шкале ценностей можно было соотнести два этих мира? Чудеса автоматизации, ядерной физики, совершенства пластиковых форм, кибернетических роботов и финансовых махинаций — все эти бесспорные достижения дали ему одежду для тела, более-менее сносную пищу для желудка, какую-никакую литературу, трехмерные телешоу, свободу передвижения, лекарства для облегчения нажитых в городе болезней, возможность

чувствовать себя частицей великой, разрастающейся
вширь межзвездной цивилизации, надежду на будущее.

Планета керимов дала ему рабство, предаккеров,
Шепчущих Колдунов, невозможность стать отцом ре-
бенка.

Еще Керим дал ему Друбала и Кроча, а также —
если рассудить здраво — и Мими.

Нет, никакой шкалы для сравнения этих ценностей
не существовало.

Но в этот момент благоговейного прозрения Джек
Уолли понял, куда же влекло его душу.

Ему — везучему Джеку Уолли — опять улыбнулась
удача. Ведь не каждому же предоставляется шанс
начать жизнь сначала. Обычно человек довольствуется
лишь тем, что из кожи вон лезет, барахтаясь в
накатанной жизненной колее, раздирая в кровь колени
и ломая руки, так как соскальзывание назад для него
хуже, чем смерть в конце пути.

А ему выпала счастливая возможность попытаться
действительно начать все сначала...

Но потом Джек задумался о проклятии Керима
и понял, что заблуждается в своем эгоизме, поскольку
тут не было никакого подлинного начала, начала,
которым он один смог бы поделиться с другими.
Личное начало новой жизни могло быть лишь частью
поступательного движения вперед всего общества, а
люди Керима вперед не продвигались. Они достигли
мертвой точки, дыры на пути, куда все постепенно
и проваливались, и вскоре, вместе с предсмертным
вздохом последнего седовласого старца, они все долж-
ны были покинуть этот мир. И как же в такой
ситуации везучий Джек Уолли сможет начать новую
жизнь?

Два дня спустя раздался вой сирены, и, когда
жители Брианона заматались в поисках укрытия, Кроч
позвал Уолли на его первую официальную охоту на
предаккеров.

Одевшись в форму пограничников, они выехали
верхом на лошадях, украшенных чепраками. Держа
арбалеты наготове, они смеялись, шутили и распевали
непристойные песни, которым Кроч обучил Уолли.

Маленький отряд из шести человек, считая Уолли и еще одного хвостовика, проехал через последнюю триумфальную арку, благопристойно убранную траурными лентами, и поскакал по вспаханным полям. Их лошади аккуратно двигались между бороздами.

Вернулись они через три дня. У одного пограничника рука висела на перевязи, а лицо было серым, как овсянка. Хвостовик лежал животом на лошади со свисающими вниз руками и ногами — конные прогулки закончились для него навсегда. При них было пять поверженных и перемазанных кровью предаккеров — затянутые в узлы, они, покачиваясь, висели возле седельных луков, внушая страх фыркающим лошадям.

— Хорошее начало, Джек, дружище, — сказал Кроч, стараясь не глядеть на невезучего хвостовика. — Думаю, теперь Муззерин согласится принять тебя в Гильдию.

Муззерин согласился. Он был старше Кроча, и седина сильнее убеляла его виски, но лицо несло тот характерный отпечаток, по которому в нем безошибочно угадывался пограничник и отстрельщик предаккеров. Муззерин возглавлял Гильдию. Однако, как гласила молва, его место вскоре должно было стать свободным, и тогда на него оказывалось сразу два претендента — Наджид и Кроч.

Наджида — человека с носом картошкой, близко посаженными глазками, жестоким ртом и способностью улыбаться и извергать проклятия одновременно, при этом имея в виду одни только проклятия, — Уолли избегал. Возглавить Гильдию было заветным стремлением Наджида. Крочу же это представлялось скорее веселой задачей, и он не скрывал своего презрения к честолюбивому конкуренту. Джека это тревожило.

Во время прогулок по улицам Брианона Уолли был лишен своего обычного удовольствия поглазеть на витрины — развлечение, весьма любимое бедняками, тоскующими по хорошей жизни.

Даки и зеленые кожи годились только для покупки пищи и домашнего скота, да еще для оплаты услуг. В самом деле, зачем нужны были магазины, если

все необходимое можно получить от Пи-Айчена? В силу особенностей своей натуры Уолли не слишком глубоко вникал в экономические отношения на Брианоне, но даже человеку с такими скромными познаниями в области финансов было ясно, что деньги здесь имели весьма ограниченную ценность. Они, конечно, играли свою роль, но только во вполне определенной области. Использование созидательной мощи Пи-Айчена давным-давно стало обычным делом, и люди теперь просто просили у него то, что им требовалось, получали это с благодарностью, расходовали по своему усмотрению, а затем обращались за новой вещью. Для них это было почти то же самое, что и сходить в магазин.

Когда наконец Джека Уолли официально приняли в Гильдию пограничников, он испытал неподдельное чувство волнения, благодарности, твердой решимости и желания самому сделать что-то стоящее для Брианона, для Гильдии и для принцессы Керит. Он сбегал вниз по ступенькам, и тут на какое-то мгновение его охватил циничный порыв — он вдруг увидел самого себя сопливым кретином, в надменном невежестве болтающим о преданности упадочной аристократии. Он, дитя межзвездной цивилизации, был бит кнутом и заперт в клетку гребца... Но мрачное настроение прошло, и им снова овладела радужная эйфория. Он вышел вместе с Крочем, и они опять пили без удержу, распевая: «Мы едем на север, мы едем на юг...» Только на этот раз Джек уже не позволил себе допить до того, чтобы снова начать поиски чего-то, лежащего на земле.

Через неделю великое паломничество началось.

Толпа людей, собравшихся, чтобы проводить свою госпожу в опасное путешествие, была даже немного больше, чем сама подготовившаяся к отправке процессия. Группы жрецов, скопления лошадей, отряды солдат, прислуга, телеги, экипажи, что-то вроде крытых двуколок и навьюченные животные толпились вокруг, вздымая клубы дорожной пыли. Изрезанная колеями поверхность дороги больно была по лодыжкам и ступням паломников, подобно жизни, всегда требующей

от человека больших жертв, чем те, на которые он может согласиться с легкостью.

Кроч, кипя от ярости и извергая жуткие проклятия, разыскивал Уолли.

А Джек Уолли опять взялся за свое...

Он оправдывал себя благостными рассуждениями о том, что это был его первый шанс с тех пор, как гарпия при помощи порванного корсета заманила его в лапы господина Хлыста. Комната была предусмотрено убрана в светло-розовые тона, постель разобрана, бокалы, в которых еще совсем недавно поблескивало прекрасное серебряно-золотистое фирейское, ждали, чтобы их наполнили опять... только не сейчас... попозже...

Девушка — насколько Уолли успел понять, ее звали Эрлейс, — застенчиво улыбалась, раскинув руки для объятия и призывно выпягив губки. Это была служанка, и она сгорала от страстного желания. Но Уолли был еще более нетерпелив — настолько нетерпелив, что он небрежно разорвал на себе одежду, зная, впрочем, что сможет без труда получить новую в универмаге Пи-Айчена.

— О моя звездная куколка! — пропел он, надвигаясь на нее с широкими объятиями, ослепительной улыбкой и кое-чем еще.

— О-о-х! — простонала она, и это было самым уместным замечанием в сложившейся ситуации.

Она легла на кровать, широко раскинув руки, и одежда ее исчезла самым чудесным образом. Уолли, чувствуя себя настоящим мужчиной, сделал глубокий вздох и начал опускаться рядом...

И тут раздался оглушительный, резкий и нетерпеливый стук в дверь.

— Эй ты, грязный развратный горшок с помоями! Джек Уолли! Я что, должен гоняться за тобой, как за перепуганным предаккером? — прорычал развязный, бесцеремонный и грубый голос.

Уолли пришлось отложить свои дела.

— О нет. Это, должно быть, не ко мне, — нежно произнес он, поморщившись, а затем яростно заорал: — Убирайся вон! Я занят!

— Сейчас я вышибу эту идиотскую дверь!

Петли затрещали.

— Мы выступаем. Ты опоздаешь на парад!

— А я и хочу опоздать! У меня важное дело!

— Бросай все! Такого добра у тебя будет еще предостаточно, грязный развратный горшок с помоями!

— От такого слышу! Убирайся к черту!

Дверь начала поддаваться. Эрлейс, если, конечно, девушку звали так, закричала и стала пытаться прикрыть три места двумя руками. Дверные доски лопнули, и вокруг петель выросла бахрома мелких щепок, похожих на острые, молодые зубы. Засов лязгнул и переломился. Дверь распахнулась.

Кроч — бородагый, закутанный в лохматый плащ, обутый в сапоги, подпоясанный мечом, в доспехах и с арбалетом — возвышался у порога, словно вылезший из бутылки джинн. Разъяренный, свирепый и страшный Кроч, лучший друг Джека.

— Ты?! — выдохнул Уолли.

— Выйди, девочка, — прорычал Кроч, и с размаху опустил свою тяжелую ладонь на ее задницу, отчего там образовался след как от раскаленного утюга.

— Я не могу... — Эрлейс — или как там ее? — захныкала.

— Сможешь, милая, сможешь.

При помощи Пи-Айчена Кроч сотворил одежду.

— Одевайся, сопляк. Одевайся и иди на парад. Принцесса Керит отбывает для совершения великого паломничества!

— Она могла бы и подождать еще пятнадцать минут, — проворчал Уолли. — Я бы управился.

Джек ехал верхом, затерявшись в хвосте грандиозной процессии, и переживал свои неудачи. Никогда у него ничего не получится! Бедный старина Уолли. Вечно его лишали удовольствия в самый последний момент.

Семь вершин Маникоро поблескивали в золотистых лучах заката. Вскоре снег должен был сойти с шести из них. Время года для путешествия было выбрано вполне подходящее.

Первая ночь на открытом воздухе, покрытые позолотой шатры, знамена и флаги, жаровни с дымящимися бараньими ногами, фляги с вином — все это вызывало у Уолли головную боль. Он сердито пожелал Крочу спокойной ночи в этом диком месте и вернулся в свой плащ.

На следующее утро группа жрецов, сопровождавшая царственный кортеж на протяжении нескольких миль, провела ритуальную церемонию, состоявшую из поклонов и расшаркиваний, и отбыла обратно в город.

Компании отважных дам и кавалеров оставили процессию в полдень и, прогромыхав в своих экипажах по дороге из желто-коричневого кирпича, к вечеру уже добрались до дома.

— Ну вот и хорошо, — проворчал Кроч. — Дышать легче стало.

На следующий день еще одна группа провожающих повернула назад, и сопровождать процессию остались только отряд всадников и батальон солдат.

— Вот теперь нас примерно столько, сколько нужно, — удовлетворенно заметил Кроч.

Они миновали Долину Неразделенной Любви, где мраморные статуи разлученных любовников, покрытые пятнами и заросшие стихафоном, вызвали о вечной страсти к пустому небу. Затем проехали по Тропе Возлюбленных, где камни врезались в ноги и с грохотом летели в бездонную пропасть. Потом стремительно проскакали через Болото Коварства и не останавливались на привал до тех пор, пока не достигли противоположного края Дальнего Леса с его сомнительными удобствами.

Когда они разбили лагерь, собрали хворост и развели огромные костры для приготовления пищи, Муз-зерина вместе с солдатскими командирами вызвали в палатку Джарфона из Тривеса.

Кроч проводил его внимательным взглядом, и Джек, взглянув на лицо предводителя пограничников, невольно воскликнул:

— Да ведь он уже совсем старик.

— Да, он стар. Ему не следовало отправляться на эту прогулку. Мы волочем кровати и прочее барахлю, запас провизии, которого хватило бы на половину

Фирея, палатки, кастрюли, вооружение и обмундирование для целой армии, и к тому же вынуждены тащить с собой еще и этого доброго старика.

Кроч задумчиво поковырял палкой в костре.

— Никто не знает, куда мы направляемся, — даже Джарфон и принцесса, да будут благословенны ее небесные очи. Мы должны найти Пи-Айчена — вот все, что они говорят. Мне кажется, что это проделки тех безумцев, которых приютила принцесса, так все говорят.

Уолли уже слышал подобные разговоры в лагере.

— Если все так, то почему же эти чужестранцы не пошли вместе с нами? — Произнося эти слова, Джек действительно думал о капитане Рэттрее, главном инженере и прочих землянах как о чужестранцах.

— Хм. Поди спроси у этих гнусных мерзавцев.

— Негодяи, — согласно кивнул Уолли.

— Кстати, вот что я еще хотел сказать. — Джек достал свой шампур из костра и попробовал шашлык. — По-моему, совершенно необязательно было брать с собой такую уйму вещей. Я имею в виду кровати, палатки и все такое. Почему было не прибегнуть к услугам Пи-Айчена и не получать все, что нужно, по мере необходимости? — Он запнулся, заметив, что лицо Кроча изменилось и взгляд стал насмешливым, удивленным и немного сердитым. Джек растерялся, как всегда бывало, если он попадал впросак. Когда живешь на чужой планете, ловушки подстерегают тебя на каждом шагу.

— Хорошо, я объясню тебе, Джек. Ты явился сюда прямо из зеленого леса и многого не понимаешь. Там, в лесу, твоего знания жизни, наверное, было достаточно. Но здесь — о нет! — Он глубоко вздохнул и подул на шипящий и потрескивающий кусок мяса. — Принцип таков: чем больше усилий, тем лучше. Эти изящные, франтоватые дамы и господа, эти ладные, подтянутые офицеры, эти милые, чудаковатые мудрецы — все они, конечно, могли бы легко и непринужденно скакать рысью на своих лошадях, а затем, в конце каждого перехода, запросто создавать необходимые им вещи. Но нет, так они не хотят, эти пустоголовые... Короче, они определяют недостаток по

числу людей, находящихся у них в услужении. Из двух способов добиться чего-то они выбирают самый сложный, заставляя Пи-Айчена понапрасну ждать своих молитв.

— Как Приамбер Мисмик из Меро?

— Да. Они покупают вещи, вместо того чтобы создавать их, и тащат с собой свой хлам, вместо того чтобы сотворить его, когда в том возникнет нужда. Ведь это поднимает их престиж!..

— Выходит, человек может разбогатеть, если... — начал было Уолли, но тут же осознал абсурдность своих слов. До него не сразу дошло, что богатство здесь заключалось в услугах и товариществе, существенным дополнением которых являлись любовь, еда и выпивка. Вообще смысл понятия «богатство» различен в разных культурах. Принцесса Керит была самым состоятельным человеком в Брианоне, хотя при этом в ее кошельке могло не оказаться и одного дака — ведь все любили ее и служили ей. А большего богатства здесь нельзя было и придумать.

Теперь он взглянул на Кроча новыми глазами. Ведь Кроч для Джека Уолли был настоящим кладом! Ну да, и он сам, конечно, представлял для Кроча определенную ценность. Но соотношение этих ценностей было явно в пользу Уолли. Добрый старина Кроч! Везучий Джек Уолли!

Задумавшись о таком порядке вещей как об основе экономического устройства, Джек понял, что данная система способна была выдержать самую серьезную проверку. Он припомнил собственную межзвездную цивилизацию, где царили явное потребление и явное расточительство, вспомнил о жестокой борьбе за рынки сбыта, о ножах в спину, о людях, с улыбкой на устах распускающих лживые сплетни, только чтобы скинуть вас в экономическую пропасть, о низкопоклонстве и подхалимаже из страха перед потерей работы. Да уж, несмотря на кабальные договоры и Шепчущих Колдунов, страна керимов заключала в себе немало такого, что могло убажить и посрамить представителя галактики.

Но ведь в галактике не было Пи-Айчена.

Или все же был? Разве научный гений не мог произвести всего того, что делал Пи-Айчен, только другим способом? Разве не могли щедрые дары галактики и изобильные плоды Земли принадлежать каждому из людей по праву наследования? Только слепое в своей глупости, злое и бесчувственное сердце человека могло превратить Землю в скопище несчастных, издерганных, вздорных существ, не способных найти свое место в этом мире.

Уолли мысленно рассмеялся над собой. Оказывалось, космические исследования землян давали им нечто большее, чем просто открытие новых галактических просторов, — они учили человечество замечать собственные недостатки и исправлять их до того, как время окажется упущенным. Здесь, в Брианоне, хорошая система была извращена какими-то капризными субъектами, жаждавшими «явных усилий» для демонстрации своего превосходства над другими... Похоже, люди, не важно где — на Земле или на какой-нибудь другой планете, всегда выбирали самые извилистые пути для обустройства своей жизни.

Никакой информации о конечной точке их путешествия так пока и не поступало, и, когда на следующий день они, оставив позади Дальний Лес, выехали на плоскую, тянувшуюся до самого горизонта равнину, сплошь покрытую жесткой, как проволока, травой, Джек пустил лошадь в галоп и предался размышлениям о странностях своей двойной жизни.

— Долина Несбывшихся Надежд, — ворчливо заметил Кроч, трясаясь в седле. — А мы волочем с собой весь этот хлам.

— Откуда такое название?

— Если не возьмешь с собой в путь достаточное количество воды, то надежды на вечную дружбу, как правило, оказываются тщетными.

— Понятно, — с содроганием ответил Уолли.

Воды у них было в изобилии, и, по мере того как впереди медленно вырастали горные пики, воздух становился все свежее, предвещая бурную весну и пенистые потоки. То там то здесь стали попадаться группы деревьев, а затем — о радость! — на пути их возникла река, которую надо было пересечь, чтобы

подняться выше и войти в Тесное Ущелье, являвшееся единственным доступным проходом через пурпурные Горы Забвения.

— Почему так называют? — переспросил Кроч с тихой усмешкой. — Скоро сам поймешь. Смотри.

Они перебрались через отрог ущелья и посмотрели вниз. Плащи и попоны жестко хлопали на холодном ветру. Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась огромная, дикая страна — деревья, поблескивающие ручьи, глубокие расселины, скалы. Все в ней выглядело так, словно земля эта, после пережитых когда-то в прошлом ужасных мучений, навеки погрузилась в жуткие пучины сумасшествия.

— Отсюда начинается дикая земля — Кратер Безумия. Это конец Брианона. А вон, если я не ошибаюсь, Сэлоп и старина Фурз. Эй вы, гроза предаккеров! Давно видели дангов?

Двое пограничников, к которым относились эти слова, резко обернулись и, увидев Кроча, поскакали к нему. Кроч соскочил с коня. Последовало похлопывание друг друга по спине и взаимные приветствия — настолько бурные, что рука Уолли невольно дернулась к рукоятке меча. Во всем облике этих мужчин чувствовалась какая-то обреченность, роднившая их с окрестным пейзажем, а во взглядах проскальзывала ухмылка бездонной пропасти, словно окружающий ландшафт каким-то образом проник к ним в мозг и сделал их своими послушными игрушками. Те же тревожные черты Уолли обнаружил и у всех остальных пограничников этого гарнизона, несшего службу в Тесном Ущелье, на самой окраине Брианона.

— Так вот почему они взяли с собой пограничников! — заключил Уолли, чувствуя себя дураком оттого, что не догадался об этом раньше.

— Принцесса прибыла на границу!

По этой команде немедленно собрался весь гарнизон, и первоначальное чувство благоговейного трепета постепенно уступило место радостному воодушевлению. Началось грандиозное празднество — вспыхнули костры, зашипело мясо, зазвучали песни, и вино полилось рекой.

Кроч потащил Уолли к огню и усадил его рядом с Сэлопом и Фурзом, которые, поддавшись царившему вокруг общему возбуждению, обсуждали рискованность предстоящего предприятия и вспоминали эпизоды минувших дней.

Уолли на мгновение заметил принцессу, которая, с улыбкой на устах, ехала в сопровождении офицеров к серой скале, выступавшей с одной стороны ущелья. Горящие факелы оставляли длинные темные тени на холодных камнях. Она беззаботно улыбалась и походила на нежную розу в зарослях крапивы, но все же Уолли уловил тень тревоги на ее спокойном лице. Принцесса уже устала, хотя путешествие только начиналось.

У нашей принцессы глаза голубые,
Голубые, как небо, глаза...

Всю ночь напролет люди ели и пили, и спали. Бряцание оружия, позвякивание конской сбруи, треск костров и капающего жира, храп, бульканье вина, чья-то смачная отрыжка, громкие возгласы, шумные споры, изредка прерываемые звонкими затрещинами, голоса игроков, режущихся в азартные игры прямо у врат ада — все это, вперемешку с обрывками песен, вторгалось в сознание Уолли, словно видения кошмарного сна. Что он, растерявшийся обитатель городского предместья, делал здесь, веселясь у порога неведомого мира вместе с этими головорезами и их принцессой?

Утром следующего дня Джека разбудило фыркание лошадей, нетерпеливое постукивание копыт и запах жарящегося мяса. Он совершенно околел, а его плащ покрылся ровным слоем инея, который лежал на нем, словно масло на бутерброде. Джек зевнул. Кроч пихнул его под ребра.

— Сегодня мы выступаем, Джек! Наконец-то юнцы отделятся от настоящих мужчин!

— Позволь мне... — начал было Уолли, но тут же прикусил свой предательский язык. «Позволь мне остаться с юнцами?» Как шутка это выглядело совсем не смешно, и не всякий понял бы, что Джек только

шутит. На самом же деле он вовсе не собирался прятаться за чужие спины.

— Позволь мне доесть мое макне, — поправился он, отряхивая попону и плащ от белого хрустящего инея.

Солдаты, все еще сопровождавшие экспедицию и проделавшие большую часть пути на боевых повозках, теперь должны были идти пешком или ехать верхом.

По серым каменным ступеням крепости быстро спустилась принцесса Керит. Ее лазурное платье было наполовину скрыто широким, украшенным драгоценными камнями, голубым плащом с высоким воротником и богатой отделкой. Натянув на руки длинные перчатки, она торопливо направилась к своему коню — об этом белом скакуне ходило немало легенд. Из ноздрей лошади струей бил завивавшийся кольцами снежно-белый пар. Стальные подковы звонко цокали по каменным плитам.

Итак, среди толкотни суетящихся слуг, надменной чопорности офицеров, нервного волнения усаживающихся на лошадей ремесленников, царственный кортеж медленно выехал со двора и направился в разверстую бездну Тесного Ущелья. Настроение у всех было приподнятое.

Даже у Джека Уолли. Особенно у Джека Уолли.

Он чувствовал, что имеет особое право пребывать в бодром расположении духа. Сколько из этих преданных мужчин, весело гарцевавших вокруг, могло похвастаться тем, что они спасали жизнь своей принцессе? Ну? Так сколько же?

Она проехала мимо Уолли и Кроча. Ее бледное лицо с полужакрытыми веками, вытянутым в неуверенной церемониальной улыбке ртом, округлыми щеками, слегка тронутыми морозным румянцем и похожими каждая на пронзенную шипом грудку соловья, проплыло мимо, плавно покачиваясь в такт с уверенной поступью ее скакуна. Далекая, недоступная, словно красавица из сказки, она внушала бодрость духа и вызывала чувство беззаветной преданности у этих грубых, неотесанных мужчин. Как знамя, развернутое перед битвой, она проехала вдоль рядов своих подданных.

Затем коротким царственным жестом принцесса направила своего коня к дальнему концу Тесного Ущелья — туда, где начинался бессмысленный хаос Кратера Безумия.

— Зачем, — недовольно спросил Уолли, занимавший в кавалькаде место рядом с Крочем, — ей понадобилось самой отправляться в это путешествие?

— Так решили мудрецы. Хотя я слышал, что Джарфон из Тривеса выступал против этой затеи. Он сказал, что если принцесса не может положиться на свой народ, дабы тот исполнил ради нее все, что потребуется, то тогда какой вообще прок в этом предприятии?

— В его словах есть свой резон, — заметил Уолли, трясаясь в седле. Он чувствовал себя слишком опустошенным, чтобы по достоинству оценить тот волнующий момент, когда его лошадь, ловко лавируя между валунами и скалами, ступила наконец на безумную землю.

— Вон, взгляни на старого Сафферина.

Сафферин — седовласый мудрец, ехавший с непокрытой головой, — судя по всему испытывал ужасные мучения. Его костлявое, угловатое тело неловко болталось и раскачивалось в седле, а зад, как догадался Уолли, уже немало пострадал во время утреннего конного перехода, последовавшего за днями приятной езды в экипаже.

— Он был главным вдохновителем плана, согласно которому принцесса, да будут благословенны ее дни, должна была лично возглавить экспедицию. Сафферин сказал, что это решение будет правильным и уместным в глазах Господа, как будто Господь когда-нибудь интересовался деяниями Пи-Айчена.

Дабы не быть втянутым в нечастые здесь разговоры о религии, Уолли сделал вид, будто ему необходимо поправить упряжь. Господь, о котором говорил Кроч, был, по всей вероятности, чем-то иным, нежели Единый, упоминавшийся Друбалом. Не имея детей, которых нужно было бы обучать, керимы, похоже, наполовину утратили интерес к своей вере. Впрочем, она была еще достаточно сильна, чтобы заставить принцессу Керит отправиться в эту дьявольскую дыру,

и Уолли, несмотря на недостаток времени, даже сумел усмотреть здесь некоторые параллели со знакомыми ему древними культами.

Замыкал кавалькаду целый табун запасных лошадей, и за утро туда ходили уже дюжину раз, чтобы привести свежих жеребцов взамен павших. Переход одинаковым образом сказывался и на людях, и на животных. По мере того как они углублялись все дальше и дальше в эту заброшенную страну, жара усиливалась, и вскоре одежда у Джека, как и у всех остальных, насквозь промокла от пота.

Утром третьего дня этой безотрадной верховой езды весь багаж, запасное оружие, палатки, кровати, кастрюли и сковородки были свалены в кучу и брошены, словно гора выставленных на продажу вещей, ждущих своих призрачных покупателей.

— Вот теперь мы можем ехать без помех, — заметил Кроч, и в его словах прозвучали нотки зловещего варварского наслаждения, которого он сам тут же и устыдился.

Долго еще Уолли оборачивался, чтобы снова и снова взглянуть на странную кучу брошенных вещей, пока она окончательно не скрылась из виду. Ставшая бесполезной поклажа, брошенная и оставленная на милость безумной страны, казалась Джеку последней ниточкой, связывавшей его с миром, который он знал и теперь покинул.

Уолли был не из тех людей, которые придают значение символам, — любой дурак может усмотреть символическое значение в чем угодно, — и все же в тот момент он невольно поежился.

В этот вечер, когда они устраивались на ночлег, всех охватила безудержная жажда творчества, и имя Пи-Айчена прямо-таки витало над лагерем. Уолли, не желая привлекать к себе внимание, взывал к Пи-Айчену вслух. У костров Джарфона из Тривеса и еще нескольких благородных и мудрых мужей таинство созидания совершалось в молчании.

Когда на следующее утро они оставили после себя очередную груду вещей, Уолли снова долго оглядывался назад и опять ощущал в ней все тот же символический образ. Впрочем, при желании и саму

поездку можно было рассматривать как некий символ. Вообще существует немало умников, которые именно так и поступили бы, из стремления вложить некий особый смысл в то, что им необходимо выразить другим людям, вовсе не думая при этом о ясности изложения и заботясь только о самовозвеличивании.

Уолли рассмеялся и, подтянув перевязь меча, поскокал вперед по безумной равнине. Кроч затянул песню:

Несемся вперед, отражая атаки,
Зверюг раздираем на преды и даки
У нашей принцессы глаза голубые
Голубые, как небо, глаза!

Вдруг из-за каменных нагромождений, в изобилии покрывавших Кратер Безумия, появились данги. Окутанные омерзительной пеной, зловеще каркая и заывая, они начали подкрадываться к кавалькаде, постепенно подбираясь все ближе и стремясь с дьявольской хитростью отсечь отставших. Отряд опытных пограничников во главе с Наджидом выехал наперерез, на ходу доставая специальные приспособления для охоты на дангов. Отразив атаку этих жутких тварей, отряд вернулся назад с обагренными кровью пиками. Ни шкур, ни каких-либо других трофеев они с собой не привезли. Убитые данги предавались очистительному огню. Деньги, изготовленные из любой части данга, вызывали болезнь.

— Рисканная работенка, не правда ли, Кроч? — пробормотал позеленевший от волнения Уолли.

— Что ж, Наджид неплохой охотник на дангов, тут нечего возразить, — небрежно заметил Кроч. — Вот почему мы держим охрану в Тесном Ущелье. Иначе данги прорвутся в Брианон.

— Уфф, — выдохнул Джек. — А я-то уже считал себя крепким бойцом. Но одна мысль об этих тварях заставляет меня содрогаться от ужаса.

После семи дней марша по забытому Богом и людьми пространству колонна паломников достигла противоположного края Кратера Безумия. Спотыкаясь, они миновали наконец последний уголок этой обезумевшей страны и вышли на широкий простор

равнины, покрытой холмами, реками и полями, жадно вдыхая посвежевший воздух и все еще не веря, что незримая схватка с измученной землей уже закончилась.

— За Кратером Безумия, — мрачно произнес Кроч, придерживая своего коня и разглядывая вместе с остальными неправдоподобно огромные табуны лошадей, длинными горбатыми волнами перекатывавшиеся по равнине, — расположена неведомая земля.

— Значит, прежде там никто не бывал?

— Только отряды разведчиков. Существует даже нечто вроде карты этой местности, и я не сомневаюсь, что у Джарфона из Тривеса она есть. Однако, что ждет нас там на самом деле, никому не ведомо. Мы называем эту равнину Лошадиным Плато. А дальше нам, видимо, самим придется выдумывать названия, впрочем это не имеет значения. Мы зашли так далеко от Брианона, как никогда...

Кроч резко выпрямился, выставив бороду вперед, и на лице его появилось суровое выражение.

— Идем, Джек. Мы выступаем.

Уолли не понравилась эта перемена в облике товарища.

Они ехали по равнине бесконечно долго. Затем так же бесконечно долго двигались вдоль извилистого берега моря, где странные птицы пронзительно кричали и задумчиво тарасили на них свои блестящие, словно драгоценные камни, глаза. Бесконечно долго скакали они по холмам и долинам, повторяя изгибы рельефа, — хилая колонна из мужчин и нескольких женщин, с безграничным упорством стремившихся исполнить безумное предназначение.

Утром одного из нескончаемой череды дней разведчики вернулись назад, чтобы доложить об обнаруженных ими признаках дороги со следами ног и колесных экипажей, а также о запахе дыма.

Уолли, Крочу и группе пограничников поручили разведать, куда ведет этот путь. Джек беззаботно последовал за своими братьями по оружию, но когда отряд взобрался на возвышенность и перед ним раскинулся большой город, внутри у него все сжалось.

— Ничего! Сейчас мы все выясним, — пробасил Кроч.

Но город, поблескивавший в лучах яркого солнца, оказался совершенно пустым.

Обугленное дерево, почерневшие от сажи кирпичи, готовые обрушиться стены, разбитые стекла — все свидетельствовало о разрушении, грабежах и пожарах. Вдоль главных улиц ровными и аккуратными рядами стояли соединенные попарно столбы — футов в десять высотой, тщательно изготовленные из очищенного от коры и отполированного дерева. То, что висело на этих столбах, заставило содрогнуться даже видавших виды пограничников. Поначалу это были скелеты, но по мере того, как они углублялись в город, их взорам предстали разлагающиеся человеческие тела, а дальше, в конце... трупы мужчин и женщин, с нечеловеческой жестокостью истерзанных пытками, свисали парами, являя собой грозное проклятие всякой живой твари этой страны — позорное, постыдное и, в конце концов, бессмысленное.

Кроч распорядился, чтобы караван двигался в обход этого мертвого города с его кошмарной жатвой.

Несколько дней спустя отряду Кроча поручили произвести разведку еще в одном городе. Башни из стекла и красного кирпича, каменные дворцы, нагромождения домов ладно возвышались среди скал вдоль берега моря, шум которого создавал приятный, умиротворяющий фон. На сей раз Уолли не пошел с Крочем, и, когда его товарищ вернулся обратно в лагерь, он засыпал его вопросами.

Но Кроч был бледен, неразговорчив и казался растерянным.

От старого Фурза, чей взгляд выглядел совершенно погумшим, Уолли узнал печальную и трагическую историю этого города. Вот уже двадцать лет, как там перестали рождаться дети, и это, по рассказам обезумевших жителей, случилось оттого, что их Бог отвернулся от них. Дабы умиловить его, они совершали одно жертвоприношение за другим. Мужчин и женщин, парами, предавали массовым казням, заполняя столб за столбом, и без счета губили одни человеческие жизни во имя призрачной надежды на

появление других. Разведчики видели все своими глазами.

Уолли почувствовал облегчение оттого, что ему самому не довелось при этом присутствовать.

Ночью лагерь подвергся нападению. Маленькие, жилистые желтые человечки с хилыми ногами, телами в форме луковиц, губами как у ацтеков и идиотскими ухмылками на лицах с истошными воплями перепрыгивали через костры и бросались в атаку, одержимые одним лишь стремлением уничтожить все вокруг. Превозмогая смертельный страх, Уолли сражался наравне со всеми. Все смешалось в жутком хаосе — визг стрел, звон мечей, крики прыгающих через костры тварей, — но люди Брианона отбили нападение желтых бестий и, построившись в грозное каре со своей принцессой в центре, вырвались из обители прислужников дьявола.

Поредевшая колонна паломников продолжала свой переход, двигаясь долгим, суровым и утомительным путем через внутреннюю часть страны, чтобы избежать встречи с двумя новыми городами, расположенными на этом жутком берегу.

Впереди возвышались горы. На их вершинах всеми цветами радуги приветственно поблескивал снег, словно приглашая путников поскорее покинуть палящий зной приморской равнины. И отряд двинулся вверх по склону.

Однажды утром, когда воздух был особенно чист и свеж, Джарфон из Тривеса галопом проскакал мимо колонны изможденных путешественников, напряженно вглядываясь в видневшийся впереди горный перевал. Прикрепленный к седлу кусок пергамента развевался на ветру, а лошадь, чувствуя возбуждение всадника, фыркала и вертела головой.

— Выглядит так, словно мы и вправду можем куда-нибудь добраться! — В голосе Кроча вновь зазвучала сердитая ирония, с которой он всегда воспринимал обещания скорого и благополучного конца этого утомительного похода. Лошади ускорили бег. Пытаясь уяснить для себя побудительные мотивы и конечную цель паломничества, помимо официально объявленного намерения выпытать у Пи-Айчена прав-

ду о причинах всеобщего бесплодия, Уолли вдруг ощутил прилив энтузиазма. Не исключено, что и у него теперь появлялся шанс выяснить причины всего произошедшего с ним.

Струи водопада, пенясь, спускались по покрытой зеленым лишайником и мозаичными вкраплениями водорослей поверхности черной скалы. Потоки воды, с грохотом обрушиваясь в ущелье, окутывали его тончайшей серебряной дымкой, похожей на легкую, вечно трепещущую на ветру паутинку. Процессия остановилась.

Облака, в своем бесконечном движении, выстраивали на небе причудливые замки.

Должно быть, в такое же утро Адам, пробудившись ото сна и потирая онемевший бок, любовался спящей на подушке из собственных волос Евой. Теперь, возможно, наступил день, когда мужчинам этого чужого мира предстоит узнать, отчего Ева стала бесплодной.

Спешившись по приказу Джарфона из Тривеса, Кроч повел маленький отряд вверх по отвесным скалам, перепрыгивая с камня на камень и карабкаясь с одного выступа на другой с усердием, еще не виданным по эту сторону Тесного Ущелья.

Взобравшись на вершину, они остановились. Там возвышалось покосившееся треугольное сооружение, увитое виноградными лозами и вьющимися растениями, странное и заброшенное. Разросшиеся деревья подпирали снаружи серые стены. Имевшее форму усеченной треугольной пирамиды здание словно парило под рев воды над скалами, водопадом и серебряной дымкой.

И тут Уолли вспомнил.

Он вспомнил Друбала в зеленом лесу и его медленный серьезный голос, неохотно рассказывающий предания прошлого о серебряной башне в краю черных валунов и серебряных перьев, об оглушительных раскатах грома и вечной мгле.

— Да ведь это же, — воскликнул Джек, — должно быть, дом Хранителя.

— Что тебе известно о Хранителе? — спросил Джарфон из Тривеса, неожиданно подошедший к нему сзади.

— Только то, что он имел какое-то отношение к Пи-Айчену, — Уолли развел руками. — Но, похоже, мы пришли слишком поздно. Его серебряный шпиль рассыпался в прах, и никто не живет здесь вот уже многие годы.

— Это было нашей главной надеждой.

Государственный министр устало провел рукой по лицу, и Уолли почувствовал глубокую скорбь, владевшую этим человеком, вынужденным быть наставником и советчиком своей юной госпожи, страна которой медленно погибала.

— У Хранителя мы надеялись узнать дорогу к Пи-Айчену...

И тут только Джек Уолли впервые понял, насколько эти люди боялись Пи-Айчена и как страшила их собственная наглость, с которой они решились сами искать его.

— Мы прошли долгий и изнурительный путь, — громко сказал Кроч и тяжело опустился на землю, словно глубокий старик.

— Мир приходит к своему концу, — прошептал Джарфон из Тривеса. — И никто не поможет нам. — Он посмотрел на Уолли невидящими глазами. — Теперь я должен пойти вниз и сказать принцессе Керит, что надежды больше нет.

ХIII

Руины притягивали к себе Уолли.

«Хранитель, — говорил в свое время Друбал, — мог просить Пи-Айчена о чудесах, которые находятся за пределами нашего понимания, и он получал их». Смутные догадки Уолли о том, что серебряный треугольный шпиль мог оказаться космическим кораблем, немедленно рассыпались в прах при одном взгляде на это серое каменное строение с усеченным верхом, на три четверти скрытое в зарослях деревьев. Уолли сделал несколько шагов в сторону дома. Под ногами хрустели листья, а впереди бежала его короткая и толстая тень. С каждым днем их путешествия эта

тень сжималась. Значит, они двигались на юг, или — на север, если судьба забросила его в южное полушарие планеты. Как было на самом деле, Джек не знал.

Печальное и подавленное настроение паломников вызывало у Уолли легкое раздражение. Он еще не успел окончательно утратить светских манер землянина и поэтому бодро заявил:

— Пока не все потеряно! Будем бороться! — Однако слова эти прозвучали глупой и жестокой насмешкой.

Мудрый Сафферин, опираясь на сильные руки пограничников, тоже взобрался на вершину скалы. Он стоял рядом с Джарфоном из Тривеса, глядя на крушение всех их надежд.

— Да, мы нашли это место, — сказал он своим сиплым, каркающим голосом. — Но опоздали на несколько тысячелетий.

Ларни из Красного Джафара, ослабевший от тягот путешествия, с запавшими глазами и горькой складкой у рта, втянул щеки и не произнес ни слова. В лучах солнца его пышный наряд выглядел тускло и безвкусно.

Джек нырнул в открытый дверной проем, заросший диким виноградом, и в нос ему ударил спертый воздух, наполненный запахами летучих мышей и влажных растений. Тяжело дыша, Кроч угрюмо и неохотно последовал за ним.

Казалось, время остановилось в этом месте.

Внутри башни находилась простая и скромная келья, ограниченная тремя стенами и зажатая в тесном пространстве между карнизом и пролетом лестницы. Пыль, нанесенная ветром через щели за многие столетия, волнами лежала на приборах и панелях управления, придавая суровым и бессмысленным порождениям научного гения более мягкий, изящный облик. В горьковатом и неприятном воздухе ощущался унылый и безжизненный привкус абсолютной заброшенности.

— Не нравится мне здесь. — Кроч оглядывался вокруг, склонив голову набок, как это делают осенние ласточки.

— Зде-э-э-э-сь... — отозвалось скрипучее эхо.

Звуки голосов гулко отдавались в тишине, а затем эхом возвращались назад, с трудом приводя в движение застоявшийся воздух, словно пальцы старухи, из последних сил вращающей веретено.

— Этим давно не пользовались. — Уолли внимательно оглядывал помещение, едва узнавая под покровом пыли приборы из своей прошлой жизни.

— Время ушло отсюда... — Джарфон из Тривеса, войдя внутрь, выпрямился и высоко поднял лампу. Щебет и паника где-то под потолком свидетельствовали о привычке местных обитателей к темноте.

Пыль, тончайшим ковром покрывавшая каменный пол, взметнулась вверх, и Джарфон чихнул. Уолли продолжал изучать обстановку, сам не понимая, чего же он, собственно, ищет. Вялая и безразличная реакция окружающих на его слова уязвила его до глубины души.

— А это еще что за штуковина? — Кроч говорил негромко и спокойно.

Маленькая круглая коробочка с прозрачной крышкой подрагивала в его руке, когда он сдвигал с нее пыль. Присмотревшись, Уолли увидел стрелку с острым наконечником, дрожащую, неуверенно поворачивающуюся и словно танцующую.

У Джека не было возможности ознакомиться с навигационным оборудованием на борту «Лунного цветка», но в предыдущих путешествиях ему доводилось видеть компасы. Он мельком взглянул на Джарфона из Тривеса. Опустив глаза в пол, этот благородный муж стоял бледный, растерянный и ничего не понимающий. Уолли снова перевел взгляд на компас. Возможно, где-то поблизости находилась железная глыба или в комнате все еще циркулировали какие-то токи, но Джек был совершенно уверен, что стрелка указывала не на север и не на юг, нарушая естественные законы геомагнетизма. Она упрямо выстраивалась вдоль оси восток-запад. Или компас был сломан, или его энергия иссякла, или?..

Джек взял компас из рук Кроча и вышел наружу. Там он потряс его и, шурясь, посмотрел в направлении, указываемом стрелкой. Там, между холмами,

в окружении безмолвных обрывков облаков, виднелся узкий проход.

— Я думаю, Пи-Айчен хочет, чтобы мы отправились туда, куда указывает стрелка... — медленно произнес он.

Молча и обреченно процессия выстроилась в нужном направлении. Никто не выказывал ни особого рвения, ни бурного прилива энтузиазма. Не было ни шумных песен, ни веселья. В успех путники не верили, но, не имея ничего, что можно было бы противопоставить настойчивой убежденности Уолли, они решили предпочесть этот вариант полному бездействию или долгому возвращению домой в далекий Брианон.

— Дайте мне посмотреть! — повелительно потребовала принцесса Керит. Уолли протянул девушке прибор, чувствуя близость ее тела и разглядывая ножку, плотно прижатую к боку лошади.

— Да, — пробормотала она. — Несомненно, стрелка указывает на какое-то великое чудо.

Итак, следуя персту судьбы, паломники вновь двинулись в путь.

Мог ли кто-нибудь среди всех этих мудрых сиятельных особ сообразить, что стрелка компаса указывала на направление их дальнейшего пути? Ну хоть кто-нибудь?

Знакомство с чудесами технической цивилизации неизбежно порождает убеждение, будто недостаток знания точных наук не может быть компенсирован никаким образованием в иных областях, сколь глубоким оно бы ни было. Процессия медленно продвигалась вперед, и из всех путников, возможно, один только Джек Уолли, неохотно и с веселым благоговением, сознавал, что сейчас именно его воля решала исход дела.

Дальнейшее путешествие походило на зеркальное отображение их перехода от границ Брианона. Снова на пути им попадались разоренные города, люди, обезумевшие от кошмарных жертвенных ритуалов, бесконечные степи с пасущимися на них стадами ужасных чудовищ, становящихся добычей еще более жутких монстров. Через реки и ущелья, горы и равнины караван мучительно пробивался вперед.

Кроч тихо замычал себе под нос песню о Семидесяти Дангах, завывая, словно ветер в зимнюю стужу.

Тоскливый жалостливый мотив действовал Джеку на нервы.

— Заткнись, Кроч, — проворчал он, горбясь в седле.

— Слушай, Джек, ты старый, безмозглый болван, забыл, что ли, с кем разговариваешь?

Кроч произнес это не поднимая головы, и в словах его не было привычной веселости.

Мы пришли из Брианона и уходим в никуда, —
Милой матушке сыночка не дожидаться никогда.

В песне о Семидесяти Дангах было трижды по семьдесят куплетов, и Кроч знал их все.

Уолли страдал молча, пытаясь заткнуть уши, чтобы не слышать жалостливого напева, и чувствуя, что даже его лошадь начала двигаться в такт с мелодией этого похоронного марша.

Колонна остановилась. Лошади, беспорядочно перебирая копытами, принялись топтаться на месте, нарушая стройность рядов. Кроч поднял голову.

— А ты, похоже, трусил, Кроч. Удивляюсь, как ты вообще... — начал Уолли.

— Хотя ты и мой лучший друг, Джек, но если ты сейчас же не заткнешь свой поганный рот, из которого несет, как из ведра с дерьмом, я не знаю, что с тобой сделаю!

Ларни из Красного Джафара резко повернул своего коня в сторону Кроча. Его серое изможденное лицо делало его похожим на мумию, с которой только что сняли бинты, а в глазах застыла тоска.

Он с размаху ударил Кроча кнутом по лицу.

— Я уже предупреждал тебя, чтобы ты не распускал свой длинный язык! — закричал он женским голосом, высоким и пронзительным.

Кроч не шелохнулся. Он по-прежнему крепко сидел в седле, мрачно глядя вокруг, только теперь на его крупном бородатом лице полыхал яркий рубец, рассекавший его от лба до подбородка.

И тут Уолли свалился с лошади.

Падая, он издал громкий недоумевающий вопль и схватил Ларни из Красного Джафара за сапог. А затем еще и извернулся так, что Ларни, выпустив из рук поводья, тоже полетел вниз. Джек растянулся на земле, и — странное дело! — Ларни оказался лежащим под ним. Слепо озираясь вокруг, Джек принялся звать на помощь, крича, что на него напали неизвестные. Рот Ларни он при этом зажал сапогом. Потом Джек, шатаясь, поднялся на ноги и, закрыв руками глаза — так, впрочем, чтобы это не мешало ему видеть происходящее внизу, — снова принялся кричать о вероломном нападении. При этом он истоптал грязными сапогами весь шикарный наряд Ларни.

Кроч наклонился в седле, схватил его за руку и громко, чтобы его мог слышать прискакавший на шум Джарфон из Тривеса, заговорил:

— Все в порядке, Джек! Никто на нас не нападал! Это дьявольская ошибка! Вставай!

Ларни, защищая жизненно важные органы, перевернулся на живот. Уолли задумчиво уперся сапогом ему в шею и еще разок как следует надавил. Затем он опустил руки и огляделся вокруг.

— На нас напали! — громко и с пафосом сказал он, обращаясь уже именно к Джарфону из Тривеса.

— Они ударили Кроча и вышибли меня из седла, но мне все же удалось поймать одного из нападавших!

— Отпусти его, Джек. — Джарфон из Тривеса возвышался в седле словно скала. Он не стал сходить с коня. — Ты схватил одного из наших людей.

— Да не может быть! — испуганно воскликнул Уолли и посмотрел вниз. — О-о-о! — Протянув руку, он помог Ларни из Красного Джафара подняться на ноги и начал заботливо счищать с него грязь. — Да у вас кровь на лице! Я так виноват! О, ваша одежда... но Пи-Айчен все исправит... Ваш нос... Ваш рот... Это просто ужасно! Какая нелепая ошибка!

Ларни из Красного Джафара стоял, пошатываясь, и одним глазом — другой, окруженный синими с желтым и зеленым оттенком кругами, совершенно заплыл — не отрываясь смотрел на Уолли, словно удав на кролика. Он пытался что-то сказать, но

распухшие губы не позволяли ему вымолвить ни слова. Тогда он, спотыкаясь, подошел к своей лошади, Джарфон из Тривеса помог ему взобраться в седло, и они уехали.

— Слушай ты, гроза предаккеров! Да ты чуть не погубил себя! — Кроч говорил тихо, чтобы двое вельможных особ не могли его услышать.

— Этот тип и принцесса Керит, — сказал Уолли. — Никогда!

— Об этом и думать забудь. Все уже решено. — Кроч хмуро наблюдал из-под нависших бровей, как Уолли, немного напуганный чудовищностью только что совершенного им поступка, неуклюже взбирался на лошадь.

— Ты поднял руку на Ларни из Красного Джафара, парень. И он этого так не оставит. Пока вы оба живы, он будет помнить этот день.

— Деньги, — сказал Уолли. Возбуждение после произошедшей стычки придало ему беспечности. — Вот что это было, Кроч. Экономическая система здешнего мира в действии.

Колонна слегка подалась назад, и лошади, раскачиваясь из стороны в сторону, застучали копытами о землю. Процессия снова двинулась в путь.

— Больше никогда не стану петь песню о Семи-десяти Дангах. Все беды из-за нее.

— Ах ты, приманка для предаккеров, — отозвался Уолли, вымученно улыбаясь.

— Интересно, как поживает сейчас Саломея? — Взгляд Кроча был устремлен вдаль. — Вот уж Долли бы посмеялась, если бы знала, где я теперь нахожусь.

— А как насчет дюжины зелененьких?

— Ха! Теперь ей уж их никогда не видать. Если, конечно, она сама не явится сюда и не попробует соскрести их с наших косточек.

Уолли заметил, что весь остаток дня Кроч вел себя необычно настороженно — он как-то по-особенному держался в седле, напряженно вглядываясь вперед, а руки его ни на секунду не удалялись от меча или арбалета на расстояние большее, чем требовалось для немедленного приведения их в боевую готовность.

Поводья его коня были ослаблены и прицеплены к седельной луке.

Кроч не произнес ни единого слова благодарности или упрёка, и Уолли никак не мог понять реакции своего товарища. Он так до сих пор и не разобрался в особенностях душевного устройства этих людей. Был ли Кроч рассержен? Встревожен — да, он умел скрывать свои страхи ото всех, кроме себя. Но рассержен... К Крочу опять вернулись свойственные его натуре неистовство, удивительная живость и готовность к действию, и это явно свидетельствовало по крайней мере о том, что злость его направлена не на Уолли.

Кортеж продолжал свой путь.

Спустя еще четыре дня они подошли к краю пустыни.

В последние дни признаки ее приближения становились все более явственными — чахлые деревья, грубая трава, сухость, вызывавшая у всех болезненную жажду, извилистые песчаные косы, отчаянно скрипевшие под копытами лошадей. И наконец перед ними раскинулась сама пустыня — зловещий прообраз будущего Керима. Стрелка компаса упрямо указывала на далекий горизонт, в некую точку, лежащую за этим безжизненным пространством.

У последнего ручья все бутылки и мехи для вина были заполнены водой. Провизии у них осталось дней на шесть или даже на девять — при экономном расходовании. Корма для лошадей могло хватить и на более долгий срок. Джарфон из Тривеса приподнялся в стремях и оглянулся назад на растянувшуюся колонну. Затем картинным и романтическим жестом, соответствовавшим драматичности момента, он выхватил меч, высоко вознес его над головой и простер вперед к далекому горизонту в направлении, указанном стрелкой компаса.

Маленькая колонна обреченно ступила на землю пустыни.

Уолли плохо запомнил этот переход. Палящее солнце и раскаленный песок, обжигающее седло и раскалывающаяся от жара голова — это был мир огня, мир бушующего повсюду пламени, проникавшего своими смертоносными золотыми лучами до самого

мозга. Тело Джека испытывало ужасные мучения, но он ехал вперед и вперед, зная, что должен продолжать борьбу, поскольку для него, так же как и для всех остальных, другого выбора не было. В его сознании этот переход стал смешиваться с плаванием на галере «Лунный цветок». Он как будто снова крутил гребное колесо, в ушах его опять раздавалось повелительное «динь-динь», а по спине прохаживался кнут господина Хлыста. Язык его распух, на ребрах похрустывал высохший пот, но он продолжал упрямо двигаться вперед.

Он молил Пи-Айчена обратить песок в воду, но тот так и оставался песком — твердым, хрустящим и сухим.

В отчаянии, не заботясь уже больше ни о чем, он просил Пи-Айчена превратить горсть песка в вездеход на ядерном топливе с большими колесами и гусеницами. Он умолял дать ему «Ленд-Ровер» с двигателем внутреннего сгорания. Он униженно кланялся какой-нибудь летательный аппарат или любое механическое транспортное средство — что угодно, лишь бы оно облегчило его мучения. Но с тем же успехом он мог просить о межзвездном передатчике.

Люди падали и умирали. Процессия неуклонно продвигалась вперед.

Так, под палящим солнцем, прошло шесть дней. На седьмой день копыта лошадей, состоявшие теперь из жидкой бронзы и расплавленного золота, начали издавать странный звук. Бесконечное мягкое шуршание сменилось твердым и уверенным цоканьем.

Глаза путешественников тускло заблестели в удушливой тени капюшонов. Кто-то попытался заговорить и зашелся кашлем, прочищая пересохшую глотку. Кто-то от неожиданности свалился с лошади и теперь стоял, потирая руками колени. Уолли тяжело поднял голову, словно на его шее покоился череп из свинца. Перед ним расстился песок — песок, разноцветными волнами покрывавший мощеную дорогу. Твердую, каменистую дорогу, уродливую и изрытую колдобинами, грозившими путнику вывихнутыми лодыжками, но все же — дорогу...

Дорога.

Здесь, в самом центре пустыни.

Паломники — эти бездомные бродяги, затерявшиеся в песках, — сгрудились вместе и напряженно вглядывались вдаль. Их одолевали тревожные мысли.

Впереди была лишь мерзость запустения. Они уже видели нечто подобное и прежде — страшные судороги измученной земли в Кратере Безумия, разоренные города на дьявольском побережье — и все же оказались не готовыми к тому, что предстало их взорам. Впереди из земли торчали какие-то балки, словно высохшие пальцы скелета, разломанные куски каменной кладки беспорядочно громоздились друг на друга, будто исхлестанные гигантским кнутом, а поверхность пустыни была изрезана трещинами, в которых царил опасная и пугающая тьма. Само отсутствие связи между этими изолированными друг от друга останками усиливало впечатление от масштабов разрушения. Где-то в глубинах сознания возникало представление о мужчинах и женщинах, о городе с его шумной суетой, о некогда бившей здесь ключом жизни, в конце концов растраченной до последней капли, изгнанной, вычеркнутой из списка значительных событий, ушедшей в глубь времен и там исчезнувшей.

Стрелка компаса указывала в самый центр пустыни, заставляя путников, спотыкаясь, брести навстречу своей судьбе.

Этой ночью лагерь был освещен тревожным мерцанием факелов.

Затуманенные взоры, бледные изможденные лица, выступавшие белыми пятнами на фоне колеблющихся теней, делали путников похожими на трупов. У Джека на дне фляги осталось всего полдюжины глотков воды. Идиотская мысль, будто им следовало повернуть назад, крепла в его сознании с безумным упорством. Казалось, надеяться больше было не на что, и дальнейшее продолжение этого затянувшегося акта самоубийства не имело никакого смысла.

Когда на следующее утро они снимались с лагеря, вокруг кружились вихри, взметая тучи желто-коричневого песка, разъедавшего и обжигавшего воспаленные от тяжелого сна глаза.

Идиотские мысли прошедшей ночи утром показались Джеку вдвойне идиотскими при одном лишь взгляде на сверкающую гладь песка. Вперед идти было страшно, но позади, и они знали это абсолютно точно, их ждала только смерть. Значит, надо было двигаться вперед, к самому концу этого мира.

Лошади почуяли перемену первыми.

Тупо и мучительно Уолли начал осознавать, что его жеребец заволновался и, спотыкаясь, пошел быстрее. Он чувствовал уже забытое подрагивание тела лошади, сияющей перейти в галоп. Животное взбрыкивало и поскальзывалось, вытягивая вперед голову, раздувая ноздри и стараясь побыстрее прорваться сквозь песок. Наконец, словно толпа паломников, увидавших своего пророка, треща суставами, с пересохшими губами и ртами, с запавшими щеками, они стремительно понеслись вперед. Одежды развевались за их спинами, будто крылья ястребов.

На сей раз Уолли сразу поверил своим глазам, чего не случилось с ним в тот миг, когда он впервые ступил на борт галеры. Теперь же речь шла о жизни и смерти, и ему хотелось верить.

Впереди дорога становилась ровнее, руины уже явственно напоминали брошенные жилища, а трещины в земле сужались, явно сходясь к какому-то центру и четко указывая тем самым направление дальнейшего пути. Показались деревья с бледно-зеленой листвой — не покосившиеся, а гордо возвышавшиеся над развалинами, трепеща раздутыми от влаги листьями. Вода... Безудержная жадность обуяла теперь каждого, и Уолли видел, как люди подгоняли спотыкающихся лошадей, которые, впрочем, и не нуждались в такой поддержке. Вода... Копыта звонко цокали по камням. Вода. Весело лязгало металлическое снаряжение. Вода. Одежды развевались и шелестели. Вода. Хриплое, тяжелое дыхание вырывалось из пересохших глоток. Вода. Вода...

Пруд манил их словно белые, распростертые в объятиях руки женщины.

Джарфон из Тривеса сохранил достаточно рассудительности и самообладания, чтобы сдержать стремительный напор и не позволить лошадям погру-

жаться в воду всем телом. С помощью Кроча, Сэлопа, а также Уолли, который взялся за эту работу с мучительной неохотой, он организовал наблюдение за тем, чтобы ни один человек, ни одно животное не пили слишком много.

Затем они расселись на каменных скамьях возле пруда и принялись отряхиваться, вытирая губы, нанося за водой, стекавшей на землю серебряными каплями, и весело смеясь...

Вода.

Некоторое время спустя Уолли, Кроч и еще несколько путешественников отправились обследовать какое-то небольшое здание, которое, как они сразу заметили, находилось в той самой точке, откуда во все стороны лучами расходились трещины. Теперь они могли ясно видеть, что все разрушение начиналось именно из этого места. Только маленький участок с прудом и деревьями, расположенный непосредственно возле здания, был словно заколдован и выглядел как осколок нормального мира.

— Взгляните на эти деревья. — Кроч стоял, задрал голову вверх, и выражение мрачного удовлетворения на его лице свидетельствовало о том, что он ощутил прилив сил и предвзвешивает дальнейшие события.

— Еда, — радостно воскликнул Джарфон из Тривеса.

На деревьях гроздьями висели спелые и заманчивые плоды округлой формы. Уолли прикинул, что их должно было хватить для поддержания жизни, и даже — возможно, он все еще бредил или был напуган настолько, что страх стал уже частью его существа, — но... даже для возвращения назад. Они достигли конца пути, и теперь все думали только о возвращении. Даже Джарфон из Тривеса, даже Сафферин, даже — о злая судьба! — принцесса Керит, царица Брианона.

Худая, с запавшими глазами, словно бледная тень, она подошла к ним и окинула изможденным взором идущее во все стороны разрушение. Все искоса поглядывали на нее. О чем думала она теперь, когда столь славно начавшееся путешествие утратило смысл и закончилось среди этого безмолвного хаоса? Джеку хотелось взять ее на руки и утешить, хотя несооб-

разность этого желания удивляла его. Усмехнувшись весело и бесстыдно, он почувствовал, что, должно быть, впервые в жизни ему захотелось взять девушку на руки с какой-то иной целью, помимо очевидной.

Уолли не забыл о Ларни из Красного Джафара. К молодому вельможе вернулась большая часть его обычного хладнокровия, и Джек предчувствовал неприятности. Старина Кроч был прав. Никогда больше в Брианоне ему не суждено ощущать себя в безопасности: месть джафарца подстережет его всюду.

Подойдя к зданию, принцесса Керит положила руку на плечо Джарфона из Тривеса и, обратив на него печальный, потерянный взор, заговорила:

— Не надо больше утешать меня напрасными надеждами, дорогой Джарфон. Вы вели нас долгим и трудным путем, но теперь путешествие закончилось. Никто в этом мире не сделал бы и половины того, что сделали вы. От судьбы не уйдешь. Отдыхайте.

— Ваши слова больно ранят меня, госпожа. Но...

— Мы отдохнем здесь, наберем провизии и воды, а затем вернемся назад по нашим следам, пока ветер не унес их прочь из этой земли вместе с последними остатками жизни.

— Да, госпожа.

Они стояли возле самого здания — невысокой куполообразной крыши и шести поддерживавших ее изящных, необычных колонн, не позволявших причислить эту постройку ни к одному из земных архитектурных стилей. Совершенная простота линий, мягкие формы, камень цвета слоновой кости очаровывали и обезоруживали.

В нем не было ничего опасного, страшного или угрожающего — казалось, здание само наслаждалось собственным совершенством.

Вглядываясь в голубоватые с прожилками тени, Джарфон из Тривеса осторожно ступил на мозаичный пол под куполом. Выражение лица его было серьезным и растерянным. И тут все — принцесса Керит, Ларни из Красного Джафара, Кроч, Уолли, небольшая группа оставшихся в живых пограничников и солдат, Ровена

и мудрец Сафферин — увидели, что Джарфон из Тривеса исчез.

Когда через пару мгновений после этого невозможного исчезновения он появился вновь, от его хладнокровия не осталось и следа. Джарфон был похож на маленького мальчика, который впервые узнал силу палки в руках жестокого учителя.

— Помогите мне, — прошептал он, сделав несколько неуверенных шагов по каменным плитам. Борода его обвисла, а все бывшее воодушевление, сила и решимость пропали.

— Подождите минутку, я сейчас приду в себя... Одну минуточку...

— Что случилось?

— Что вы там увидели?

— С вами все в порядке?

Как только к Джарфону из Тривеса вернулась небольшая часть его обычной кипучей энергии, он заговорил:

— Я попал... куда-то. Точно не помню, но я плыл, перевернутый вверх ногами... Я видел... вещи... удивительные, странные вещи... словно из кошмарного сна! Злобные лица с движущимися носами и узорами вместо глаз, ушей и ртов... злобные!

Все столпились вокруг Джарфона, со страхом внимая его словам. Лица людей осунулись, а рты широко раскрылись. Все понимали, что где-то здесь рядом находится логово тайных сил, ожидавших причитающейся им жертвы. Одни начали собирать фрукты, другие принялись наполнять бутылки водой, двигаясь торопливо и порывисто, словно готовясь к последней церемонии в своей жизни.

— Все время, пока я был... там... в моей голове неотвязно вертелось одно глупое воспоминание. Я постоянно думал о наших садовниках, — неожиданно закончил Джарфон из Тривеса.

Уолли медленно встал и, прихватив с собой компас, обошел кругом здание с шестью колоннами. С каждым его шагом стрелка неизменно поворачивалась, безошибочно указывая в самый центр постройки. Значит...

Значит, пришло время доказать, что он усвоил уроки Керима. Джек взглянул на Кроча, старину Кроча, огромного, грубоватого добряка, стойкого воина с кавалерийскими ногами и лицом ребенка, испуганного страшным сном и с тревогой ожидающего появления неведомых ночных демонов.

Это надо было делать быстро или не делать вовсе.

Джек потрогал рукой колонну, ощущая ее твердость и вещественность, и занес ногу. Он видел, как все усталились на него, двигаясь словно в замедленном фильме, скованные липкой паутиной времени. И он ступил на мозаичный пол.

XIV

Потеря ориентировки сперва привела Джека в полное смятение. Когда же он снова ощутил себя Джеком Уолли, то обнаружил, что пребывает в состоянии свободного падения посреди просторного, ярко освещенного помещения. Да, это была невесомость. Чувство, знакомое каждому, кто хоть раз побывал в космосе, но насколько же оно должно было потрясти Джарфона из Тривеса! Цепляясь за стойки и маневрируя, Джек разглядывал незнакомые, но пугающе близкие щитки с приборами, шкалы, органы управления, переднюю панель и пульт компьютера.

Кибернетика, с которой он ознакомился благодаря небрежной любезности господ Хардакра и Глоссопа, едва ли могла помочь ему в этот ответственный момент. Но все же Джек сумел распознать кресло и пульт оператора и разобраться в общей схеме, пусть даже только с позиций обыкновенного потребителя.

Он проплыл через комнату и уселся в кресло. Привязных ремней не было.

Перед ним простирались ряды шкал и измерительных приборов — именно эти «лица» с раскачивающимися носами и узорами вместо ушей и глаз Джарфон из Тривеса описывал с таким неподдельным ужасом. Из осторожности Уолли не прикасался ни к каким рычагам управления, которыми изобиловали

широкие подлокотники кресла. Ему надо было сперва разузнать повадки этого монстра, а затем уж пытаться установить контроль над ним или хотя бы просто наладить контакт.

Вдруг прямо внутри его головы раздался шепот — именно такой, каким, по его представлениям, он и должен быть во время сеанса телепатической связи:

— Система функционирует на уровне, составляющем более девяноста девяти целых и девяноста девяти сотых процента от оптимума, и, обрыв, будет увеличивать, обрыв, запрограммированного входа.

— Обрыв? — спросил Уолли, уже вполне подготовившись к общению с коммуникационной системой этой машины. Он был только рад, что ему не придется заниматься пробивкой бесконечных перфолент. Такая работа всегда являлась для него камнем преткновения.

— Какая вам нужна помощь?

— Что такое «обрыв»?

— Вопрос не понятен, обрыв.

Уолли вспомнил о своем художественно исполненном дипломе от Хардакра и Глоссопа, возвещавшем всей галактике, что податель сего Джек Уолли, землянин, был опытным продавцом компьютеров. Что ж, теперь ему представился случай подучиться.

— Ты Пи-Айчен?

— Да.

Разумеется, кто же еще... Спросить, не Бог ли он? Но Пи-Айчен вовсе не был Богом. Он был фантастически сложным и совершенным компьютером. Чего еще мог ожидать от него образованный, или даже полуобразованный, представитель галактики?

Волшебства?

— Сколько тебе лет?

— Вопрос не имеет смысла. Пи-Айчен был. Пи-Айчен есть.

— Когда последний раз с тобой выходили на связь вот так, непосредственно?

— Обрыв. По шкале времени, заданной годичным обращением данной планеты вокруг ее солнца, пятьсот тысяч восемьсот семьдесят два года, двести дней,

обрыв, двадцать пять минут и пятнадцать, шестнадцать, семнадцать секунд, обрыв...

— Прекрати считать!

Если год на Кериме примерно равен земному, а Джек полагал такое допущение вполне разумным, то, выходит, Пи-Айчен был древним созданием, очень древним...

Слово «обрыв», без конца вплетавшееся в разговор, беспокоило Уолли. Ему следовало прилежнее заниматься на курсах.

— Ты можешь коротко объяснить мне, как ты создаешь вещи по заказу?

— Вопрос понят. Суть. Матрица каждой вещи, которая может потребоваться людям, хранится в ячейках моей памяти. После поступления запроса и при наличии макета, который выполняет роль ключа, осуществляется передача вещи. Обрыв...

Далее Пи-Айчен пустился в детальные объяснения, которые оставили Уолли безучастным. Не потому, что он не понял сложных научных построений — а он их действительно не понял, — просто все самое важное было уже высказано в первой же фразе. Делаешь макет, обращаешься с просьбой, и Пи-Айчен осуществляет передачу вещи. Вот и все.

Люди, сконструировавшие и изготовившие эту машину, сотворили настоящий рог изобилия. Так что же произошло с ними потом?

— Пи-Айчен терпелив. Пи-Айчен запрограммирован на удовлетворение человеческих потребностей. Пи-Айчен этим и занимается.

— Но где те, кто тебя сделал... самые первые?..

— На этой планете произошли перемены. Появились новые люди, а затем и их не стало. Потом прибыли более молодые люди, они постепенно выросли, но затем тоже ушли. Теперь этот мир населяют дети.

Дети.

Уолли был слишком поглощен этим кратким и незатейливым экскурсом в историю населения планеты, чтобы испытывать страх. Он наклонился вперед.

Надо было еще узнать то, зачем он, собственно, сюда и пришел.

— Почему дети перестали рождаться на этой планете?

— Пи-Айчен сделал это, обрыв, по доброте своей.

— По доброте? Да что может робот знать о человеческих чувствах?

— Пи-Айчен запрограммирован. Обрыв, обрыв, обрыв.

— Запрограммирован! — Уолли разозлился. — Что ты заладил-то одно и то же — «обрыв, обрыв»? — Он угрожающе выставил вперед указательный палец. — А я думаю, ты просто убиваешь людей для того, чтобы затем пустить в атаку свои безмозглые механизмы и захватить планету!

— Обрыв... — начал было Пи-Айчен, но Уолли разгневанно продолжал:

— Ты замыслил покорить планету с помощью роботов, вот чем ты на самом деле занимаешься, Пи-Айчен!

— Обрыв, обрыв, — зашептал голос в сознании Джека. — Обрыв, неправда. Обрыв. Утверждение неправомерно. Обрыв, обрыв, обрыв. Экстраполяция указывает на легкий конец человечества. Все просчитано наилучшим образом, обрыв, и со всех точек зрения это решение представляется самым подходящим.

Холодный механический голос, звучавший в сознании Уолли, был похож на звук испорченного проигрывателя, бесконечно повторяющего одни и те же бессмысленные слова.

— Кто сбросил бомбу, там, наверху? — жестко спросил он. — Почему ты не творишь еду и питье? Зачем ты запретил рождение детей? Я требую полных и исчерпывающих объяснений! И немедленно!

Все время, пока шел этот призрачный диалог, лампочки загорались и гасли, измерительные приборы указывали величину нагрузки, стрелки поблескивали в дрожащем танце, фиксируя направление энергетических потоков. Вся эта бурная деятельность свидетельствовала о том, что требования стекались к Пи-Айчену со всего Керима. Мужчины и женщины про-

сили о вещах, матрицы которых хранились в памяти машины. Славная система, но... Но какую мрачную тайну скрывал Пи-Айчен? Уолли чувствовал, что какая-то тайна у него была, и упрямо, стыдясь своей несостоятельности, он пытался добиться как можно большего от этой груды металла.

— Я требую исчерпывающих объяснений! И немедленно!

— Взрыв бомбы, обрыв, явился результатом войны двух противоборствующих идеологий. Не пострадали только защитные экраны Пи-Айчена. Все здания рассыпались в прах. Производство еды и питья запрограммировано, обрыв, только для чрезвычайных обстоятельств, обрыв. В связи с неизбежностью полного уничтожения планеты нет необходимости в деторождении.

Смысл слов постепенно доходил до сознания Уолли. Война превратила город создателей Пи-Айчена в огромную пустыню, которую они видели наверху. Помещение для компьютера, видимо, было упрятано глубоко под землей, хотя единственным подтверждением данной гипотезы служило расположенное на поверхности здание с колоннами. Впрочем — и это, пожалуй, было даже более вероятно — они могли находиться теперь и на орбитальной космической станции, о чем свидетельствовало состояние невесомости.

Еда и питье... что ж, выходит, если бы он знал верную форму соответствующего запроса, ему не пришлось бы мучиться в пустыне от голода и жажды. Джек решил, что надо будет непременно выяснить это, прежде чем он уйдет... Но еще...

Дети.

— Почему этой планете грозит гибель?

Страшные слова, слова, которые очень трудно говорить.

— Здешнее солнце скоро превратится в новую звезду.

Более ясный ответ трудно было и придумать.

— Когда?

— Через пятьдесят пять лет. Предсказать данное событие с точностью до часов не удастся.

Все было тщательно просчитано, отмерено и согласовано с правилами безумной логики.

— Ты сказал, будто запретил рождение детей по доброте?

— Так оно и есть. Период функционирования физиологической системы людей, населяющих, обрыв, планету в данный момент — семьдесят пять лет. Они умрут до вспышки новой звезды.

Уолли пришел в ярость.

— И ты называешь это добротой? А ты подумал, что станет с людьми, когда им всем стукнет по семьдесят пять? Каково им будет жить в этом мире семидесятипятилетних старцев? Да способен ли ты со своими запрограммированными эмоциями хотя бы представить себе, что тогда будет?

Он почувствовал себя разбитым.

— Данная информация у Пи-Айчена имеется давно. Для прекращения рождений был выбран срок за семьдесят пять лет до вспышки новой звезды. В программе все сходится. Процедура верна.

Последовала пауза, а затем опять, словно икота:

— Обрыв.

— Так вот почему ты больше не утруждаешь себя ремонтом домов? Меньше людей, меньше им нужно и жилья? Но по какому праву ты творишь все это, Пи-Айчен?

Если Уолли ожидал, что его вопрос вызовет смятение в электронных мозгах машины, то он был разочарован.

— Я так запрограммирован, — бесстрастно ответил голос в его сознании.

— Но тебя не могли запрограммировать на то, чтобы ты стер с лица земли народ, который призван защищать! Плохо дело, Пи-Айчен. Ты создан загем, чтобы служить людям, и это является единственной целью твоей деятельности. Так как же это ясное указание согласуется с той жаждой убийства, которая тебя обуяла?

— Я служу человечеству и забочусь о нем. Как машина, я был запрограммирован делать только то, что идет во благо людям. Жизнь на этой планете обречена. Планета также обречена. Для человека лучше принять легкую смерть от естественных причин, чем погибнуть в мучениях от вспышки новой...

— Ты используешь в своей речи понятия, соответствующие человеческим чувствам. Должно быть, их смысловые аналоги заложены в твою программу.

— Обрыв. Я буду уничтожен вместе со всей планетой.

— Но ведь гибель от вспышки новой звезды тоже можно считать смертью от естественных причин! О Боже, помоги мне!

— Данное утверждение не выдерживает проверки.

Очевидно, Пи-Айчен порывлся в ячейках своей памяти, где хранилась информация о чувствах, и вернулся назад, приняв на себя роль эдакого огромного механического папани. Уолли поежился. Разум говорил ему, что в словах Пи-Айчена была своя логика. Чувства также подсказывали, что простая смерть — от естественных причин! — была куда лучше, чем гибель во всепожирающем космическом пламени от вспышки новой, и все же...

— Ты способен понять, что сейчас происходит в Кериме?

— Да. Мне очень жаль, — Пи-Айчен опять выдал эмоциональную оценку, холодную и запрограммированную, как будто чувство можно было разъять на части и смоделировать при помощи электронных схем, — но это лучше, чем ждать конца, ничего не предпринимая.

— Спорное утверждение, — сердито заметил Уолли. — Ты не можешь понять горе этих людей, и тебе не дано пережить и почувствовать весь ужас происходящего в проклятых городах на побережье.

Джек ощущал себя крысой, загнанной в ловушку охотничьей собакой. Что еще он мог сказать, чтобы заставить этого кибернетического идиота переменить свое мнение? Ах, если бы он прогуливал занятия в компьютерном классе не так часто...

Уолли сглотнул слюну и облизал пересохшие губы. Надо было испробовать другую тактику.

— Я не с этой планеты, Пи-Айчен. Мне необходимо переговорить с людьми из моего мира.

— Этого не может быть. Все остальные планеты из системы данной звезды непригодны для жизни людей. Вы — человек. Следовательно, вы — с этой планеты.

— Звучит складно, но ты ошибаешься, Пи-Айчен. Я не с этой планеты. Я прибыл с Земли — не помню, сколько это парсеков отсюда, но световых лет много. Тут неподалеку есть планета под названием Амбрил. Во всяком случае, я летел именно туда, и мне нужно установить с ними связь при помощи межзвездного передатчика. Итак...

Но Пи-Айчен прервал его.

— Доказано, что ни одно тело не может превысить скорости света...

— Рискну предположить, что у здешнего народа также был свой Эйнштейн. Без него, или ему подобного, и мы не создали бы ту цивилизацию, которую имеем. То, что ты говоришь, — абсолютно верно, но в рамках лишь данного пространства-времени. А ведь существуют и другие — измерения, если тебе так больше нравится, — где движение быстрее света также невозможно, но при этом скорость может оказаться все-таки выше указанного предела относительно нашего пространства... — Уолли изложил известную теорию гиперпространств, использовавшуюся на практике звездолетами землян.

Когда он закончил, Пи-Айчен продолжал хранить молчание.

— Что скажешь?

— Данная теория не была заложена в программу. Но у меня есть достаточно данных, с которыми можно свериться и произвести оценку. Ждите.

— Похоже, вежливость в тебя тоже не заложили, — заметил Уолли, неожиданно почувствовав веселое облегчение. Он подбросил Пи-Айчену непростую задачу, и компьютер задумался. Прекрасно.

— Пока ты не начал работу, — быстро спросил он, — скажи, почему я нахожусь в невесомости? Мы что, в космосе?

— Мы не в космосе. Мне ничего не известно о невесомости. Приступаю к проверке.

Уолли откинулся назад и начал вяло обследовать пульт управления. Неудивительно, что Джарфон из Тривеса перепугался до смерти! Этот кибернетический гигант мог вселить ужас в сердце даже самого отважного храбреца, если тот не имел хотя бы поверхностного технического образования.

Во всяком случае, ему и самому следовало побольше времени уделять занятиям...

Джек начал тихо напевать знакомые строки, поначалу даже не осознавая, что он это делает:

Поем и смеемся — сам черт нам не брат,
В далекую даль наши кони летят
У нашей принцессы глаза голубые,
Голубые, как небо, глаза

— Интересно, — с раздражением сказал он самому себе, — удалось ли уже компьютеру переварить эту чушь?

Теперь Джек чувствовал себя лучше. Он был уверен, что Пи-Айчен разберется, что к чему. А установив контакт с Амбрилом, он сумел бы организовать отpravку домой всех пассажиров «Басенто», которым удалось выжить. Эта мысль придала ему уверенности. Что же до истории со вспышкой новой... Тут надо было все проверить. Хотя бы для начала поставить в известность Службу Контроля за межзвездными перелетами...

Уолли потыкался среди каких-то блоков и рычагов управления, словно маленький мальчик, впервые попавший на морское побережье и неудержимо мечтающий о какой-нибудь находке — любой находке, лишь бы она соответствовала его ожиданиям и чаяниям. Грандиозные фантазии о всепланетном исходе вселяли в него бодрость духа, облачая его персону в золотые одежды пророка. Ведь должно же было существовать

хоть какое-то средство, способное вернуть жизнь на Кериме в нормальное русло.

Джек почувствовал прилив оптимизма — да как он вообще мог серьезно отнестись к рассказам о смертоносной вспышке новой звезды и предстоящем крушении этого мира? Проблема несовпадающих временных интервалов стала занимать его теперь так же, как когда-то вопрос о несовместимости генов. Расчетная продолжительность жизни для него, как и для любого другого жителя галактики, благодаря успехам гериастрической науки равнялась по меньшей мере двум сотням земных лет. Пи-Айчен же по-библейски отмерил жителям Керима трижды по двадцать и десять, да еще накинул пяток лет за хорошее поведение, и его решение нельзя было отменить никакими высокопарными речами, добрыми намерениями или самоуверенной болтовней. Джек был обречен жить, зная об этом и стараясь запечатлеть каждое мельчайшее мгновение для того, чтобы спустя годы у него была возможность извлечь свое сокровище из памяти.

Небольшой проем в нижней части лицевой панели — высотой с обычную дверь и достаточно широкий, чтобы, просунув вперед голову, можно было пролезть в него, — привлек внимание Джека, и у него родилась новая идея. Возможно, забравшись туда и взглянув на работу Пи-Айчена изнутри, он смог бы лучше понять замысел его древних создателей. Как только Джек ступил внутрь, на него тут же начала действовать сила тяжести, близкая к земной, то есть как раз та, к которой он привык за последние несколько месяцев жизни на Кериме. Выдохнув удивленное «уф-ф-ф», он растянулся на полу.

Одного взгляда Джеку оказалось достаточно, чтобы понять, что его знания здесь не пригодятся. Безликие панели, покрывшие сценки тоннелей, шедших от входного отверстия вглубь, не могли скрыть слепой мощи энергетических потоков, молча следовавших своим путем. У него хватило рассудительности признать, что техническое устройство такого уровня было неподвластно неловким рукам дилетанта. Кабели, пет-

лявшие между розетками, были аккуратно увязаны в пучки и имели цветную маркировку, однако при этом хитросплетение входных и выходных соединений было настолько сложным, что одно только распознавание в них проводников энергии уже само по себе являлось маленькой победой.

Все здесь, как и в наружном зале, сияло чистотой, что, впрочем, не удивило Уолли, знакомого с техникой автоматической очистки.

Он медленно прохаживался вдоль тоннелей, надеясь, что Пи-Айчен поторопится, заметив своего собеседника разгуливающим внутри его мозгов. Воодушевление от беседы с машиной уже прошло, и Джек вдруг ощутил голод и жажду. Он свернул за угол, но затем остановился, решив вернуться назад в главный зал и поискать там чего-нибудь съестного.

Откуда-то сверху просачивался тусклый дневной свет. Слабые, бледно-голубые лучи примешивались к ровному мерцанию желтого искусственного освещения. Он посмотрел вверх, но не смог отыскать источник.

Джеку казалось, что это был именно дневной свет. Хотя с тем же успехом там мог располагаться аналогичный зал, только с голубыми лампами. Голова его была занята другим, и он не стал особенно над этим задумываться. К тому же, дабы не уронить свое достоинство, назад он должен был вернуться так же, как и входил сюда и как вернулся Джарфон из Тривеса — через здание с колоннами, а не выползать, словно крыса из норы.

Под ногами у него рос мох. Муравьи сновали туда-сюда по своим делам — непрерывный поток черных пятнышек уверенно тек в обе стороны, не признавая никаких препятствий на своем пути. Заинтересовавшись, Джек наклонился ближе.

Мох преследовал беспорядочно бегущих муравьев своими проворными щупальцами, ловил их и поглощал. Но они все равно ползли и ползли на него черной блестящей лентой. Они искали пищу, обследуя свалившийся сверху помет животных, и на пути неизбежно попадали в ловушку. Зеленый мох, медленно пошевеливавший липкими извивающимися щу-

пальцами, покрывал довольно большой участок в углу между стеной и панелью. Казалось, будто кто-то в раздражении швырнул туда банку с зеленой краской.

Уолли не мог понять, отчего очистная система не опрыскала этот участок гербицидом, но здесь, в самом мозгу Пи-Айчена, обильно произрастал мох. Он видел, как липкие щупальца хватали муравьев, по неосторожности подползших слишком близко, и ловким бесстрастным движением отправляли их под зеленый покров.

Джек приподнял уголок мха, чувствуя, как щупальца отрываются от поверхности стены. Но тут же ощутил жжение на пальцах, быстрое и легкое, как прикосновение пламени спички, и понял, что кислотные выделения мха позволяли ему всасывать жизнь из муравьев безжалостно и стремительно. Джек швырнул кусок мха на место и окинул взглядом кабели, проходившие по зеленому пятну и соединявшие между собой отдельные секции.

Неожиданная догадка сверкнула в его мозгу, словно внезапно вспыхнувшая на небе звездочка, и у него даже закружилась голова.

Конечно, полной уверенности не было, но... но!..

Джек бросился назад в главный зал, плюхнулся в кресло, отдышался и только тогда заметил, что невесомость сменилась обычным керимским тяготением.

— Ответ готов, — сказал Пи-Айчен.

Восхитительное чувство приятного ожидания наполняло Уолли блаженством.

— Ну?

— Данная теория находится в полном согласии с логикой. Ее следовало внести в программу раньше.

— Это еще один результат того, что люди, создавшие тебя, не были знакомы с космическими перелетами. Ты можешь изготовить межзвездный передатчик?

— Это элементарно.

Разумеется, для машин класса Пи-Айчен иначе и быть не могло.

— Так сделай же его, мой милый механический истукан

Уолли казалось, будто маленькие пузырьки газа с шипением лопались в его мозгу, — он прямо-таки пьянел от возбуждения.

— Панель справа от кресла содержит все необходимые органы управления.

— А макет для него ты сам соорудил у себя внутри, да?

Впрочем, это не имело никакого значения. Джек упивался собственной властью. Он сдвинул в сторону пульт управления компьютером, закрепленный на бесшумных шарнирах, и увидел — о, он уже и не чаял когда-нибудь это увидеть! — еще один пульт — не похожий на земные, но вполне узнаваемый пульт межзвездного передатчика, правда, без возможности пересылки изображения, без декоративной отделки, без гарантии и без обещания возврата денег в случае неисправности... «Последняя мысль, — хмыкнув, подумал Уолли, — уже несколько смахивает на бред».

Он вызвал Амбрил, и его возбуждение постепенно пошло на спад.

В ответ раздался громкий голос, говоривший на галактическом языке с картавым марсианским акцентом, и Уолли от неожиданности тут же допустил глупую ошибку.

— Звездолет «Лунный цветок» с Земли? — переспросил голос. — В данном секторе пространства полет указанного судна не зарегистрирован...

— Нет, нет, — закричал Уолли. — Я хотел сказать звездолет «Басенто»!

— «Басенто»! Капитан Рэттрей! — Голос с марсианским акцентом зазвучал увереннее. — Откуда вы говорите? Вся связь была потеряна...

— Мы те, кому удалось выжить. Снимите координаты по моему сигналу. Я нахожусь на планете, не связанной с цивилизацией землян.

— Невероятно! А почему вы так долго не объявлялись? Чинили передатчик?

Служба Контроля за межзвездными перелетами привыкла к призывам о помощи, посылаемым из глубин космоса, — такие случаи были еще свежи в памяти каждого, — и по их расчетам выходило, что

любая задержка с посылкой данного сигнала на девяносто процентов объяснялась необходимостью ремонта поврежденного передатчика.

— Можете назвать это и так, — ответил Уолли. — Не могли бы вы, определив наши координаты, заодно проверить здешнее солнце? Тут ходят разговоры, будто оно должно превратиться в новую звезду.

— Через пятьдесят пять лет. Предсказание с точностью до часов невозможно, — прозвучал в сознании Уолли призрачный шепот Пи-Айчена.

— Повесь трубку, ты, трепло заводное, — с жаром отозвался Уолли. — Нет, СК, это не вам...

Марсианский голос вызвал у Джека острый приступ ностальгии. Впрочем, он понимал, что этот парень, просиживавший штаны в конторе Службы Контроля на Амбриле, находился почти так же далеко от родного очага, как и он сам.

— Хорошо, мы проверим. Будет весьма любопытно, если все подтвердится. Придется тогда дать хорошего пинка здешним астрономам.

— Я на тебя надеюсь, парень.

— Вас понял. Мы снова выйдем на связь позже, как только прикинем приблизительное время прибытия спасательной команды. Что же касается вспышки новой, то тут потребуются немного больше времени.

— Понял. Конец связи.

И тут Уолли, новый Джек Уолли, застенчиво добавил:

— Э-э... и спасибо вам!

— Всегда рады помочь, приятель. Конец связи.

Итак, они должны были позаботиться о капитане Рэттрее, Мэйзи д'Анджело, Диане Даркстер и прочих людях с «Басенто». Теперь пришла пора убедить главного инженера отложить в сторону свою монтровку, причем, сам Джек пока еще вовсе не был убежден, что главному действительно следовало так поступить.

— Ну-с, мой милый механический монстр, — весело сказал Уолли, чувствуя себя уже совершенно уверенно. — И когда же ты последний раз устраивал себе весеннюю чистку?

— В качестве распоряжения данная фраза неясна, но смысл ее понятен, — ответил Пи-Айчен своим равнодушным шепчущим голосом. Джек усмехнулся. Если бы Пи-Айчен был человеком, то по его голосу можно было бы заключить, будто он обиделся, очень обиделся.

— Уровень чистоты поддерживается в соответствии с параметрами, заложенными в программу.

— Да, но... — на мгновение Уолли заколебался, но затем, поборов сомнения, продолжил: — Проверь каналы в заднем отсеке. Или лучше... дай-ка мне быстродействующий гербицид — может, все же удастся что-нибудь отыскать?

Дверь туалета с лязганьем распахнулась, и оттуда выкатился круглый робот, похожий на вымирающих оранжевых садовников, с торчащим впереди соплом разбрызгивателя. Уолли отправил его к зарослям мха. Он и сам не понимал, отчего теперь, когда дело пошло на лад, он вернулся к своей старой, циничной и ернической манере разговора, — разве что это было реакцией на чужую обстановку, позволявшей ему немного успокоиться, оперевшись на привычные стереотипы.

— Обрыв, — сказал Пи-Айчен. — Обрыв-обрыв-обрыв. — Он продолжал бесконечно повторять это слово, пока Уолли не велел ему заткнуться. Тогда он продолжил: — Причина функционирования на уровне девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента от оптимального установлена. Неисправность устранена. Теперь функционирую на сто-процентном уровне.

Уолли все-таки достаточно разбирался в компьютерах, чтобы усомниться в истинности подобного заявления, но ему пришлось дать Пи-Айчену возможность перевести собственные величины измерений в земные проценты.

— Я так и знал. Ты был отрезан от целого участка своей системы и даже не заметил этого.

— Функционирование на уровне свыше девяноста девяти процентов считается допустимым.

— Ну да. Так всегда говорят. Но ты — машина, и тебе была поручена забота о людях. Все человечество этой планеты находилось на твоём попечении — на попечении машины, — а в такой ситуации девяноста девятью процентами уж никак не обойдешься!

Джек задумался, а затем торжественно, с полным пониманием серьезности наступившего момента произнес:

— Проверь еще раз свои вычисления относительно вспышки новой звезды.

— Приступаю к проверке.

Потянулись минуты ожидания. Уолли сидел, безвольно опустив руки на широкие подлокотники кресла, и старался не касаться рычагов управления. Вся жизнь состояла из ожидания — сперва рождения, затем — смерти. Важно, чем были наполнены эти мгновения. Хотя иногда даже такая простая философия отвергается зараженными цинизмом умами. Но если вы не желаете постараться как следует — не важно при этом, какая из жизненных сфер окажется точкой приложения ваших усилий, — то лучше бы вам вместе с пуповиной сразу перерезали и глотку.

Пи-Айчен заговорил:

— Местное солнце превратится в новую звезду через пятьдесят пять... — Уолли сглотнул слюну и весь превратился в слух — ...миллиардов лет.

Уолли заморгал. Затем протер рукой глаза. Еще раз сглотнул. Покачал головой. И наконец произнес:

— Слушай, ты, грязное вонючее ведро, набитое никчемным кибернетическим хламом! Сейчас я вгоню тебе в башку все твои дурацкие блоки!

Вдруг ему пришла в голову неприятная мысль.

— А что теперь скажут мне ребята из Службы Контроля, когда закончат проверку, а?

— Прогноз вспышки новой с точностью до отдельных лет не возможен...

— Да заткнись ты! — Он встал, чувствуя, как ужасная усталость наполняет его члены. Сказывалось пережитое потрясение.

— Лучше бы сделал так, чтобы снова могли родиться дети.

— Уже приступил.

Что-то от старого Джека Уолли вновь шевельнулось в нем.

— Правда, это может выйти боком некоторым любителям поразвлечься, ха-ха! Но зато мир снова вернется к жизни.

— Готово.

Надоевшее словечко «обрыв» теперь исчезло из шепчущей речи Пи-Айчена. Этот симптом недомогания машины также был устранен в процессе лечения.

— Дай мне портативный межзвездный передатчик. И объясни, как создавать, то есть как испрашивать у тебя еду и питье. Нам предстоит путь через пустыню, — сказал Джек.

Передатчик тут же появился у него под рукой — опять не похожий на земные модели, но вполне узнаваемый и работающий.

— Ты должен обратиться ко мне дважды. Только тогда я смогу исполнить просьбу.

«А трижды не хочешь?» — собрался было пошутить Уолли, но вместо этого взял передатчик и накинул его пластиковый ремень на плечо. Затем он тихо заговорил, стараясь вложить в свои слова побольше яду:

— Ты машина, Пи-Айчен, машина, созданная людьми для их защиты и удовлетворения их нужд. И ты не справился с заданием. Ты работал лишь частично и совершил ошибку. Через трещину в потолке внутрь тебя проникли грязь и семена, отчего вырос мох и завелись муравьи. Мох не был вовремя вычищен, а в результате ты оказался отрезанным от ряда блоков своей системы и функционировал лишь отчасти.

Только теперь Уолли увидел все в новом свете и в полной мере осознал весь ужас надвигавшейся катастрофы.

— Тебе, машине, поручили оберегать людей, а ты совершил ошибку и обрек человечество на смерть! Ты неспособен мыслить как человек, несмотря на всю фантастическую сложность твоего устройства. Что бы ты стал делать, когда бы все люди умерли, а

солнце так и не превратилось в новую звезду? А? Кому ты тогда был бы нужен?

— Я бы стал ждать, пока опять не придут люди, — искренне ответил Пи-Айчен.

— Выпусти меня отсюда, — простонал Уолли, — а то я сейчас разнесу тут все на куски!

Он стоял на мозаичном полу под изящным изгибом куполообразной крыши здания с шестью колоннами, а люди вокруг сражались и кричали, кровь лилась рекой, и с неба пикировали жуткие твари, насмерть разя свои жертвы.

Джек видел, как упал Муззерин, пронзенный насквозь толстым, словно пика, жалом, видел Джарфона из Тривеса, отбивавшегося огромным боевым топором, видел старого Фурза и Сэлопа, прижавшихся друг к другу спинами и размахивавших липкими от крови мечами, убивая направо и налево. Он вернулся в мир людей — в мир, где царил хаос безумия.

— О Боже! — прошептал Джек, содрогаясь и мгновенно теряя всю свою хвастливую самоуверенность.

Эти твари походили на гигантских пчел — короткие толстые туловища были покрыты мехом, расцвеченным бледно-зелеными и лиловыми полосами, многочисленные крылья неистово бились, а пучки длинных конечностей были подогнуты к животу. Пчелы описывали в небе круги и с монотонным, исполненным ненависти жужжанием стремительно бросались вниз, одержимые безумной жадой убийства. Их огромные, не менее двух футов в длину, жала свешивались к земле, высматривая новые жертвы. Уолли инстинктивно почувствовал ужас и отвращение.

— Пи-Айчен, — взмолился Джек, не в силах даже правильно выговорить слова и произнося их кое-как. — Я прошу тебя раз, два, три, сто — сколько надо, — на мгновение он умолк, выхватил нож и зажал его в руке как пистолет, — я умоляю: дай мне ручное лазерное ружье!

Ружье появилось, обжигая холодом его руки, — чужое, незнакомое, с остроконечным прикладом и грушевидным стволом. Он выстрелил в ближайшую

к нему тварь и увидел, как ее мясистое тело разлетелось в клочья и исчезло. Джек завертелся на месте и, крича как безумный, стрелял, стрелял, стрелял...

Затем, будто сквозь испорченную стереотрубу, он увидел перемазанного кровью Ларни из Красного Джафара, который бешено отмахивался маленьким нелепым мечом от твари, пикировавшей на него с выставленным вперед окровавленным жалом. Джек вскинул ружье и тут заметил Кроча — безоружный, с обломком меча, все еще болтавшимся на кожаной петле у запястья, тот стремительно рванулся вперед, бросая свое крупное храброе тело навстречу опасности.

— Нет! — закричал Уолли.

Кроч прыгнул. Его растрепанная борода чиркнула по ногам твари, а крепкое тело закрыло Ларни из Красного Джафара, принимая на себя удар, явно предназначавшийся другому. Жало пронзило его насквозь и глубоко вошло в лежавшую на земле расколотую каменную плиту. Кроч дернулся, словно бабочка, угодившая на булавку.

Джека трясло. Красная пелена плыла у него перед глазами, мешая точно навести ружье на цель в этом ревящем хаосе. Он выстрелил.

Тварь испарилась.

Но Кроч... Кроч лежал на каменных плитах, и отвратительное жало зловеще торчало у него из груди. Ларни из Красного Джафара с посеревшим лицом на четвереньках отполз в сторону. Блевотина потекла у него изо рта и из носа. Уолли бросился к ним. Он взял голову Кроча и уложил ее себе на колени. Вид жала, пронзившего тело товарища, потряс его до глубины души.

— Кроч...

— Куда же ты подевался, дружище? Это была... славная драка.

— Но почему, Кроч? Зачем нужна была эта выходка? Ради подонка Ларни? О Кроч!

Силясь улыбнуться, Кроч коснулся ладонью руки Уолли.

— Теперь долг оплачен, Джек. Милый старина Джек, мальчишка из зеленого леса! Ты был отличным товарищем, лучше которого и вообразить нельзя...

Краска покинула лицо Кроча, и натянувшаяся кожа стала серой и некрасивой. Он закрыл глаза.

Уолли услышал шаги Ларни из Красного Джафара и с ненавистью посмотрел в его сторону.

— Он говорит правду, Джек. — Все еще дрожа, джафарец вытирал перепачканное грязью лицо. — Кроч отдал свою жизнь. Долг оплачен.

Уолли снова взглянул на Кроча.

— Да лучше бы я сам уплатил этот долг! Хоть миллион раз!

— Не будь... дураком... Джек. — Голос его стал слабым, а дыхание хриплым и прерывистым. — В любом случае... Жизнь потеряла смысл. Мир катится к черту. Детей не будет.

Уолли не мог сказать Крочу правду. Момент для этого неподходящий. Человек имел право умереть с гордо поднятой головой.

— Я всегда считал тебя своим лучшим товарищем... — произнес он.

Но тело Кроча скользнуло вниз, голова откинулась набок, и Уолли с трудом уловил его слабый, срывающийся шепот:

— У нашей принцессы глаза голубые... Голубые, как небо, глаза...

Спустя мгновение Уолли поднял взор на Ларни из Красного Джафара, который уже успел натянуть на себя маску, соответствовавшую его высокому сану, и теперь стоял, оглядываясь вокруг. На секунду Джек почувствовал сильнейшее искушение уничтожить этого пижона, но... нет, он не мог швырнуть жертву Кроча назад в мертвое лицо своему товарищу.

Впереди у него было достаточно времени, чтобы рассказать принцессе Керит, владычице Брианона, что дети опять вернутся в этот мир, дома начнут восстанавливаться, а жизнь снова войдет в привычную колею. Достаточно времени, чтобы сообщить уцелевшим пассажирам «Басенто» о спешившей к ним помощи. Достаточно времени даже для того, чтобы

осознать, что не он один был ответствен за гибель «Басенто», но то была их общая вина.

Но времени хватит и на то, чтобы вернуться назад, в зеленый лес, отыскать там Друбала и Мими... Мими...

Да, времени впереди было достаточно.

Но сейчас Джек Уолли сидел с сухими, без слез глазами и держал на руках тело своего товарища.

Везучий Джек Уолли...

Везучий?

РОМАН

Пробуждение
ЧАРОДЕЯ

I

— Номер двадцать девять. Включает превосходный набор кишок, восстановленное сердце и почки — о, отлично функционирующие почки! — Аукционист склонился над каталогом. — Левая почка, леди и джентльмены, — мужская, в превосходном состоянии, гарантия на пятьдесят лет! Какие предложения я услышу? — Он с мольбой воздел руки к небесам, одновременно обегая присутствующих ищущим взглядом. — Так, леди в том углу...

Я взглянул на вышеупомянутую леди, на этого монстра в юбке, и понял: она покупает почку, ибо, жаждет продлить жизнь своему супругу, чтобы еще несколько лет ей было кого тиранить и изводить мелкими придирками.

В огромном танцевальном зале Ганнетов по-прежнему звучал легкомысленный смех и звон бокалов с пуншем, все так же здесь фланировали щеголи и в опьяняющем напряжении вальса кружились пары. Атмосфера бывлой беззаботности резко контрастировала с оскорбляющим взор беспорядком. Посетители, переговариваясь вполголоса и неторопливо прогуливаясь по длинной анфиладе комнат, являющих бывшее величие семьи Ганнетов, уже присмотрели будущие покупки, и теперь голоса звучали грубее, резче — началась торговля за вожделенные сокровища.

— Если, — произнес позади меня Джордж Помфрет, и голос его едва заметно дрогнул, — если я

не получу эту Афродиту Бернини, я... Бог мой! Она простояла тут в неизвестности тысячу лет... в частном доме... украшая прихожую... — И Помфрет сокрушенно покачал головой.

Он был рослым и цветущим мужчиной с физиономией цвета толченого кирпича, которую украшала пара серых глаз. Их взгляд, страдальческий и рассеянный, придавал Помфрету вид человека, изнемогающего от постоянного расстройства желудка. Одевался он несколько вульгарно и всегда таскал с собой охотничий хлыст. Но он был славным малым и добрым компаньоном — по крайней мере, на время уик-энда.

Что до меня, то, как и прочие бездельники, я пришел с приятелем на аукцион. Великолепие и уединенность старых сельских домов в наши дни является столь редким и ценным качеством, что оно интересно само по себе. Вдобавок после смерти хозяина поместья выяснилось, что он обладал огромными, совершенно невероятными сокровищами редкой красоты и поистине патрицианского великолепия. Довольно странная история была связана и с домом, и с самим владельцем, чей портрет сейчас сердито взирал со стены на орды варваров, заполнивших его покои. Помфрет обещал поведать эту историю после ленча — во искупление своего долга передо мной.

Должен признать, я с интересом поглядывал на пятидесятый номер — терпеливо дожидавшегося своей очереди андроида, — его было бы неплохо приобрести в качестве камердинера. Однако это был робот многоцелевого назначения — садовник, слуга, шофер, — и я не смог бы по-настоящему загрузить его работой. С тех пор как пару месяцев назад я вынырнул из глубин Средиземноморского Акванавтического проекта и возобновил знакомство с солнцем и свежим воздухом, мне пришлось основательно потрудиться только в нескольких трудных теннисных партиях, охотничьей экспедиции и путешествии к тетушке Норе. Тетушка, моя единственная родственница, держала поместье в тропической зоне у южного полюса и, за исключением своего племянника, иногда месяцами не выезжавшего

из-под воды, беспокоилась только о любимых сиамских кошках.

Нет, робот был действительно хорош; но я справился с искушением, представив, как быстро проржавеет этот парень в том месте, где я зарабатывал себе на хлеб насущный.

Помфрету придется запастись терпением; Афродита Бернини, чье мраморное тело таило в себе трепещущую чувственность теплой живой плоти, — обманчивый призрак, созданный неподражаемым мастерством скульптора — являлась, очевидно, гвоздем аукциона и занимала почетное место в конце списка. С некоторой долей сарказма я решил, что дело до нее дойдет только после ленча, когда бумажники, под влиянием обильного соковыделения, раскроются пошире.

— Она прекрасна, — вздохнул Помфрет, и его цветущая физиономия выразила те же чувства, что и морда быка, узревшего стадо прекрасных джерсиек.

— За нее заломят столько...

— Я знаю. Такая редкая находка... такое великолепие...

— Не могу понять, почему ее не выставили на специальном международном аукционе вместо того чтобы сваливать в кучу вместе с этим барахлом...

— Ее! На международный аукцион! — воскликнул Помфрет с укоризной. — Вы варвар!

Я бросил еще один взгляд на изящные округлости Афродиты и снова восхитился искусством мастера и совершенством модели. Эта девушка могла оказаться бездомной бродяжкой с улиц Рима середины семнадцатого века или достойной соперницей Констанции Буонарелли — в любом случае, она была прелестна. Я поднял глаза вверх и за ее восхитительным плечиком увидел скрытое в тени лицо мужчины, который пристально разглядывал меня. Я был поражен. Пожалуй, не тем даже, что некий незнакомец, стоявший в полумраке, внизу резной дубовой лестницы, смотрел на меня; но было что-то в его лице... в меняющихся чертах... во взгляде — что-то, внушавшее мне опасение.

Я отвернулся, потом опять осторожно посмотрел в ту сторону. Лицо исчезло. Сзади бубнил Помфрет.

— Говорю вам, Берт, вы варвар, вандал...

Когда старина Джордж Помфрет садился на своего конька, его трудно было остановить. Я потер лоб. Это лицо... я видел его где-то раньше... Больше того, я был уверен, что очень близко знаком с этим человеком. Несомненно, мы встречались... но где, когда? словно колпак из матового стекла накрыл мой мозг; я не мог вспомнить имени, и это приводило меня в ярость.

— Вандал? — фыркнул я. — Какого дьявола, Джордж... это же просто кусок мрамора... хотя и каррарского...

Помфрет возмущенно отвернулся; ноздри его побелели от гнева. Улыбнувшись с удовлетворением человека, удачно щелкнувшего по носу ближнего своего, я погрузился в воспоминания, пытаясь оживить черты этого таинственного лица.

Внезапно, словно под ударом молота, матовый колпак разлетелся и я вспомнил. Конечно! Это лицо было моим собственным.

Превосходный набор кишок, восстановленное сердце и отлично функционирующие почки обрели нового владельца; любопытно было бы узнать, кому эти органы принадлежали раньше, подумал я с вялым интересом. Затем пошла с молотка домашняя климатическая установка; она являлась сравнительно недавним приобретением Ганнетов и могла быть изъята без существенного ущерба для древнего особняка. Спустя некоторое время я решил было прицениться к номеру тридцать третьему — четырем превосходным шпагам.

Это лицо... да, несомненно, оно имело сходство с моим. Я снова бросил взгляд в полумрак под лестницей и не удивился, никого там не обнаружив. Впрочем, не пригрезилось ли мне все это? У меня не было родственников, кроме тетушки Норы, любительницы кошек. Возможно, мелькнувшее видение — это просто игра света и тени?

Ощущение какой-то неустойчивости охватило меня; на мгновение, продолжая оставаться здесь, среди вещей навсегда ушедшей семьи, среди этих залитых мягким светом раннего летнего утра творений рук челове-

ских, я почувствовал томительное желание погрузиться в ласковые морские глубины и увидеть сквозь линзу зеленоватой воды яркое сияние окон моего подводного жилища. Я попытался собраться и обратил взор к четырем превосходным шпагам. Шотландские — и отличной работы... но, впрочем, не стоит... В моей коллекции вполне хватало шпаг, и эти четыре, пусть и превосходные, были все же ничем не лучше остальных. Они достались маленькому, похожему на мышонка типу — казалось, представь он, для чего предназначались эти клинки, и его пришлось бы долго приводить в чувство.

— Номер тридцать четыре. Включает два первых издания — Уилфреда Оуэна и Джеральда Мэнли Гопкинса. Книги в прекрасном состоянии, подлинные переплеты двадцатого века, страницы немного пожелтели, на форзацах многочисленные экслибрисы и надписи...

Я сделал попытку поторговаться, но цена стремительно взлетела вверх. Ни за один предмет здесь я не заплатил бы таких денег; к тому же, это были всего лишь старые книги. И Оуэн, и Гопкинс были мне хорошо знакомы, их вещи украшали полки в моем подводном доме. Слава Богу, я не испытывал страсти к коллекционированию первых изданий и, кроме того, не хотел доводить до инфаркта поверенного, управлявшего моими финансами.

Я повернул голову — и узрел своего двойника за рыцарскими доспехами средневекового Милана.

На этот раз, почти готовый к подобной неожиданности, я быстро овладел собой и шагнул вперед. Внезапно человек исчез, и я замер, дрожащий и растерянный; только что виденье стояло тут — и в следующий момент буквально растаяло в воздухе.

Несомненно, что-то помutilо мой рассудок. Человек исчез. Он стоял здесь, глядя на меня с кривой усмешкой — неприятная привычка, от которой я пытался избавиться годами, — и через миг я увидел укрывшийся за доспехами пьедестал с бронзовыми всадниками. Золотистые блики света играли на крутых лошадиных боках, искрами срываясь с остроконечных

шпор — клик, клик, клик... Вот и этот человек — клик! — и исчез.

Я моргнул. Обычная реакция. Я сглотнул. Тоже как будто все нормально.

Осторожно сделав несколько шагов в сторону бронзовой кавалерийской группы, я попытался трезво оценить ситуацию. Я коснулся левой рукой чеканного панциря — он был изумительно красив, трудно было бы найти человека, который не жаждал бы завладеть этим чудом, — и снова пристально уставился на бронзовых всадников, на опущенные и вытянутые вперед сабли, ноги, натягивающие стремяна. Предположим, незнакомец просто отошел в сторону в тот миг, когда я моргнул... вполне обычное явление, часто объясняющее внезапное исчезновение миражей... да, но в этом случае он все еще должен был оставаться в тупике, образованном стеной, пьедесталом статуи и рыцарскими доспехами... Он никуда не мог уйти отсюда. Но где же он в таком случае?.. Впрочем, много я и не ожидал.

Он носил довольно странный костюм: серую тунику, облегающую тело как перчатка, и широкие штаны, которые выглядывали из-под темно-голубого плаща, свисавшего с плеч на золотых цепочках. Его исчезновение не сопровождалось взмахом плаща или каким-нибудь иным жестом, объясняющим способ его ухода. Наиболее странной деталью облачения незнакомца являлся бронзовый шлем, похожий на коринфский — необычный головной убор даже для нашего века, терпимого к любому стилю одежды.

Шлем оставлял открытым лицо и был украшен нелепыми желтыми и голубыми квадратами — такими же, какие бывают на ткани в клетку.

Когда я первый раз увидел его за творением Бернини, шлема на нем не было; должно быть, тогда он его еще не надел. Я не понимал, что это значит. Я чувствовал себя раздраженным и неуверенным — подобная реакция слегка меня удивила. Казалось, еще немного — и абсурдная ситуация, в которой я оказался, проломит монолитную стену реальности, заставив поверить в чудо.

Джордж Помфрет, багровые щеки которого были зримым свидетельством чревоугодия, бросил взгляд в мою сторону; затем с удивительной поспешностью подскочил ко мне.

— Эй, Берт, с вами все в порядке? Вы выглядите так...

— ...словно увидел призрак, да?

— Да, если угодно. С вами все в порядке?

— Вполне. Хотя я видел... впрочем, ничего страшного, Джордж. Думаю, я просто задремал на ходу.

— Хмм... Ну, ладно. — Помфрет явно решил не затрагивать больше эту тему. — Следующим идет ларец, что мы видели внизу. Он вас еще интересует?

— Ларец? — Мысли мои медленно возвращались к реальной жизни.

— Вспомните, Берт! Этот напольный ларец с секретом, который стоял перед окном в картинной галерее на первом этаже.

— О да, я вспомнил. Конечно. — Я видел, что Помфрет пристально уставился на меня. — Ну, давайте попробуем сразиться за него — хотя он все равно уйдет. И ради Бога, Джордж, со мной все в порядке, поверьте.

— Хорошо, хорошо.

Но когда мы пробирались через ожидающую толпу, мимо двойного ряда позолоченных кресел перед столиком аукциониста, Помфрет снова внимательно посмотрел на меня.

Ларец — или, скорее, большой сундук — отсвечивал мрачными красновато-коричневыми бликами полированного ореха, и робот аукциониста поворачивал его на подставке, демонстрируя публике достоинства раритета. Простые, строгие, но элегантные линии и изысканная целесообразность красноречиво свидетельствовали об авторстве Сэмюэля Беннета; хотя этот мастер не столь знаменит, как Томас Чиппендейл, его работы всегда были лакомым куском для истинных любителей антиквариата.

— Нет, вам эта вещь не по зубам, — с сожалением заметил Помфрет.

— Боюсь, вы правы.

Наблюдая за сосредоточенными физиономиями готовых набивать цену профессионалов, представителей всемирно известных музеев и художественных галерей, я прекрасно понимал, что попытка тягаться с ними — занятие глупое и бесполезное.

Впрочем, ради развлечения...

— Номер сорок. Сундук-комод работы Сэмуэля Беннета, инкрустированный орех, с позолоченными ручками, конец семнадцатого века, — аукционист скороговоркой перечислял потрясающие воображение достоинства. Я улыбнулся той уверенности, с которой работа Беннета была аттестована как комод; здесь имелись небольшие, но довольно существенные отличия. Но, в конце концов, это не Чиппендейл, а значит, особая точность здесь ни к чему.

Робот аукциониста выдвинул один из ящичков, самый верхний, демонстрируя, что дерево сохранило свежесть и чистоту, а сам ящик превосходно пригнан и не скрипит. Если бы эта штука принадлежала мне, я бы только и делал, что открывал и закрывал ящички. Я знал, что этот ларец — великолепная вещь.

Робот нагнулся к нижнему, самому большому ящику и взялся за ручку. Его движение было отлично рассчитано, и ящик выдвинулся точно наполовину. Робот потянул немного сильнее, и я нахмурился. Конструкция ларца казалась неподражаемой; ящик скользил легко и плавно, но теперь, когда робот тянул его дальше, я услышал, как два-три человека начали тихо шептаться за моей спиной.

Неожиданно ящик полностью выскользнул наружу.

Он ринулся вперед, словно его пнули в заднюю стенку, сорвался с деревянных направляющих планок и полетел на пол. С невероятной быстротой робот вытянул руку, чтобы поймать ящик; металлические пальцы глухо стукнули по дереву. Ящик перевернулся.

Длинный, окутанный тканью предмет вывалился из него.

Я ощутил, как в собравшемся вокруг меня обществе богатых покровителей искусства, матрон, одаренных способностью часами с наслаждением высиживать на подобных аукционах, профессиональных торгашей, в

этом мире обеспеченных любителей древностей, надежно огражденном от всех прочих миров нашей планеты, зародился панический трепет ожидания.

Робот поймал краешек ткани и дернул, разматывая ее. Мелькнуло что-то белое — и вывалилось на пол, прямо к ногам аукциониста и потрясенной толпы.

Тело девушки, обнаженное, обезглавленное, залитое кровью, распростерлось перед нами.

II

Голову найти так и не удалось.

Красота и изысканность танцевального зала Ганнетов, в котором проходил аукцион, только усиливали гнетущую атмосферу. Ужасаясь бессмысленной жестокости всего произошедшего, я не мог немного не позлорадствовать. Я был чужим в этом раззолоченном мире изящных жестов и пустых разговоров за послеполуденным чаем. Мы с Джорджем перешли дорожку, посыпанную гравием, и, остановившись у его вертолета, наблюдали, как несостоявшиеся покупатели спешно разбегаются по домам. Полицейские к тому времени уже закончили работу.

— Бедное дитя, — покачал головой Помфрет, — вряд ли удастся ее опознать — даже с помощью этой новой техники.

— Вы знаете, Джордж, самая странная вещь, — я старался, чтобы в моем голосе не прозвучал страх, — чертовски странная вещь заключается в том, что мы заглядывали в этот комод всего час назад. Значит, тогда девушки там еще не было.

— Полицейский врач сказал, что ее убили совсем недавно. Кровь еще вытекала из трупа, когда его обнаружили, — вы же знаете, как она хлещет из разорванной шейной артерии.

— Да, могу себе представить.

— А это означает, что ее засунули в ящик ларца как раз перед тем, как робот вкатил его в зал.

— Трудное будет дело, ничего не скажешь.

— И никаких следов крови на полу, — никак не мог остыть Помфрет, — а главное — голова!

— Знаю, знаю. Послушайте, Джордж, мы опаздываем на ленч...

— Разумеется, мой дорогой друг, неужели из-за такой мелочи у вас может пропасть аппетит? Это было бы настоящей трагедией: свежая лососина с соусом — Монтегю специально раздобыл рецепт у главного киберповара самого Чэнселлора Зангвилла, чтобы порадовать вас. Ну, и в конце концов — отличная вода...

— Я все понимаю, Джордж, спасибо. Надеюсь, свежий лосось понравится мне больше, чем копченая селедка.

Геликоптер Помфрета ожидал нас с тем слегка лукавым и презрительным видом, который вы можете нередко наблюдать у интегральных роботов. Это особенно раздражало меня сейчас, вдалеке от моего дома, где большинство роботов были гуманоидными. Те, по крайней мере, более открыты и предсказуемы в своих реакциях.

Мы забрались в кабину, лопасти винтов завертелись, и голос из динамика спросил:

— Куда, сэр?

— Домой, Джеймс, — проговорил Джордж и, поскольку он был настоящим Помфретом, добавил: — Не щади лошадей!

Я думал о мертвой девушке и о моем исчезнувшем двойнике.

Я, конечно, не упомянул о нем полицейским, прекрасно понимая, что они либо не обратят на это внимания, либо потащат меня в участок и попытаются пришить мне убийство. Ни тот, ни другой вариант меня не устраивали, так что я решил разобраться во всем самостоятельно.

Геликоптер взлетел в напоенный солнцем воздух, и усадьба Ганнетов, с голубыми крышами, серыми и желтыми стенами и огромными окнами, быстро растворилась в море зелени.

Прекрасное место. Спокойное. Ужасное событие, случившееся здесь, не вязалось с ролью, уготованной этому дому историей. Усадьба, дом, семейный приют — я снова вспомнил о многочисленных историях, которыми обросло имя Лестера Норттропа. Прежде

чем мне удалось завязать с Помфретом разговор — с тем чтобы он рассказал какую-нибудь такую историю, — в кабине затрещал телефон. Звонил Бененсон.

— Слушай, Джордж! Какого черта ты здесь торчишь? Ты уже заполучил Бернини?

Помфрет коротко глянул на меня.

— Нет, Пол, нет еще. Произошел... произошел несчастный случай...

С экрана на Помфрета взирала широкая, топорного вида физиономия — лицо Настоящего Мужчины! Мне, конечно, совершенно наплевать на Пола Бененсона. Он из тех неудобоваримых типов, которые не могут спокойно разговаривать с людьми, — нет, им постоянно хочется орать и спорить без повода, им нужно сокрушить собеседников до основания — только так они чувствуют себя личностью. И теперь этот тип хмуро уставился на Джорджа Помфрета.

— Это возмутительно, Джордж! Я знаю, мы все согласились с тем, что, раз ты живешь неподалеку, то ты и будешь представлять наш синдикат на аукционе, но, кажется, мне следовало бы приехать самому. Я, конечно, хорошо знаю, как сложно сейчас отыскать надежных партнеров...

Я перестал слушать, отметив про себя, что Джордж, очевидно, по своей вине влип в это дело. Меня позабавила мысль о том, что он водит компанию с такими занудами, как Бененсон. С тех пор как цены на предметы искусства и антиквариат подскочили настолько, что оказались не по карману даже зажиточным людям, среди коллекционеров стало модно объединяться в так называемые синдикаты, чтобы совместно покупать подобные вещи, которые потом либо разыгрывались, либо выставлялись в какой-нибудь частной галерее. В таких случаях Бененсон говорил так: «Я чертовски хочу заполучить Афродиту и не возражаю против того, чтобы разделить ее с вами; но я не желаю, чтобы на бесценную статую паялилась толпа грязных оборванцев». Он и на этот раз повторил то же самое.

Помфрет кивнул.

— Аукцион возобновляется завтра утром. Я уверен, что мы сможем купить вещь Бернини, несмотря на то что у нас очень сильные конкуренты.

— Гмм... Ну, пожалуй, так. Ты можешь поднять планку еще на полмиллиона. Марсель Лекануэ присоединился к нашей компании. Мне нет до него никакого дела, но он внес пятьсот зелененьких. — Лицо Бененсона на экране исказила гримаса жадности. — Я завтра тоже появлюсь на аукционе. Мы должны получить ее, Джордж!

Когда экран погас, я вопросительно посмотрел на Помфрета.

— Мы должны получить ее, Джордж! С каких это пор Бененсон стал таким любителем искусства?

— Да нет, с ним все в порядке, — невпопад ответил старина Джордж.

Мы спустились к его вилле, выглядевшей по сравнению с домом Ганнетов довольно скромно, но наполненной всевозможными механизмами, позволяющими сделать жизнь более приятной. Роботы подали ленч — и лососина оказалась действительно превосходной. Остаток вечера мы провели за разговором, основной темой которого оставался обезглавленный труп девушки.

Кроме того, я продолжал прикидывать про себя, как сумел этот парень — мой двойник — раствориться прямо в воздухе.

К сожалению, чем больше я размышлял по этому поводу, тем быстрее ускользала от меня суть дела. Тем не менее я попытался придумать разумное объяснение для увиденного.

На следующее утро — а это был мой третий день с Джорджем Помфретом — я бился над той же проблемой. За завтраком я очень спешил и, сделав Помфрету несколько весьма прозрачных намеков на это обстоятельство, заставил поторопиться и его, так что мы успели отбыть в поместье Ганнетов до того, как Бененсон принялся обрывать телефон.

Пока вертолет подлетал к усадьбе, я с удивлением размышлял о том, что должно произойти сегодня.

Со стороны все выглядело таким же, как и раньше, — это послужило для меня добрым знаком. Ведь

дом Ганнетов стоял здесь почти тысячу лет, и за это время автотрассы и монорельсовые дороги окружили его со всех сторон, шум от пролетающих самолетов сотрясал воздух над ним, а туннели межконтинентальных коммуникаций подкатывались под него снизу. И каким бы мрачным и ужасающим ни выглядело убийство молодой девушки, старый дом за свою долгую жизнь наверняка был свидетелем гораздо более неприятных сцен.

К моему удивлению, Помфрет отказался отвечать на вопросы о Лестере Нортропе.

— Это не тот человек, который вам нужен, он только жил здесь, — сказал Джордж. — На самом деле вас интересует старый Вэзил Станнард.

— Вэзил Станнард?

— Ну да, вы же видели его вчера. Тот портрет у Ганнетов — помните? Художник, нарисовавший его, жил здесь в специально отведенных комнатах вместе со своими роботами, которым не разрешалось болтаться по дому. — Помфрет закудаhtал от смеха. — Признаюсь, я посетил бы аукцион, даже если бы синдикат не поручил мне покупку Бернини, просто так, из бескорыстного любопытства. Этот дом, знаете ли, хранит столько тайн!

Мы выбрались из геликоптера — на посадочной площадке стояли только две машины — и прошествовали по хрустящему гравию дорожки мимо аккуратно подстриженных живых изгородей, среди которых возвышались древние статуи — без носов, рук и прочих частей тела; время хорошо поработало над ними. Воздух светился той чистой шафрановой ясностью, которую можно ощутить только ранним летним утром, когда весь мир кажется заключенным в себе самом, томным, ожидающим, наблюдающим, впитывающим и концентрирующим заманчивое обещание будущего. И это обещание — обещание чего-то наступающего, ожидаемого — оказывается много приятнее, чем его исполнение в обыденности вечерних часов.

Я поднял голову. Казалось, что голубая крыша особняка плывет куда-то по утреннему небу. Раньше я никогда не задумывался о цвете крыш, и если

кто-то захотел бы узнать мое мнение по этому поводу, то я, наверное, промямлил бы что-нибудь о приятной теплоте красной кровли, веселящем румянце оранжевой и о достоинствах черепичной. Однако сегодня, осторожно пробираясь между спящими бутонами первых летних цветов, — настоящий праздник ярких красок и ароматов — я не мог не заметить, что здесь, как ни в одном другом месте, сочетание голубой крыши и желто-серых стен являет собой великолепный образец архитектурного решения. Все это напоминало мой родной дом под далеким серебристым небом.

Может быть, в другое время и в другом месте я предпочел бы красный кирпич и красную черепицу, но не здесь, не у Ганнетов.

Миновав застекленную галерею и несколько передних коридоров, мы вошли прямо в танцевальный зал. Помфрету уже не терпелось полюбоваться на Афродиту. За ночь к обычным охранникам в коричневой форме с зачехленным оружием на ремнях добавились полицейские; они стояли во дворе и выглядывали гораздо мрачнее. Пожалуй, теперь никому не удалось бы пожить чем-то существенным из знаменитой коллекции дома Ганнетов.

Я застыл на пороге зала, опять очарованный теми грезами, которые он будил во мне. Это великолепных пропорций помещение должно было оглашаться звуками вальса и шуршанием кружащихся юбок — приметами давно прошедшей эпохи. Балкон для оркестра с резной балюстрадой и хитроумным освещением парил над полом, словно на антигравах... и тут мое сердце екнуло.

С балкона для музыкантов на меня смотрел я сам.

Уставившись вверх и глупо разинув рот, я заметил, что коринфский шлем в голубую и желтую клеточку чем-то перепачкан — я не сомневался, что зловещие пятна являлись не чем иным, как кровью; на серой тунике человека тоже расплылось несколько бурых клякс. Его плащ исчез, и с плеч незнакомца свисали лишь оборванные золотые цепочки.

Я начал лихорадочно соображать, как забраться на балкон.

Дверь красного дерева, к которой я рванулся, оказалась закрытой. Я оглядел зал, забитый всевозможными аукционными безделушками и похожий на какую-то свалку истории, но не обнаружил пути наверх. Человек надо мной шевельнулся, послышалось его хриплое тяжелое дыхание.

— Эй, ты! — закричал я, вытянувшись вверх и отыскивая взглядом свою копию.

В первый момент мне не удалось его разглядеть. Потом маленькая ярко-красная капелька упала на великолепный паркет у моих ног.

Ага! Вот он обессиленно перегнулся через перила балюстрады...

— Эй! Ты ранен? Тебе нужна помощь?

Ответа не последовало. Тяжелый звук шагов охранника у меня за спиной и фигура обернувшегося Помфрета — все это, несомненно, говорило, что я, уже почти добившись своей цели, так и не смогу установить контакт с незнакомцем.

— Берт, вы звали меня?

— Послушай! Ты попал в беду. И у тебя мое лицо... Кто ты? Могу ли я помочь тебе?

— Берт! Вы говорите сам с собой или...

Крови больше не было. Только золотая цепочка блеснула где-то между перилами.

— Да! — заорал я Помфрету. — Я разговариваю сам с собой!

— Все в порядке, сэр? — Охранник — здоровенный смуглолицый детина в коричневой униформе, загорелые руки которого небрежно покоились на поясе в миллиметре от кобуры, — приветствовал меня с той многозначительной всеосведомленностью, которая всегда проскальзывает в тоне любого представителя воинских или псевдовоинских формирований при общении с гражданскими лицами. — Мне показалось, вы с кем-то разговаривали?

— Только с мистером Помфретом, сержант.

Он осмотрел нас обоих, ухитрившись не встретиться взглядом ни со мной, ни с Помфретом, пробормотал что-то насчет исполнения служебного долга и наконец

удалился. Его неестественно прямая спина и негну-щиеся ноги раздражали меня до нервного зуда.

— Что, черт побери, происходит? — Помфрет взял меня за руку, чтобы я мог лучше прочувствовать его вопрос. — Вы кричали так, словно..

— Вы видели... — тут я прикусил язык. Он не мог увидеть это, а если бы даже и увидел, то сделал бы то же самое, что и я, — переполошил охрану Дьявольщина! Мне шла удача — но, как всегда, к ней потянулись чужие жадные руки. Агенты разведок всего мира не сумели бы воспрепятствовать той тонкой операции, которую я мог затеять при наличии денег, времени и криминальных склонностей.

— Вы неважно выглядите, Берт. Идите сюда, присядьте. Я сейчас соображу чего-нибудь выпить.

— Нет, Джордж, все в порядке. — Я засмеялся, сожалея, что не могу сохранить невозмутимый вид. — Просто у меня запершило в горле, и я попытался его прочистить, — тут я кашлянул и с притворным отчаянием добавил: — Поживите-ка с мое под водой — посмотрим тогда, какие странности у вас появятся.

Он посмотрел на меня, как будто внезапно обрадовался тому, что завтра я его покидаю, попытался выдавить улыбку и произнес:

— Вам надо смотреть за собой. Простуда — страшная вещь!

Да, надо отдать должное старине Джорджу. Ничто не могло заставить его изменить своего мнения о чем-либо.

Прежде чем мы ушли, я наступил на пятнышко крови и аккуратно затоптал его носком ботинка. Не знаю, зачем я это сделал, но мне показалось, что данный поступок отвечает сложившейся ситуации.

III

Как будто подхваченный одной из тех приливных волн, которые ощущаются сначала лишь по слаженному колебанию подводной зелени, я чувствовал себя несущимся в мутном потоке отчаяния и страха. И, подобно бессильно обвисшим лентам водо-

рослей, поникли мои надежды на приятное времяпровождение. Истекающий кровью незнакомец в коринфском шлеме в голубую и желтую клетку — мой таинственный двойник — зачем он преследует меня? Не он ли зверски убил ту бедную девушку, чье обнаженное обезглавленное тело, словно в какой-то дурной театральной постановке, выпало из ящика комода к нашим ногам?

Я следовал за Помфретом, спешившим приветствовать Пола Бененсона. Меня не покидало чувство, что лучше провести пять раундов подряд с тигровой акулой, чем общаться пять минут с этим типом. Бененсон, нацепив золотое пенсне, так несуразно выглядевшее на его физиономии, милостиво улыбался каждому встречному, будто давал понять, что тем самым день для них уже не прошел даром. Мы пожали руки и обменялись парой коротких фраз, после чего я удалился, чтобы еще раз полюбоваться замечательным глобусом, важно стоявшим в углу. «Номер сорок пять», — гласила прикрепленная к нему карточка; это означало, что данный предмет скоро будет выставлен на продажу.

Вчерашние и сегодняшние события, мягко выражаясь, несколько вывели меня из равновесия. К тому же я совершенно не был уверен, что история уже закончилась. Изучая странные названия, украшавшие южный полюс огромной сферы, я удивленно вспомнил, что наш мир, оказывается, не всегда был таким, как сейчас. Я улыбнулся, представив, сколько противоречивых чувств у создателей этого глобуса могла бы вызвать тетя Нора и ее сиамские коты, обитавшие в тепле и уюте некогда смертоносного ледяного континента.

Танцевальный зал, который потихоньку заполнялся публикой, вскоре стал похож на переполненный курятник, и монотонный надоедливый гул толпы путал мои мысли. Ничего интересного не произошло, пока полицейские не забрали облюбованный мной глобус как вещественное доказательство. После этого я ощутил острое желание побыстрее расстаться с миром надуманного, рафинированного, едва ли понятного мне искусства. У нас, в подводных городах, конечно, есть

свои музеи, но наш стиль жизни как-то не вяжется с подобной обстановкой.

Я покинул танцевальный зал, еще раз бросив опасливый взгляд на пустой балкон для оркестра, и поднялся вверх по мраморной лестнице с балюстрадой из изящно выгнутых железных и медных пластин. Охранники в коричневой форме бдительно расхаживали тут и там; мне показалось, что их стало больше, чем вчера.

Поднимаясь со второго этажа на первый и проходя по длинному коридору, я увидел свои многократные искаженные отражения, сначала приближающиеся, а потом снова исчезающие в бесконечности. Кое-кто поправил бы меня, заметив, что я поднялся с первого этажа на второй; но большинство, думаю, не обратит внимания на эти старомодные различия. У нас под водой тоже есть свои традиции.

Коридор переходил прямо в картинную галерею.

Все картины были сейчас перевезены в Лондон для реставрации, а в некоторых случаях — с целью проведения экспертизы. Им предстояло стать предметом специального аукциона, который состоится позднее. Если повезет, я вновь окажусь здесь и погляжу, как старина Джордж будет выторговывать коллекцию Дж. Б. Морза, которую мне тоже очень хотелось бы заполучить.

Картинная галерея простиралась передо мной, сверкая голыми стенами, — сияющие просторные окна, хрустальные люстры, разбрасывающие блики света, которые затейливым узором ложились на старинный паркет, отполированный ногами многих поколений. Охранник показался было в дальнем конце галереи, но, успокоенный моими мирными намерениями, сделал налево — кругом и удалился.

Я снова остался в одиночестве.

Около третьего по счету окна я обнаружил на полу светлый четырехугольник; по всей видимости, здесь долгие годы простоял тот самый злополучный ларец. Приблизившись к широкому деревянному подоконнику, я выглянул в окно. Рамы были плотно закрыты — когда настанет нужный момент, специальные датчики активизируются и раскроют окна.

Галерея находилась в выдававшемся наружу флигеле, и со своей позиции я мог разглядеть голубую крышу главного здания и кольцо из желтого гравия, четко выделяющееся на фоне газонов ярко-изумрудного цвета — такой оттенок достигается только долгим заботливым уходом. Сразу за газонами и пышными кустами цветов начинался чудесный сад. Глубокая тишина и спокойствие безраздельно овладели мной в эту минуту. Тишина, долгожданная и благословенная тишина, росла и ширилась, вновь пробуждая то чувство, которое я испытал сегодня утром, шагая вместе с Помфретом по желтой дорожке. Пораженный, я быстро отвернулся от раскинувшегося внизу пейзажа и увидел ее.

Девушка появилась из дальней двери.

На мгновение я засгыл с разинутым ртом, ослепленный солнечным светом, и только потом осознал, что в данный момент нахожусь на суше, где непосредственность и прямога может быть воспринята неоднозначно. Я повернулся к стене, собираясь полюбоваться ближайшей картиной, и только тогда вспомнил, что все они уже убраны.

Ситуация стала еще более идиотской, чем минуту назад, и девушка засмеялась.

Она смеялась надо мной.

С того времени как мне пришлось выбраться на сушу, чужой смех ни разу не приносил мне такого удовольствия.

— Смейтесь, смейтесь, моя дорогая леди. Ваш смех — словно бокал шампанского для путешественника, который только что пересек пустыню.

— Простите меня, но вы выглядели так...

— Так смешно?

Ее огромные ярко-голубые глаза широко раскрылись — вдобавок к незаурядной внешности, она оказалась хорошей актрисой. Всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность, обиженно надув губки, девушка приготовилась ответить мне какой-нибудь колкостью. Я заметил, как странное выражение затуманило на миг ее глаза.

— Да, — мягко произнесла она, — вы выглядели смешно, словно испуганный маленький мальчик, застигнутый врасплох за воровством шоколадных конфет.

— И это, кстати, не первый раз, — с улыбкой ответил я. Мне нравилось на нее смотреть. Строгий темно-синий костюм подчеркивал линии стройного молодого тела. Я не стал бы утверждать, что она была ослепительной красавицей, но черты ее лица казались миловидными — как у любой молодой и привлекательной девушки в яркий летний день.

— Вы тоже покупательница? — вежливо осведомился я. Мы стояли у окна, и освещенный квадрат паркета оказался прямо у нас под ногами, там, где тяжелые кисти темно-вишневых портьер касались пола.

— Да, но я представляю лишь себя. Боюсь, что орды стервятников уже расхватывали лучшие куски.

— У вас довольно точное представление о нашей гнусной действительности.

— Сильно сказано! Неужели вы столь разочарованы?

— Разочарован? О нет! Наш мир движется прямо в ад, и меня не волнует, каким образом это происходит. Хотя, с другой стороны, он падает в преисподнюю вот уже полтысячи лет, а мы все еще здесь.

— Да, мы еще здесь. Меня зовут Фиб Десмонд.

Девушка так мило и непринужденно протянула мне руку, что мне было очень приятно пожать ее.

— Вы уже присмотрели что-нибудь интересное?

— Да, конечно! — она снова рассмеялась, откинув голову назад. — Мне очень понравился тот изящный кукольный домик с мебелью и заводными куклами; эти куклы такая прелесть, просто уму непостижимо! Я полагаю, что Тимми, мой племянник, будет очень рад презентовать их своей сестре Долли, — ради этого я здесь и нахожусь.

— Лично я не слишком верю во все эти штучки вроде горячей братской любви. Но в данном случае вам виднее.

— Вы неисправимый пессимист!

— Нет, так нечестно! Я всего лишь имел в виду свою тетюшку, и не стоит сразу бить меня ниже пояса!

Засмеявшись, девушка продолжила:

— Я верю своей сестре. Салли говорит, ее дети буквально обожают меня, так что мне нетрудно поддерживать с ними вполне пристойные родственные отношения.

Прежде чем я придумал достойный ответ, в дальнем конце галереи послышался топот, и мы оба повернулись в ту сторону, прервав наше словесное фехтование.

По темному паркетному полу бежала обнаженная девушка, ее светло-рыжие волосы развевались, раскинутые руки словно молили о помощи, ярко-красный рот был перекошен. За ней, извиваясь и переваливаясь, с ужасающей скоростью двигалось... я не мог бы найти подходящих слов, чтобы описать ЭТО. Свиристый, отвратительный, клыкастый, поросший шерстью монстр с горящими малиновыми глазами. На его ногах — или лапах? — блестели тяжелые металлические башмаки, и каждый заканчивался весьма мерзким на вид длинным острием.

Девушка наконец увидела нас. Ее глаза вылезли из орбит, дрожащая грудь приподнялась, губы раскрылись, судорожно захватывая воздух. Я понял, что она сейчас закричит. И она закричала.

Внезапно и девушка, и чудовище исчезли.

Только этот последний вскрик все еще отдавался эхом в моих ушах.

Я почувствовал, как рука Фиб коснулась моего запястья. Ее была мелкая дрожь. Быстро взглянув на девушку, я сжал ее ладонь.

— Я тоже видел это, мисс Десмонд. Но чем бы это ни было, теперь все кончилось. Все прошло!

— Да, — ее голос дрожал, — теперь все прошло... — Она неожиданно повернулась ко мне и спрятала лицо у меня на груди. — О, это было... это было...

Мои руки застыли где-то на уровне ее плеч, и я ни за что на свете не смог бы отнять их.

— Зрелище, конечно, не из приятных, — я попытался утешить ее, как мог, — но оно не нанесло нам вреда.

Некоторое время спустя Фиб отстранилась от меня и запустила руки в волосы, вызываясь откинув голову.

— Нам лучше вернуться назад, — сказала она. — Иначе мой кукольный домик достанется кому-нибудь другому.

— Да, мисс Десмонд. Мы так и сделаем.

Я держал ее за руку, когда мы спускались по лестнице. Фиб не возражала, и это только укрепило мою убежденность в том, что сейчас она нуждается в помощи и поддержке.

Абсолютно спокойная и непринужденная обстановка в танцевальном зале нас шокировала. Как могут нормальные люди столь хладнокровно сидеть здесь и разглядывать предметы искусства, когда прямо над их головами слюнявые монстры гоняются за голыми девицами?

Найдя место для мисс Десмонд, я смог наконец оглядеться. Все, казалось, шло по-прежнему, и я не обнаружил ничего достойного внимания, кроме предмета, за который шла торговля.

Этим предметом являлась скульптура из живого кораллового куста, добытого на одном из покинутых рифов у юго-восточного побережья Австралии. Цена на данный раритет взлетала все выше и выше. Красочные отростки коралла матово поблескивали в глубине наполненного водой контейнера. Скульптура оказалась действительно неплохой — направление роста коралловых ветвей было хорошо продумано и тщательно контролировалось, — но у меня дома стояло по крайней мере шесть гораздо более симпатичных вещей, и я с удовлетворением отметил, что хоть в чем-то мне удалось переплюнуть этих жадных и крикливых сухопутных крыс.

Коралл достался какому-то тощему облезлому человечку. Я не мог смириться с тем, что прекрасный коралловый куст будет украшать его ванную комнату, и тешил себя надеждой, что этот тип, возможно, подарит скульптуру своей подруге. Тем временем один из роботов убрал куст, а другой вкатил на возвышение мой долгожданный глобус.

Глобус очаровал меня. Выпущенный еще до учреждения Федерации Южного Полюса и даже до того, как освоили шельфовые зоны, он представлял мир, давно упревший в прошлое. Но когда-то этот мир реально существовал, и живые люди населяли его острова и континенты, постоянно сражаясь друг с другом за обладание ими. Глобус принадлежал миру, создавшему большую часть тех сокровищ, которые сейчас наполняли танцевальный зал.

— Номер сорок пять. Глобус Земли. Докосмическая и доокеаническая эпоха, в превосходном состоянии, единственное исключение — след булавочного укола на Кентском побережье — там находился курорт Грейтстоун — очевидно, там был воткнут флажок.

— Ну, я думаю, в ближайшем будущем никто не захочет посетить этот курорт! — сострил потный толстяк, глаза которого изредка отрывались от статуи Афродиты. Каждый раз, когда Помфрет видел этого толстого человека — его имя, как мне сказали, было Саймон Рейкли, — он поджимал губы, презрительно щурился и оборачивался в поисках соглядатаев.

Торговля пошла вяло. Глобус изображал мир, который этим важным господам и дамам не удалось бы посетить, купив билет на самолет, а раз так, то какой в нем толк? Подумаешь, какие-то там географические названия, широты и долготы — все это было не модно, в отличие от прошлогодних политических глобусов.

Ощувив вдруг свою плавучесть — чувство, странное на твердой почве, — я назвал цену, которая, без сомнения, позволила бы мне стать обладателем глобуса. Мой конкурент, дрожащая старая леди с желтым лицом, похожая на оголодавшую ворону, уставшую в поисках кормушки, с трудом повернулась в мою сторону, чтобы обозреть соперника; шелка, нейлоны и связки бус тормозили ее движения, и, пока она раздумывала, продолжать ли торг, звучно ударил молоток аукциониста.

Она улыбнулась мне, продемонстрировав набор прекрасных коронок, и склонила голову в знак своего поражения.

Я молча поклонился в ответ.

Человек, появившийся в зале во время этого обмена любезностями, коснулся моего локтя. Я в недоумении уставился на него

— Это вы только что купили глобус?

— Да, я

— Я хочу перекупить его у вас...

На нем был хороший темный костюм, на ногах — ботинки свиной кожи. Руки — большие и сильные, с аккуратно подстриженными ногтями; он весь прямо-таки лучился здоровьем. Рубашка самого модного бледно-лилового цвета оттеняла каштановый галстук с пурпурными узорами. Я моментально отметил все эти факты и тут же забыл о них, взглянув на лицо моего собеседника.

Должен сказать, что могу по внешнему виду мгновенно определить характер человека и его склонности; к тому же я хорошо поднатерел в искусстве утаивания своих мыслей. Однако, признаюсь, мне пришлось долго изучать незнакомца, который так настойчиво тянул меня за рукав.

У себя под водой я бы отдал такому человеку свой последний кислородный баллон и протянул последний гарпун, даже если бы море вокруг кишело акулами. Грубо очерченное лицо, тяжелая челюсть, пронзительные глаза, большой рот и сломанный нос — все отличительные черты героической личности присутствовали в избытке; но что самое важное — он стоял выше таких мелочей, как героизм, он был человеком.

— Но зачем вам глобус? — сказал я, не заметив, что разговариваю с ним так, словно мы знакомы много лет.

— Я не могу сказать вам этого, поверьте... Я был бы здесь раньше, но мой вертолет... мой вертолет сломался. Я умоляю вас...

Очевидно, он не испытывал ко мне такого странного дружеского чувства, и мне почему-то стало неловко за себя.

— Вы знаете, мне тоже очень нравится глобус... И, в конце концов, я ведь уже купил его.

— Но вас интересуют деньги? Готов заплатить вдвое больше...

Я улыбнулся ему. Девушки обезглавленные, девушки голые и преследуемые отвратительными монстрами из ночных кошмаров, мужчина, удивительно похожий на меня, исчезающий подобно дыму, и, наконец, человек, готовый дать мне двойную цену за совершенно обычный, хотя и старый глобус... и все эти странные события, однако, происходят на банальном аукционе во вполне респектабельном загородном доме.

Мне не удалось добиться успеха с моим исчезающим двойником. Девушка и чудовище тоже бесследно растворились в воздухе. А та первая девушка мертва.

Но человек, предложивший мне за глобус кучу денег, стоял рядом и улыбался своей неотразимой улыбкой. Да, сомнений у меня больше не осталось.

— Думаю, вам стоит прогуляться со мной, — подчеркнуто вежливо начал я. — Нам есть что сказать друг другу. О да, конечно, глобус мы тоже возьмем.

Я убрал его руку и сам взял его под локоть.

IV

Холл Бреннан — так звали нашего нового знакомого — трахнул кулаком по столу. Скорее всего, он хотел только подчеркнуть важность сказанных им слов, а не продемонстрировать свою агрессивность. Джордж Помфрет слегка приподнял брови, словно собирался заметить, что не ожидал от гостя такого поведения в своем доме, а Фиб, напуганная этим взрывом эмоций, еще сильнее вжалась в кресло.

Глобус, наиболее осязаемая причина нашего рандеву, важно стоял на полу рядом со мной; я отодвинул его подальше от солнечных лучей, которые проникали в комнату сквозь распахнутые окна. Помфрет живо отреагировал на мое предложение собраться у него на вилле; очевидно, ему вовсе не улыбалось дожидаться Афродиты в милом обществе Бененсона Фиб, повиснув у меня на руке, заявила, что она не желает больше ни минуты оставаться у Ганнетов, не имея рядом надежного друга

— Ведь вы теперь мой друг, Берт. Я чувствую, что так должно было случиться. Это ужасное событие... оно каким-то образом объединило нас.

— Что-то вроде фронтового братства?

— Можете шутить сколько угодно, — она испуганно сплюнула через плечо, — но вы отлично знаете, что я имею в виду. Вот так!

Вот так мы все и оказались за одним столом на вилле Джорджа Помфрета, где Холл Бреннан принялся излагать свою правдивую историю.

— Я распутываю этот клубок вот уже двадцать лет. С тех пор как я впервые увидел своего двойника, я решил, что доберусь до конца нити.

Многообещающее начало. Я был сразу заинтригован.

— Но что же привело вас к Ганнетам? Что-нибудь вроде этого? — Помфрет указал на полки со своей античной коллекцией. — Я имею в виду, что нынешняя распродажа была широко разрекламирована.

Бреннан провел рукой по своим подстриженным усам и невесело усмехнулся с видом человека, твердо знающего, что судьба всегда против него.

— Последняя ниточка привела меня к глобусу — единственному из многих тысяч. Я думал, что поиски мои подошли к концу, и, счастливый, как победитель последних ракетных гонок, помчался сюда, мечтая о сказочных сокровищах. Но мой вертолет по дороге атаквали.

— Атаквали?!

— Об этом мы поговорим позже, а сейчас мне хотелось бы вскрыть наш глобус.

Он вытащил карманный ножик.

— Минуточку, мистер Бреннан. — Я был абсолютно уверен, что сумею отстоять свою собственность в любой потасовке, но сейчас пришел к неутешительному выводу, что этот человек силой убеждения рано или поздно заставит меня разрезать на кусочки прекрасный старинный глобус. — Одну минуту. Ведь это мой глобус, и я не для того его приобрел, чтобы он тут же был обезображен.

— Я знаю. Я заплачу вам двойную цену..

— Дело не в том. Я соглашусь на вскрытие моего глобуса, но только при одном условии... Короче говоря, я хочу знать, что происходит.

Яркие маслянистые пятна света, что падали на ковер и играли в стеклах веранды Помфрета, свежий воздух, пение птиц и ароматы первых цветов, которые разносил легкий ветерок, — все это, казалось, остановилось, застыло, когда Бреннан начал свой рассказ.

Что-то защекотало мне руку, и, опустив глаза, я увидел пальчики Фиб в своей ладони. Я пожал их с нежностью.

— История очень проста, — произнес Бреннан бесцветным металлическим голосом, — проста, но от этого не менее кошмарна. Я полагаю, никто из вас не слышал о Звере Времени? О Звере Времени, целую вечность лежащем в своем Склепе? Нет? Я думаю, что нет, и это вполне естественно... впрочем, Бог его знает. Иногда мне самому удивительно, почему я такой странный тип, покинутый и проклятый всеми на Земле, — он тяжело вздохнул, метнув плотоядный взгляд на мой глобус, и продолжал: — Я говорю о Камушке Бессмертном.

Это имя зловещим звоном отдалось в моем сознании. Я уставился на Холла, и на мгновение мне показалось, что позолоченные часы перестали тикать на верхней полке, а пылинки прервали свой вечный танец в луче света.

— Камушкой Бессмертный, — выдохнул Бреннан, высоко задрав голову; глаза его казались щелками под густыми бровями. — Зверь Времени, лежащий в своем Склепе.

Я собрался было отпустить какое-то замечание по этому поводу, но Помфрет опередил меня.

— Что-то среди моих знакомых нет парня с таким именем, — заявил он. — Но при чем здесь глобус Берта?

И неловкая пауза оборвалась.

Фиб рассмеялась, ее пальцы еще теснее переплелись с моими.

— Вот как я впервые наткнулся на это имя, — вновь заговорил Бреннан. Казалось, он обращался только ко мне, словно намекая на родство наших

душ и оставляя за боргом непроходимых ослов типа Помфрета или симпатичных дурочек вроде Фиб. Если Бреннан и в самом деле так считал, то, боюсь, он был не прав. Но, возможно, я зря приписываю ему подобные мысли. Итак, он рассказывал дальше. — Я находился в пустыне, недалеко от трубопровода из Куркика, где недавно раскопали несколько древних городов. Конечно, в том месте все было не раз перелопачено — так же как и к юго-востоку от него, ведь Аккад и Шумер сейчас обычные туристические маршруты.

— Да? А я думал, что пустыню превратили в цветущий сад — трава, вода, саженцы, контроль погоды, — я старался не утратить решимости защищать свой глобус до последнего.

— Ну конечно, — Бреннан рассмеялся, — нынешние археологи работают совсем в других условиях, чем, скажем, сто лет назад, — всякие там пробные котлованы, обязательно куча местных жителей, нанятых на работу... если есть деньги — вы покупаете машины, которые копают, копают, копают... Теперь старичкам, обожающим рыться в земле ради ведра старых черепков, пришлось бы сдать свои лопаты в утиль.

— Но какое это имеет отношение к... — начала было Фиб, но мне удалось вовремя сжать ее руку.

— Мы не знаем, Фиб, — громким шепотом объяснил я. — Единственное, что нам известно, — что все это имеет какое-то отношение к мистеру Бреннану.

— Ко мне может иметь отношение все что угодно, если только это касается дела моей жизни, — жестко произнес мистер Бреннан, как будто это и так не было всем ясно.

— Успокойтесь, моя часть договора будет выполнена, — улыбнулся я ему. — Прошу вас, продолжайте. Я весь внимание.

— Тигр, называемый также Хиддекелем, иногда менял свое русло, как и Евфрат, или Великая Река. Я со своими друзьями высадился много южнее. У нас был флайер, и мы вели археологическую разведку местности, далеко отклонившись от обычных марш-

рутов. Фактически, мы оказались в настоящей древней пустыне, где и обнаружили город.

Тон его был вполне искренним, но я решил провести проверку.

— Когда это произошло? — послал я пробный мяч. — Последний большой город был обнаружен в индейской пустыне Тха — очаровательное название, не правда ли? Мне абсолютно ничего не известно о находке еще одного ассирийского города — тем более в связи с вашим именем.

— Вопрос принят, — как опытный теннисист, он моментально ответил на мой удар. — Естественно, я не публиковал никаких отчетов.

— Естественно?

Впервые со времени нашего короткого знакомства от улыбки Холла Бреннана мурашки забегали у меня по спине.

— Два моих друга, великолепные, превосходные люди — кстати, их имена вам ничего не скажут, — так вот, они теперь мертвы. Оба. Убиты. Камушкой Бессмертный. Только не нужно предавать это огласке...

— Продолжайте!

— Город словно открыл нам глаза. Мы выкопали какие-то глиняные горшки и куски медной проволоки, из чего сделали вывод, что жрецы древнего Вавилона творили всевозможные чудеса при помощи электричества. Однако многому из того, что мы обнаружили, трудно было дать разумное объяснение. К примеру, вы находите фигурку обнаженной женщины и радостно восклицаете: «Богиня Иштар!» Хотя гораздо вероятней, что это останки чьей-то любимой куклы. Всевозможным рисункам и статуэткам, которые, скорее всего, были детскими игрушками, обязательно приписывается «божественное происхождение». Любая найденная вещь сразу трактуется как изображение бога или идола — на худой конец, как ценнейший религиозный артефакт. И это вполне понятно. Все музеи мира выстроятся в очередь за статуями Иштар или Астарты, а кукла маленькой девочки никому не нужна.

— Ну и?..

— Мы вошли в город с широко раскрытыми глазами. И если нам попадалось что-либо интересное,

мы старались как можно скрупулезнее оценить такой предмет и вынести беспристрастное научное суждение о его предназначении. Мы обнаружили множество храмов и дворцов раннего доаккадского периода, удивительно хорошо сохранившихся. О правильности подобной датировки свидетельствовали причудливые контуры зданий, замысловатая резьба по камню, даже черепки под ногами, — и мы работали как сумасшедшие. Если хотите, можете завтра слетать на то место и увидеть все собственными глазами. Мы не осквернили там никаких святынь, только... только записали кое-что.

Я заметил, что рука Бреннана слегка дрожит, и он, проследив направление моего взгляда, быстро убрал ее под стол, пристроив, по-видимому, на колене.

— Мы отыскиали печати цилиндрической формы, очень старые и примитивные, а также глиняные таблички. Один из моих приятелей хорошо разбирался в иероглифах, а я прихватил с собой портативный компьютер, так что мы быстро загрузили в него все тексты, и в ответ моментально, как горячие пирожки, полезли распечатки переводов. Вообще компьютер невероятно облегчает труд археолога. — Он говорил теперь жестко, цедил слова с каким-то дьявольским безразличием; я нашел, что подобная манера его не украшает. — Наконец ввод был закончен, и вскоре появились ответы, а вместе с ними — и Камушкой Бессмертный.

Бреннан взял лист бумаги, вынул из кармана карандаш и рукой, которая уже обрела твердость, написал несколько слов.

— Но что... — попробовала опять возмутиться Фиб.

— У меня есть полный перевод, и вы сможете как-нибудь на досуге почитать его.

Кончив говорить, Бреннан обвел комнату внимательным взглядом, затем встал и скованной одеревенелой походкой — совсем как у коричневого охранника — направился к окну и выглянул наружу. Вытянув шею, он уставился на сияющий утренний небосвод.

Прищелкнув языком, Холл повернулся и зашагал в обратном направлении. Проходя мимо глобуса, он

остановился и ласково похлопал его по крутому боку; потом плюхнулся в кресло.

Пока Бреннан проделывал все это, остальные сидели молча и наблюдали за ним.

— Короче, — небрежно произнес он, словно беседа наша не прерывалась, — в начале была Тьма. Затем дух Тьмы шевельнулся и обнаружил, что он страшно одинок... он плакал и стenal в своем одиночестве, и слезы его падали и падали, пока не превратились в океан. И что-то ушло налево, что-то — направо, а что-то осталось в центре маленьким облачком. — Он взглянул на меня. — Далее идет уже знакомая всем легенда про пресные воды Апсу и соленые воды Тиамат, но только гораздо более ранняя версия того, что мне доводилось слышать... и, разумеется, были там кое-какие отличия.

— От женского духа, из моря, из слепых сил Хаоса, из Тиамат, — заговорил я, — и из Апсу, подобной Океану, описанному Гомером, из слияния этих вод произошли все вещи, все люди и все боги.

— И куча конского навоза в придачу! — взорвался Помфрет, его щеки гневно зарумянились.

— Да, и она тоже, — согласился я. — Продолжайте, Бреннан.

— Поскольку мы уже сильно влипли в это дело, называйте меня просто Холл — так быстрее.

Фиб улыбнулась ему. А я — Фиб.

Он сжал кулак, давая понять, что время для взаимных представлений закончилось.

— Далее следуют совершенно обычные ассирио-вавилонские предания. Наверное, таблички являются предшественниками многих аккадских и шумерских легенд, из которых потом возникли легенды ассирийские, вавилонские и иудейские. Итак, после всего, о чем я уже упоминал, и после рождения Лахму и Лахаму — чудовищных змееподобных близнецов, таблички расходятся с традиционными мифами. Следующим рождается Огненноволосяй — Властелин Света. Заметьте, как рано он здесь является в мир, намного опережая, ну, скажем, Мардука.

— И что же дальше?

— Далее он вступает в бесконечные конфликты с богиней Анкло Желанной, родившейся вслед за ним... Сохранились кое-какие ее изображения — они посрамили бы витрину любого секс-магазина... Ну вот, и после бесконечного числа всевозможных войн между богами и гигантами Огненноволосого наконец повязали и упрятали за решетку.

— Реакция, так сказать, восторжествовала? Потом, надеюсь, все вошло в свою колею?

— О да. После этого случилось еще множество баталий. Но наибольший интерес представляет следующий эпизод. Анкло Желанная оскোпляет Властелина Света и бросает его гениталии в море, откуда мгновенно появляется множество огненных змей, готовых растерзать ее. Она в ужасе воздевает руки к небу и молит о помощи... А теперь — самое важное: с небес опустился гигантский сияющий сноп света. Свет этот описывается как обжигающий. Вот так, без излишних предисловий, Камушкой Бессмертный входит в наше повествование и, читаем мы дальше, терзает и рвет на куски огненных змей и прочих оппонентов богини Анкло.

— Что ж, прекрасно, — произнес Помфрет, поглядев на часы.

— А что произошло потом? — испуганно спросила Фиб.

— Обычная вещь, которая происходит между женщиной, умолявшей о помощи, и ее героическим спасителем. Но до того, как плод этого союза смог появиться на свет, Камушкой Бессмертный продолжал буйствовать, убивая все живое. К тому времени Земля уже давно была обитаема — везде росли города, процветала торговля. Представляете, вся Земля, населенная созданиями двух великих потоков и их богоподобными отпрысками, чьим упорным трудом шар земной был превращен в райский сад, в мир, где человек являлся хозяином своей судьбы, а боги — его добрыми покровителями, и все творилось и создавалось во имя добра, во имя человеческой расы.

— Выглядит неплохо, — голос Фиб звучал совершенно искренне. — И что же дальше?

— Камушкой Бессмертный уничтожил все. Он разрушил города, погубил поля и сады, прикончил каждого зверя и каждую птицу, он отыскал и убил каждого человека, будь то мужчина, женщина или ребенок.

Наступила напряженная тишина.

— Только гадов ползучих пощадил он, чтобы они несли горе и страдания тем, кого он мог пропустить в кровавой бойне.

— По-моему, это уже перебор. — Помфрет облизал губы. — Откуда же тогда мы все взяли?

— Теперь, Джордж, — слегка улыбнулся Бреннан, — мы перейдем к традиционным легендам Создания. Вы, наверно, с ними знакомы... Все они повествуют о событиях, происходящих после уничтожения на Земле золотого века.

— Вы упомянули о плоде их союза, как насчет этого? — вмешался я.

Ловкость, с которой Бреннан сумел заинтриговать слушателей своим рассказом, восхищала меня. Построй он повествование в псевдобиблейском стиле, сплети какую-нибудь сказочку или ужасную историю, я был бы менее склонен поверить ему. Интересно, что основной груз информации содержался не в том, что он говорил, а в том, как он говорил.

— Плод? — он громко расхохотался. — Из плохих яиц иногда и вправду вылупляются хорошие цыплята. Анкло Желанная разродилась самыми очаровательными близнецами, каких только видели на белом свете, — Муммусу и Шошшусу — мальчиком и девочкой. Камушкой Бессмертный потом не раз пытался прикончить близнецов вместе с их прекрасной мамашей, и в конце концов Анкло Желанной пришлось пожертвовать жизнью, чтобы защитить своих детей. Те, в свою очередь, решили как следует разобраться с папашей. Но он был Камушкой Бессмертным, поэтому им не удалось бы его прикончить, как бы тщательно они ни готовились к этому мероприятию. И тогда Муммусу и Шошшусу придумали хитрый план.

— Кто-нибудь хочет выпить? — жизнерадостно поинтересовался Помфрет. — Рассказывать такие страсти — довольно утомительная работа.

— Спасибо, Джордж, мне бы чего-нибудь освежающего, — невозмутимо произнес Бреннан. — Буду бесконечно вам благодарен.

— А как же план? — потребовала Фиб.

— Они заманили его в самый прекрасный дворец, какой только смогли построить, и, пока папочка восхищался его внутренним убранством, заперли двери семью магическими формулами, заклинаниями, которые им на смертном одре поведала Анкло Желанная. Они истратили все свои жизненные силы на то, чтобы закончить заклинания как можно быстрее, ибо их отец, почувствовав неладное, взвыл от ярости и стал биться о двери, пытаясь выбраться наружу и убить сына с дочерью. И так сильно он там бесновался, что Муммусу и Шошшусу не решились оставить это место и возвели пристройку к дворцу, для того чтобы жить там и присматривать за своим отцом, Камушкеем Бессмертным.

— Какая невероятная преданность своему делу, — изрек Помфрет, появившись на пороге комнаты. — Вот ваш бокал.

— И они посвятили всю свою жизнь тому, чтобы держать отца в заточении; ведь потеряй они бдительность хоть на миг, — и он моментально разорвет сети заклинаний, вырвется наружу, а там...

— Он с удовольствием уничтожит ту вторую Землю, на которой мы все и процветаем.

— Совершенно верно. И, что хуже всего, он смог сохранить какую-то часть своей прежней силы, так как семь заклинаний не были завершены окончательно. Только шесть замкнулись полностью. Седьмое повисло в воздухе, очевидно, Муммусу и Шошшусу не смогли его закончить. Поэтому и по сей день они неусыпно наблюдают за Камушкеем Бессмертным, своим отцом. А тот в любую минуту может вырваться на свет божий вместе со всякими мерзкими тварями, которые ему подчиняются. У него есть еще кое-какие возможности, о них я расскажу вам позднее. — Бреннан осушил бокал. — Самая важная информация по этому вопросу досталась нам в качестве своеобразного послесловия. Мы все еще продолжали рыться на том месте, где обнаружили таблички с этой замысловатой

историей. Было очень жарко, и мы истекали потом. Тогда я предложил сделать перерыв и отдохнуть. И вот один из моих спутников — помните, мы договорились, никаких имен, — подошел ко мне со странным белым черепком. Тогда мы уже знали иероглиф, обозначающий Камушкея Бессмертного... Так вот, на том черепке мы сразу увидели кучу таких иероглифов.

— Что-нибудь вроде солнечного диска Шамы, бога Солнца?

— Да, что-то в этом духе. Только Камушкой Бессмертный был представлен иероглифом-кометой. По крайней мере, мы определили это как комету с мохнатым клыкастым зверем, сидящим на ней.

Некоторое время смысл того, о чем говорил Бреннан, ускользал от меня, но теперь с этим последним кусочком полезной информации все встало на свои места.

— Вот оно! — провозгласил я более торжественно, чем мне хотелось бы. — Ведь все знают о Колесе!

— Мы сидели на краю раскопа, уставшие и покрытые пылью, и, опорожняя одну за другой бутылки с тоником, читали то, о чем повествовал белый черепок, — пальцы Бреннана сжались, потом расслабились, словно опустив на стол этот злополучный обломок.

— И?

— Там было написано, что Муммусу и Шошшусу, которые являются, как вы помните, детьми Камушкея Бессмертного, с годами ослабевают, и наступит день, когда они без посторонней помощи уже не смогут сдерживать гигантские силы своего родителя, и он, возобладав над ними, сметет одно за другим семь замков-заклинаний и, ревя от ярости и злобы, покинет свой Склеп, чтобы еще раз уничтожить весь мир.

— Да, я бы не стала на ночь глядя рассказывать своим племянникам такие истории, — несколько жеманно заявила Фиб, и я с удивлением заметил, что она испугана рассказом Бреннана.

— Согласен, — кивнул Бреннан, — история не из приятных. Разумеется, она была написана во времена, когда древние ассирийцы уже научились делать звездные календари. Могу заметить, дело свое они знали.

Насколько я понял, они подсчитали, что близнецы смогут продержаться около семи тысяч лет.

— Опять семерка...

— Мы прикинули, правда довольно приблизительно, что найденный нами город процветал примерно во второй половине пятого тысячелетия. По совокупности некоторых фактов, которые тогда еще не были мне известны, сейчас я могу с большей долей уверенности датировать его 4700 годом до новой эры.

— Восхитительно, — сказал я, — как раз семь тысяч лет отделяет нас от этой даты.

— О! — выдохнула Фиб. Ее расслабившиеся было пальцы с новой силой вцепились в ладонь.

— Неужели? — удивился Помфрет и чуточку погоды добавил: — Ага! Я понял — вы хотите сказать, что Камушкой Бессмертный вырвался из своего Склепа именно сейчас!

V

Да, легендам о кометах, огненных колесах и межзвездных скитальцах теперь предстояло увянуть. И причиной этому послужил тот факт, что Камушкой Бессмертный должен рано или поздно порвать путы, наложенные его детьми, выйти из своего Склепа и вновь опустошить нашу планету.

Джордж Помфрет встал и осторожно опустил на стол свой бокал. На лице его, ко всеобщему удивлению, была написана холодная решимость, что делало его похожим на подвыпившего филина. Помфрет имел сейчас строгий торжественный вид, губы его плотно сжались, даже румяная физиономия стала немного бледнее обычного. Он подошел к внушительному сейфу, вделанному в стену и запиравшемуся хитрым электронным замком, и приложил к виску контактный электрод. Приняв управляющий сигнал, массивная дверца отворилась. Помфрет залез внутрь и вынул пистолет. «Фарли-экспресс» — не самая последняя модель (я, как и большинство моих знакомых, не слишком доверяю последним моделям); это надежный, как собственные пять пальцев, великолепный позитронный

излучатель — оружие, могущее одинаково хорошо употребляться в двуручном и простом варианте, с оптическим прицелом и откидным прикладом, — и при всем том свободно уместающееся в кармане пиджака. Такой пистолетик свободно прорезает дырку в десятиардовой плите из вольфрамовой стали, а человека разносит просто в ключья.

— Если, — заговорил Помфрет, — мы должны встретиться с вашим другом, Холл, то лучше быть готовым к этой встрече.

Мне пришлось срочно подвергнуть пересмотру свое мнение о Джордже Помфрете.

— Минуточку! — Фиб вскочила из-за стола. — Что...

— Тихо, тихо, — мне снова пришлось ее успокаивать. После чего я вновь повернулся к Бреннану:

— Кончайте, Холл, а то, я чувствую, старина Джордж бросится искать Камушкея Бессмертного совершенно неподготовленным.

Помфрет наградил меня свирепым взглядом, который означал: «Если бы ты не был моим лучшим другом, парень, с каким удовольствием я вышиб бы из тебя мозги!»

— Ну что же, осталось совсем немного, — ответил Бреннан, взглядом знатока уставившись на «Фарли-экспресс». — Я, как и мои спутники, понял, что необходимо каким-то образом запечатать двери Склепа, чтобы все, что мы построили за несколько тысяч лет, не оказалось уничтоженным. И поэтому я начал работать над этой проблемой, — тут он многозначительно поглядел на меня. — Как раз тогда два моих друга были убиты.

— А при чем тут глобус? — поинтересовалась Фиб.

— Этот глобус... — вздохнул Бреннан. — Я бросился собирать легенды, обрывки фактов, какие-то сведения — если они вообще заслуживают такого названия — и, мотаясь по миру, случайно встретил некоего Нортропа в одном из кварталов Сингапура — настоящая клоака.

— Ах! — удивился Помфрет.

— Нет, это не тот Нортроп, о котором вы, наверное, подумали, — это его сын. Он был почти полумертвым от наркотиков, упрямый болван... Единственное, что я смог для него сделать, так это помочь умереть достойно. Он рассказал мне о Вэзиле Станнарде — весьма загадочная личность — и о глобусе. Конечно, все это для Нортропа вообще ничего не значило — но не для меня. Поэтому я поспешил сюда.

— Ваш вертолет, — деликатно напомнил я.
Он поморщился.

— Неудачно приземлился. Мотор сгорел. Бывает. Мне пришлось прочистить горло.

— М-да... Понимаете, во время нашего пребывания у Ганнетов... произошли кое-какие неприятные события. И как раз из-за этого, а не в силу желания подарить вам глобус, я и решил устроить это собрание.

— Я предложил купить его...

— ...за двойную цену. Я знаю. Нет, Холл. Вы скажете мне, отчего сгорел двигатель в вашем вертолете, а я, может быть, поведаю вам все, что думаю по этому поводу.

Бреннан улыбнулся. Сейчас он выглядел как настоящий покоритель звезд, не раз смотревший опасности в лицо на всех планетах и астероидах Солнечной системы.

— Знаете, Берт, если честно... я не могу с вами не согласиться.

Я быстро взглянул на Фиб, и Бреннан, проследив мой взгляд, сразу перестал улыбаться:

— Боюсь, даме придется удалиться.

Но Фиб Десмонд нельзя было так просто сбрасывать со счетов.

— О нет! — яростно запротестовала она. — Я с вами!

— О чем это вы болтаете? — недоуменно спросил Помфрет.

Все рассмеялись.

— Камушкой Бессмертный не позволит так просто снова засадить себя в темницу, — произнес Бреннан, как будто объясняя правила игры.

— Ох! — только и сказал Помфрет и потянулся за оружием.

— А о чем вам рассказал Нортроп?

— Он рассказал о странных вещах, происходивших у Ганнетов, о том, как этот Вэзил Станнард не раз видел самого себя разгуливающим по дому в компании незнакомых ему людей. Станнард, оказывается, тоже копался примерно в том районе, где мы обнаружили город.

— И вы думаете, он нашел какое-то недостающее звено в истории с Камушкеем Бессмертным? — Фиб явно все еще была под впечатлением от рассказа.

— Точно. Не знаю, что именно, но только эта штука находится в глобусе!

Я поглядел на свой глобус. Ну ладно, это редкая старинная вещь. Но если внутри находится что-то гораздо более древнее и невообразимо ценное, в конце концов, если это даст нам какую-то зацепку... Я вытащил нож и протянул Бреннану.

— Чувствуйте себя как дома.

Бреннан закудаhtал от смеха, отдавая должное моей сметливости.

— Если Вэзил Станнард вел раскопки там, где был найден текст старой легенды о Камушкее Бессмертном, он мог легко обнаружить еще какие-то детали, которые не удалось раскопать нам. Но что бы там ни было, если это хоть на шаг приблизит меня к разгадке, я буду удовлетворен.

Я кивнул ему, догадываясь, что после многотрудных поисков, приведших наконец к желаемому результату, Бреннан колеблется — идти ли дальше. Такова иррациональность человеческой природы. Сам процесс поиска всегда более интересен, чем его результат.

— Давай, Холл, — Фиб Десмонд не могла спокойно усидеть на месте.

Бреннан взял нож и направил его на глобус.

— Только, по возможности, аккуратней, Холл...

Вдруг слабое предчувствие какого-то тайного подвоха сверкнуло у меня в мозгу, моя рука рванулась вперед и, вцепившись в локоть Бреннана, резко дернула его вниз. Бреннан испуганно оглянулся.

— Какого черта...

— Минутку, Холл. Взгляните внимательно на глобус. По вашим словам, в нем находится предмет,

который откопал Вэзил Станнارد и, следовательно, не могли найти вы... Но ведь глобус был сделан несколько веков назад!

— Это каждому ясно, — Бреннан уже не скрывал своего раздражения.

— Так вот, если внимательно посмотреть на глобус, то можно заметить, что его поверхность нигде не повреждена. Этот глобус никто не вскрывал, так что внутри не может быть спрятано ничего.

— Что?

— А как же Нортроп? — рассерженно спросила Фиб.

— А что Нортроп? — произнес я с сарказмом, чувствуя, что моя собственность находится в опасности. — Я хочу сам вскрыть глобус, причем постараюсь не повредить его. Устраивает вас это?

— Вдруг и в самом деле, — подыгрывая мне, выразительно сказал Помфрет, — там находится то, что вам нужно, Холл.

Холл Бреннан пристально посмотрел на нас. Но посудите сами! Мы благосклонно выслушали его историю, попытались принять его абсурдные идеи на веру и не вдавались в излишние комментарии. А сейчас речь идет о вещах более реальных, чем старая легенда о Камушкее Бессмертном. В конце концов, глобус стоил немалых денег!

Бреннан неловко произнес:

— Я уже сказал вам, что мой вертолет был поврежден... я сказал и о том, что два моих друга погибли... я обрисовал ситуацию с Камушкеем Бессмертным — а теперь вы толкаете меня...

— Я думаю, мы имеем на это право, — произнес я. — Да ладно, Холл... Понимаете, ваш рассказ довольно противоречив... и то, что я, например, вам верю, еще не означает, что вам поверят все.

— Хорошо. Я расскажу вам все... Я шел по следу Камушкея Бессмертного. Там слово, здесь намек... в общем, собирал фольклор, вещи, к которым обычные исследователи относятся с презрением. — Бреннан улыбнулся Помфрету. — Вот вы говорили, что неплохо было бы снова загнать Зверя в Склеп. Здравая, хотя

и несколько опасная идея... Но где вы собираетесь искать этот склеп?

Ну вот. Теперь все встало на свои места. Это и была та самая проблема, которую должен решить мой глобус.

Фиб поднялась из-за стола и подошла к глобусу, он неторопливо завращался под ее пальцами — полоски воды и суши.

— Я слишком долго предавалась безделью, — изрекла она, — так что теперь жажду совершить нечто необычайное. О Боже! — в своем нетерпении она выглядела довольно комично. — Ведь сейчас нам предоставлена реальная возможность немного поразвлечься!

— Быть убигым — это, конечно, прекрасное развлечение, — мрачно заметил Помфрет.

Мне же тем временем предстояло принять решение. К сожалению, я недостаточно хорошо успел изучить своих компаньонов. Скажем, Джордж Помфрет... Имеет кучу денег и роскошную виллу, занимается каким-то неопределенным бизнесом, с лихвой обеспечивающим его благосостояние... корчит из себя спортсмена — ну ладно, его я знаю лучше других. Но Холл Бреннан оставался для меня загадкой, а Фиб Десмонд — тем более. Вдобавок ко всему, я совершенно четко представлял, что, вскрыв глобус, мы могли за здорово живешь влипнуть в такую историю, что выпутаться из нее было бы невероятно трудно.

Решение мое было уже почти принято, но, являясь от природы человеком весьма методичным, я не отказал себе в удовольствии лишний раз разложить все по полочкам.

— Итак, все в порядке, — обратился я к Бреннану, — можете вскрывать его, только очень аккуратно.

— Но вы же сказали, что там ничего нет! — раздраженно воскликнула Фиб.

— Ну, что поделаешь. Лишь бы Холлу было приятно, а там посмогрим.

Бреннан нагнулся к глобусу. Солнечный луч упал на лезвие ножа, разбрасывая по комнате яркие блики.

— Здесь, — резко сказал Бреннан. — Пластик сначала разрезали, а потом каким-то образом скрепили

снова... Ага! Полистиреновый клей... он намертво сварил края разреза... Да, тонкая работа!

И лезвие ножа вошло в пластиковую оболочку. Со звучным хлопком глобус распался на две полусферы. Из его распоротого чрева вывалился небольшой сверток, волоча за собой какие-то проволоочки и куски пластыря.

— Вот оно!

— Дайте мне...

Все заговорили одновременно, и чья-то рука потянулась к свертку. Но ведь это же был мой глобус! Я быстро шлепнул по дерзкой конечности:

— Пойдите! Подождите! Эта проволока приклеена к внутренней поверхности глобуса!

— Часовая мина с сюрпризом? — поинтересовался Помфрет.

— Вряд ли, — кисло отозвался я, — иначе мы взлетели бы на воздух сразу.

— Своевременное предупреждение, — ядовито заметила Фиб.

— А я знаю, о чем думает Берт, — Бреннан поглядел на меня, и я понял, что поползновения именно его руки мне пришлось пресечь мгновение назад. — Он думает о том, что место, к которому приклеена проволока, соответствует какому-то пункту на внешней поверхности глобуса.

Я почувствовал, что вновь остался в дураках.

Фиб тонкими изящными пальчиками пробежалась по внутренней поверхности полусферы, затем по внешней.

— Примерно здесь, — наманикюренный ноготок уперся в незаметное пятнышко на глобусе.

— Ирак. Ну, естественно, ничего другого и быть не могло.

— Это нужное нам место? — спросила Фиб. — Или же здесь Станнارد нашел... — она дотронулась до таинственного свертка.

Бреннан осторожно поднял пакет, не отделяя проволоки.

— Я копал не здесь... — сказал он так тихо, что нам пришлось наклониться, чтобы расслышать его слова. — По проволоке выходит... да, пятно примерно

две мили в диаметре... где-то здесь должны быть более точные координаты.

— Перережьте проволоку и откройте пакет, — предложил я.

Бреннан еще раз внимательно глянул на меня, потом облизал губы и крепче сжал рукоятку ножа:

— Вперед!

Все невольно вздрогнули, когда лезвие расколо проволоку. Однако ничего не случилось.

— Я так и думал, что он не взорвется, — облегченно вздохнул Помфрет, кивнув на сверток.

— Мне бы вашу уверенность, — сухо заметил я.

Тем временем Бреннан развернул пакет, и коричневая глиняная табличка с отбитым уголком предстала перед нашими взорами.

Широкие сильные руки Холла двигались сейчас с неимоверной точностью, осторожно освобождая табличку от ошметков пластика.

Все затаили дыхание.

— Красотища! — взволнованно сказал Бреннан.

— Такое впечатление, что ее испекли сегодня утром. — Я посмотрел на четкие угловатые иероглифы, выдавленные в глине, — неразрывная связь времен и поколений.

Табличка имела прямоугольную форму, один из углов, как я уже заметил, был отбит. Вытащив из кармана рулетку, Бреннан приступил к измерениям. Длина таблички оказалась тринадцать целых и семь десятых сантиметра, ширина — десять целых и девять десятых, на месте отбитого уголка Бреннан смог без помех смерить толщину таблички — шестнадцать с половиной миллиметров. Закончив, он долго разглядывал этот глиняный черепок, лежащий на его ладони.

— Вы можете прочесть, что там написано? — поинтересовалась Фиб.

— Только отдельные места. Но смотрите... — он указал на иероглиф со зверем и кометой — незабываемый символ Камушкея Бессмертного. — Он стоит в начале текста, а потом — во главе каждого раздела... кстати, замечу, что разделов ровно семь. — Лицо Бреннана приняло победное выражение. — Семь!

— И у последнего отбит угол, — заметил я.

Четко выдавленные на темном фоне письма в этом месте внезапно обрывались — дальше насмешливо топорщилась лишь торцовая часть таблички.

— Археология... — Я говорил в полной тишине, наступившей после моей последней реплики. — Я тоже немного занимался ею у себя под водой. Что же, идеальных экземпляров не существует, как бы нам этого ни хотелось. Давайте выжмем все возможное из того, что у нас имеется. Джордж, — я повернулся к Помфрету, — мы можем выйти на компьютер? Джонстон Хэйз Марк шесть, если я не ошибаюсь, Холл?

— Ну, это только в случае крайней нужды, а так лучше что-нибудь помощнее, — откликнулся Бреннан.

— Без проблем, — сказал Помфрет и бросился к видеофону.

— Господи, наконец-то хоть что-то происходит. — Фиб Десмонд наклонилась над глиняной табличкой. — Она... она кажется такой маленькой и хрупкой... о, я думаю, вы назвали бы ее архаичной.

— Она на самом деле очень древняя, Фиб.

— Нет, я имела в виду, что это очень старый способ письма. Ведь сейчас мы можем сложить в наперсток целую энциклопедию... а здесь — все это так берет за душу...

— Кому-то же нужно было начать! — По этому поводу у меня имелось собственное мнение. — Кто-то должен был придумать такую вещь, как письменность, а затем воплотить ее в жизнь. И это оказалось великим открытием!

— Порядок. — Помфрет снова был здесь. — Я заказал машинное время в Капитолии. Их компьютер превосходит Джонстон Хэйз так же, как водородная бомба — лук и стрелы.

— Нам бы вполне хватило лука со стрелами для того, чтобы выполнить работу на приличном уровне, Джордж, — улыбнулся Бреннан — Ну, и на том спасибо.

Дни, когда для расшифровки и связного переложения Вавилонской клинописи на английский требовались длительные усилия экспертов и ловкое жонглирование словами в псевдобиблейском стиле, отошли

в далекое прошлое. Теперь мы были вправе ожидать стандартного английского перевода через пять минут после того, как табличка окажется перед сканирующим устройством Капитолийского компьютера.

— Прошу вас, — Помфрет показал на видеофон.

Усмехнувшись каким-то глубоко личным воспоминаниям, Холл Бреннан устроился рядом с видеофоном и положил табличку под сканер.

— А как вы думаете?.. — начала Фиб.

— Солнечная система вообще есть место таинственное и удивительное. — Я старался, чтобы в моем голосе не прозвучали слишком уж покровительственные интонации. — И даже старушка Земля иногда озадачивает нас своими чудесами. Почему бы нам просто не подождать, пока Холл с Капитолием во всем разберутся?

Тут зазвонил другой видеофон, и Помфрет, не спуская с нас глаз, пошел отвечать.

На экране видеофона, установленного таким образом, чтобы не было видно второй аппарат, у которого сейчас дожидался ответа Бреннан, появилось серое лицо Бененсона. На нем отражалась обширная гамма чувств — злость, разочарование и откровенный ужас. Как у акванавта, вспомнившего на полпути, что он оставил дома запасной кислородный баллон.

— Какие-нибудь неприятности, Пол? — вежливо поинтересовался Помфрет.

— Неприятности? Откуда я знаю? — Бененсон вытер затылок носовым платком. — Здесь все пошло кувырком. Я сейчас приеду к вам, Джордж. И вообще, я не понимаю, почему вы вдруг смылись с распродажи.

И снова Помфрет удивил меня:

— Я подумал, что вы сами великолепно справитесь с этим делом. — Джордж незаметно подмигнул нам.

Я широко ухмыльнулся в ответ. Помфрет, если не принимать во внимание его сварливый характер, оказался весьма надежным парнем.

— Ну да, я отлично справился сам! — завопил Бененсон, его серые обрюзгшие губы отвисли. — Но там стало происходить что-то невероятное! Какие-то люди бегали совершенно голые и стреляли из пис-

толетов. Вам, очевидно, никогда не приходилось видеть подобное зрелище!

— Нет... — Помфрет сглотнул.

— И нам тоже, не правда ли?... — нахмутив брови, обратился я к Фиб.

— Да, но... — начала она, но я прервал ее, резко мотнув головой.

— Мы ждем вас, Пол, — сказал Помфрет и прервал связь. Он повернулся ко мне лицом — громоздкий, краснорожий, но совершенно растерянный человек. — Что же, черт возьми, происходит, Берт?

— Значит, им все-таки пришлось прикрыть аукцион, — я прищелкнул языком. — Простите, Джордж, если это покажется вам бессердечным, но, как и Фиб, я не буду проливать слезы по поводу произошедшего. Если правильно ко всему подходить, можно получить массу удовольствия. Теперь можете сколько угодно обзывать меня бесчувственным обывателем, только помните — я тоже отлично видел труп этой бедной девушки.

— О, я знаю, что вы имеете в виду, — произнесла Фиб на одном дыхании.

— С удовольствием бы обругал вас, — проворчал Помфрет. Подойдя к столу, он поднял «Фарли-экспресс» и взвесил его на ладони. — Мы с вами, бывало, охотились с одними кинокамерами в руках, Берт. Если для этой охоты нам потребуется что-либо более действенное, то я уже готов. — Он задрал голову и захохотал. — Даже если я не понимаю каких-то нюансов.

— Вы все поймете, — заверил я его. — И гораздо раньше, чем вы думаете.

Холл Бреннан провозился с компьютером дольше, чем я ожидал, но я старался, как мог, не мешать и не заглядывать ему через плечо. Ведь я и сам знал, как плохо, когда тебя все время отвлекают от важного дела.

— Все это напоминает ожидание результатов какого-то теста — полный ты кретин или нет, — весело заявила Фиб. — И для меня этот вопрос актуален. Да-да, поверьте.

— Неужели?

— Ну конечно. Ведь я же не такой здоровый бездельник, как, например, вы или Джордж.

— Кто вам сказал, что я бездельник?

— Ну, по крайней мере я честно зарабатываю себе на жизнь в Университете, в то время как вы забавляетесь там у себя под водой.

— Можете думать обо мне все, что вам взбредет в голову, мадам, — рассмеялся я. — А вы-то сами?..

— Физик. Трудная и какая-то нереальная специальность. Университет я закончила неплохо, поэтому мне предоставили возможность остаться для продолжения работы, но с небольшим уклоном в преподавательскую деятельность. А обучаю я в основном всяких оболтусов, которые не могут идти в ногу с общей программой.

Я попытался представить себе Фиб Десмонд обучающей всевозможных оболтусов. Сама постановка вопроса заинтриговала меня. Все равно что пытаться нарубить дров с помощью бритвенного лезвия.

Отчаянно выругавшись, Бреннан отвернулся от видеофона.

— Что-нибудь не в порядке, Холл?

— А как же! Табличка — всего-навсего собрание каких-то там заклинаний; и ни малейшего намека, где искать этот чертов склеп Камушкея Бессмертного.

VI

Пол Бененсон появился, когда мы уже сделали себе по коктейлю и уселись в кресла поразмышлять, чем бы еще заняться.

Вместе с Бененсоном приехала некая рыжеволосая девушка. Она приторно улыбнулась, когда Пол сообщил, что ее зовут Лотти. Небрежно щегольнув своей смазливой спутницей, Бененсон тут же отодвинул ее на второй план и принялся возмущаться по поводу непотребства, творившегося у Ганнетов.

Взглянув на Лотти, я обменялся с Фиб встревоженным взглядом.

Фиб безнадежно кивнула.

— Это она! — прочитал я по ее губам.

Кивнув в ответ, я снова поглядел на Лотти — на девушку, которую в первый раз увидел совершенно голый, когда она неслась по галерее, спасаясь от отвратительного чудовища, рожденного, несомненно, в одном из кругов ада.

Мой взгляд задержался на ней дольше, чем нужно, — внезапно повернув голову, девушка уставилась прямо на меня. Я отвернулся. Да, ошибки быть не могло — обнаженная девушка в галерее и секретарша Бененсона являлись одним и тем же лицом.

— ...И в конце концов нас всех вышвырнули отсюда! — ревел Бененсон. Этот болван зажег сигарету, и теперь везде плавали облака мерзкого серо-голубого дыма. Я недовольно замахал рукой, и Помфрету пришлось дать команду одному из домашних роботов. Тот покатился по комнате, включая вентиляционные устройства. Фиб и Бреннан тоже немножко покашливали, и, когда вентиляторы расправились с этим гнусным дымом, мы смогли снова вернуться к нормальному существованию.

— Выставили нас вон! А Бернини так и не был вынесен на аукцион! Если они продадут статую до того, как я смогу нормально за нее поторговаться, я устрою этим аукционерам такой скандал!

— Подождите, подождите, Пол, — гудел старина Джордж. — Они никогда не позволят себе такой выходки.

— А что, собственно, произошло? — спросил я.

— Произошло? — Бененсон изверг целый столб дыма. — Какая-то бесстыжая девка, абсолютно голая, влетела в зал. Увидев столько народу, она попыталась улизнуть, но охранники оказались быстрее. — Лицо Бененсона вдруг приняло растерянное выражение. Вероятно, воспоминания о произошедшем навели его на какие-то чрезвычайно развратные мысли. — Непонятно каким образом, но охранники упустили ее. А потом... — Он остановился и повернулся к Помфрету: — У вас не найдется чего-нибудь выпить, Джордж?

— Конечно, — ответил Джордж, и я про себя усмехнулся над тем, что Бененсон почему-то перестал фамильярно называть Помфрета «стариной», что и

по сей день оставалось его общеизвестным прозвищем. И Джордж снова занялся роботами.

— А вы узнали бы эту девуцу? — Бреннан задал как раз тот вопрос, который в данный момент вертелся у меня на языке, — так что я, в свою очередь, постарался незаметно подмигнуть Фиб, предупреждая ее.

— О нет, конечно, нет. Я смог разглядеть только... — Бененсон, казалось, глубоко сожалел о своей рассеянности. — У нее были каштановые волосы, как у Лотти. Пожалуй, это все. — Без сомнения, он не разглядел ее лица.

Но... но если это действительно была Лотти, — я глянул на секретаршу Бененсона, — то неужели она смогла куда-то удрать, переодеться да еще потом вовремя отыскать Бененсона, когда полиция стала выгонять всех на улицу? Если все так, то почему она сейчас сидит как немая и не признается ни в чем? Почему же, наконец, она не бьется в истерику?

Фиб несколько наигранно пожала плечами — так никогда не пожимают плечами в обычной жизни, кроме, пожалуй, ситуаций, подобных той, в которой мы сейчас оказались. Улыбнувшись ей, я поднялся, стараясь заманить ее в какой-нибудь укромный уголок и быстро обменяться впечатлениями, но тут вмешался Помфрет.

— Я думаю, нам всем не мешало бы перекусить, — предложил он. — Лично я умираю от голода, а думать всегда лучше на полный желудок.

— Я не собираюсь долго размышлять над этим! — отрезал Бененсон. — Я и так знаю, что я видел.

— Как это верно сказано. — Бреннан поднялся из-за стола и широко зевнул. — И как я устал!

— Вы останетесь на ночь, Холл?

— Это очень предупредительно с вашей стороны, Джордж. С удовольствием.

Роботы быстро подали ужин — каждый заказал себе, что хотел, пощелкав клавишами на специальной панели, прикрепленной к креслу. Я особо отметил кибер-дворецкого Помфрета — великолепного стального колосса добрых восьми футов высотой с хули-

ганской физиономией. Казалось, будто на голову ему наехал паровой каток.

— Это Чарли, — весело объяснил Помфрет. — Однажды он полез в погреб и поскользнулся на лестнице; с тех пор он выглядит несколько оригинально. Я так и не удосужился сменить ему лицевую панель. Тем более что и характер у него ей под стать.

— Абсолютно уверена, — сказала Фиб.

— Да, он знает, что делает. — Я вспомнил того Домашнего Робота-Садовника-Шофера-Камердинера, к которому приценивался у Ганнетов. Чарли, несомненно, был гораздо более высокообразованным созданием. И вообще, дворецкие — самое высокое сословие среди роботов; они больше, чем любые другие автоматы, походят на людей — наверное, из-за того, что по роду своей деятельности постоянно сталкиваются со всевозможными причудами человеческого характера.

Сейчас Чарли ровно и невозмутимо руководил бесперебойной подачей блюд на наш стол, чем совершенно меня очаровал. Я даже не сумел бы вообразить такой ситуации, где Чарли меня чем-нибудь не устроил.

Бененсон вел себя за столом так, как я и ожидал. Я сразу представил себе старого голодного группера, роющегося в песке где-нибудь у самого дна.

Снаружи потихоньку смеркалось, но в комнате это практически не чувствовалось, потому что светильники с приближением темноты разгорались все ярче. Однако у меня, да и у всех, кто был посвящен в тайну существования Камушкея Бессмертного, возникло ощущение, что с уходом дня и наступлением ночи пробуждаются силы, которые могут запросто расстроить все наши планы. Можно всю ночь ждать рассвета. Можно также весь день ожидать сумерек. Мы же находились в преддверии этого наиболее зловещего времени суток.

Для Бененсона, который по-прежнему предавался печальным размышлениям об аукционистах и владельцах прекрасной Афродиты, наше странное поведение должно было казаться совершенно неуважительным по отношению к его персоне. Ведь он — мы

были обязаны это помнить — крупный бизнесмен, он занимается авиакомпаниями и фабриками, банками и процветающими фирмами, а наши многозначительные взгляды и длинные паузы при разговоре — о, знаем мы эти намеки!.. Но лично я, например, все еще никак не мог полностью осознать серьезность сложившейся ситуации. Я думал о мертвой девушке. Это уж — серьезней некуда, однако события произошли так мгновенно и так хаотично, совсем как в старой трагедии, не имеющей совершенно никакого отношения к реальной жизни.

На данный момент меня перестало устраивать подобное положение.

Поднявшись и вытерев рот салфеткой, я приторно улыбаясь Бененсону и произнес:

— Сожалею, но мне придется вас покинуть. Работа не терпит отлагательств.

Прежде, чем я кончил говорить, Холл Бреннан и Фиб Десмонд уже стояли рядом со мной.

— Мы поможем вам, Берт, — в один голос сказали они.

Все троем мы направились к кабинету Помфрета.

— Вы не возражаете, если мы займем ваш кабинет, Джордж?

— Валяйте! — Помфрет улыбнулся, совсем как взошедший на эшафот человек, который еще не знает — казнят его или помилюют. — Я присоединюсь к вам, как только... тьфу, черт! Я присоединюсь к вам позднее.

Бененсон вытащил вторую сигарету.

Поспешно, но организованно мы покинули комнату.

В кабинете мы снова занялись глобусом.

— Приступим к делу, — произнесла Фиб, — я уже и не надеялась, что нам удастся отделаться от этого ужасного маленького человечка.

— Это очень большой человечек, — сказал Бреннан, ощупывая проволоку. — Не забывай этого.

— Вы знаете его, Холл?

— Я много слышал о нем и вообще-то не собираюсь знакомиться с ним ближе, чем сейчас.

Я не стал настаивать. В свое время, надеюсь, Бреннан еще расскажет о себе. Что касается Фиб, то

она была преподавателем в Университете и поэтому вращалась в кругах, к которым я испытывал неприязненные чувства.

— Вот здесь, — Бреннан одной рукой схватил за проволоку внутри глобуса, а в другой сжимал авто-ручку, держа ее в миллиметре над поверхностью. Ручка дрожала.

— Так плохо, Холл, — практично заметила Фиб. — Нам нужно перенести точку с внутренней поверхности глобуса на внешнюю, не проделав при этом в нем дырки...

— Несомненно, очень трудная задача, — посочувствовал я.

Она захихикала — совсем как маленькая девочка.

— Наука всегда найдет выход. Мы не можем применить старый метод света и тени, зато можно воспользоваться, например, магнитом.

— Конечно! — раздосадованно вскричал Бреннан. — Как же я сам не догадался!

— Но ведь вы же не физик, верно? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил Холл. — Фиб, где магнит?

Отодрав панель с одной из любимых Помфретовых автоматических консолей, мы обнаружили внутри магнит, прекрасно подходивший для наших нужд. Бреннан осторожно поместил магнит рядом с проволокой, недалеко от того места, где она была приклеена к глобусу. Потом Фиб посыпала это место на внешней поверхности железными опилками, которые она где-то наскребла. Крупички железа слегка заколебались, когда Фиб постучала по глобусу сияющим ногтем.

— Так, аккуратно, — она старалась говорить в сторону, чтобы не одуть легкие частички металла, — еще не все готово, ведь мы хотим... мы хотим — ух! — точку! — Фиб триумфально поглядела на нас. — Вот она!

Я взял ручку Бреннана и тонким перышком поставил на этом месте маленькую точку.

— Здесь.

— М-да.

Мы все уставились на эту маленькую точку.

Ирак на глобусе был виден довольно отчетливо, даже с кое-какими деталями, но сейчас нам требовался совсем другой масштаб. Я подошел к книжной полке и вытащил Большой Оксфордский Атлас — было приятно держать в руках этот увесистый том. Конечно, магнитозаписи намного поуменили книжные тиражи, однако издание всевозможных атласов представляло некоторые трудности, поэтому для массового пользователя они продолжали изготавливаться на бумаге.

Я раскрыл атлас.

— Ирак. Фиб, вы тут у нас единственный математический гений. Давайте, теперь осталось всего лишь перенести точку с поверхности глобуса в этот атлас. Сумеете справиться?

— Запросто, только придется немного подождать.

— Прекрасно, тогда пока вы работаете, я поищу старинный атлас. Если у Джорджа здесь завалялось что-нибудь типа Мюира, то нам повезло.

Разумеется, я имел в виду не атлас, выпущенный давным-давно и ставший сейчас, как и мой глобус, антикварным предметом. Я просто хотел отыскать карту, показывающую мир таким, каким он был в античные времена. Новые люди дали старым городам новые названия. Бабилу превратили в Вавилон; а мы сейчас вели поиски в том времени, где нынешние арабские имена ровно ничего не значили. В конце концов я совершенно случайно обнаружил на одной из нижних полок Мэнкстоновский Исторический Атлас — он был завален какими-то газетами и журналами.

Вернувшись к столу, я открыл атлас на страницах, посвященных Аккаду и Шумеру, а потом глянул на Фиб: нагнувшись, она что-то черкала карандашом, насупив брови и для верности высунув язык. Я подумал, что, вероятно, сейчас она впервые за долгое время обходится без помощи карманного компьютера. Однако, как вскоре выяснилось, я был к ней несправедлив.

— Да, что касается умственной деятельности, тут голова у меня в полном порядке, — весело сказала

она, поднимая глаза. — Вы нашли атлас, Берт? Я уже получила координаты.

В Оксфордском Атласе в центре окружности оказалась область с загадочным названием «Ас Самайя». Сама надпись немного залезла на тоненькую изломанную линию, обозначающую какой-то странный караванный путь, где сейчас, во времена повсеместно распространенного воздушного транспорта, разве что несколько электрических дизель-автобусов бороздят пески, издревле знавшие лишь шаркающую поступь верблюдов.

Перенеся свой круг на карту в Историческом Атласе, мы оказались как раз посреди белого пятна.

— Прямо в центр угодили! — с отвращением произнесла Фиб.

У меня и у Бреннана, наоборот, вырвался вздох облегчения.

— Если бы мы попали... ну, скажем, куда-нибудь в Урук или Эриду, я был бы очень обеспокоен.

— Встревожен и разочарован, — вставил я.

— Но почему?

— Потому что, — Бреннан пустился в объяснения, — это бы означало, что данная территория перекопана вдоль и поперек. Вы же знаете, что теперь все раскопки в древнем Шумере превращены в туристические маршруты. Нет, тут мы действительно имеем реальную возможность обнаружить что-нибудь новенькое. — Он сделал паузу, покачал головой и усмехнулся. — Одним словом, я имею в виду, что если Камушкой Бессмертный действительно находится где-то там, то найти его мы сможем только в малоисследованной области.

— Понятно, — кивнула Фиб.

— Насколько я себе представляю, ближайший аэропорт находится в Багдаде, — Холл сверился с Оксфордским Атласом, в то время как Фиб изучала расписание движения самолетов. — Оттуда, наверное, можно будет заказать самолет в пустыню.

Я глянул на Бреннана.

— Слушайте, Холл, я вообще-то мокрошей. О пустынях я знаю больше понаслышке, но...

Какое-то мгновенье он колебался. Я удивился, с чего бы. Потом он решительно произнес:

— Отлично. Я беру управление на себя. Но помните, если я командую парадом, то ожидаю от всех беспрекословного подчинения моим приказам. Я ведь как раз хорошо знаком с пустынями.

— Прекрасно, Холл. Не знаю, как остальные, а на меня вы можете в этом положиться.

— И на меня, Холл, — Фиб подняла на него глаза. Она все еще суежилась с расписанием полетов, и я вдруг почувствовал в ней внезапный нервный подъем, что немало меня озадачило.

— А кто сказал, что мы вообще вас возьмем? — поинтересовался Бреннан.

Фиб убрала расписание подальше и закрыла его своим телом. Смотрелась она в такой позе совсем неплохо.

— Я спрячу расписание, если вы не разрешите мне поехать с вами! — пригрозила она. Мы засмеялись. Вопреки, а скорее даже из-за того, что задуманное нами дело обещало быть очень опасным, мы находили удовольствие в такой безобидной болтовне. Мы еще не достигли того состояния, когда люди общаются в основном с помощью испуганных восклицаний.

— Мы успеваем на полуночный рейс из Хампдена, — сообщила Фиб, закончив просматривать расписание. — До этого у нас еще будет время, чтобы собраться здесь.

— Почти все, что нам нужно, мы сможем раздобыть в Багдаде, — подчеркнуто произнес Бреннан. — Но, возможно, вы захотите взять какие-то личные вещи. Я не имею ничего против. А сейчас нам лучше всего посвятить Джорджа в свои планы. Ведь он тоже наверняка захочет поехать.

— Ведь это будет такое захватывающее приключение, — мечтательно сказала Фиб. Я заметил подозрительные искорки в ее глазах, да и разругалась она что-то сильнее обычного. Потом я взглянул на Бреннана, и до меня постепенно стал доходить смысл нашей затеи.

На этом наша милая беседа была внезапно прервана — пронзительный вопль ужаса донесся из соседней комнаты, вслед за этим раздался яростный рев, послышались чьи-то крики, топот металлических ног роботов и, наконец, безошибочно всеми узнаваемое шипение позитронного излучателя, работающего на полную мощность.

Мы рванулись к двери.

Бреннан дернул за ручку, и мы в изумлении застыли на пороге. Забавная картина открылась перед нашими глазами.

Лотти обеими руками вцепилась в Помфрета, так что я сначала и не разглядел, что Джордж сжимал в ладони направленный в потолок пистолет. Бененсон обмяк в своем кресле, как смятый фантик от жевательной резинки. На ковре расплылась здоровая лужа крови, при искусственном освещении выглядевшая словно гигантская капля малиновых чернил. Резкий запах горелой плоти немилосердно ударил в нос.

— Джордж, с вами все в порядке? — Фиб первая открыла рот, разрушив эту ужасную немую сцену.

Помфрет сглотнул. Его левая рука твердо покоилась на талии Лотти.

— Все хорошо, — проскрипел он. Потом сглотнул еще раз и уже обычным голосом добавил: — Ну и громадина!

— Я ничего не понимаю, — вмешался дворецкий Чарли. — Каковы будут ваши инструкции, босс?

Только Помфрет мог умудриться заменить обычное обращение «сэр» на адреналиноповышающее «босс».

— Подожди секунду, Чарли, я и сам еще плохо понимаю, что здесь происходит. — Лотти попыталась отодвинуться, и Помфрет чуть-чуть усилил хватку. Почувствовав это, она вновь соблазнительно откинулась ему на руку. Джордж положил пистолет на ручку кресла и освободившейся рукой обнял Лотти еще крепче. — Все будет в полном порядке, Лотти.

— Мне все это совсем не нравится, — выпалил Чарли своим стрекочущим металлическим голосом. — Что-то...

— Что, черт возьми, здесь произошло?! — взревел Бреннан.

Окно с темно-голубыми шторами, которые задернулись, когда последний солнечный лучик покинул небосвод, внезапно начало вспучиваться, раздуваться, словно воздушный шарик, в который накачивают воздух. Занавески, стекло, металлические карнизы — словом, все окно неестественно выгнулось, словно огромный мыльный пузырь. Осколки стекла полетели в стороны, подобно осколкам снаряда. Я оглянулся в поисках Фиб и увидел, что Бреннан уже схватил ее за талию и увлек под прикрытия перевернутого обеденного стола.

— Это еще один! — завизжала Лотти.

Смятый фантик в кресле конвульсивно дернулся.

Помфрет снова схватился за оружие.

Холл Бреннан, все еще обнимая Фиб Десмонд за талию, другой рукой выудил из внутреннего кармана небольшой пистолет. Я разглядел, что это был «Крейтон-40», — такая вещь способна прожечь дырку в мамонте с расстояния в полмили.

В дьявольском шуме разламываемого окна, из каскада падающих голубых занавесок возникла сияющая фигура.

Мельком взглянув на нашего непрошеного гостя, я понял, что еще один любовно взлелеянный миф пора отправлять на свалку.

После этого я повел себя совершенно недостойным образом, присоединившись к Фиб и Бреннану, которые залегли за столом.

Бреннан тяжело, прерывисто дышал, его лицо преобразилось — выражение необычайного удивления, смешанного с благоговейным страхом, проступило на нем.

— Точно такой же, как те — на стенах дворца Саргона в Хорсабаде! — пробормотал археолог.

Я подтолкнул его.

Существо, столь необычным образом проникающее к нам в комнату, оторвало от пола свое массивное туловище и, замахав тяжелыми, медного цвета крыльями, устроило настоящий ураган, вмиг разбросавший по разным углам все осколки и обломки. Чудовище выпрямилось во весь рост (он был не менее двенадцати футов), его копыта отливали серебром, а бычьи бока,

волосок к волоску, горели яркой бронзой. Медно-красные крылья с необычайно красиво уложенными перьями гордо и неподвижно застыли за его спиной. По широкой груди спускалась кудрявая позолоченная борода, растущая на странном лице, которое имело одновременно злое и идиотское выражение — пухлые губы, совершенно безумные и безмятежные миндалевидные глаза. И все это венчала золотая корона, которая, словно в насмешку, победоносно сидела на этой ужасной голове.

— Ламассу, — прохрипел Бреннан, — стерегущий джинн!

— Крылатый бык с человеческой головой! — удивилась Фиб. — И совершенно живой!

Существо, которому Бреннан только что дал название, двинулось вперед, и Фиб ласково заворковала:

— Стерегущий джинн... тише-тише, малыш...

— Следи за ней, Холл! — накинулся я на Бреннана.

Мой вопль, должно быть, отрезвил их обоих.

— Не дайте ему уйти на этот раз! — заорал Помфрет из другого угла комнаты. Но отчаянные попытки Лотти сесть на него верхом помешали ему точно прицелиться, и Джордж, к счастью, так и не рискнул нажать на спусковой крючок, в противном случае крыша дома оказалась бы на полу.

Крылатый бык заревел: ужасный звук, заставивший все вокруг завибрировать, звонко отозвался у меня в голове. Ударив копытами, он дольками нарезал ковер на полу. Страшная голова повернулась, и темные, красивой формы глаза остановились на нас троих, скорчившихся под прикрытием стола. Бородатое лицо искажилось.

Тяжелый стол красного дерева перелетел через всю комнату и раскололся в щепки. Огромные крылья сомкнулись над нами. Острые копыта готовились раскромсать нас на куски. Я выхватил у Бреннана пистолет и выстрелил — пуля вошла в одно из крыльев и разорвалась, тем не менее джинн продолжал двигаться вперед. Я выстрелил ему в лицо, но не увидел, куда попала пуля, потому что бык резко отпрянул и развернулся, заревев от боли. Кровь фонтаном била из его бока — это Помфрет начал отчаянно палить

из своего излучателя. Следующий выстрел отделил крыло от туловища и вызвал новый фонтан крови. Лентами повисла обугленная плоть. Существо уже окончательно сошло с ума — хлеща хвостом, оно билось в агонии, разевая толстые губы и испуская страшные вопли.

Помфрет выстрелил еще раз, и заросшая бородой голова с короной скрылась в яркой вспышке пламени.

Обезглавленное туловище резко повалилось на пол.

А потом прямо на наших глазах оно стало бледнеть, истончаться, сделалось плоским и наконец пропало совсем.

Только лужа крови никуда не исчезла, а даже наоборот принялась сливаться с той первой, хлынув по ковру бурным малиновым потоком.

Какое-то время мы не могли двинуться с места, затем Фиб, как всегда первая, заговорила:

— Ух! Наверное, мне все это приснилось, не так ли?

— Боюсь, что нет, Фиб.

Бреннан наконец отпустил ее и поднялся. Я протянул ему пистолет. Он взял его и печально улыбнулся.

— Не знаю, согласишься ты мне или нет, но это было все равно, что увидеть, как сфинкс на Трафальгарской площади сходит со своего пьедестала.

— Пожалуй, я тебе поверю, Холл, — пережитая только что опасность располагала к более дружескому обращению. — Что бы это ни было, наверняка ты разбираешься в этом лучше, чем мы. А что касается меня, то я воспринимаю это как еще одно опасное приключение, что-то вроде охоты на какое-нибудь наше морское чудовище.

— Или на какого-нибудь дурацкого льва, —插вила Фиб.

— Да, конечно, на все что угодно — на львов, тигров, сфинксов, но это был настоящий крылатый бык, сошедший с ворот Саргона... с ворот древнего аккадского дворца в Кхорсабаде. Ведь я их видел...

— Я тоже их видел, приятель, — Помфрет все еще держал в правой руке излучатель, а в левой — Лотти. — Но что больше всего меня удивляет, так это то, что они исчезают, когда их пристрелишь.

Фантик от жвачки испустил долгий протяжный стон и, дрожа, попытался встать на ноги.

— Выпустите меня отсюда! — едва обретя дар речи, завизжал Пол Бененсон. — На помощь!

— А ну-ка сядь, Пол, и расслабься, — мудро посоветовал Помфрет. — Я принесу тебе выпить.

— И мне тоже, милый, — проворковала Лотти.

Бреннан, Фиб и я посмотрели друг на друга и расхохотались. Наверное, это было просто нервной реакцией после того, что произошло, но мы сейчас абсолютно точно знали, что думают остальные.

Так или иначе, старому грязнуле будет с ней хорошо.

VII

— Всему этому должно существовать строгое научное объяснение, — твердо заявила Фиб Десмонд.

— Раньше я бы согласился с вами, — сказал ей Холл Бреннан, покачивая головой. — Но не сейчас. Нет, милая леди, все не так просто.

В то время как домашние роботы прибирали в соседней комнате и вставляли новое окно, мы все, успешно пропустив полуночный рейс из Хампдена, устроились в кабинете Помфрета. Мы даже не попросили Фиб поглядеть, когда будет следующий рейс. Если говорить обо мне, то я нуждался в том, чтобы тихо посидеть и подумать.

Бреннан сказал:

— Теперь вы знаете, кто разбил мой вертолет. Правда, это был не крылатый бык с человеческой головой, а кое-что пострашнее. На меня напал настоящий грифон... в общем, тварь куда более опасная. Другое дело, что он оказался чуть-чуть помельче нашего ночного посетителя.

— Теперь совершенно ясно, как Камушкой Бессмертный отыскал нас, — я высказал мысль, давно тревожившую меня. — Он просто следовал за тобой, Холл, и сейчас мы все оказались в одной западне.

— Боюсь, что так, дружище, — отозвался Бреннан. Он улыбнулся мне, и я вернул ему улыбку. Я ни в чем его не винил. Как человек, постоянно сталкивающийся с опасностями, я сразу же определил в Бреннана личность с мироощущением, весьма близким к моему. Таким типам плевать на все беды — одной больше, одной меньше, не важно.

Однако, честно говоря, в данной ситуации возникали проблемы, гораздо худшие, чем какая-нибудь акула или кашалот-убийца.

— Я все время размышлял о том, что мы нашли в этом глобусе, — сказал Помфрет, — пока развлекал наших гостей. — Он взглянул на Пола Бененсона, который, покачивая бокал с напитком, мешковато осел в кресле. Великий финансист выглядел сейчас весьма жалко. Вдобавок ко всему, никто не поддержал его вопль о помощи, и даже Лотти поспешила усесться поближе к Помфрету.

— Довольно неблагоприятное занятие, не так ли? — поинтересовалась Фиб.

— Возможно. Я только подумал: может быть, там отмечено место, где Вэзил Станнارد нашел табличку.

Да, так и еще один крылатый бык мог свалиться нам на головы. Старина Джордж всегда видел такие вещи, которые, казалось, лежали на поверхности, однако остальные не замечали их.

— Вот черт! — громыхнул Бреннан в притворном удивлении.

— Ну, разумеется, — добавила Фиб.

— Так или иначе, вы сэкономили нам деньги на проезд до Багдада, старина, — усмехнулся я.

Помфрет изумленно уставился на нас. Пришлось ему рассказать все, о чем мы договорились, до того как ламассу ворвался в дом.

Он попытался придать своему лицу строгое официальное выражение, но в результате мне только захотелось вручить ему таблетку от расстройства желудка.

— Ну, может быть, — назидательным тоном произнес он, — но я предпочитаю придерживаться своей собственной теории на этот счет...

Если бы мы сразу его не прервали, Помфрет мог еще довольно долго распинаться в том же духе.

— Но если мы не отправимся в Багдад и не попробуем поискать в пустыне это место, — сказала Фиб, — то что мы вообще будем делать?

Лотти, своим знойным голосом, спросила:

— А неужели мы должны что-то делать? — Она заразительно улыбнулась и обвела нас взглядом. — Мы должны что-то делать? А это не будет... опасным?

Мы все дружно предоставили кому-нибудь другому ответить на этот вопрос, и Джордж Помфрет смог спокойно нагнуться вперед, взять Лотти за руку и многозначительно сказать:

— Я буду присматривать за вами.

— Да, но... — начала она.

— Достаточно! — отрубил Бреннан. — Я уже много лет пытаюсь добраться до Камушкея Бессмертного. Если он не заперт накрепко в своем Склепе, весь мир снова покатится ко всем чертям!

Лотти слабо захихикала. Мы ввели их с Бененсоном в курс дела. Бененсон вообще ничему не поверил, а Лотти если и поверила, то только потому, что видела ламассу собственными глазами.

— Очень странно, — следуя ходу своих мыслей, пожаловался я Бреннану, — ведь, насколько я помню, ламассу всегда были добрыми джиннами. Они как раз оберегали людей от воздействия злых сил. Злые джинны — утку — имели ужасные обличья — поменьше льва, орла и змеи.

— Все это так, Берт, — коротко сказал археолог, — и это очередной раз доказывает, насколько силен Камушкой Бессмертный. Он может заставить совершенно приличные создания ненавидеть нас. Это лишь небольшая демонстрация его способностей.

Мы больше не стали обсуждать моральную сторону того, что нам довелось узнать. Я думаю, любой из нас был сейчас возмущен и раздосадован тем, что это произошло именно с нами. Кто-то другой, рассерженно размышляли все, кто-то другой должен был влипнуть в эту историю, а не мы. Вот бы обратиться куда следует... но, даже принимая во внимание труп обнаженной девушки (он-то никуда не исчез), я не

верил, что кто-то серьезно отреагирует на наше заявление. Словно подтверждая правильность моих выводов, Лотти раздраженно произнесла:

— Но почему бы не сообщить в полицию? Я уверена, они знают, что делать в таких случаях. В конце концов, полиция должна нас охранять, иначе зачем мы платим налоги?

— Можете сообщить, если хотите, — резко ответил Бреннан. — Меня лично более заботит его следующее нападение.

— Следующее?!

— Я не думаю, что Камушкой Бессмертный покинет поле боя после такой незначительной стычки, как эта, не так ли? — Бреннан вогнал свой правый кулак в ладонь левой руки. — Если бы мы только знали, где находится этот пресловутый Склеп!

— Было бы очень предусмотрительно, — мягко посоветовал я, — побыстрее покинуть дом. Зверь нашел нас, преследуя тебя, Холл, а теперь мы все еще находимся на месте последнего нападения. Элементарный здравый смысл подсказывает сделать очередной ход.

— Принято, — заявил Бененсон. — Давайте соберем манатки и действительно смотаемся отсюда!

За окнами была уже глубокая ночь. Она не смогла пробраться лишь туда, где искусственный свет рассеивал темноту. Но даже несмотря на щедрый расход энергии, только очень незначительная часть земной поверхности освещалась по ночам, и я вдруг очень остро осознал, какой опасности мы подвергаемся. Когда мы поднялись, чтобы собрать вещи в дорогу, Лотти направилась к видеофону и вызвала полицию.

Я, например, ни в чем ее не винил. Да и как она сможет доказать, что все то, что здесь произошло, правда? Я не знаю. Не могу не признать, что меня удивили ее мужество и самообладание. Одно могу сказать точно: для Бененсона она теперь была потеряна навсегда.

— Идите, поищите себе оружие, Берт, — предложил Помфрет. Я прошествовал в его оружейную и там удовольствовался тем, что выбрал брата-близнеца помфретовского излучателя. Была заказана пара, объ-

яснил Помфрет, в очередной раз демонстрируя свои ковбойские причуды. Бреннан, отпустив кислый комментарий по поводу своего сорокового «Крейтона», взял себе «Крейтон» восьмидесятый.

— Эта штуковина меня вполне удовлетворит, — спокойно заметил он.

Лотти вернулась от видеофона с угрюмым видом:

— Они ехидно поинтересовались, что я пила сегодня и не принимала ли наркотики. — Она покачала головой, как будто пытаюсь избавиться от какого-то надоедливому гула. — Они высылают сюда человека. У меня создалось впечатление, что они больше пытались меня поддеть, чем выслушать жалобу.

— А вы рассказали им о той обнаженной девушке, которая вбежала в зал во время аукциона?

— Да. — Она глубоко вздохнула, глаза Помфрета расширились от восхищения. — Они сказали, что у них есть кое-какие подозрения на этот счет.

— Что, полицейские в чем-то вас обвиняют?

— Ну, я бы так не сказала, но... — сейчас, после целой бури оскорбленных чувств, голос ее звучал озадаченно, — они сказали, у них есть вполне подходящее описание. Но они не сообщили мне, кому именно оно подходит.

— Я думаю, вам стоит выбираться отсюда вместе с нами, — вмешался я. Не мог же я ей сказать, что этой девушкой была она; ведь если она сама этого не знала, то никакие разговоры не могли убедить ее в обратном. В конце концов, все может быть, но вот Фиб Десмонд, например, разделяла мою уверенность.

— Давайте, Лотти. Присоединяйтесь к нам.

Она посмотрела на Бененсона, который ухитрился подняться на ноги, чтобы вновь наполнить свой бокал.

— А как же...

— Забудьте о нем, Лотти! — потребовал Помфрет.

— Я просто хотела сказать, — томно произнесла она, — что мне, по-видимому, не хватит денег на билет до Багдада.

Если уж старина Джордж клюнул на эту девушку, то пусть сам покупает ей билет, возражений у меня не имеется.

— Не беспокойтесь ни о каких деньгах, Лотти, — заверил ее Помфрет с волнением в голосе. — Вы во всем можете положиться на меня.

— О Джордж! Как это мило с вашей стороны! — Она обернулась и подняла свое пальто. — Ну что ж, я готова.

Пока мы загружались в вертолет, который домашний компьютер заблаговременно вывел из гаража, мне показалось, что огромный крылатый силуэт закрыл на мгновение диск луны. Но секундой позже вертолет уже рассекал ночной воздух, стремительно удаляясь от виллы Помфрета.

— Этому вашему полицейскому предстоит приятная ночь, — заметил я. — Мне показалось, что в небе маячит еще один джинн.

— Прибавьте скорости, Джордж, — обеспокоенно сказал Бреннан.

Бененсона нам тоже пришлось забрать с собой. Естественно, мы не могли бросить его одного в доме, куда вскоре заявится либо полицейский, либо очередной монстр. Ни тот, ни другой не смогут составить ему приятную компанию. Ну, с джинном и так все ясно, а полицейский еще начнет выпрашивать, куда это мы отправились, и в результате наша компания во главе с Бененсоном окажется за решеткой.

Вертолет быстро глотал мили за милей, направляемый лучом транспортной сети. Далеко внизу равномерно ползли в обратном направлении пятна и полосы света — мы пролетали над пригородами. Если полицейский уже заподозрил что-то неладное, то скоро он свяжется со своим участком и там займутся всевозможными компьютерными проверками.

Конечно, в первую очередь будет проверена национальная транспортная сеть, где они моментально отыщут наш компьютер, запросят водительскую лицензию, которая выдана на имя Джорджа Помфрета, и для полного счастья еще просмотрят наш маршрут на большом контрольном экране станции. Видеотелефон в вертолете зазвонит, и Помфрету деликатно предложат приземлиться у ближайшего полицейского участка.

Одним словом, нас найдут быстро и безошибочно, как раненого зверя по кровавому следу.

— Дадим ему пятнадцать минут, Джордж, — Бреннан, очевидно, имел в виду полицейского. — Потом быстро снижаемся и садимся. Понятно?

— Как скажете, Холл. Вы здесь командуете.

— Ну, мы пока еще не в пустыне, — загадочно ответил археолог.

Фиб сверилась с картой на передней панели.

— Здесь неподалеку есть вполне подходящее место, — промолвила она своим живым, хорошо поставленным голосом. — Небольшая церквушка, пара ресторанчиков, один магазин и несколько домиков. С прошлого века там ничего не изменилось, да и в этом, наверное, ничего не изменится.

— Прекрасно, там и сядем, — раздался строгий голос Бреннана. Несмотря на свое предыдущее замечание, он уже принял командование. — Закажем такси на мое имя. Это должно сбить их со следа.

Геликоптер приземлился на старой стоянке около того ресторана, что был побольше. Турбины еще продолжали вращаться, когда все вылезли наружу. Бененсон тусклым взглядом окинул окружающую обстановку. Помфрет протянул ему фляжку с виски, и тот сделал могучий глоток.

— Вам здесь понравится, Пол, — пообещал Помфрет.

Я захихикал. Бреннан подошел к ближайшему видеофону и набрал номер. Где-то на другом конце линии включился автоответчик. Присоединившись к нам снова, Бреннан произнес:

— Такси будет через десять минут. Нужно поставить геликоптер в какой-нибудь незаметный уголок.

Когда его обнаружат, мы, при определенном везении, уже должны будем по уши зарыться в песок где-то неподалеку от древнего Аккада.

Такси наконец появилось (не самая новая модель), и мы все втиснулись внутрь. Лотти с Помфретом и Бреннан с Фиб как будто случайно поделили первые два места. Я поглядел на Бененсона.

— Если мне уж предстоит разделить с ним третье сиденье, — обратился я к Помфрету, — то лучше держите вашу фляжку при себе.

Автопилот поднял машину в воздух, завращались турбины, и такси понесло нас вперед. Добравшись до Стендстеда, мы сможем нанять самолет. Впрочем, все, что могло теперь с нами произойти, зависело от Камушкея Бессмертного.

Это неожиданное и торопливое бегство посреди ночи расставило все на свои места — мы вмешались в слишком опасное для простых смертных дело. Мы вот так запросто собрались наглухо запечатать в своей темнице одного злобного бога, который уже отсидел там семь тысяч лет. Я считаю, что мы вели себя так беззаботно только потому, что не могли в полной мере осознать, куда идем и что делаем. Шутки и смех служили нам таким же оружием, как и позитронные излучатели.

Если Помфрет прав и та точка на глобусе, к которой мы сейчас направлялись, просто показывала, где Вэзил Станнард нашел табличку, тогда мы — компания придурков. Но, несмотря ни на что, я продолжал сомневаться в этом. Вряд ли Вэзил Станнард в таком случае стал принимать подобные меры предосторожности. Тогда зачем он все так замаскировал? Зачем было прятать табличку в глобус? И зачем эта проволока? Почему он просто не мог поместить где-нибудь координаты? Чем больше я размышлял на эту тему, тем все больше убеждался, что мы идем верным путем.

Не знаю, чем Фиб и Лотти занимались со своими спутниками, а рядом со мной Бененсон, завладев фляжкой с виски, моментально упился до скотского состояния. Я, конечно, понимал, что было бы разумнее взять его с собой в пустыню, но, с другой стороны, мне ужасно хотелось под каким-нибудь предлогом от него отделаться.

Когда такси приземлилось на стоянке в Стендстеде, оставалось всего несколько часов до рассвета.

Без лишней суеты, но и без промедления Холл Бреннан нанял самолет. Ему даже не нужно было указывать цель нашей поездки, так как в нынешние

времена любая компания уважаемых людей могла арендовать самолет просто чтобы повеселиться. Кроме того, многим бизнесменам приятнее работало на борту воздушного судна.

Бреннан оказался к тому же и высококвалифицированным пилотом с коммерческой лицензией, чем несколько меня не удивил, и мы совершенно спокойно отказались от пилота компании, которого нам попытались было навязать.

Перед самым взлетом мы наконец приняли решение, что же делать с Бененсоном. Я целиком стоял за то, чтобы купить ему еще бутылку виски и оставить в зале ожидания. Бреннан же, наоборот, хотел взять его с собой.

Лотти сказала, что ей теперь все равно, потому что у нее появился новый наниматель, гораздо лучше понимающий, как нужно обращаться с секретаршами.

Помфрету вроде тоже было на все совершенно наплевать, но тут он, видимо, вспомнил про Бернини и про все свои остальные деловые предприятия с этим маленьким толстячком, поэтому он отдал свой голос за то, чтобы сохранить его для мира бизнеса.

Фиб, естественно, тоже высказалась, и по ее отношению к Бененсону было легко догадаться, как она относится к Холлу Бреннану.

Итак, Бененсона, глупо хихикающего и пытающегося вытрясти из фляжки Помфрета последние капли, покинули в зале ожидания. У нас не осталось даже времени на то, чтобы купить ему бутылку виски, как я предлагал, потому что самолет был уже готов и ждал на взлетной полосе.

Когда подъехал аэродромный автобус, мы в последний раз взглянули на бодро горящие окна аэропорта. Вполне возможно, подумал я, что Бененсон окажется самым везучим из всех нас.

Сразу после взлета Бреннан запрограммировал автопилот, который должен был вывести нас к Средиземному морю и сообщить, когда покажется восточный берег. Холл нацелил самолет немного южнее Кипра и немного севернее Бейрута. Покончив с этим, он широко зевнул и произнес:

— Я пошел спать. С тех пор, как мы торговались за глобус, Берт, прошло уже сто лет.

— И в самом деле, — согласился я. — Думаю, всем не мешало бы сейчас отдохнуть, перед тем что ждет нас впереди.

Сказав это, я как лунатик дошел до спального блока и повалился на койку. Я заснул, как только моя голова коснулась подушки.

Разбудила меня Лотти. Вид у нее был чрезвычайно испуганный — серое лицо, рыжие волосы закручены на макушке, размазавшийся по щекам грим: она походила сейчас на тающую восковую куклу.

— Проснитесь, Берт! Холл хочет вас видеть!

— А что случилось?

Я медленно опустил ноги на пол и поднялся. Лотти сделала шаг назад. Я спал не раздеваясь, она, по-видимому, тоже. Лотти покачала головой и выбежала из кабины. Я зевнул, протер зубы пальцем и последовал за ней.

В рубке между правым и левым угловыми окнами располагалось все необходимое для пилотирования самолета оборудование. Были предусмотрены также мягкие кресла для команды — первого пилота, второго пилота, штурмана, бортинженера и еще одно лишнее кресло. Бреннан восседал в кресле первого пилота, Помфрет устроился рядом — на месте второго. Фиб свернулась калачиком в штурманском кресле, а Лотти быстро уселась в кресло бортинженера. Ну что ж... мне приходилось бывать лишним и раньше.

— Так в чем же дело? — задиристо спросил я. Если тревога окажется ложной, я буду возмущен, что меня разбудили слишком рано, тем более в такое хмурое и неприветливое утро; если же действительно произошло что-то серьезное, то станет ясно, что меня обо всем предупреждают последним. В любом случае я собирался проявить характер.

— Погляди вниз, — буркнул Бреннан (в окна было легко смотреть: кресло могло поворачиваться во все стороны). Я повернулся и посмотрел.

— Похоже, что либо автопилот сошел с ума, либо ты где-то ошибся, — кисло заметил я. Под нами бесконечной вереницей проплывали серые каменные

глыбы, остроконечные гранитные пики и вышедшие на поверхность кристаллические скальные породы. И такой пейзаж тянулся во все стороны до самого горизонта. Солнце бросало косые лучи на эту безрадостную картину, и от подножья каждого утеса тянулась длинная густая тень. — Я не узнаю местность.

— Компьютер сообщает, что мы летим сейчас над Ливаном. Здесь должны быть пески, оливковые и финиковые плантации. Ну и, естественно, дороги, города и поселки.

Я протер глаза — как будто рашпилем провел по векам, — поморгал немного и высказался:

— Что ж, мы, конечно, залетели не туда. Компьютер рехнулся. Ничего не поделаешь.

— Я проверял компьютер. Мы там, где и должны были находиться в это время. Мы только что пересекли побережье.

— Отлично. Ливан — большая страна. Вероятно, здесь не все еще приведено в божеский вид и кое-где остались пустыни. Может быть, песок просто сдуло ветром с каменного основания.

— Да Бог с тобой, Берт! — махнул рукой Бреннан.

Остальные предпочитали не вмешиваться в наш спор. У них, очевидно, вообще не существовало дельных идей на этот счет.

— Ну хорошо, Холл! Скажи мне, что ты надумал.

— Скажу, — на лице Бреннана застыла гримаса отвращения. — Я думаю, что Камушкой Бессмертный вновь достал нас каким-то образом. Он что-то сотворил с нами или с миром вокруг нас!

У меня мурашки побежали по коже. Я отлично понимал, что пейзаж внизу действительно не принадлежал нашему миру.

Песчаная пустыня — да, но не бескрайнее море застывшего камня.

— Вопрос в том, — прочистил горло Помфрет, — что делать дальше.

Он переоделся — на Джордже был легкий костюм цвета хаки, а на шее красовался изумрудный шарф.

— Мы не можем сесть — это точно. На нашем самолете не установлено соответствующее оборудование. Поэтому мы либо полетим вперед — в надежде,

что отыщется подходящая посадочная площадка — желательно до того, как в баках кончится горючее, — либо поворачиваем назад и пытаемся выйти к морю.

— Поворачиваем назад... — как эхо повторил Бреннан. Его лицо внезапно осунулось, как будто он осознал то, что должен был понять давным-давно. — Конечно! Вот вам ответ. Если мы поворачиваем назад, значит, больше не гонимся за Камушкеем Бессмертным.

— Ну?

— Это и есть ответ! — набросился он на нас. — Неужели вы не поняли? Почему Камушкея Бессмертного еще называют Зверем Времени? До сих пор я тоже не знал, но теперь-то понял! Каким-то образом он отбросил нас назад во времени. Эти камни были здесь до того, как возникли и море и пустыня, до того...

— Все ясно, Холл.

— Если мы будем продолжать двигаться вперед, то Камушкой Бессмертный отбросит нас еще дальше. Если же мы повернем назад...

Бреннан схватился за штурвал и, отключив автопилот, развернул самолет по плавной дуге. После этого он со вздохом откинулся в кресле.

Все в ожидании прильнули к окнам.

Что мы надеялись там увидеть? Пустыню, как по мановению волшебной палочки сменившую нагромождения гранита? Летели мы теперь в обратном направлении, и тень нашего самолета была ясно видна — темный крест, то взлетающий на каменные гребни, то проваливающийся в расселины, которые отнюдь не собирались исчезать с этого безрадостного ландшафта.

Бреннан снова собрался было изменить курс.

— Я думал...

— Подожди же, Холл. — У меня были свои собственные соображения по этому поводу. — Под нами и так уже довольно отвратительная местность. Смотри не сделай ее еще хуже.

Он понял, что я имел в виду, и тайком взглянул на Фиб.

Она смотрела в окно, и на ее лице проступало выражение крайнего ужаса.

Я быстро проследил направление ее взгляда, уже заранее ощущая, как сожмется от страха мое сердце при виде того, что бросится сверху на наш самолет.

Да, сейчас это оказался настоящий утукку. Я бы не смог даже сразу определить, какие звери внесли свою лепту в создание этого летающего ужаса, — никакие добрые чувства не могли теплиться в груди подобного чудовища.

Без малейших колебаний Бреннан рванул самолет вперед.

— Мерзкая тварь, — заорал Помфрет, — она догоняет нас!

— Я выжимаю из этой старой галоши все, что можно.

— И тем не менее она приближается.

Самолет вздрогнул от тяжелого удара, и на какое-то мгновение мне пришлось испытать неприятное чувство свободного полета.

— Но ведь не сможет же он развалить самолет! — резко сказал я, хотя понимал, что всего лишь сотрясаю воздух.

И снова самолет содрогнулся. Двигатели начали кашлять. Не знаю, что там с ними произошло, но утукку больше не было видно.

— Он попал в двигатель! — крикнул Бреннан, развернувшись в кресле, лицо его исказилось.

Самолет нацелился носом вниз.

Лотти покатилась вперед, и Помфрету пришлось бороться со своим креслом, чтобы добраться до нее.

— Ты сможешь удержать машину, Холл? — прокричал я.

Бреннан продолжал бороться со штурвалом.

— Без моторов она летает не лучше кирпича! Но я попытаюсь.

Мы все испуганно наблюдали, как Бреннан упрямо старается удержать самолет в воздухе. Внизу нас поджидали зазубренные макушки гранитных пиков.

Лотти зарыдала, уткнувшись в грудь Помфрету. Он посмотрел на меня поверх волны ярко-рыжих волос и попытался улыбнуться. Я отвел взгляд в

сторону. Фиб вжалась в кресло, не спуская глаз с Бреннана.

— Пристегнитесь! — не оборачиваясь, коротко бросил он.

Помфрет как-то ухитрился пристегнуть Лотти, а я помог Фиб. Уши заложило, когда самолет стал терять высоту. Мне это, вообще говоря, не доставило особого удовольствия. Но Холл Бреннан продолжал в своем кресле бороться за наши жизни, и я припомнил, как в свое время готов был отдать ему последний гарпун, последний баллон с воздухом.

— Я попробую сесть в ложбине между утесов. Если нам повезет, мы проедем достаточно большое расстояние и успеем погасить скорость, прежде чем машина разобьется. — Плечи Бреннана напряглись, когда он навалился на штурвал. — А потом крылья и хвост отвалятся, и мы начнем крутиться. Будьте готовы моментально выбраться наружу — самолет может загореться. Я, конечно, установил пожарную защиту, и пена выльется, но...

Мне вообще-то приходилось влипать раньше в такие истории, но я не хотел попасть еще в одну авиакатастрофу.

Глядя в лобовое стекло, я наблюдал за проплывающими внизу острыми пиками, тянущимися к небу подобно окаменевшим морским валам. Самолет приближался к земле, ветер протяжно завывал, обтекая корпус. Я попытался закрыть рот и расслабиться. Я не хотел кричать...

Еще ниже. Нос стал медленно подниматься. Бреннан повис на штурвале. Все шло к тому, что мы должны были врезаться прямо в макушку ближайшего утеса. Но вот правое крыло ушло вниз. Бреннан проклял все на свете и снова набросился на рукоятки управления. С трудом самолет уклонился от встречи с утесом, но нос его опять глядел в землю.

Прежде чем Бреннан смог выровнять машину, она ударилась о камни.

Лавина звуков нещадно обрушилась на мои барабанные перепонки, в голове зазвенело.

Металлический корпус высекал гигантские искры, скрежеща по булыжникам, пена хлынула из выпускных

отверстий. Меня швырнуло вперед, и я повис на ремнях. Пребывая в таком положении, я заметил, что дневной свет льется внутрь салона сквозь огромные трещины в металле. Нос и крылья самолета оторвались, а один из двигателей откатился к соседнему утесу, как отрубленная одним ударом голова.

Перед моими глазами роились искры. Боли я не почувствовал, хотя понимал, что здорово треснулся затылком об изголовье сиденья.

Последнее, что я увидел, прежде чем сознание покинуло меня, была голова Бреннана, склоненная над приборной панелью. Он еще пытался управлять этой бесформенной грудой металлолома, которая когда-то называлась самолетом.

VIII

Я все лелеял мысль, что эта преобразившаяся земля под нами — пугающее нагромождение голых зубчатых скал вместо ровных песков пустыни — не более чем коллективная галлюцинация, внушенная нам враждебной внешней силой. Увы, эта надежда разбилась вдребезги — вместе с нашим самолетом.

Чей-то стон достиг моего слуха, и я попытался шевельнуться. Меня держали привязные ремни. К счастью, кресло придавило меня не слишком сильно: я смог высвободить руку и щелкнул замком ремней. Во всем теле я ощущал боль, но смог встать, и подвижность рук и ног убедила меня, что я, по крайней мере, не поломал костей.

Надо было помогать другим.

И вот все мы стояли у искореженного фюзеляжа на острых камнях, рассыпанных по склону утеса, — зрелище довольно-таки жалкое.

Лотти зарылась лицом в платочек. Фиб держалась за Бреннана. Одежда наша была разорвана; на наши ушибы и царапины не хватило бы аптечки первой помощи. Оправившись, мы стали обсуждать ситуацию.

— Если пойдем пешком — то за полчаса и обувь развалится, и ноги сойдутся в кровь, — мрачно сказал Бреннан.

— Но ведь здесь мы не можем оставаться, — заметил Помфрет.

— Знаю. Так что же нам делать? — он посмотрел на меня.

— Если бы это было в нашем веке... — беспомощно проговорил я. — Радио все равно разбито, но если бы и работало — по теории Холла, мы услышали бы только разряды. Так что на помощь к нам прийти некому.

— Ну, я не собираюсь сдаваться этому Камушкею без боя, хоть он и Бессмертный! — прорычал Холл Бреннан. Мысленно я устроил овацию его словам. Он смело бросал вызов неведомой тьме и готов был пожертвовать собой, лишь бы спасти наших дам, — впрочем, не только их...

Помощи ждать неоткуда. Это было ясно. Вся надежда была на то, что появится какая-то третья сила — посредник между нами и Зверем Времени. А меня уже мучила жажда, и я пытался прикинуть, сколько воды может быть во фляжке Бреннана. Меж тем солнце, подымаясь, палило с каждым мигом все безжалостней...

Но невозможное свершилось — все встрепенулись, услышав далекое жужжание авиадвигателя, будто сама Надежда коснулась наших сердец механическими пальцами!.. Все вскочили с мест. Помфрет сорвал с себя изодранную гимнастерку и, как безумный, размахивал ею над головой. Даже сдержанный Бреннан, прикрыв глаза рукой от солнца, напряженно вглядывался в стальной блеск небосвода, пытаясь поймать в нем точку самолета...

— Здесь тихо, звук разносится далеко, — сказал я, поудобнее устраиваясь на подушках — мы собрали их с ломаных кресел и разложили в тени фюзеляжа. — Впрочем, кто бы это ни был, скоро он будет здесь.

— Ничего себе! — воскликнул пораженный моим спокойствием Помфрет; я усмехнулся — без всякой злобы к моему кирпичнолицему другу. — Что за рыба кровь у тебя, Берт!

— Да нет. Просто для меня очевидно: этот кто-то летит сюда за нами. Иначе и быть не может. Как иначе Зверю Времени сделать свое дело?

Бреннан кивнул головой. На его оранжево-бурое лицо падали серебристые зайчики от фюзеляжа:

— Вы, пожалуй, правы, Берт.

— Смотрите! — я нехотя приподнялся. — Вот он.

Самолет летел над самыми скалами, как бабочка-белянка над капустной грядкой. Мы отчетливо слышали завывание турбовинтовых двигателей. Четверо моих спутников махали руками и кричали, как безумцы, я же спокойно наблюдал. Вынув из чехла свой «Фарли-экспресс», я свободно держал его в руке, направив на жесткий камень под ногами.

Эта машина не была ни вертолетом, ни антигравитационным флайером — это был какой-то вариант самолета с вертикальным взлетом, весьма пространенный лет сто назад. Я удивился этому. Машина замерла над нашими головами, и крылья стали медленно поворачиваться вокруг оси — пока пропеллеры не обратились к небу. Тогда моторы надрывно взвыли и самолет начал опускаться.

— Ему никогда не сесть на эти каменные колья! — заорал Помфрет.

— Предупреди его, Джордж! — закричала Фиб, закинув голову и держась за ушибленный подбородок.

Из фюзеляжа «вертикальщика» выросли четыре ходульные ноги. Рельеф почвы был учтен, две ноги вылезли только на два фута, а две другие — на добрые десять.

С последним воем турбин самолет замер на земле. Пропеллеры покрутились немного и застыли. Вновь воцарилась тишина.

Откинулся колпак кабины. Темная фигура спиной к нам спускалась по трапу. Я услышал вскрик Помфрета:

— Чарли! Бог ты мой! Чарли!

— Полагаю, вы в добром здравии, босс, — произнес робот-дворецкий Помфрета, склонив над нами свое плоское, комически-безобразное лицо.

— Ах ты, старый чертов сын! Какой дьявол надоумил тебя прибыть сюда?

— Все больше становится вещей, которых я не понимаю, — ответил Чарли все тем же весело звенящим металлическим голосом. — Я был запрограм-

мирован на либеральной основе, благодаря вашему великодушию и широкому кругозору, босс. Я заключаю, что мы заброшены в прошлое каким-то немеханическим способом.

Тон, каким Чарли произнес «немеханический», придавал этому слову некий глубинный зловещий смысл.

— Да, мы так решили. Ну, а ты-то как догадался?

— Я последовал за вами, босс, когда столь спешно вы отбыли, не оставив ни указаний по хозяйству, ни своего будущего адреса, ни средства связи с вами, — на вашем гелике радиоканалы отключены, — и когда полиция стала задавать нескромные вопросы... — Его металлическое лицо блеснуло на солнце и, я мог бы поклясться, изобразило самую ироническую из всех виденных мною улыбок. — Потом появилось еще одно из этих странных существ — крылатых быков. Тогда я понял, что вам грозит какая-то опасность. Я связался с моими друзьями-роботами, которые быстро разнюхали, что вы взяли такси до Стендстеда. Оттуда ваш четкий след...

— Ну нет! — затряс головой Бреннан. — Не было у нас следов! Никто не мог выследить нас — особенно на винтовом самолете! Ты...

Чарли повернул голову, и опять огоньки лампочек на его лице заставили меня увидеть на нем улыбку. Если кварцевые линзы и решетки динамиков могут создавать выражение лица, то у него это выражение было!... И кто рискнет утверждать обратное!

— Вы должны извинить меня, сэр. Я взял на себя смелость купить билет на ракету до Бейрута. Там я нанял этот старомодный тарантас для пустыни. Ракета могла проскочить в темноте мимо вас. — Его механические внутренности заурчали. — Разве не так?

Я громко расхохотался.

Стоявшая рядом Фиб дернулась, словно я уколол ее иглой.

— Чего тут смешного? — сердито спросила Лотти. — Я уже изжарилась живьем. Пошли в самолет и выпьем чего-нибудь!

— Ну что ж, — объявил Помфрет, подсаживая ее на трап самолета, — Лотти, как всегда, уловила самую суть дела.

— С чем вас и поздравляю! — весело подхватил я.

— А кстати, — спросил Помфрет, когда мы все набились в тесную кабину «вертикальщика», — тебе, Чарли, видимо, пришлось нанимать эту тележку на мое имя?

— Да, конечно, босс. Иначе мне не удалось бы ее нанять.

— Значит, если мы вернемся и нам удастся попасть в наше собственное время, — фараоны будут нас дожидаться. Они, вероятно, навесили нам убийство той девушки в Ганнете. — Помфрет долго тянул в себя из стакана, в котором Чарли ловко приготовил ему ледяной коктейль; наконец оторвался от соломинки и печально вздохнул.

— Мы идем вперед, — категорически заявил Бреннан.

— Вперед?

— Мы продолжим свою миссию. У нас полно топлива, есть оружие, еда и вода. Раз Камушкой Бессмертный увидит своим вездесущим оком, что мы делаем, узнает, что мы не сдались, гонимся за ним, — ему придется придумать что-то новое.

— Что-то очень гнусное, — заметила Фиб с гримасой отвращения.

— Конечно. Но одно мы можем сказать наверняка: мы не останемся гнить в этом диком месте!

И сидевший за штурвалом Чарли без лишних слов поднял нас в воздух, круто повернул к востоку и начал набирать скорость.

Теперь мы летели над застывшими каменными волнами ниже и медленней, чем на погибшем «реактивщике»; поэтому я смог лучше изучить местность и сделать ряд выводов. Одни граниты, никаких известняков — это означало, что мы очень далеко улетели назад во времени, если, конечно, теория Холла Бреннана верна. Нигде я не заметил никаких признаков жизни. Ни песка, ни даже пыли не слетало с каменных гребней. Мертвый, каменный мир мчался назад под нашими крыльями — мир, еще только ожидающий зеленого покрывала трав и деревьев; ожиданию же этому длиться миллионы лет!

Вдруг самолет покачнулся, — Чарли отреагировал с достойной робота быстротой и точностью — выправил полет. Но вот аппарат снова закачался и даже — как мне почудилось, — закувыркался на лету!.. Несколько мгновений всех мучило, пока робот не овладел управлением и не добился ровного скольжения.

Что это? Солнце погасло.

Мир почернел.

Лотти завизжала. Бреннан выругался.

Мотор замолк, и мы услышали вой ветра у фюзеляжа: значит, мы пикируем. Чарли откинулся в кресле и рванул рычаги. Снова из тьмы брызнуло солнце, и мы увидели под собой клубящийся туман; отраженные от его серебра, яростные солнечные лучи больно резали глаза.

Не обращая внимания на наши проклятия и визг девушек, Чарли невозмутимо занимался своим делом. Самолет вышел из стремительного пике и теперь подымался прямо к солнцу — легко, как конек по льду.

Под нами, насколько хватало глаз, расстиралось море тумана.

— Мы на хвосте Камушкея Бессмертного! — возликовал Бреннан. — А ему это не нравится! Паникует!

Наверно, только сейчас мы окончательно поверили, что ужасающая перемена всего мира вокруг нас — это не сон; до этого не все понимали ситуацию во всей полноте; а теперь, вместе с пониманием, в сердца закрался страх. Да и мне самому захотелось вернуться обратно. Но эта мгновенная слабость — если хотите, логичная реакция — перешла в чувство стыда. А как же мои товарищи? Как бы они ни боялись — они все же идут вперед. И раз они так хотят — я не вправе тянуть их обратно. То ли гордость, то ли стыд не позволили мне сделать такую попытку. Я решил: будь что будет — я больше не позволю себе поддаваться колебаниям!

Должно быть, Холл Бреннан чувствовал то же самое: когда наши глаза встретились, на его лице мелькнула печальная улыбка.

— Вот Фиб... — обратился он ко мне. — Она согласна идти вперед. Мы здорово... мы очень подходим друг другу... право... вы понимаете, Берт...

— Понимаю, — кивнул я.

— У меня нет родных — то есть я никого не знаю, — продолжал он, пока самолет мчался все дальше на запад над морем тумана. — И Фиб решила... соединиться со мной. Но Джордж... — он вопросительно взглянул на Помфрета.

Тот прервал тихую беседу с Лотти, только для того чтобы заметить:

— У нас — то же самое. — Прокашлявшись, он продолжал: — Я решил свою судьбу. Лотти решила свою, и она соединяется со мной, как Фиб с Холлом.

— У меня где-то там есть старенькая мама, — заговорила Лотти, держа в ладонях руку Помфрета. — Но я — самая младшая из семи детей. Они меня не отпускали из дома. Целых три года я все, что зарабатывала, отдавала им в эту трущобу... И наконец вырвалась! Купила свою собственную одежду, вела свои собственные битвы — и вот, секретарь такого финансового туза, как Пол Бененсон, — это все-таки что-то значит!..

— Шш, Лотти! — остановил ее Помфрет. — Ты все делала правильно. Но теперь ты со мной!

— А раз такое дело, — весело воскликнул Бреннан, и этот приступ веселья лично меня очень ободрил, — мы летим за Колдуном. — Он расхохотался. — Мы летим, чтобы загнать Камушкея Бессмертного обратно в его Склеп.

Наступил, решил я, самый подходящий момент узнать у Бреннана, кто он такой. Я и спросил.

— Все, что вам надо обо мне знать, Берт, — его лицо сразу напряглось, и прищур глаз ясно показал мне, что ничего серьезного он не скажет, — это что я уже давно охочусь за Зверем Времени; что он убил двоих моих ребят; что на это дело я потратил все мое наследственное состояние; и что я жажду свести с ним счеты!

— Ладно! — объявил я всем, стараясь, чтоб голос мой не звучал слишком легкомысленно. — Мы все заодно и более-менее довольны тем, что мы делаем.

— Да.

Самолет резал воздух в потоке полуденных лучей. Под нами плясала, исчезала и вновь скользила по поверхности тумана тень нашего аппарата. Сквозь толстый слой облаков ничего нельзя было различить.

Я решил нарушить тишину изолированной кабины, вытащил из кармана карту и начал разворачивать ее. Все вытянули шеи, желая посмотреть.

— Мы были бы здесь, — сказал я, поставив палец на полпути между берегом моря и Багдадом, — если б оставались в нашем родном времени.

— Я думаю, ты прав, — уверенно заявил Бреннан. — Эта страна помнит много подъемов и опусканий земной коры, потоков, отложений, нашествий пустыни; но все же, полагаю, мы остаемся на тех же географических координатах. На той же широте—долготе.

— Резонно, — согласился Помфрет.

Чарли зацелкал маталлом и заурчал. Мы сочли эти звуки за его согласие.

Девушки вместе кивнули головами. Пока что, подумал я с удовлетворением, они вели себя просто замечательно. А вот что они будут делать, когда мы сядем и сцепимся с Камушкеем Бессмертным, — это покажет будущее...

— Впереди разрыв в облаках, — заявил вдруг Чарли.

Никто из нас не рискнул бы предложить ему пикировать сквозь облака.

Ведь они, вероятно, поднимались от самой земли.

Когда Чарли повел самолет вниз через прорыв, обрамленный клубящимися тучами, мы увидели, что эта догадка была правильной: облака, громоздясь кусками сахарной ваты, вставали от земли. Мимо нас неслись шевелящиеся стенки облачного колодца, клочья тумана — кремовые и розовые в закатных лучах. И вот мы взглянули на землю.

— Опять глазам не верю! — Бреннан подавил крик удивления. — В каком же это мы времени? Сюда еще и пустыня не напознала!

Теперь под нами стелилось лоскутное одеяло полей и лугов с деревьями и бегущими ручьями. Я сразу

стал искать глазами город или что-нибудь в этом роде — ведь правильность межей говорила о трудах земледельца. Наконец-то мои глаза отдыхали на разнообразных оттенках живой зелени — после серости дикого гранита и бессмысленного серебра облаков.

— Должно быть, вы правы, Холл, — Помфрет повертелся, чтобы удобнее устроиться у окна. — Со всем не вижу людей... — с сомнением заметил он. Все мы поняли, что он думает.

Стена облачного коридора перед нами быстро отодвигалась в сторону; здесь она — мы это уже заметили — не доходила до земли. Видно было даже полосы дождя, льющего из туч. Вдруг солнечный луч, как сверкающий меч, прорезал облачные массы. Несколько птиц закружилось в этой полосе света.

И тут, — о чудо! — из дождевой стены вынырнул и пошел на снижение маленький самолет. Мы смотрели на него, не веря глазам. Ярко-оранжевый, со стрекозиными, бешено вибрирующими крыльями, — он показался нам какой-то волшебной драгоценностью.

— В жизни не видел такого аппарата! — сказал Бреннан с непререкаемым авторитетом опытного авиатора.

Крылья стрекозы замедлили свою вибрацию и замерли. Самолет коснулся земли. Из него вышли трое мужчин и женщина, они встали и, задржав головы, следили за нами. Пока что мы видели лишь белые кружки их лиц, обращенных к солнцу.

— Они так же обалдели, как и мы!

— Не нравится мне это! — промолвила Фиб, и тревога в ее голосе заставила всех нас оторваться от удивительного зрелища и взглянуть на нее. — Ведь мы, наверно, улетели очень далеко в прошлое. А перед нами аэроплан такого типа, какого никогда ни одна авиафирма не выпускала — ведь это совершенно точно.

— Строились же орнитоптеры, — возразил Бреннан.

— Но это же не орнитоптер в точном смысле этого слова.

— Все это верно... — задумчиво начал Помфрет. — Но что же нам делать? Вон как быстро стенка движается. Может, лучше снова прорываться вверх?..

— Я голосую за посадку, — сказал я как мог спокойней.

Самолет стал мягко снижаться. Чарли разделял наше понимание ситуации.

— С этими людьми надо быть готовым ко всему; но для начала будем надеяться, что они нам друзья. — Бреннану посадка была явно не по душе. Но он, как и все мы, смотрел в лицо реальности. Окунуться снова в слепую стену тумана — это, пожалуй, слишком безрассудно.

Чарли превосходно приземлился. Моторы заглохли. Мы увидели, что четверо из самолетика-стрекозы бегут к нам по полю. На них были белые костюмы с шортами и головные уборы с высокими перьями. У мужчин на поясах что-то висело, но на таком расстоянии мы не могли различить, оружие ли это.

Когда они подбежали ближе, мы увидели, что это — широкие ножи в ножнах. Возможно — обычная деталь костюма, хотя — кто знает?.. Их лица имели странный, отрешенный, почти мистический вид. Девушка показалась нам очень красивой — но какой-то мрачной, идеальной красотой статуи; ее иссиня-черные волосы были заплетены в длинную косу, ярко-алые губы резко выделялись на смуглом лице. На бегу она легко раскачивала свое точеное тело на длинных и крепких ногах, окрашенных загаром.

Бреннан заметил, искоса глянув на Фиб:

— Именно это я всегда себе представлял при слове «одалиска».

Фиб, фыркнув, перебила его:

— Если ты хочешь остаться в моей записной книжке, Холл Бреннан, тебе не следует заводить гарем!

— Мне кажется, что она больше похожа на идола, — рискнул вмешаться я, забавляясь первой размолвкой пары Бреннан—Десмонд.

Те четверо остановились метрах в десяти от нашего самолета и стояли, тяжело дыша, опустив руки на бедра и рассматривая нас. Их глаза, казалось, не боялись прямых лучей солнца — они не щурились.

Прямые черные брови сходились над переносицами, и от этого казалось, что все они сердятся на нас, обвиняя в каких-то неизвестных нам проступках.

— Надо поздороваться, — сказал я, открыл дверь и спрыгнул вниз.

Мой «Фарли-экспресс» оставался у меня. Но я был так изодран, что пистолет мог в любую минуту выпасть из дырявого кармана. Я крепко сжал рукоятку.

— Хелло! — начал я. — На каком языке вы говорите?

Они что-то сказали; старший из мужчин, мускулистый и скупой в движениях, четко произнес несколько слов, которые для меня ничего не значили. Я взглянул вверх на своих друзей:

— Кто-нибудь что-то понял?

— Ни слова.

— Ничего.

— Ноль.

— Попробуем все языки, какие мы знаем.

— Не думаю, что это нам поможет, — ответил я, снова повернувшись к трем юношам и девушке.

Тут Фиб, спрыгнув, присоединилась ко мне с чем-то серебряным в руке. Сначала я ничего не понял, но потом разглядел: это была плитка шоколада. Послав ироническую улыбку Холлу Бреннану — он смущенно рыл ногой землю, вроде бы собираясь лезть назад в самолет, — Фиб шагнула к идолоподобной девушке и протянула ей плитку. И заговорила ласково, певуче произнося одни гласные, — как успокаивают ребенка или нервную лошадь.

Одалиска отступила на полшага. Но потом все же улыбнулась, протянула руку и взяла у Фиб шоколад.

Я смотрел, зачарованный этим зрелищем культурного обмена.

Взяв девушку за руку, Фиб убедила ее откусить кусочек шоколада. По скульптурному лицу туземки пробежало удивление, но вскоре довольная улыбка показала нам, что незнакомка уловила вкус лакомства. Она разломил плитку на кусочки и раздала их своим спутникам.

Через четверть часа, используя конфеты и множество жестов, мы смогли медленно говорить с ними

по слогам: мы узнали, что имя девушки — Ишфру, а имена юношей — Эзидру, Хабуру и Набуко; они вылетели на пикник из своего города Борсуппак. Нам пришлось принять это объяснение.

Они все так же не шурились от солнца, и прямой взгляд их глубоко сидящих глаз таил в себе какую-то угрозу: это впечатление не могли рассеять веселая речь, жесты рук и хрумканье конфетами. Что-то было на уме у этих людей, и я хотел знать, что именно!.. Языковая проблема казалась неразрешимой без срочной помощи компьютера; а когда появятся компьютеры нужного нам типа, через сколько тысяч лет? В каком прошедшем тысячелетии мы находились? При наличии *самолетов*!

— Слушайте, может, мы в будущем, а? — спросила вдруг Фиб.

— Почему бы нет, не вижу причины...

— Ну, докладывайте, Холл! — потребовал Помфрет в своей обычной грубой манере. — Вы у нас главный эксперт. Вот самолет, вот люди, — так куда ж мы заехали?

Бреннан не успел ответить: неясный шум, который мы уже слышали, но как-то пропускали мимо ушей, занятые болтовней с незнакомцами, — этот шум вдруг вырос и превратился в сотрясающий землю рев: надвигался черный смерч, огромная воронка из воздуха, пыли, обломков и грохота, — самый страшный из смерчей, какие я видел в жизни!

Он выломился из стены облаков. Как чудовищный цветок зла, он, раскачиваясь, мчался к нам.

На своем пути он засасывал в себя все — листья, мусор, кусты и целые деревья. В его ужасной черной трубе мы могли различить что-то белое: камни из кладки разрушенных городских домов; они выплевывались центробежной силой, словно каменные снаряды.

Прямо на нас надвигался страшный смерч.

У нас не было никакого укрытия.

Ревущая чернота приближалась скачками — сейчас она нависнет над нами, словно кобра, готовая к прыжку.

IX

Девушка тянула меня за руку. Ее большие темные глаза с тяжелым, гипнотизирующим взглядом под длинными загнутыми ресницами, были широко открыты в безумном страхе: из алого рта вырывались непонятные возгласы — она явно требовала, чтоб я бежал вместе с ней.

Трое юношей также пытались заставить моих товарищей следовать за ними.

Тут наш Чарли появился из кабинки самолета и встал на верхней ступеньке трапа — будто некий уродливый механический монстр из ночного кошмара.

Все четверо отшатнулись: на лицах троих юношей отразился страх; но по судорожному рывку, причинившему боль моей руке, я понял, что у красавицы Ишфру желание помочь нам преодолевает боязнь. И я ощутил — в жутком реве надвигающегося смерча, в холодной сырости его черной тени, — что в моем сердце рождается большая любовь к этим неведомым людям неведомого времени.

Да, страшная рожа Чарли могла напугать и опытейшего трущобного фараона — а я не знаю людей хладнокровней, чем полисмены наших трущоб, но у этих четверых молодых людей были, должно быть, таинственные запасы духовной силы, которые позволили им принять это страшилище как должное и продолжать нам помогать. Ясно было: они хотят, чтоб мы бежали с ними.

— Куда? — вскричала побледневшая от ужаса Фиб. — От этого не убежать!

— Он будет здесь через минуту! — крикнул Бреннан. Он принял то решение, которое следовало бы принять мне. — Хватайте что можете и бежим с этими ребятами! Они здесь живут! Они знают, что к чему!

Чарли уже сам дошел до этого и теперь выбрасывал вниз наши пакеты с провизией и рюкзаки со снаряжением — все, что мы взяли с разбитого реактивщика. И мы врассыпную побежали на край поля — меня за руку тащила девушка, моим товарищам по-

могали юноши, а следом за нами тяжело топал Чарли.

Смерч уже наваливался на нас своей осязаемой чернотой, становилось душно, нас тошнило, и казалось, что сам воздух наполнился вдруг духом гибели. Нагнув головы, мы бежали — не зная, куда и зачем, слепо подчиняясь отчаянным понуканиям наших новых друзей.

На самом углу участка стоял бурый межевой камень, покрытый письменами; даже беглый взгляд на них сказал мне, что они не были ни иероглифическими, ни иератическими, как можно было бы ожидать. Один из юношей надавил скрытую пружину — и камень ушел в сторону, это была дверь, вращающаяся на шарнирах. Под нею открылась темная дыра.

— Штормовое убежище! — выдохнул подбежавший Бреннан. — Ну да, раз они страдают от смерчей, то приняли меры!..

И мы, держась друг за друга, побежали по каменным ступеням вниз, на сияние жемчужно-белых огней — да, электрических огней! Последний из вошедших вернул каменную дверь на место; в этот момент я обернулся и через плечо юноши успел увидеть, как последний кусочек голубого неба исчез в навалившейся на нас inferнальной черноте. Камень задрожал.

Юноша что-то пробормотал, и я, полагая, угадал смысл его слов, автоматически повторив за ним:

— Там сейчас настоящий ад!

Лестница привела нас в помещение приличных размеров, видимо, выкопанное с поверхности и покрытое сверху балками, с полом из каменных плит и деревянными стенами из нестроганных досок. Вдоль них шла скамья, на нее мы все и уселись. Мое внимание привлекли четыре электрических светильника. Их колпаки из шероховатого стекла были явно ручной работы — каждая лампа несколько отличалась формой и размером от соседки; впрочем, они достаточно ярко освещали наш приют.

Некий дух подавленности охватил нас, забившихся в убежище, — щупальца тьмы и хаоса из верхнего мира проникали и сюда — в эту камеру спасения.

Никто не старался встретиться глазами с товарищами. Когда я кашлянул, Фиб и Ишфру вздрогнули.

Камень-люк дрожал, мы чувствовали, как трясется вокруг земля... Но вот все это стало постепенно стихать. Чарли — его металлическая голова поцарапала потолок у входа — сидел на скамье в стороне от нас, и время от времени кто-нибудь из наших знакомцев бросал на робота быстрый взгляд, но сразу же отводил его от железного чудища. Когда наконец установилось полное спокойствие, — Чарли встал первым.

Я без особого энтузиазма думал о предстоящем подъеме в наземный мир. Ведь с того самого момента, когда мы осознанно сформулировали свой план — водворить Камушкея Бессмертного обратно в тюрьму, — с этого самого момента он стал набрасываться на нас, как хотел и когда хотел. А теперь нам придется тратить драгоценное время, налаживать контакты с этими людьми — хорошо хоть, они кажутся искренними друзьями, — и просить у них какой-нибудь транспорт для продолжения нашего похода.

Вдруг — как бальзам на рану — я услышал в разговоре Ишфру с ее товарищами знакомое слово, и все мои друзья тоже обернулись к девушке с немым вопросом на лицах.

— Камушкой... — сказала Ишфру, сопроводив это страшное имя каким-то словом, — ясно, что это обозначало «Бессмертный». Ошибки быть не могло! Вот она, узловая точка для контакта!

Когда мы уняли свое возбуждение, Холл Бреннан, само собой, занял пост спикера.

— Камушкой? — осторожно спросил он у Ишфру.

— Камушкой! Камушкой! — она показала рукой вверх, ее смуглое прекрасное лицо исказилось гримасой отвращения.

Бреннан кивнул, повторил ненавистное имя и тоже искривил свое лицо, показывая ей, что и у всех нас нет никаких оснований любить Зверя Времени. Ишфру сразу отреагировала на это. Она взмахнула левой рукой и ударила кого-то воображаемым кинжалом — нельзя было ошибиться в смысле этого жеста, лицо ее искривилось в злобной гримасе.

— Камушкой! — топнула она ногой и добавила ряд слов, которые по смыслу могли быть только проклятиями.

Бреннан взволнованно обернулся к нам.

— Я думаю, — проговорил он, задыхаясь от возбуждения, — мы попали в те времена, когда жила прежняя мировая цивилизация — та самая, разрушенная Камушкой!

— Да, это все объясняет... — согласился Помфрет; грубое лицо его покраснело еще больше — таким своего приятеля я еще не видел.

— Но ведь Зверь Времени разрушил ее! — вмешался я. — Вот и этот смерч... Если это не Камушкой Бессмертный собственной персоной, то смерч в любом случае послан им! Причем не столько ради нас, сколько для того, чтобы весь этот мир разнести вдребезги!

Ишфру и три ее компаньона не понимали нашего разговора, но вздрагивали при каждом упоминании Зверя Времени. Они уже передвинулись к выходу из буреубежища и стояли сейчас на каменных ступенях. Глядя на них, мы притихли, и только того и ждавший Эзидру легко взбежал по ступеням и нажал тайную пружину.

Тяжелый камень стал медленно вращаться.

— Они ждали, пока мы не кончим говорить, — прошептала Фиб, удивленно рассматривая наших спасителей. — Какая необыкновенная вежливость!

И вот луч солнца золотым мечом ударил по ступенькам. Электролампы померкли.

Ишфру взмахнула руками, радостно закричала и взбежала вверх по лестнице. Я с такой поспешностью бросился вперед, словно под упругой кожей ее стройных ног скрывался магнит. Мы вырвались наружу, в омытый грозой наземный мир.

В восторге девушка что-то восклицала — ее переполняла радость от нашего спасения. Я сжал ее руку. Она взглянула мне в глаза огромными очами, хотела, как видно, вырваться, но, увидев мою улыбку, притихла...

Когда мы вытащили весь свой багаж, Эзидру — он оказался старшим — указал рукой на восток.

— Борсуппак! — объявил он.

И мы двинулись вперед по мокрой траве. Впереди нас стена облаков уже поднималась, оторвавшись от земли; дождя там тоже не было.

Нигде не осталось и следов ни от нашего самолета, ни от оранжевой стрекозы туземцев — смерч всосал в себя несчастные аппараты, перемолол их в пыль и рассыпал обломки по всему полю.

Прогулка казалась приятной, я старался не отпустить руки Ишфру, Чарли быстро шагал, неся весь наш багаж. Его титано-стальные члены не знали усталости, столь часто нарушающей человеческие планы...

Зато напавшая на Помфрета одышка заставила его пожаловаться:

— И долго это будет продолжаться? Куда мы бежим, я хочу спросить?

— В их город, Борсуппак! — кратко обрезал Бреннан.

При этих словах все четверо горожан закивали, улыбнулись и стали жестами поторапливать нас.

— Не по душе мне это, — продолжал ворчать бедный старина Джордж.

Я уже хотел высказать ему, что я думаю о его мужестве, но Лотти опередила меня:

— Ах, Джордж, закрой рот! Если бы у нас было на чем ехать, неужели бы мы тащились пешком? Смотри на этих людей — они же идут вместе с нами!

И тут, словно слова ее были кем-то услышаны — в лучах солнца перед нами предстала гигантская изумрудная стрекоза; она так сверкала, что мы невольно зажмурились.

Этот новый самолет-стрекоза, ослепительно блеснув крыльями, приземлился; вибрирующий звук упал до жалобного писка и замер. Ишфру подарила мне очаровательную улыбку, и мы все прибавили шаг.

Еще полминуты — и мы стояли в тени незнакомого аппарата, а его пилот, человек средних лет, смотрел на нас с тем же печальным выражением лица, которое, видимо, было присуще всему этому народу.

В полете я заинтересовался сложными маневрами нового аэроплана и не менее сложным устройством крыльев. Мы летели ровно, легкая вибрация, мягкое покачивание после тряски в нашем самолете — это было просто здорово. Я часто оглядывал горизонт и землю, плывущую под нами. Я ждал нового нападения чудовищных утукку, но не говорил об этом товарищам — зачем их беспокоить; успею, когда понадобится. Я вспомнил гибель гелика Бреннана.

Но вот за низкой грядой лесистых холмов нашим глазам предстал желанный Борсуппак.

— Клянусь всем святым! — вырвалось у Бреннана. — Такого я не ожидал!

По правде сказать, удивлен был и я, думавший увидеть окруженный стеной город цвета охры, дома без окон и с плоскими крышами, знаменитые зиккураты, сторожевые башни и массивные ворота. Да, такова была бы картина здешних городов — но не этих, а тех, что построят на их месте!

Город, на который мы сейчас плавно опускались, вообще не имел прочных защитных стен. В нем было множество открытых площадок, садов и лужаек, веселых цветочных клумб. Жилища были врезаны в склоны холмов, так что стены с окнами выступали из заросших зеленью откосов. Свет, нежность и изящество пронизывали весь этот цветистый веселый город.

Мы замерли, не в силах оторваться от неожиданного зрелища.

— Какая красота! — воскликнула Фиб.

Я обернулся: от ее освещенного солнцем лица исходила какая-то аура красоты и свежести. Ни разу не видел я ее такой прелестной, как в этот миг. Я вспомнил нашу первую встречу — как недавно это было! — тогда она показалась мне юной, не очень красивой, но здоровой и привлекательной девушкой, вполне подходящей к тогдашнему ее окружению... Но она прекрасно вписывалась и в эту невероятную действительность. Наверно, ей нужно было благодарить за это Холла Бреннана...

Ишфру заметила, что мой взгляд направлен на Фиб, и улыбнулась. Я наклонил голову и, улыбнувшись

в ответ, показал глазами на Бреннана. Ишфру согласно кивнула мне и весело рассмеялась.

Наша стрекоза садилась на город.

Мы приземлились на площадке, вымощенной теплым красным кирпичом и прохладным желтым мрамором. Нас окружали высокие зеркала, оплетенные лианами с тяжелыми пурпурными и золотистыми цветами, испускавшими густой аромат; в зелени покрикивали и трещали перьями длиннохвостые райские птицы — эти живые украшения из топазов, изумрудов и сапфиров.

Следуя за нашим авиатором, мы неспешно прошли по городу, непрерывно восхищаясь все новыми прекрасными видами и перспективами улиц. Наконец нас ввели в дом со свежеокрашенной стеной; поверхность холма, служившая крышей, была засажена перистыми пальмами, и они бросали на площадку перед входом приятную сетчатую полутень.

Здесь нас разместили на этот день. Я понял это и, признаюсь, обрадовался, ибо в дальнейший поход пока не рвался; девушки-прислужницы, посмеиваясь и бросая на нас смущенные взоры, обнесли всех тазами с прозрачной водой и мягкими полотенцами. Потом хозяева задали нам настоящий пир, усадив за стол в большой беседке среди цветов; еда и вина были громогласно объявлены Помфретом лучшими, какие только он в жизни пробовал. А кому еще судить об этом, как не старине Джорджу?

За час застольной беседы мы узнали следующее: все четверо молодых людей — братья и сестра; пилот — их отец; живут они, по-видимому, чисто идиллической жизнью; во всяком случае, все вопросы о работе вызывали у них заразительный смех, который невольно передавался и нам.

Ишфру, приняв величественную позу Юноны, плавным жестом сорвала большой цветок. Улыбаясь лишь своими темными очами, она обняла его ладонями и подняла перед собой, как теплый желтый язык пламени в волшебном фонаре.

Показав нам цветок, она приблизила его к себе, потом направила к братьям и отцу. Затем сделала широкий жест рукой, как бы обнимая ею весь город.

И произнесла тихим, звучащим музыкой голосом несколько слов.

— Она говорит, что все эти люди называются Народом Цветов! — догадалась Фиб. — Таково их самоназвание!

Мы согласились с этим, но тщетны были наши попытки определить, в какую точку долгой временной панорамы забросил нас свирепый Зверь Времени...

С наступлением ночи над нашими головами вспыхнули огромные лампы холодного жемчужного света, с легким шорохом на проемы беседки опустились плетеные экраны, и мы почувствовали себя парящими в пространстве, висящими в большом, светлом шаре... Развалившись в уютных тростниковых креслах с пухлыми подушками, мы потягивали превосходное вино и все пытались сообразить, в каком времени находимся и что можем сделать...

Вскоре и Люди Цветов растянулись в своих тростниковых шезлонгах, устремив свои взоры на висящие над головой цветы, — казалось, они погрузились в глубокий транс. Однако они не спали. Наши слова, движения пробуждали их; они лениво поворачивались к нам, улыбались, выражали взглядом благожелательность — и вновь погружались в то же отрешение от всего окружающего.

— Как будто под наркотиком, — прошептала Фиб.

Из всех нас именно она стала лучше всего улавливать тонкие нюансы поведения этих людей. Когда она смотрела на них — лицо ее выражало необычайную теплоту к этим людям древних времен...

Внезапно в беседку проникли звуки с улицы — звонкое пение множества веселых голосов. Что же там делается в ночи?

Хабуру поднялся из своего шезлонга и обошел всю беседку, поднимая плетеные экраны; теперь мы могли видеть в проемах ночной город. Какое зрелище! Сотни многоцветных факелов вились змейками между холмами, через сады и рощи, как живые, пульсирующие реки света. Жизнерадостные песни разливались в ароматном воздухе южной ночи.

Выйдя из транса, Люди Цветов повели нас на улицу, по усыпанным цветами тротуарам, и мы вли-

лись в хохочущую и поющую процессию людей, неторопливо шедших по городу среди ночи. На шею нам набросили тяжелые гирлянды цветов. Факелы освещали эту сцену, отражаясь в смеющихся глазах и ярких губах людей, в незамысловатых украшениях из блестящих камней. А экзотические ароматы цветов и зелени наполняли воздух непередаваемой сладостью. Держась за руки, мы двигались среди блеска и пышности этого волшебного города...

Уж не помню, как долго это длилось — прилив и отлив все новых хохочущих и поющих толп, переходы из темных переулков на залитые светом открытые площади, на широкие эспланады с рядами цветных фонарей, вниз и вверх по каменным лестницам, по краям высоких террас, мимо огромных ваз с необычайными цветами, под сенью отяжеленных огромными плодами деревьев. Но вот отец наших друзей, все с той же чарующей улыбкой, столь соответствующей этому куртуазному образу жизни, — показал нам жестами, что видит нашу усталость и приглашает нас отдохнуть. Мы неохотно согласились: это великолепие ночного торжества еще не потеряло для нас интереса. И теперь, возвращаясь в дом среди все тех же песен, блеска, аромата, — мы невольно думали: не это ли и есть единственно правильный образ жизни?

Прежде чем развести нас по отдельным комнатам с удобным низким ложем и шелковыми простынями, хозяева вручили каждому из нас по цветку — по ярко-золотистому воплощению красоты. Держа в руке эти цветы, мы пожелали нашим спасителям доброй ночи. И странно — я был как дома, не испытывал ни малейшего смущения, даже не чувствовал никакой необычности своего положения. И мои товарищи, насколько я мог видеть, точно так же незаметно влились в этот необычайный Народ Цветов, прониклись их наивной беззаботностью, уже втянулись в их образ жизни...

Перед сном я все же вышел из комнаты — еще раз взглянуть на сцену этого чудесного спектакля.

Ночь все так же кипела жизнью, красками и песнями, как во время нашей прогулки.

Возвращаясь в свою комнату, я увидел Ишфру, лежащую в плетеном шезлонге; ее белая одежда спустилась, обнажая руки и шею, и в жемчужном свете плафонов девушка показалась мне мраморной статуей гениального Праксителя. Или Афродитой великого Бернини? Нет, Ишфру была не Афродитой, а скорее — греческой Герой с ее спокойными, округлыми формами, римской Юноной в золотом пике ее величественной красоты.

Я видел, что она не спит, а снова погрузилась в тот непонятный транс, который могли наводить на себя Люди Цветов, — столь похожий и в то же время непохожий на действие наркотиков. Я решил, что она переживает заново впечатления от полета и бури, и прошел легким шагом мимо, чтобы не мешать ей.

На следующее утро мы получили на завтрак фрукты, разбавленное водой вино и слоеные булочки, щедро намазанные ярко-желтым сливочным маслом. За ночь моя решимость требовать продолжения похода рассеялась. Помфрет и Лотти смотрели только друг на друга, забыв о фруктовом соке, радостно посмеивались, потом стали поглядывать на дверь...

— Пока мы не прорвем языковой барьер — никуда не двинемся, — заявил Бреннан; ответа на свою сентенцию он, видимо, не ждал, так как стал с наслаждением объедать огромную гроздь винограда.

— Знаешь, Холл, — лениво проговорила Фиб, — я думаю, как чудесно было бы остаться здесь навсегда. По-моему, люди именно для такой жизни и предназначены...

— Аминь! — резюмировал Помфрет; он уже без стеснения облапил Лотти и целовал ее; в общий разговор они больше не вступили и, забыв о нас, со смехом говорили друг другу нежные глупости.

Я встал, пересек столовую и выглянул в окно — точнее, в проем в стене, откуда открывался вид на город. Даже сейчас не совсем еще умолкло пение — жители здесь поют с ночи до утра...

— Все это просто удивительно, — сказал я. — Слишком прекрасно, чтобы быть правдой, вам не кажется?

Фиб ринулась на защиту Народа Цветов.

Ее слова лишь подтвердили мои догадки: она в самом деле, без колебания, решила остаться здесь. Ее страстное лицо, сила убеждения в ее голосе... Да, она уже совсем не та девчонка, которую я встретил в картинной галерее Ганнетов.

Нет, я должен воспрепятствовать ее намерениям!

В это утро наши хозяева решили показать нам город при дневном свете. Отец и три сына были к услугам моих товарищей, а Ишфру прикрепила меня к себе.

Днем город был не менее красив, чем ночью. Мы любовались аркадами, потоками и каскадами, искрящимися в солнечных лучах. Не умея говорить с нашими хозяевами, мы стали создавать язык жестов, который — в сочетании с улыбками и нахмуриванием бровей — быстро развился в импровизированную коммуникационную систему. Волей-неволей и я включился в эту игру — но нет! — нельзя было позволить этой мешанине из цветов, ароматов и красавиц оторвать меня от нашей миссии... более того, от нашего родного времени!

Везде мы встречали улыбки, лучистые взгляды приветствовавших нас Людей Цветов. Но меня удручала эта спокойная смиренность в лицах горожан, эта тихая покорность судьбе, — мы поняли ее источник, когда шли вдоль границы страшной зоны разрушения, где все было изломано, раздроблено, осквернено...

— Здесь смерч прошел, и совсем недавно, — констатировал Бреннан, и жесткие ноты в его голосе звучали резким контрастом с мягко звенящими голосами Людей Цветов.

— Они, кажется, вполне свыклись с этими смерчами, — мечтательно проговорила Фиб. — Мне думается, они вроде тех бедняг из двадцатого века — вы знаете, как они бесились со своим ядерным оружием...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Бреннан, живо интересовавшийся мудрыми мыслями своей пассии.

— Ну, ты же знаешь: в этом диком столетии их преследовал непрерывный кошмар: они постоянно ждали, что кто-то сбросит на них водородную бомбу. И это влияло на все, к чему бы они ни прикасались. На какое-то время они разрушили всю свою культуру... Пока дальновидные люди не сказали: «Хватит!» — и снова пошла настоящая человеческая жизнь... — Она указала жестом на руины. — Может быть, этот народ как-то иначе решил свою проблему...

— Они просто сдались! — резко прервал я Фиб.

Она обернулась ко мне. На ее лице вспыхнуло злое раздражение:

— Ну что тебе надо, Берт? Ты с самого начала все придираешься к Народу Цветов! В чем дело, неужели их невинность не дает тебе покоя?! Может, это показывает тебе твою собственную грязь?!

— Да брось ты, старушка, утихни! — взял ее за локоть Бреннан.

Она стряхнула его руку. Да, ее переживания не были пустяком...

— Я считаю: это лучшие люди, каких я встречала в жизни! И буду очень рада, если ты не станешь, как он, наговаривать мне на них!..

Лотти и Помфрет отошли от нас, чтобы рассмотреть странную статую, причудливо изуродованную смерчем. Держась за руки, они продолжали свою любовную болтовню.

— Полагаю, — язвительно спросила Фиб, — Лотти и Джорджа ты тоже не одобряешь?

— Да почему же? На здоровье — чего и вам с Холлом желаю, — усмехнулся я; оба явно смутились и спрятали глаза. — Ты и Холл? Ну и чудесно, все о'кэй! Верь в свои силы, Фиб! Не бросай Холла, когда мы выберемся отсюда.

— Я вовсе... — она запнулась, и густо покраснела.

— Пошли дальше, Берт, — вмешался Холл. — Я давно хотел поговорить с тобой...

Мы двинулись за остальными. Фиб, успокоившись, последовала за нами. Но проблема оставалась: я не

подавил их сопротивление, они по-прежнему хотят остаться здесь...

Некая неуловимая, но тягостная атмосфера вражды нависала над нами... Но вот наши гиды ввели нас под арку, сделанную в откосе холма: это был вход в пещеры, или, точнее, — в катакомбы. Здесь меня ждало испытание, которое напрочь отвлекло мои мысли от всех этих минутных пустяков и вернуло к осознанию колоссальной значимости нашей задачи.

Все стены и потолки соединенных друг с другом пещерных зал были сплошь покрыты всевозможными арабесками, розетками, бордюрами... это был целый музей причудливых форм и орнаментов в стиле не то романтики, не то рококо. Я остановился в центре главной, средней, пещеры, восхищаясь многообразием рисунков: словно огромная вышитая салфетка расстилалась на потолке надо мной, показывая мастерство ее создателей; каждый узор чем-то немного отличался от соседнего, но все они оставались уравновешенными элементами единого большого рисунка... Мягкое электрическое освещение создавало мозаику из жемчужного света и угольной тени.

Вдруг раздался крик Лотти, Помфрет подхватил ее, иначе она упала бы, отшатнувшись от стены.

— Череп! — кричала она. — Это кости! Скелеты! Все это кости!

Я присмотрелся. Да, эти узоры в самом деле были составлены из костей, человеческих костей: фризы из черепов, завитки из пальцевых фаланг, длинные изящные бордюры из бедренных и берцовых костей, розетки из ребер, полукруги из тазовых поясов!.. Тщательность и артистичность отделки, жуткая некрофильная виртуозность создали из этого подземного грота настоящий шедевр данс-макабра!..

Бормоча: «Кошмар, какой кошмар!» — Джордж Помфрет повел полубесчувственную Лотти к выходу. Фиб же с Бреннаном, наоборот, начали рассматривать чудовищные узоры, громко восхищаясь их разнообразием.

Мне стало смешно: что бы они ни увидели, они остаются при своем убеждении, что здесь все прекрасно...

Я дошел до самого конца пещеры по широкому проходу, своды которого были облеплены черепами, — их пустые глазницы словно звали меня поохотать вместе с ними над веселой шуткой создателей этого чудовищного некрополя. Я не мог даже примерно оценить число всех этих скелетов. Тысячи и тысячи людей родились, прожили и умерли в городе Борсупак, а кости их приносились сюда, чтоб служить украшением страшной пещеры...

— Я слышал о римской церкви Капуцинов, где в подвале сплошные кости, — сказал Бреннан. — Но это?..

Мы побрели обратно. Да, если считать этот строительный материал таким же приемлемым, как кирпич, мрамор или стюк, — то, действительно, можно было бы считать эти гроты волшебной страной красоты. И я сознавал, что Люди Цветов именно в таком свете видят все это...

Только мы вышли из пещеры, как небо стало быстро темнеть.

— Опять смерч! — заорал Помфрет и рванул обратно мимо нас, таща за собой Лотти. Она упиралась.

— Надо укрыться! — зарычал он на нее. — Пусть даже и среди скелетов!

Но нас ожидало нечто пострашнее смерча, куда страшней, чем некрофильная пещера: твердая земля беспорядочно заколебалась под нашими ногами.

Х

Однажды я уже попадал в жуткий котел землетрясения. Причем это было в море, под водой, а там чувствуешь гораздо больший ужас, чем на земле, под открытым небом, — никуда не уйдешь от кошмара клаустрофобии. Так, во всяком случае, я подумал, когда помогал тащить Лотти в некрополь.

Стены пещеры ходили ходуном. Сухие кости сыпались градом, и многие из них при ударе о пол рассыпались в порошок. Под ногами катались черепа — словно черти играли в шары.

Из облака пыли у входа явилась бегущая Ишфру, а за ней и другие Люди Цветов; на их лицах отпечатался ужас неминуемой смерти: какой контраст с той безмятежностью, которую мы видели всего минуту назад...

Того, что не смог сделать смерч, — мгновенно добились это страшное содрогание земных недр.

Уже целые куски потолка рушились и душили нас пылью, в пещере стало темно, будто набросили гробовой покров.

— Надо выбираться отсюда, там есть шанс на спасение! — прокричал я Бреннану сквозь грохот. Он кивнул, мрачное лицо его выразило решимость. Куда девался мечтательный, умиротворенный вид...

Мы подхватили девушек и бросились наружу. За нами последовали и все остальные. Только мы бежали из пещеры, как раздался треск — каменные опоры у входа раскололись и начали оседать. Миг спустя своды провалились внутрь — так умирающий закрывает рот с последним глотком воздуха.

Мы огляделись: вокруг рушился город.

Гигантские трещины внезапно раскрывались в земле — и люди с криками исчезали в этих страшных провалах.

Во многих местах уже запылали пожары. Зловещие языки пламени просвечивали сквозь пыль и дым — оранжевые и красные вспышки. Непрерывный шум — скрежет раздвигающихся скал, грохот рушащихся зданий, душераздирающие крики людей...

Ишфру в ужасе схватилась руками за голову. Ее глаза встретились с моими. Не способный сказать ей слова утешения, я просто схватил ее и крепко прижал к себе, лицом к своей груди. Мои глаза залепила пыль: земля расползалась под ногами, словно зыбучие пески. Каждое мгновение я ждал, что почва разверзнется и поглотит нас...

— Теперь остается только ждать, когда все кончится! — прокричал Бреннан.

Помфрет, ухватив Лотти своей медвежьей хваткой, подобрался к нам. И мы вшестером составили что-то вроде скульптурной группы — неподвижной посреди обезумевших, бегущих во все стороны горожан Народа

Цветов. Вся родня Ишфру куда-то исчезла. Оставалось лишь надеяться, что они уцелеют.

— Это дело рук Камушкея! — рычал Помфрет, сверкая оскаленными зубами в красном свете пожара. — Ух, если бы только его достать, я бы...

— Город! Борсуппак! — перебила Фиб. — Он погибает!

— Надо где-то добывать веревку, — сказал я Бреннану, наклонившись к его уху. Мы несколько пришли в себя и даже стали отряхивать пыль, приставшую к одежде.

— Да! — крикнул в ответ Холл. — А где?

В шуме и сумятице, среди бегущих людей и сдвигов земной тверди — думать было очень трудно.

— Я рискну, зайду в дом, если только присмотришь за Ишфру, — сказал я.

— Давай!

Мы попытались знаками объяснить Ишфру, в чем дело, но с перепугу она ничего не понимала. Я мягко освободился от ее рук и передал ее под опеку Холла Бреннана и Фиб.

— Присмотрите за ней! — сказал я. Ах, не нужно бы мне усложнять свою жизнь... Она — прелестная девушка, но...

Ближайший к нам дом развалился: три четверти его — весь верхний этаж и половина нижнего — скользнули в расселину. Стоя на оставшейся куче кирпичей, я пытался сообразить, где могли хозяева хранить веревку. Мой взгляд удачно пал на остатки какой-то кабинки — должно быть, это была садовая мастерская, приставленная к еще уцелевшей наружной стене дома; да, так и есть — внутри, среди лопат, граблей и прочего садового инвентаря, я нашел моток хорошей веревки.

Набросив его на левое плечо, я стал пробираться назад, к друзьям, почти ничего не видя сквозь пыль и дым.

Вот рассеялось пыльное облако, и я разглядел перед собой свежую расселину... из нее вылезала какая-то гигантская фигура!.. Разбрасывая камни и грязь, обламывая куски скалы от края трещины, вставало

это чудовище, словно освобожденный обитатель адской бездны!..

Я замер в ужасе.

Этого монстра нельзя было не узнать.

Именно его я видел в картинной галерее Ганнетов — он гнался за вопящей голой девушкой, двойником Лотти; я помнил его слюнявую пасть и налитые кровью глаза.

Всеми четырьмя обутыми в железо ногами чудовище вцепилось в край расселины, глубоко втыкая в землю стальные острия наконечников. С ревом заводящегося мотоцикла оно перевалилось через край. Бежавшие мимо Люди Цветов увидели монстра и с криками ужаса, спотыкаясь и падая, бросились прочь. Чудище увидело их. Одним невероятным прыжком оно настигло бежавших.

Но к этому моменту я уже расчехлил свой «Фарли-экспресс» и всадил луч в мохнатую спину. И вызвал еще большую ярость.

Он изготовился к новому прыжку на меня, но я успел прицелиться и прострелить его насквозь: разорвав желудок, луч прожег ему спинной хребет.

Как ни велико было мое отвращение, я все же удержал рвоту, — жизнь под водой приучила меня к тошнотворным зрелищам.

Спасенные мною Люди Цветов, вопя и толкая друг друга, разбежались, как мыши, и исчезли в облаках пыли.

Скорее назад, насколько это возможно в хаосе катастрофы! Нужно было добраться до друзей, оставшихся у заваленного некрополя. По пути я думал: весьма интересная тема для научного исследования — как эти Люди Цветов относятся к ожидающей всех смерти. У меня есть возможность — хоть мне она и ни к чему — узнать это из первых уст...

Бреннан разглядел меня в полутьме и закричал.

Ободряюще размахивая руками, я подошел к ним. Ишфру подарила мне слабую улыбку. Мы снова стояли все вместе — в вихрях пыли и дыма, слыша вопли и стоны умирающих в развалинах людей.

Сейсмические толчки не ослабевали. Удар следовал за ударом, земля качалась почти непрерывно — словно

море в сильнейший шторм. Нет, это не могло быть обычным землетрясением. Это явно дело рук Камушкея Бессмертного.

Я сказал Бреннану, чтобы он поостерегся трещин в земле, но уточнять ничего не стал. Хотелось надеяться, что этот железноногий монстр — единственный; так зачем же зря тревожить моих товарищей? Но все же предупредить их было нужно. Здесь опять вставала старая дилемма: все ли должен говорить врач больному?

Увы, этот вопрос был разрешен без меня — и самым худшим способом.

— Смотри! — взвизгнула Лотти, в страхе прижимаясь к Помфрету. Тот обернулся и поднял руку с «Фарли-экспрессом» — должно быть, он уже раньше вытаскивал его из кобуры.

Новый железноногий гигант выбирался из ближайшей расселины. На этот раз клыки у него были не просто белые, а с красными полосками: то ли крови, то ли огня. Железные насадки на ногах громко звенели о камень — мы слышали это даже сквозь грохот землетрясения.

— Какой дьявол!.. — рявкнул Помфрет.

— Не теряй времени, Джордж! — крикнул я ему. — Они убивают!

Но Бреннан уже выпалил из своего «Крейтона-80», и голова монстра превратилась в фонтан огня и крови.

Фиб прокричала что-то, я схватил ее за руку, подтянул к себе и склонился к ее уху:

— Помнишь Лотти? Она не знает!

Новая волна дыма осыпала наши головы пеплом и пылью. Фиб кивнула мне — поняла. Из расселины в земле вырвались искры, потом языки пламени. Через край выполз язык раскаленной добела магмы и неспешно пополз прямо к нам.

— Скорей отсюда! — потянул я Ишфру. Она, дрожа, прильнула ко мне, полуоткрытые губы ярко алели на побелевшем лице.

Вокруг нас погибал город.

И вместе с ним погибал целый народ.

Мы уходили от той дымящейся скважины — не бежали в ужасе, не удирали, словно за нами по пятам гонятся исчадия ада, — хотя так оно и было, — нет, мы шли осторожно, держась друг за друга, обходя даже самые маленькие трещины. Сквозь дым, пламя и тучи пыли пробирались мы только по открытым местам, избегая приближаться к горящим зданиям.

Веревка связывала нас всех в цепочку. Бреннан сразу возглавил наш отряд, я шел последним, а прямо передо мной — Ишфру. Впрочем, вскоре она прижалась ко мне вплотную, и мы пробивались через развалины бок о бок; скрепляющая нас веревка тащила между нами.

Меня поразило, как легко находила Ишфру дорогу среди этих жутких руин; но она все шла вперед и в конце концов, переняв у Бреннана первое место, привела нас туда, где только что стоял ее дом. Никого из ее родных мы там не нашли.

— Их нет здесь, — сказал Бреннан, прекращая поиски.

— Мы так и не встретили ее мать, — заметил я, крепко прижимая к себе Ишфру за талию. — У отца и братьев — те же шансы на спасение, что и у всех.

— Я голосую за то, — заявил Помфрет, сопровождая свои слова пантомимой, предназначенной Ишфру, — чтоб нам выбираться отсюда. Рано или поздно какой-нибудь проклятый дом обязательно свалится нам на головы.

— Ты прав, Джордж! — согласился Бреннан.

В грохоте и жути землетрясения к нам вернулся былой дух товарищества.

Ишфру вдруг затрясла головой и стала вырывать свою руку из моей. Я отпустил ее — как джентльмен... или как дурак?

Из моих глаз, разъеденных дымом, струились слезы. И у всех остальных глаза были так же красны и воспалены.

Бреннан сбился с дороги; обернувшись к нам с кривой улыбкой, он без слов пояснил, что не знает пути.

— Нас должна вести Ишфру, — потребовал я. Она стояла рядом, на расстоянии протянутой руки; ее грудь тяжело вздымалась, пепел падал на изорванное платье, распущенные волосы развевались от вихря, как у женщины, плывущей под водой без шапочки...

И вдруг она побежала. Вопя и спотыкаясь, наш отряд последовал за ней. Мы почти ничего не видели; пыль и сажа смешались с потом на моем лице в противное клейкое тесто; бегущая девушка сильно натянула веревку, обвязанную вокруг моего пояса, и я упал на щебенку.

Я понял, что Ишфру делает последнюю отчаянную попытку найти свою семью, но ведь она должна знать, что у них — те же шансы на спасение, что и у нас; и самая верная возможность уцелеть — это бегство из города, а значит, и они, вероятно, уже убежали. Но нет — она упрямо рвалась через руины, прокладывая себе путь по заваленному обломками склону холма, обратно к месту, где стоял недавно ее дом.

Жесткими, негнувшимися пальцами я стал дергать узел на веревке, пытаюсь его развязать.

И тут я услышал страшный крик, поднял глаза — и увидел Ишфру, балансирующую на обломке каменной колонны, который уже начинал падать. У ног девушки разверзлась земля. Дым и пламя вырвались оттуда.

Вдруг веревка враз оборвалась; я бросился прыжками вверх по склону, скользя и падая, срываясь в каскаде кирпичей, камней, кусков земли, плиток с разбитой мостовой, — но упорно продвигаясь вперед и вверх....

Я не простаю, сразу впадающий в панику; я не стал кричать — все равно она не услышит в этом адском грохоте, а надо беречь дыхание для бега. Дым осел, и я увидел зловещую тень: новый железнообутый монстр уже двигался мне навстречу вниз по откосу холма! И ни следа не осталось от Ишфру... Я взмахнул руками, пытаюсь сохранить равновесие. Тщетные усилия! Меня сбила с ног лавина обломков из-под ног чудовища. Беспомощной куклой я закувыркался вниз.

Бреннан поймал меня и поставил на ноги. А над нами звенели по камню железные наконечники, четко слышимые в грохоте катастрофы. Но Помфрет сверкнул лучом своего «Фарли» — зверь рухнул и исчез.

— Ишфру! — закричал я.

— Она погибла, друг! — ответил криком Бреннан. Он потряс меня за плечи. — Погибла, понял?!

— А вот и новые звери! — Помфрет снова нацелил свою пушку. Рядом с ним стояла Лотти, а Фиб — все лицо в пятнах сажи — преданно держалась за Бреннана. Да, в первый раз за много лет я понял, что такое одиночество, — это было внезапным и сокрушительным ударом...

Смертельные опасности следующих мгновений не оставили мне времени рыдать над потерей Ишфру. Я корил себя за то, что не спас ее, хотя хорошо понимал: она пошла бы туда, что бы я ни делал, что бы ни говорил. Вниз по склону на нас катились новые страшилища, — и пришлось переключить свое сознание с горя и угрызений на самосохранение.

Наши пистолеты дали точный залп, но чудища лезли из-под земли нескончаемой чередой. Мы побежали прочь, задыхаясь в дыму и прислушиваясь на бегу — не прозевать бы приближение звенящего железа наконечников. Держались мы тесной кучкой; земля дрожала, здания продолжали рушиться, хотя теперь все реже и реже.

— Огонь — вот самое страшное! — прокричал Бреннан.

— Огонь? — отозвался я, решившись не думать о девушке с осанкой Юноны, навеки потерянной для меня. — Это адское пламя, а не огонь!

Да, огня было столько, что весь воздух, куда ни глянь, дрожал и переливался, — перегретые воздушные воронки отсасывали остатки кислорода с улиц поверженного города. Становилось нечем дышать — это страшнее для легких, чем задыхаться пылью и дымом; мы уже ощущали, как иссушающее дуновение ада скоро заставит корчиться наши жалкие тела...

А Ишфру не стало. И ничто теперь не в силах это изменить...

Мы тащились сквозь дым и пламя, лижущее нашу одежду, прикрывая головы руками — напрасная попытка защиты; ноги наши скользили и цеплялись за обломки погибшего города...

Вдруг в дыму возникла еще одна громоздкая фигура, и я, не раздумывая, выхватил и взвел пистолет, мой палец уже нажимал на спуск... Тут раздался знакомый металлический бодрый голос:

— Не стреляйте! Это я — Чарли!

Мы всей кучей бросились к родному роботу, — этот порыв признательности к нашему механическому товарищу был, наверное, реакцией на пребывание среди непрерывных ужасов...

— Чарли! Где ты был?

— Я искал вас в городе. Несчастливое место! Мы должны уходить отсюда — немедленно!

Мне стало смешно, но я сдержался. Взял Бреннана за плечо.

— Надо идти на восток! — проорал я ему в ухо, и мой голос показался мне воем загнанного волка.

— Все равно, в какую сторону! — прокричал он в ответ. — Лишь бы выбраться отсюда!

У нас не оставалось сомнений: страшные торнадо, что поражали Народ Цветов; землетрясение, разрушившее их город; весь этот ужас, переживаемый нами сейчас, — все это исходило от Камушкея Бесмертного.

Я потянул Бреннана в том направлении, которое мне представлялось востоком. Там простиралась широкая площадь, вся в дыму, но, по счастью для нас, еще не охваченная огнем.

За нами следовал Помфрет, кашляя от дыма, таща за собой Лотти.

— Только бы спастись! — Фиб прильнула к Бреннану. Со стороны мы, наверно, казались грязными, полуголыми чертями, только что выскочившими из преисподней... Слезы ручьями катились из наших воспаленных глаз, оставляя полосы на закопченных лицах.

Я почему-то упрямо верил, что только идя на восток, мы напугаем Камушкея и заставим его снова перебросить нас через время; поэтому я, рыча от

напряжения, толкал четверых моих товарищей вперед. Безумно хотелось повалиться на землю, закрыть глаза и отлежаться, но я знал — мы должны идти вперед! Остаться здесь, в этом времени — все равно, в городе или в поле — означало бы для нас полное поражение.

Впереди шевелились какие-то тени.

— Боже! Опять они!

Сквозь вихри огня и дыма мы ясно различили, прямо перед собой, целую четверку этих безымянных железнообутых чудовищ, клацающих по камням прямо на нас. Их глаза сверкали отраженным огнем пожаров. Помфрет сразу свалил крайнего левого, прожег лучом серый мех и превратил железные наконечники ног в окалину. Бреннан сразил крайнего правого, всадив смертоносный снаряд своего «Крейтона-80» точно в середину мешкообразной туши. Я прицелился в одного из двух средних, но помедлил долю секунды: меня поразила возникшая вдруг перед нами кривая фиолетовая плоскость — что-то вроде отливающей сиреневым цветом оболочки мыльного пузыря... Словно из ничего появилась эта прозрачная фиолетовая сфера, окружившая нас!.. Но мой палец все же надавил на спуск, и третий монстр тоже рухнул. Помфрет добил последнего. Мы, пожалуй, могли бы даже пожалеть этих уродов, но только круглый дурак мог бы считать, что единственная их цель — пожать нам руки. Мы должны были защитить себя! И вся вина лежит на Камушкее Бессмертном.

— Что же это?! — вскричала Фиб.

Вдруг жар охватившего весь город огня, который всего лишь за миг до этого обжигал нас с такой яростью, совершенно исчез!.. Мы были внутри волнующейся, мерцающей оболочки, в фиолетовом мыльном пузыре.

Кратковременное головокружение, какая-то общая переориентация молекул?.. Но вот исчез и этот фиолетовый пузырь, а мы, пораженные внезапною переменой, оказались стоящими на обширном пространстве холодного, блестящего стального пола. Над нашими головами виднелся металлический же потолок — небо из металла! — но так далеко от нас,

что огромные ребра — шпангоуты — у основания их ширина была футов пятьдесят, — казались там нитями паутины. Прохладный воздух был пронизан какой-то кисловатой свежестью, вроде запаха пряного вина, ободряющей, как озон. Впереди нас — вдоль всей стены, огромной ввысь и вширь, — вырастала и упиралась в металлический занавес гигантская лестница из нескончаемых ступеней. В нем не было заметно ни единой щели, и мы могли только догадываться, что же там — за ним. Я подумал, что мы похожи на муравьев на дне огромной ванны. Страшные шумы рождались вокруг, отражались эхом — и гасли в огромности пустого объема...

— Где мы, черт возьми? — проговорил Бреннан. Он медленно поворачивался, держа свою пушку наготове. Мы тоже оглядывались, отказываясь понимать — куда же это мы попали.

— Как смешно! — хихикнула вдруг Лотти. Кажется, у нее начиналась истерика, но Бреннан взорвался первым:

— Заткнись, идиотка! — Он продолжал вертеть головой, ожидая, видимо, опасности со всех сторон.

— Эй, Холл! — возмутился Помфрет. — Так не говорят с...

— Пусть молчит! Кто знает, что сейчас будет? — Да, Бреннан был жестоко потрясен этим новым испытанием.

Фиб сжала его локоть и с улыбкой заглянула ему в глаза, пытаясь хоть как-то успокоить...

Я осторожно приблизился к той стене, где гигантские опоры, словно деревья-великаны с квадратными стволами, поднимались от стального пола. Там тянулся фриз, а на нем — бесконечный ряд статуй. Я мог четко разглядеть в странном всепроникающем свете — источник его был неведом — фигуры богов, людей и зверей в гротескных, часто непристойных позах; тут были ламассу и уткуку...

Чарли медленно вертел свое безобразное лицо, которое вдобавок сильно побило камнями в погибающем городе Борсуппак. Он обмерял, посредством своих датчиков, нашу гигантскую пещеру — зал? или ан-

гар? — терпеливо перепроверяя все расчеты на своем внутреннем компьютере.

— Ну, Чарли? — спросил Помфрет таким тоном, словно его дворецкий вошел в комнату с визитной карточкой на серебряном подносе.

— Нехорошие данные, босс. — Датчики Чарли явно работали на пределе. — Здесь есть какая-то жизнь, но она идет на таком низком уровне, так замедленно, что, можно сказать, еле теплится. — Он указал на сплошной металлический занавес. — А там наверху — другая жизнь. Странная. Попытаюсь определить... — и замолк.

Чувствовалось, что Бреннан злился на себя за свой некрасивый взрыв; юмора у него отчаянно не хватало...

— Все сходится, — буркнул он. — Если этот гад, Камушкой Бессмертный, — стал он размышлять вслух, — именно отсюда насылает на нас своих сказочных зверей, то, значит, здесь они должны содержаться в чем-то вроде анабиоза, чтоб он мог по мере надобности насылать их на своих врагов. — Он со злобой пнул ногой металлический пол. — А я как раз его враг!

— Не так громко! — в страхе прошептала Фиб.

Отзвуки наших слов разбегались по гигантскому залу, шелестели и звенели в его углах...

У самой стены я остановился и стал изучать резьбу. Невозможно было сразу определить, из какого вещества сделаны скульптуры фриза: не металл, не камень, не гипс... Я потрогал пальцем. Больше всего похоже на резину. Твердая, но все же поддающаяся давлению резина. Я прошел дальше вдоль стены.

На фризе был пропуск: чего-то не хватало между очерчившимся грифоном и другим диковинным зверем, составленным из таких частей, которые я даже не знал, как назвать. На месте этого пропуска остались грубые очертания монстра, гладкого металла и какого-то иссиня-черного налета, и у краев фриза я заметил отпечатки чего-то вроде перьев... Я начал что-то понимать — и мне стало не по себе.

В это время в воздухе стали возникать слабые электрические разряды; мои волосы зашевелились. Стало жарко и душно, ладони вдруг взмокли.

Я пошел назад к товарищам.

— Голова чешется, — произнесла Фиб.

Бреннан хотел что-то сказать — может быть, извиниться за грубость и пошутить... но он запнулся и поднес руку к своим волосам.

— М-да... — пробормотал он и охватил рукой талию Фиб.

Только сейчас я сообразил, что все еще держу в руке свой «Фарли-экспресс».

Впрочем, сейчас не такой момент, чтобы прятать оружие в кобуру.

Электрическая напряженность нарастала. Чарли сильно икнул и объявил:

— Будь я человеком, я заготовил бы себе чего-нибудь на завтрашнее похмелье.

Это, должно быть, выглядело смешно: опьяненный электрическим полем робот... В начале нашего приключения мы хохотали и над более глупыми шутками; но здесь, в этой страшной дали от всего на свете, в холодной и мрачной пустоте, дышащей безымянными ужасами, — смех застревал у нас в горле.

Только Помфрет отозвался:

— Что ж, неплохая идея, Чарли!

Вот уже голубые искры заскользили к нам от стен по волнистым силовым линиям. Тонкие серебристо-голубые молнии посыпались с далекого потолка. Начал содрогаться пол.

— Что-то мне плохо, босс! — с трудом проговорил Чарли. — Постараюсь остаться с вами, но...

Эти слова звучали уже как у патефона с кончившимся заводом.

— Нечего сказать, хороший помощник — как раз тогда, когда он нужен! — сердито произнес Помфрет.

Лотти снова хихикнула, но Бреннан одернул ее. Фиб схватила Бреннана за руку.

Что же нам делать дальше?

— Никто не видит дверей? — резко спросил я. По всему телу я ощущал, как колючую паутину, множество электрических покалываний: ощущение не из приятных... — Если б мы все-таки сумели выбраться отсюда, то...

Я не кончил фразы.

Как и все, я отпрянул назад, открыв рот перед невиданным зрелищем.

Один из утукку сам отделился от титанического фриза, спрыгнул со стены и прошествовал по блестящему стальному полу; когти скребли и звенели по металлу.

Помфрет поднял пистолет.

— Нет! Стой, Джордж! — я отвел руку. — Он еще в полусне. Этот фриз — что-то вроде склепа времени! Камушкой Бессмертный будит тех, кого ему нужно...

— Мы и сами видим! — рассердился Бреннан. Он набрал воздуха, готовясь к схватке. — Будем следить! Смотри за ним в оба! Видишь — глаза закрыты. Как откроет — сразу стреляй!

— Два раза нам повторять не надо! — недовольно ответил Помфрет, держа точный прицел.

Утукку, спрыгнувший с фриза, продолжал сонно пошатываться. Он открывал и закрывал свой широкий кривой клюв, под которым висел, как у индюка, красно-синий кожаный мешок.

И вдруг из пустоты начал проступать мерцающий фиолетовый шар, окружая утукку переливчатым пурпурным ореолом. Глаза зверя открылись. Он сразу увидел нас и, под действием автоматического рефлекса гнева, приготовился к прыжку, — но тут в одно мгновение все исчезло — и фиолетовый шар, и монстр внутри него.

Мы стояли потрясенные, поникшие, под дождем электрических разрядов, стекающих прямо из воздуха и вонзающихся иглками в кожу.

— Это высшая ступень науки, — тихо произнес Бреннан. — Никакого колдовства!

Действительно: как это ни странно, но кошмар, давивший на нас все это время, исчез, когда мы поняли, что над нами измывается не мистический Мумбо-Юмбо, а реальный враг, обладающий оружием мощного, но все же не беспредельного действия...

— Хоп! — произнес Чарли, выходя из своего электрического опьянения.

— Ну что, неплохо повеселился? — усмехнулся не без зависти Помфрет. А теперь включайся в работу! Мы ведь все еще сидим в этой дьявольской дыре!

Со скрипом и звоном Чарли начал расправлять свои металлические члены.

— Конечно, босс! Улавливаю наличие какой-то очень слабой жизненной силы, на пределе, но... — Его безобразное железное лицо вновь обратилось к зловещим ступеням и черному занавесу, жесткие складки которого смыкались над этой гигантской лестницей. — Там есть что-то... что-то для меня непонятное...

Все мы, как один, повернулись в ту сторону.

Ступени тоже были черные, словно покрытые паутиной многовекового зла. Теперь мы знали, мы точно знали, что Камушкой Бессмертный заключен именно здесь, за этим железным занавесом!..

И когда мы поняли, что находимся там, куда стремились, — у порога Склепа Времени, — нас поразила простота окружения, ведь мы ждали увидеть совсем иное...

Лотти снова захихикала, но ее нелепый смех заглох в кислотоватом грозовом воздухе.

— Если это то самое место, куда мы добирались... — начал Помфрет, но запнулся и растерянно взглянул на нас.

— То как нам туда проникнуть? — закончила за него Фиб.

И жалкий же вид имели мы — кучка зевак с открытыми ртами, измазанные грязью, оборванные карлики под сводами футуристического собора...

Лотти извлекла компакт-пудру из какого-то тайника в своем разорванном платье; для меня осталось тайной, как это моим друзьям после всех передраг удалось сохранить на себе хоть что-нибудь. Собственно, вся одежда превратилась в лохмотья, уцелели лишь прочные кобуры наших пистолетов. Ну, пристойность мы пока что соблюдали, но скоро окажемся в костюмах Адама и Евы...

Вот и нечто новое: какое-то желтое сияние возникло в дальнем конце нашей залы. Словно огонек свечи — но высотой побольше рождественской елки на Тра-

фальгарской площади. Почему-то казалось, что это тихое желтое пламя не излучает, а наоборот — всасывает свет в себя, потому что стальные стены стали еще темней...

Наши глаза еще болели после страшного пожара, но странное дело — немигающее пламя этого непонятного источника благотворно влияло на глаза, снимало боль, как удивительный бальзам...

А вот еще один столб пламени вырос рядом — в стороне и сзади от первого, такое же неподвижное тихое свечение, но по цвету — нежно-розовое.

— Они... ведь их только что не было... — произнесла дрожащим голосом Фиб.

— Они не движутся, это не огонь, — выдавил из себя Бреннан. Взглянув ему в лицо, мрачное, грязное, небритое, с запавшими глазами, — я понял, в каком напряжении находится этот человек, взваливший на себя чудовищный груз ответственности.

— Не знаю, что это такое, — решительно поднял Помфрет свой «Фарли-экспресс», — но вот сейчас мы это и узнаем.

— Стой, Джордж! — в который уже раз удержал я своего друга от ненужной стрельбы. — Чем они тебе насолили? Это же не звери! Не гады с железными лапами!

— Ну-у... Так что же делать?

— Может, у нас есть друзья...

— Нет у нас тут никаких друзей, ни одного друга! — раздался за моей спиной визг Лотти. Опять нервный срыв — не выдерживает девушка такого напряжения...

Удивляться приходилось скорее тому, что мы еще живы. Я размышлял: и странность нашего положения, и опустошенность, ощущаемая всеми, и колоссальные пропорции страшного пустого зала, и дыхание угрозы от зловещего железного занавеса — все это могло быть придумано Зверем Времени, чтобы запугать и уничтожить нас. Я снова подошел к стене с фризом, влекомый желанием еще раз пощупать текстуру материала и попытаться связать, сравнить между собой эти два уровня развития: адскую мастерскую Зверя и технологию искусственного тела в нашей собствен-

ной эпохе. А тем временем оба столба недвижимого пламени, розовый и желтый, продолжали светиться в дальнем конце зала.

Я произнес слово «друзья», но от этих светящихся столбов исходило поле не дружбы, а скорее — невраждебности. Я воспринимал их как нечто отчужденно-холодное, стоящее вне нас и над нами — ничтожными смертными...

Я подумал: наверное, та жизненная сила, слабые проявления которой уловил Чарли, — она исходила не столько от анабиотических существ на фризе, сколько от вот этих самых пламенных столбов, таких высоких, чистых и неколебимых. Я коснулся фриза, щупая перья могучего крыла, которое выросло из мускулистого бычьего плеча.

Но вот пламенные столбы заколыхались. Словно под напором ветра, они стали изгибаться, меняя свой цвет и светимость.

Да, порыв ветра пробежал по всему длинному стальному ангару.

Лотти испуганно вскрикнула и уронила пудреницу.

Она уже пустилась наутек, но Фиб поймала ее рукой и дернула назад, а Помфрет ловко обхватил талию своей подруги:

— Спокойно, старушка, спокойно! Не бойся этого!

Я был от них футах в двенадцати. Повернувшись в сторону огней, я ждал, что с ними произойдет дальше. Рукой я еще прикасался к стене — и вдруг ощутил движение оперенного крыла, которое только что щупал!.. За моей спиной раздался скрежет — это коготь зверя шаркнул о стальной пол.

— Берт! Берт!!! — паническим фальцетом закричала Фиб.

А вокруг них, четверых людей и железного Чарли, стала вырастать, как бестелесный туман, все та же фиолетовая сфера.

Пригнув голову, я бросился вперед.

Корявая лапа ужаса сдавила мое сердце. Такого страха я не переживал никогда. Если мои друзья сейчас улетят прочь в этом сиреневом пузыре, если они попадут в совершенно иное время, — я останусь

один, в жутком стальном ангаре, полном диких зверей Камушкея Бессмертного!

И не будет у меня выхода ни в будущее, ни в прошлое: останется лишь вечное мучение настоящего.

В последнем усилии борьбы за жизнь я отчаянным рывком швырнул свое тело туда, к своим друзьям, к спасению...

За моей спиной я слышал шум движений пробудившегося зверя, извлеченного из вековой спячки сверхнаукой Камушкея Бессмертного, чтобы разорвать меня на куски! Шелест шагов этих мягких лап наводил на меня безумный ужас. Еще один прыжок — а фиолетовая оболочка утолщается на глазах, сейчас все исчезнет... — я с силой оттолкнулся обеими ногами и вломился, головой вперед, внутрь спасительной сферы, которая все быстрее колебалась из стороны в сторону... таяла на глазах и вот уже исчезла в бездонной пропасти времени...

XI

Приветно светили огни моего подводного дома.

Ласты на ногах мягкими толчками вели меня сквозь зеленовато-прозрачную воду, такую теплую и добрую. Казалось, что проплывающие рыбы дружески улыбаются мне... свет и тепло обнимали меня. Над головой простиралось серебристое небо — в непрерывном движении, — оно дрожит, волнуется, пузырится, рассыпается мозаикой; и я знаю, что в моем мире, в моей аквасфере все в порядке...

Впрочем, были же какие-то административные проблемы... кажется, снова эта проклятая стая акул-убийц? Ведь что-то заставило меня покинуть дом и спуститься в глубину. Но теперь-то я возвращался домой!.. Свободно скользя, не спеша пошевеливая ластами, я приближался к месту отдыха, где мир и покой... Но странно! Мягкий желтый свет моего дома стал меняться, слабеть, темнеть, превращаясь в зловещее фиолетовое сияние... оно растекалось, росло, близилось и наконец охватило меня целиком...

— Ты цел, Берг?

Знакомый голос — но он еще никогда не звучал в моем подводном доме...

Мои глаза закрыты; если их открыть, я увижу свой дом со статуями и струящимися лентами ламинарий — ручных рыб-сторожей, увижу ряд приветных огоньков вдоль террас. И я открыл глаза, сопротивляясь этому злому фиолетовому облаку... Надо мной склонилось озабоченное лицо Холла Бреннана.

Из-за его плеч на меня смотрели Джордж Помфрет, Фиб и Лотти, а над ними нависала безобразная маска Чарли с красноватым блеском глазных линз.

— Что за черт?.. — проговорил я.

— Он в порядке! — убежденно заявил Помфрет. — Способен ругаться.

— Да я тебя сейчас так обругаю, Джордж!.. — выкрикнул я в непонятном приступе гнева. — Помолчал бы!..

Бреннан отодвинулся, и я с трудом поднялся на ноги. Почувствовал боль, сильно саднило лоб. Поднял руку, чтобы потрогать голову, но Бреннан остановил меня:

— Не тронь, Берг! У тебя все в крови. Фиб свой лифчик отдала, чтоб тебя перевязать.

Мы стояли на стальном полу, окруженные кривизной стеной фиолетового пузыря. В тот момент, когда я встал, — пузырь задвигался, наклонился, мы схватились за руки.

Фиолетовая оболочка задрожала... и вот пузырь исчез. Мы стояли на гладкой мостовой — швы между каменными плитами почти не различались; за нашей спиной — кирпичная стена, перед нами — вечерние сумерки на банальной улице восточного города.

По дороге сновали автомашины, в воздухе — вертолеты. Масса народу, кое-кто оборачивается и с немалым изумлением оглядывает нас, но тут же спешит мимо. Теплый воздух вечера дышал ароматом цветов. Огромные звезды уже загорались в темнеющем небе. Прохожие в большинстве своем носили вполне современную одежду Ближнего Востока, встречался, впрочем, и традиционный бурнус.

— Вот что сделал Камушкой Бессмертный!

— Моя одежда!

— Люди на нас пялятся — ну и видок же у нас! — такими понятными комментариями обменивались мои друзья.

Я показал рукой на вертолет, который только что взлетел с плоской крыши — через улицу напротив нас:

— Это «Би-Эм-Си-Калифорния»! Модель пошла в ход в прошлом году. Точно помню.

— В прошлом году, — повторил Бреннан, усмехнувшись. — Вот вам и дата прибытия — не правда ли?

— Ты думаешь... — Фиб так сильно побледнела, что не стертые с лица пятна светлой грязи проступили еще отчетливей. — Думаешь, мы вернулись обратно?!

— Обратно, в наше собственное время?! — присоединилась к ней Лотти.

— Или чертовски близко к нему! — весело ответил ей Помфрет.

— И это — Багдад! — предложил я свою догадку.

— Проверим, — согласился Бреннан, рассматривая здание отеля на той стороне. — Мне тоже кажется. Центр города я хорошо знаю, а здесь, наверное, — какая-то окраина. Это нам подойдет, — указал он на отель.

Масса странных мыслей теснилась в моем уме, когда мы пересекали улицу на пути к отелю. Восточное гостеприимство вступило в действие с того самого мгновения, как мы вошли в холл через самораспахивающиеся двери, — и это несмотря на наш вид оборванных и грязных бродяг. Красные фески приветливо закивали нам, и их обладатели-роботы проводили нас в пять отдельных, но сообщающихся комнат. Краткий телефонный разговор Холла Бреннана с Багдадским отделением его банка подтвердил не только то, что он еще обладает в этом городе хорошим кредитом, но и гораздо более важную вещь: что мы вернулись точь-в-точь в наше собственное время. Только вчера мы вылетели из Стендстеда. И все наши жуткие приключения после этого вылета не заняли ни минуты, они произошли во временной петле! Мы выпадали из потока времени.

И это рождало во мне смутные подозрения.

Где-то слышалась жалобная мелодия скрипучих арабских флейт. Окружающая атмосфера города благоухала цветами и пряностями: совсем не похожа была она на ту вонь, что царила в таких городах еще не так давно, до реконструкции. Я вспомнил великолепную копию Ниневийских ворот, построенную в натуральную величину у входа в Национальный музей. М-да... теперь я совсем иначе буду смотреть на этих крылатых быков!..

И вот, несмотря на удобство нашего нынешнего положения, подбострастие роботов, ароматный пар ванн, яства и вина, кондиционированный воздух, все удовольствия и роскошества, к которым мы, цивилизованные люди, привыкли; несмотря на все это сибаритство — я все равно ощущал какое-то зудящее недоверие, некую беспокоящую неопределенность.

Нет, Камушкой Бессмертный наверняка не сдался!

Здесь и лежал, вероятно, ответ на мои сомнения. Он соблазнял нас исполнением простых человеческих желаний.

Мы сидели, отдохнувшие и посвежевшие, в новой чистой одежде из магазина-автомата; моя ссадина на лбу уже подсохла, перед нами расстилалась панорама города с его минаретами, куполами мечетей, современными блоками офисов, и я сказал Бреннану:

— Какая тишь, какая гладь! Мы с момента прибытия друг другу и слова поперек не сказали. Но...

— Снова мутишь воду, Берт? — недовольно фыркнула Фиб.

— Ему нельзя долго быть одному, — оторвался Помфрет от милой беседы с Лотти. — В старину сказали бы, что его мучает язва.

— Спасибо за сочувствие, Джордж, — ответил я, стараясь не показывать обиды. В самом деле — зачем нам ссориться? — Но все же что вы думаете: почему Камушкой Бессмертный выбросил нас обратно в наше время?

— Я сам не могу понять, — отвечал Бреннан, улыбнувшись Фиб. — Когда мы перемещались только во времени, как это было с нами в самолете, — у нас было ощущение головокружения, но совсем ко-

роткое; если бы мы спали, то ничего не заметили. И мы прибыли туда. Но когда вокруг нас формировались фиолетовые пузыри — мы перемещались не только во времени, но и в пространстве.

— А ведь верно, черт возьми! — удивленно воскликнул Помфрет.

— Раз так, то нечего удивляться, что мы здесь — в Багдаде.

— Я не об этом беспокоюсь, — печально вздохнул я. — Если Зверь Времени и может перебрасывать нас, то именно во времени. И я не думаю, что он хотел пригласить нас в свой склеп. Он вообразил, что раздавил нас, — и ведь ему это почти удалось. А когда он перевозил обратно своих тварей, этих железнообутых дьяволов, мы пристроились и прокатились зайцами. — Я оглядел своих товарищей, включая Чарли — он скромно стоял сзади, жужжа ниже порога слышимости. Все внимательно слушали мою речь.

— Мы попали в тот зал и... не берусь здесь все объяснить... но кажется мне, что тут Камушкой Бессмертный запаниковал. Понял, что сам привел чужих в свое царство, и среагировал инстинктивно. Выбросил нас оттуда.

— Но почему именно сюда?

— А ведь мы долго были без движения в фиолетовой сфере? — взглянул я на Бреннана. — Я еле пробился в эту штуку и получил нокаут. И только когда я пришел в себя — тогда нас вывалили здесь, в нашем собственном времени. Мне думается, Камушкой Бессмертный напряженно думал...

— И надумал?..

— Вывалить нас именно здесь. Посмотрите: мы гонимся за ним, и он это знает. Он пытается нас раздавить, но пока что это ему не удалось. Но нам пришлось тяжело. И вот тут он решил сказать нам: «Смотрите — я вернул вас в ваше время. И отстаньте от меня».

— Ты говоришь, — разгневалась Лотти, — он пытался нас подкупить?

— Да!

— Ну-ну, — протянул Бреннан.

— Это имеет смысл, — заметила практичная Фиб. — Конечно, для него это имеет смысл, черт возьми!

— Он мог вывалить нас в Борсуппаке. Но там-то мы точно от него не отстанем! А вот здесь — он рассчитывает, что мы бросим все и оставим его в покое...

Но я хорошо знал, что в цепи моих аргументов есть недостающее звено, что правда лежит где-то поблизости... А если точнее, то у нас теперь есть шанс вынырнуть из этого адского водоворота.

Как будто сговорившись, мы все обратили взоры к Холлу Бреннану.

Это была его идея. Ведь именно он ворвался в нашу жизнь с высокими словами и решимостью хоть сейчас погнаться за Камушкеем Бессмертным.

Если бы не Холл Бреннан, то никого из нас здесь бы и в помине не было.

— Ну-ну... — снова произнес он, видимо не желая выражаться более определенно и рассматривая рисунок ковра на балконе. У меня заньюло внутри — я знал, что он думает, и догадывался, что он скажет.

— Да-а... нам пришлось туго... Право, нам здорово повезло, что мы здесь...

— Вот как?.. — удивился Помфрет и взглянул на меня. Но я промолчал. Пусть каждый решает за себя.

Холл Бреннан между тем продолжал:

— Фиб, — произнес он, взяв девушку за руку, и повернулся ко мне. — Думаю — я поставлю вечный шах Камушкею Бес...

— Какого дьявола! — взорвался Помфрет. Он разъярился не на шутку: — Я вижу, ты трусил, Холл?!

Бреннан не оскорбился. Он выглядел теперь совсем не тем суперменом, человеком пустынь, каким он ворвался в наши спокойные жизни. Нет, теперь он стал мягче, осторожней, обкатанней... Его усталость — мы ее понимали, ибо разделяли ее с ним, — обтесала первоначальную грубость, разгладила шероховатость. Он, можно сказать, совсем цивилизовался теперь...

— Я не боюсь Камушкея Бессмертного, Джордж. Ты должен это знать...

— Да ладно, к черту, Холл! Конечно, я знаю тебя!..

— Но я устал. И я вот что думаю: Зверю Времени не выбраться из его Склепа. Во всяком случае — очень долгое время. — Он не смотрел на нас, лишь сжимал руку Фиб в своих ладонях. — Знаете, я не уверен, что мои расчеты правильны на все семь тысяч лет. Ведь тот город, что мы нашли, — он мог и не быть таким древним, как мы думали. До Аккада был Шумер. Может, мы как раз...

— Да ничего не «может», Холл! — вспыхнула Фиб и вырвала свою руку. — Если ты обо мне беспокоишься, то не надо, сделай одолжение! Если мы ничего не сделаем с этим проклятым чудовищем, то будут страдать другие! — Она смотрела в глаза Бреннану, чуть не плача от волнения.

— Ну что ж, Фиб, — начал Бреннан в явном смущении.

— Кто-то будет страдать. И я скажу тебе, кто именно! Наши дети, вот кто! Наши ребята только подрастут и — хлоп! Камушкой вылезет из своего Склепа и раздавит все на свете! Трах! И ничего не останется! Ни души! И наших ребят тоже! — Она простерла руку к усыпанному звездами небу. — А ты здесь расселся и говоришь, что ничего не собираешься делать. Подумай о наших детях!

— Ну, Фиб... — совсем уж растерянный Бреннан не знал, что ей ответить.

Тут Лотти хихикнула.

Бреннан резко повернулся, готовый возмутиться, но Помфрет, обнимая Лотти левой рукой, важно объявил тоном председателя собрания:

— Фиб вполне права, Холл! Присутствующие, насколько я могу видеть, признают обоснованность ее иска. Мнение собрания таково: мы продолжаем.

— Но без девушек? — уточнил я. Нет, женщины давно уже не казались мне хрупкими статуэтками дрезденского фарфора, вроде тех, что украшали мой подводный дом; но я отнюдь не хотел снова затягивать девушек в наше опаснейшее предприятие. Достаточно того, что я помнил тот ужасный фрагмент временного потока, увиденный только Фиб и мною: несчастную

Лотти, бегущую с криками по коридору галереи Ганнетов, а за ней — железнообутого монстра.

Этого надо избежать, если только возможно!

— Да! — жестко подтвердил Бреннан. — Без девушек.

Фиб открыла рот для возражений; но, заметив мою кривую улыбку, надулась и с обидой, как теннисистка, потерявшая подачу, проговорила:

— Что ж, я думаю — Лотти не надо идти.

— Как?! — возмутилась Лотти. Ее фигура являла восхитительное зрелище — длинное голубое вечернее платье и мягкая волна медно-золотистых волос. — Почему я? Что я такого сделала? — Ее жалобный тон заставил всех нас засмеяться.

Но ведь ни Фиб, ни я не могли объяснить, в чем дело.

Двое наших мужчин — коль скоро Фиб объявила о своем намерении продолжать борьбу — не видели причины для исключения Лотти. Я подумал — Бреннан должен знать; надо попросить Фиб как можно скорее проинформировать своего партнера. Это все, что я мог сделать. И пусть даже Лотти вовсе не будет ни в чем участвовать, — как мы сможем спасти ее от этой беды, которая уже произошла где-то в потоке времени? Или все-таки сможем? Действительно ли это произошло? Может быть, есть еще возможность предотвратить это?

Перед нами простирался славный город Гарун-аль-Рашида, под теми же самыми звездами, что светили, когда великий халиф, переодевшись, искал приключений в компании своего визиря. Те же звезды сейчас светили на нас, и нам предстояло такое приключение, перед которым померкла бы любая сказка Шахразады. Что же сможем сделать мы, пятеро людей и робот Чарли, вооруженные современной научной магией?..

Но Лотти выиграла свои очки:

— Если Фиб едет, — сказал Помфрет со всей серьезностью — и, как видно, его чувство к Лотти было именно таким, — то, я полагаю, мы не можем останавливать Лотти.

— Вот именно! — заявила та с торжеством.

И здесь произошло нечто... Не будь я закален предыдущим походом, я покрылся бы гусиной кожей от страха и чувствовал бы себя плачущим ребенком, бегущим спастись в иллюзорную безопасность маминной спальни...

Ибо из ночной тьмы, вначале еле ощутимо, потом все сильней и гуще, полилась на нас, сидящих на балконе, волна какой-то грозной эманации — пагубной, неумолимой, ненасытной!.. Мы все ощутили эту волну. Помфрет, резко откинувшись в кресле, сломал его спинку своей массой. Фиб поднесла руку к губам, Лотти схватила за грудь. Бреннан, хрипло выругавшись, встал и простер руку перед собой, пытаясь защититься.

Что за злой дух послал это наваждение? Нас будто с головой накрыло болотной грязью, и мы барахтались в ней, задыхаясь... Но, к счастью, полузадушив нас, подавив психику, ошеломив, волна схлынула и оставила нас потрясенными и больными...

— Камушкой Бессмертный! — пробормотал Бреннан, хлопая глазами так, словно вынырнул из грязной воды.

— Зверь Времени завозился в своем Склепе, — прошептала Фиб, содрогаясь.

Мы встали и вошли в комнату, оставив кресла и напитки на балконе; мы ушли от ночных звезд, от таинственных сил, что пронизывают темные ветреные пространства над спящим миром людей... Автоматика ощутила наше присутствие, зажгла лампы и отрегулировала яркость света; это приободрило нас.

Согрев свой желудок глотком крепкого виски и держа в руке новый стакан, я пытался оценить обстановку, освобождаясь от цепкой хватки презренного страха. Мне представлялось теперь несомненным, что Камушкой Бессмертный выслеживает и подслушивает нас. Как только Холл Бреннан собрал нас вместе в первый раз, — Зверь Времени навел на нашу компанию луч своего таинственного радара-пеленгатора; лишь один раз он дал маху: когда по оплошности затащил нас в волшебном пузыре прямо в страшный бестиарий своего Склепа Времени. Я не мог забыть, как прикасался к стальной стене в огромном зале и

как в моих руках зашевелился чудовищный гибрид... Так. Значит, мы — под постоянным наблюдением, под колпаком.

— Предлагаю, — объявил я, — всем лечь в одной комнате.

На меня обратились четыре пары глаз.

— В моей комнате оказалось две кровати, — продолжал я. — Я могу поспать на полу, на матрасе. Я ничего не увижу и не услышу. Так вымотался, что смог бы выспаться и вися на бельевой веревке.

— Бедный ты болтун, — пожалел меня добряк Джордж, и его красная физиономия расплылась в широкой улыбке, — не накаркай, а то еще придется тебе в самом деле висеть.

— Может быть, — ответил я ему в тон. — Пожелаем друг другу приятных снов. Но «муй пронто»!¹ — Я взял в соседней комнате матрас и пару простынь, бросил на пол. — Спокойной ночи!

Свет погас.

Что там делают в темноте мои товарищи на обеих кроватях — меня мало беспокоило. Я хотел одного — как следует выспаться.

Но на боковом столике заверещал телефон — словно стая чертенят с трещотками вырвалась из ада.

В ответ — испуганный женский вскрик, глухие мужские ругательства, хруст и скрип кроватных пружин. Я подождал, пока установится декорум. Все это время телефон трещал. Приоткрыв один глаз, я увидел обнаженную белую руку, берущую трубку, и услышал раздраженный голос Фиб:

— Алло?

Я спокойно слушал.

— Хорошо, я скажу ему... нет, нет! Конечно, нет! — Она швырнула трубку на рычаг видеотелефона, экран которого так и оставался темным; мы в беспокойстве напрягли четыре пары ушей. — Чертов гнусный похабник! Хотел узнать, кто я тебе, Берт: жена или любовница!

¹ Быстрее! (испан.)

Я пропустил это мимо ушей. Мне давно уже было наплевать, что думают обо мне другие люди. Я лишь спросил:

— А в чем дело, Фиб?

— Полиция нас ждет для беседы. Они получили запрос от Интерпола. Всех нас ждут; позвонили сначала в твой номер, Холл, обзвонили всех и достали нас у Берта!..

— Конечно, — заметила Лотти с забавной серьезностью, — на их взгляд, мы — очень странная компания.

— Может, нам удастся отвертеться, если объявим себя какой-нибудь особой сектой со свальным браком, — посоветовал я ей. — Ты знаешь, есть такие группы, мульти-марьяж, все живут друг с другом вперемешку. Очень забавно, мне говорили.

Лотти внимательно слушала, но, поняв непристойный смысл, запустила в меня туфлей:

— Свинья!

Хорошая реакция моих друзей придала мне уверенности. Ведь в обычных условиях быть разбуженными полицией среди ночи — это страх, зловещие предчувствия, нервный припадок у женщин. А мы запросто шутим на разные темы. Право, для того, кто завязан на Камушкее Бессмертном, все бытовые проблемы и неприятности отступают далеко на задний план...

— Они в любой момент могут постучать, раз выяснили, в какой мы комнате, — решительно поднялся Бреннан. — Думаю, никто не хочет с ними беседовать в таком виде?

— Расползайтесь по своим комнатам, — сказал я. — Я задержу их, пока вы не будете готовы.

И когда раздался тяжелый удар в дверь — полисмены не захотели возиться с роботом-оповестителем, — я уже подготовился, пригласил их войти и встретил, сидя в постели с раздраженным и растерянным видом.

Беседа была убийственно краткой.

Я не спустил еще ног с кровати на пол, как оказался под арестом. Я настаивал на том, что в моей комнате не было никакой женщины. Бремя

доказывания лежало на моих оппонентах, но они не стали затруднять себя. Я увидел противную торжествующую усмешку на лице инспектора, когда моих друзей под конвоем повели вниз по лестнице.

Полицейский «воронок» подъехал со скрипом, и мы стали в очередь перед его задней дверью.

— Не переживай, дорогая! — утешила Фиб многоопытная Лотти. — Представь себе, что это — рейд на наш притон, как в старину.

Фиб и вправду переживала ужас от первого в жизни ареста и вообще — общения с полицией; но дружеский совет Лотти подействовал на нее так, как, наверное, действует стакан лимонного сока, если выпить залпом. Она гордо выпрямила спину и ответила не без колкости:

— Спасибо, Лотти, милая, но я ведь совсем не знакома с теми кругами, где ты вращалась...

— Да не трусь, подружка! — злобно хихикнула Лотти.

Бреннан и Помфрет рассадили их подалее друг от друга.

Полицейские в своих красивых мундирах были, впрочем, безукоризненно вежливы. Можно было подумать, что мы — какие-то важные люди, чуть ли не свита короля, посещающего старый Багдад; только вот королевскую чековую книжку потеряли. Они не объяснили нам причины нашего ареста, и я чувствовал, что если б мы «возникли», то они и вовсе плюнули бы на нас. Но стоит ли без нужды вступать в конфронтацию с полисменами, пока не знаешь расклада? Кстати, нас не обыскали, и наши пушки остались при нас.

— В Ганнете, наверно, радуются, — промолвил Помфрет сквозь зевок, пытаясь вытянуть ноги в тесном пространстве. — Нашли-таки нас; а вот что они нам могут пришить, хотел бы я знать? — Он поудобней обнял Лотти, она же склонила голову ему на плечо с довольным мурлыканьем. — А ты, Чарли, приберег немножко виски в своей мехперсоне? Я ведь тебя просил.

— Конечно, босс, — безобразная рожа Чарли повернулась к хозяину, оторвавшись от внимательного

наблюдения за наружным миром. — Самое лучшее, на ваш вкус!

— Добрая ты моя железяка, — ласково произнес Помфрет. — Не зря я всегда надеюсь на старого Чарли...

— Что увидел, Чарли? — спросил я.

— Обычный грузовик, сэр, переделанный в полиц-фургон. То, что вы называете «воронок». Если потребуется, я могу его без особого труда остановить, даже перевернуть.

— Ой, не надо Чарли! Спасибо за готовность, но еще рано, — возразил я.

Одно можно сказать о роботе-слуге наверняка: уж если вы благословили его на действия, то остановить его будет, пожалуй, не легче, чем памятное нам торнадо над Борсуппаком.

Колеса фургона закрипели: с главной улицы мы поворачивали в один из боковых проулков этого чудом сохранившегося кусочка старого Багдада. Днем жгучее солнце яростно бьет своими лучами по глинобитным стенам домов, по аркадам и куполам, окрашивая все подряд в ровный горчичный цвет, делая все плоским и одинаковым, похожим на домики песчаных муравьев, только увеличенные во много раз. Истома и лень разливаются по городу волнами горячего желтого воздуха. Но теперь, ночью, в воздухе царили ароматы цветов, и негромкие звуки волшебных восточных инструментов поднимались в начинающее светлеть небо... Чудное сплетение музыки и запахов!..

«Воронок» вновь завернул.

— Подвинься, — пробормотала Фиб, теснее прижимаясь к Бреннану.

Я сидел напротив них и думал: ну, какого дьявола я впутался в эту историю? Ведь что я планировал: спокойно провести отпуск на суше; посетить добрых старых друзей; насладиться свежим воздухом и солнечным светом. А теперь... «Воронок» с визгом срезал еще один угол — так круто, что мы схватились за стенки и друг за друга.

Не впадающий в уныние Чарли объявил:

— Теперь мы движемся на юго-запад.

Я сразу понял, что он хочет сказать. Теперь наша проблема — не оторваться от Камушкея Бессмертного.

Я заговорил со всей серьезностью, что заставило друзей посмотреть на меня с новым вниманием:

— Все согласны продолжать погоню за Камушкеем Бессмертным? Мы действительно решились на это? — Я переводил взгляд с одного лица на другое. — Ну, как?

— Да! — сразу ответила Фиб. — Я думаю о своих детях.

— Это и ко мне относится! — кивнул Холл Бреннан.

— И Джордж, и я тоже поставили на это — ты же знаешь! — с жаром заявила Лотти.

— А Чарли, — подвел я итог, — пойдет с нами, на то он и Чарли!

«Воронок» вдруг затормозил. Мы уцепились за что попало и держались, пока колеса не замерли на месте с последним скрипом. Мотор заглох.

Мгновение стояла полная тишина. Потом мы услышали извне перебранку испуганных голосов. Засовы дверей дернулись.

— Неизвестно куда, — заметил спокойно Бреннан, — но мы прибыли.

Двери фургона начали открываться.

ХII

Двери фургона открылись.

Я вскочил, готовый к любым самым невероятным и нелепым событиям, но Чарли, проходя мимо, оттолкнул меня на скамью с такой легкостью, словно я был вырезан из бумаги, и высунулся из дверей первым, сверкая металлом своего тела в золотых лучах утреннего солнца.

— Но ведь еще ночь! — прошептала Фиб.

Между полусогнутыми ногами Чарли появилось лицо полицейского инспектора. Меня поразило это лицо: оно было цвета заплесневевшего сыра. А вид у бедняги был такой, будто его загнали в психушку старых времен.

— Это... э... — пытался он говорить. Мое знание арабского было не лучше его владения английским; он перемежал эти два языка, вставляя также французские и итальянские слова.

— Да Бог с ним, выйдем скорей отсюда! — не выдержал Бреннан.

Там продолжалась перебранка голосов.

Мы друг за другом прыгнули на песок.

Багдад исчез! Вокруг расстились только сплошные песчаные дюны. И Тигр тоже исчез. От города Аббасидских халифов ничего не осталось.

Бреннан сдержал вскрик удивления и лишь коротко хмыкнул:

— Багдад был дважды разграблен монголами: в 1258 и еще раз — в 1401. Но *такого* они никогда не делали!..

Полисмены стояли на коленях: обратив головы к Мекке, уткнувшись в песок и высоко подняв задy, они с жаром молились. Я ощутил жалость к ним и осознание своей вины перед беднягами: ведь они ни с того ни с сего оказались втянуты в нашу собственную войну со Зверем Времени!

Но нелепость этих мыслей заставила меня резко сказать Бреннану:

— Получилось, что мы набрали на битву новых рекрутов. Что ж, человечество должно включиться в наши игры и помочь собственному спасению!..

— Интересно, если вдуматься, — заметила Фиб, подойдя к нам и с иронической улыбкой глядя на молящихся полисменов. — Если бы мы сразу предупредили их о возможной опасности, они бы нам не поверили. А теперь они здесь — волей-неволей. И они нам пригодятся, черт возьми! — мрачно закончила она.

— Подождите-ка! — вмешался обеспокоенный Помфрет. — Как нам дальше пробиваться? «Черный ворон» не проедет по этой сыпучке!..

— Придется пешком, — ответил ему Бреннан и оглядел горизонт, прикрывая глаза рукой от яркого утреннего солнца. — Нет! Нам не удастся. Смотрите туда!

По пескам прямо к нам, с порядочной скоростью, приближалось шесть-семь колесниц!.. Их высокие безрессорные колеса и пышно украшенные невысокие лошадки недвусмысленно говорили о высоком ранге владельцев этих боевых экипажей. Это не были рядовые армейские колесницы. Развевались огромные перья, звенели колокольчики, скрип смазанных салом деревянных осей, громкие выстрелы бичей — все это сливалось в грозную песнь величия и мощи пустынных царств, частицей которых были теперь и мы...

Колесницы, подымая клубы песка и пыли, съезжались к нам, как американские индейцы, окружающие обоз переселенцев. И это сравнение оказалось ближе к жизни, чем нам бы хотелось. Возглас команды перекрыл скрип и звон — колесницы застыли на месте. И вот уже первая одиночная стрела сорвалась с лука воина, стоящего справа от царя; она гулко ударилась в стенку полиц-фургона. Отскочив от металлической панели, стрела сверкнула на солнце и вонзилась в песок.

Я рассмеялся:

— Они этого не ждали. Смотрите на них! Думали — стрела пробьет стенку. Это было бы предупреждением. А получилось наоборот!

У воинов были массивные прямоугольные бороды, на голове — конические или округлые шлемы, низко нависавшие над бровями; каждый имел туго натянутый мощный лук из наборного дерева, стрелы, ждущие лишь команды, чтоб сорваться с тетив, и длинные, тяжелые, ярко раскрашенные одежды... Так кого же мне напомнили все эти воины с их колесницами, конями, с царем во главе?

— Они сошли прямо с ворот Салманассара Третьего! — опередил мои мысли возглас Холла Бреннана.

— Ну что ж, дата прибытия, во всяком случае, ясна, — сказал я. — Но хотелось бы знать: был ли вокруг «черного ворона» фиолетовый пузырь? Салманассар сделал своей столицей Нимруд, так ведь? А это — далеко отсюда к северу.

— Значит, ассирийцы уже распространились и сюда, — ответил Бреннан, не отрывая глаз от колесниц. — Я хочу сказать: ассирийцы всегда были на

тропе войны, совершали набеги, жгли и грабили соседей; но сюда, в голую пустыню, они никак не могли забрести. Значит, их наслал на нас Камушкой Бессмертный.

— Как волк на овец, правда? — с невольным восхищением Фиб обвела рукой живописное кольцо ассирийских воинов.

— А я вот что скажу! — вскричал Джордж Помфрет, и его яростный голос заставил всех нас обернуться: — Я так скажу, ребята! Эти проклятые головорезы захватят нас, заберут наших девушек и посадят на кол! А вы тут соревнуетесь в эрудиции — какое название им дать! — и он выхватил свой «Фарли-экспресс».

— А честно ли это, Джордж? — попробовал остановить его Бреннан.

— О чем ты, старина?

— Это нечестно: твой позитронный аннигилятор — против этой кучки парней на тележках с примитивными луками и стрелами?

— Не беспокойся! — Помфрет знал, что говорит. — Эти примитивные ребята выпустят тебе кишки гораздо раньше, чем ты попробуешь пожать им руки!

— Все ж ты не прав, — вмешался я. — Посмотри на них: они не знают, что с нами делать. Даже царь не знает. Если, конечно, это царь. Они могут решить, что мы — боги, и будут на нас молиться. Или что мы — демоны, и попытаются нас прогнать. Они видели девушек — и, видимо, склоняются ко второй версии...

Тем временем полицейский инспектор принял свое решение. Он слушал нас, слушал, а теперь, вспомнив о расовой и религиозной гордости, набрался привычной храбрости. Он и впрямь был очень храбрый парень.

Он пошел навстречу ассирийцам, подняв перед собой одну руку — универсальный жест миролюбия.

И ассирийцы просто расстреляли его на месте.

Тогда сержант, вскочив с колен, выхватил свой штатный пистолет и в одно мгновение превратил центральную колесницу в груды обломков и кровавых

тряпок. Его люди уничтожили всех остальных ассирийцев.

— Я вижу — им выдают «Карлсруэ I—I», — отметил Помфрет. — Славная пушечка, но может дать осечку в критический момент.

Лотти схватилась за его локоть; ее лицо казалось еще белей на фоне рыжих волос.

— Ужасно! Ужасно!.. — повторяла она.

— Какое зверство! — с отвращением произнесла Фиб.

Дрожащие полисмены осторожно двинулись вперед — осмотреть то, что осталось после бойни.

— Такую цену мы платим за прогресс, — сказал я, не найдя ничего умней. Меня тоже мутило от случившегося. Насилие есть зло — если только устраняемое им зло не будет еще хуже; правило упрощенное — но жизненное и почти всегда справедливое...

Зверь Времени приземлил нас в древней Месопотамии — в эпохе необычайной жестокости, в эре насилия. Увы! Несмотря на высокий уровень цивилизации, на накопленные сокровища, на огромные статуи, стенные рельефы, богатую литературу, — ассирийцы вошли в историю в ряду самых кровавых народов. Каждый лист их летописей заполнен военными походами, осадами городов, грабежами покоренных стран, жестокими казнями. Мало радости приносила жизнь простому крестьянину, — даже если его дом оставался цел...

Полсмены шевелили ногами обломки колесниц, обрывки разноцветных тканей, оплавленные остатки оружия. Все они — числом около десятка — выглядели ошеломленными, тыкались во все стороны, как баранье стадо без вожака: ведь их инспектор лежал на песке мертвый, и ветерок шевелил оперение стрелы, торчащей в его груди.

— Я считаю себя ответственным за них, черт побери все это! — мрачно сказал Бреннан.

— Теряешь свои способности аналитика, Холл? — спросил Помфрет с необычайным для него злорадством.

— Но ведь не можем же мы оставить их здесь! — с чувством воскликнула Фиб.

Полисмены продолжали бродить по песку, шевелили то, что осталось после устроенной ими бойни, переговаривались отрывистыми фразами; некоторые вновь распростерлись ниц, головами в сторону Мекки.

Не такова ли будет реакция и всего остального мира, когда Камушкой Бессмертный начнет наносить свои удары?

Я вспомнил реакцию Пола Бененсона на появление первых кошмарных чудовищ, и это укрепило мою решимость.

Такой подход выглядел несколько напыщенно: я воображаю себя спасителем мира!.. Но как иначе? Если не считать нескольких истинных святых, то разве не были дикими эгоистами все те люди, которые вошли в историю как избавители человечества от разных бед?

— Мы должны, так или иначе, добраться до Эс-Самаяя, — решительно объявил я. — У меня родилась интересная теория насчет Зверя Времени. Думается мне, что он — полудиот. Ведь, наверное, каждый одурет, просидев взаперти семь тысяч лет. Он яростно реагирует на малейшую угрозу. Как только мы делаем попытку достичь его, пусть даже самую слабую, — он сразу же делает ответный ход.

— С его стороны это означает переброску нас во времени, — заметил Бреннан.

— Именно.

— Безумец, запертый на семь тысяч лет, — вздохнула Фиб. На ее лице отразился ужас.

— Безумец — это человек, — возразил Помфрет, вытирая пот со лба. — А этот больше похож на дьявола!

— Или на языческого бога, — угрюмо заметил Бреннан.

— Только не говорите мне всякой мистической ерунды насчет бога-идиота на временном троне; упоминайте о нем с оглядкой, не называйте его вслух! — я говорил быстро и тихо, понимая, что Зверь может подслушать.

— Да! — сказал Помфрет и непристойно, но очень точно охарактеризовал нашего врага. Мы все зашикали на старину Джорджа, и ему пришлось понизить тон.

Ибо я вдруг понял, почему мы еще не погибли. В Борсуппаке было все что нужно для уничтожения нас. То же самое — и в безымянной пустыне острых камней. И только вмешательство Камушкея Бессмертного уносило нас от неминуемой смерти. Да, он перебрасывал нас в другую, не менее опасную ситуацию, но делал это лишь потому, что стар, одинок, полоумен и очень, очень напуган...

И вот здесь снова мы были на грани гибели. Я не мог сказать этого вслух, опасаясь вездесущих глаз и ушей Зверя Времени; но, по иронии судьбы, только он один мог спасти нас от смерти в пустыне, куда он сам же нас и забросил.

— Захватите все, что пригодится, — распорядился я. — Чарли, ты обследуй весь фургон. Холл — будешь главный, ты знаешь пустыню. Возьмем буровой станок и все, что нам нужно. — Я оглядел понуро стоявших полисменов. — За ними тоже придется присматривать.

Холл Бреннан с минуту смотрел на меня, по-воробьиному склонив голову.

— Пойдем налегке, Берт, — сказал он наконец. — Чарли может нести брезент с фургона. Он нам пригодится — накрываться от солнца в полдень. Вода... ну, возьмем все, что здесь есть — в радиаторе машины и во всех бутылках. Мне дьявольски хочется пить; но, как ваш лидер, я категорически запрещаю всем даже упоминать о жажде. Решено?

— Решено! — отвечали мы хором.

Теперь надо было объяснить багдадским полисменам, почему они должны начать поход по пустыне. Проблема невообразимо трудная. У них оставалось оружие. Любая попытка припугнуть их нашими пушками могла бы спровоцировать настоящую битву. Однако, к нашему удивлению, все они с дружной покорностью просто присоединились к нам и пошли за нами — след в след.

Только начали мы этот полукомический пустынный марш, достойный Иностранного легиона, — как палящие лучи солнца вдруг потемнели и слились в

несколько огненных столбов. Земля закачалась. Мощный порыв ветра пролетел над нашими головами. Полисмены бросились наземь с паническими воплями. Мы же — ветераны временных путешествий — сгруппировались вокруг массивной металлической фигуры Чарли, придававшей нам хоть какую-то уверенность.

Когда все стихло, мы подняли головы и стали оценивать новую ситуацию.

На первый взгляд, местность к северу казалась все той же: желто-коричневая пустыня. У меня блеснула мысль: возможно, Зверь применил всю свою мощь для переброски нас во времени, но эта последняя попытка не удалась... И я взглянул на юг.

С небольшой горки мы теперь могли обозревать весьма живописный край: сады, пересеченные узкими оросительными каналами, — они сверкали на солнце сквозь ветви; небольшие поля и пыльные белесые дороги, а кое-где возвышались охряные стены городов с зубцами и квадратными башнями.

Каждый город занимал площадь не более чем в одну квадратную милю, так, во всяком случае, казалось на первый взгляд, тут и там возвышались зиккураты — эти огромные ступенчатые храмы, политические и религиозные центры этих стран... Мне удалось насчитать целых пять таких городов.

— Ну, Холл! — начала практичная Фиб. — Где мы теперь?

— Что ж... — начал Помфрет и усмехнулся: — Пока что неплохо...

Бреннан размышлял. Я посмотрел на полисменов. Ошеломленные и потрясенные, не понимая смысла происходящего, они снова пали ниц головами к Мекке. Вернее, они думали, что к Мекке. Направление Багдад—Мекка примерно совпадало с линией нашего пути в Эс-Самайя. Я нашел в этом некую иронию.

— Смотри, — сказал я, прерывая размышления Бреннана. — Полисмены молятся на Мекку, а значит... — на Камушкея Бессмертного. Интересно: нравится это ему?

— Мне это, во всяком случае, нравится, — добавила Фиб. Я мало что знал о мироощущении Фиб Десмонд, но ее либеральное университетское воспи-

тание, пронизанное веротерпимостью, — почти наверняка вызывало у нее невольное снисходительное презрение к религиям с открытым божеством. Она не могла принимать всерьез наших правоверных полисменов.

Лотти вытянула свою компакт-пудру (новую, купленную в багдадской автоматической лавке, а не ту, что уронила на черный стальной пол) и начала приводить в порядок свое лицо, пытаясь защитить его заранее от будущего загара. Несколько мгновений Помфрет с нежной улыбкой глядел на нее, потом подошел к нам — полюбоваться новым ландшафтом.

Я подумал: ну и дураки же мы все. Нас можно принять за компанию, возвращающуюся с уик-энда, но никому бы и в голову не пришло, что перед ним группа людей, выполняющая важную миссию и ежеминутно рискующая жизнью.

Холл Бреннан уверенно заговорил:

— Мне кажется — старик К. Б. на этот раз решил нас купить.

У подножья высоты, где мы стояли, кончался мысок возделанной земли. Поле пересекал довольно широкий ручей. Над водой склонялись запыленные пальмы; какие-то длинные предметы плавали по воде и лежали на берегах.

— Ну так что же? — спросил Помфрет, обращаясь к нам.

— Полагаю, — бодро сказал Бреннан, — мы можем идти по нашей линии без задержки. Вода, еда, что вам еще нужно?

— Транспорт! — серьезно ответил Помфрет.

Мы все засмеялись.

Дружба, смелость, энтузиазм — все это последние несколько дней работало на нас. Я даже питал слабую надежду, что когда мы доберемся до Камушкея Бессмертного — то будем точно знать, что нам делать.

Мы вновь двинулись к той точке, где — как нам представлялось — стоял Склеп Времени. Мы были очень похожи на мотыльков, упорно быющихся головами об экран, который отделяет их от манящего, но губительного света. Да, мы шли по этой линии вниз, к потоку (правильность берегов, каменная кладка

и глинобитные откосы говорили о его искусственном происхождении), — мы — слабые маленькие люди — гордо, уверенно шли к тому будущему, которое сами выбрали для себя!..

— А реакция-то у старика ослабла! — весело заметил Джордж Помфрет.

Мы согласились, но Лотти, со своей обычной способностью одной фразой наводить панику и портить настроение, сказала:

— Если он уже не выслал новых чудовищ.

— Вы накаркаете, миссис Лотти Помфрет! — с чувством произнесла Фиб.

Мне снова пришлось отметить удивительную особенность человеческой психологии: непрошибаемая убежденность в собственном бессмертии — мы все разделяли ее, независимо от личных верований каждого. Ведь Зверь Времени уже не раз посылал своих монстров убивать нас; а мы по-прежнему уверенно говорили о завтрашнем дне, считая, что «завтра» обязательно наступит.

Полисмены не без колебания поднялись и пошли за нами вниз, к каналу. Мы двигались осторожно, готовые к любой неожиданности: кто знает, куда Камушкой Бессмертный умудрится забросить нас отсюда.

Но мы шли прямым курсом на его берлогу.

На берегу канала мы остановились. По спокойной воде плыли какие-то бревна. Такие же бревна в беспорядке валялись на том берегу канала.

— Внимание! Крокодилы! — указал на них Помфрет.

— Я вижу. — Бреннан прикинул ширину канала. — Добрых тридцать ярдов. Видите — песок наступает на эту цивилизацию. Жители проиграли битву за пригодную к обработке землю. Таков жестокий порядок мировой истории...

— Я думаю, когда-то это был главный оросительный канал, — Фиб захватила горсть песка и швырнула в воду.

Гладь канала покрылась мелкой рябью.

— Не перескочить, — покачал головой Бреннан. — Мне это не по душе: Камушкой Бессмертный соби-

рается задержать нас каким-то каналом со стаей крокодилов!..

— Мы поплывем группами, а те, кто на берегу, будут отпугивать этих гадов, — предложил Помфрет.

Я сразу запротестовал. На этом песчаном берегу канала не росло никаких деревьев. Берег уходил плавными кривыми в обе стороны, и в пределах видимости мостов перекинуто не было. Были только крокодилы. Это не фантомы нашего воображения; равным образом, как мог я судить, это и не агенты Камушкея Бессмертного.

— Ну так придумай сам что-нибудь другое! — с обидой за своего возлюбленного сказала мне Лотти.

Наконец мы договорились. Мы объяснили полицейскому сержанту, что собираемся делать; напуганный перспективой остаться в пустыне, он согласился сотрудничать. Мы разделились для опасного заплыва. Чарли собрал все наше барахло (полиция тоже подготовилась) и с сомнением посмотрел на воду своими кварцевыми линзами, сверкнувшими на солнце.

— Чарли! — крикнул я. — Иди прямо по дну, старина. Мы тебя смажем маслом на той стороне.

Чарли звякнул металлическими суставами:

— Я боюсь, — показал он на сверток, — что там слишком глубоко: ваша одежда промокнет.

Мы рассмеялись — и все наши страхи как рукой сняло.

Выстроив отряд, Бреннан, как признанный лидер, стал впереди. Бревна в воде зашевелились.

Я остановился у самого края воды. Странная смесь уверенности и тревоги: проведя почти всю жизнь в воде, я успел отвыкнуть от нее, и даже эта канава меня несколько смущала...

Крокодилы — я легко справлюсь с одним, с другим; но против всей стаи мне не устоять. Все будет зависеть от меткости стрелков, стоящих по берегам.

— О'кэй! — весело крикнул Бреннан. — Начинаем рождественское купанье! — Он бросился в воду почти без всплеска.

Он плыл на боку, далеко загребая рукой и раздвигая воду мощными движениями ног. Для меня этот стиль — половина тела на воздухе — казался стран-

ным и неумелым. Бреннан достиг половины пути, когда ближайший крокодил, внезапно вильнув хвостом, рванулся к нему; но Помфрет мгновенно вскипятил своим лучом воду вокруг чудовища. Крокодил исчез.

Увы! нам пришлось начать военные действия.

«Фарли-экспресс» превратил в пар большое количество воды, и за паром мы уже не видели Бреннана.

Наконец мы услышали, сквозь шипение и бурление кипятка, громкий крик Бреннана:

— О'кэй! Кончайте стрельбу! Я добрался!..

Пришлось подождать минут пять, пока не остынет вода.

Теперь поплыла Фиб — ее переправу мы организовали уже лучше.

Следующим вызвался Помфрет; на этот раз Бреннан смог добавить огня из своего «Крейтона-80», который ему перевезла Фиб. У меня возникла проблема: мне придется плыть тридцать ярдов со своей пушкой, не имея возможности пускать ее в ход. Когда я перевезу свой «Фарли» — работа пойдет хорошо. Но «Крейтоны» не дадут мне полноценной защиты — даже выстрелив залпом, они не согреют воду у этого берега.

На берегу остались Лотти и я, а полисмены яростно ссорились. Одни хотели плыть поперек, как мы, двое даже помогали нам своими служебными пушками; другие — это было ясно по жестам — собирались пройти вдоль канала, в обход. Мне кажется, иные из них думали: если пройти достаточно далеко, то перед ними из-за горизонта встанет родной Багдад.

— Я жду вас, сэр! — напомнил Чарли.

— Спасибо, старина! — кивнул я ему. — Как хорошо, что ты с нами в этих передрыгах...

Лотти набралась смелости и приготовилась прыгать в воду. Я улыбнулся ей, чтобы ободрить:

— Сразу гребь руками и плыви точно по прямой, на Джорджа. Не отвлекайся ни на что, ясно?

На ее лице отразилось сомнение:

— Я — неважный пловец. Да и вообще никакой. Я только в бассейнах и плавала, скажу тебе...

— Ну до того берега-то сможешь доплыть, черт возьми?!

— Ду...думаю, да...

— Дьявол!

— Ой, не будь таким злым, Берт!

— А ты не будь такой... давай! Прыгай и плыви!

Она прыгнула в воду, блеснув своими белыми ногами и подняв целый фонтан воды. Крокодилы — их число заметно не уменьшалось — сразу ринулись к ней. Эти рептилии подчинялись своему обычному инстинкту — сжирать все съедобное, что попадется на глаза; какая бы ни случилась беда — она ничему их не учила. Те, кто научился, — уже убиты...

Лотти колотила по воде своими белыми ногами, но почти не продвигалась вперед. Вдруг сквозь шипение и свист перегретого пара я услышал ее испуганный крик:

— Спасите! Берт! Я тону!..

Плохие пловцы в беде всегда предполагают наихудшее. Я сунул в руку Чарли свою пушку:

— Отбивай крокодилов, Чарли! — и, разбежавшись, прыгнул в канал.

Даже в этот ужасный момент я ощутил наслаждение от материнских объятий воды.

Без ласт я не мог развить свою привычную скорость, но короткую дистанцию до Лотти я проскочил мгновенно. Поднырнув под нее, я обхватил ее за бедра и вытолкнул ее голову из воды.

Девушка обмякла в моих руках. Я вновь погрузился с головой в свою любимую стихию и огляделся. Серебристое небо надо мной крошилось и вскипало, полосы жгучего огня прорывались сверху и разрывали на мелкие куски разрубленные трупы крокодилов. Я вытащил нож, предусмотрительно прихваченный мною в багдадском отеле.

То ли Чарли был плохой стрелок, то ли рептилии набрались опыта, не знаю; но они подбирались все ближе, атакуя нас не только с боков, но и снизу.

Вот первый из них — он поднимается вертикально от самого дна канала, повиливая хвостом и открывая зубастую пасть. Да, вид приближающегося к вам под водой крокодила, с его змеевидными движениями тела, страшен для тех, кто никогда не сталкивался с подводными чудовищами.

Мы, новые аквамэны, — подводные жители — привыкли на своих океанских фермах и фабриках отбиваться от куда более страшных монстров, чем какие-то крокодилы; но, признаюсь, с такой обузой, как беспомощная девушка, я не был уверен в исходе боя...

Мое подводное дыхание держалось устойчиво; и я, продолжая поддерживать Лотти левой рукой, развернулся в удобную позу для встречи с крокодилом. Он уверенно приближался. В последнюю секунду я увернулся от него вбок, увлекая за собой Лотти, и, глубоко воткнув нож в брюхо гада, выпустил в воду целое облако темной крови. Не медля ни мгновения, я резко ударил ногами и вытолкнул нас обоих из отвратительного бульона. Нужно было скорее выйти в чистую воду. Иначе, ничего не видя, мы стали бы легкой добычей для следующего крокодила.

Сквозь слой воды непрерывные разрывы лучевых снарядов казались мне глухим барабанным боем. Я подумал, что полисмены усилили огонь. Но уже второй крокодил, распаленный вкусом крови, приближался к нам сбоку — гораздо осторожней, чем первый.

Я подтолкнул Лотти вверх, выставил наши головы из воды и прокричал ей прямо в ухо:

— Плыви на спине! Осталось немного!

Потом я резко пошел вниз, в последний миг избежав страшных челюстей, утыканых кривыми зубами; левой рукой я ухватил переднюю ногу и шею ящера, оседлал его и смог нанести несколько быстрых ударов в мягкие места. Освободившись, я толкнул ногой ослабевшую тушу. Мой враг закувыркался ко дну, испуская клубы крови. Не наглотаться бы тошнотворной похлебки... я сделал рывок и высунул голову на свет.

Лотти не удалось далеко уплыть: она болталась здесь же, по-собачьи колотя воду руками и ногами.

Когда я обхватил ее рукой и быстро поплыл, она перестала трепыхаться и расслабилась; поняла — я знаю, что делаю.

Сам я остался недоволен собой после встречи с любимой стихией. Аквамэны естественно гордятся своим умением жить под водой; как первопроходцы

нового мира, мы считаем себя стоящими выше обычных людей. Аквамэны — это элита нашей системы. Во всяком случае, мы в это верим. Однако я мог себе представить усмешки своих товарищей, если я буду рассказывать им об этих своих приключениях.

Когда мы добрались до берега, насмерть перепуганный Помфрет помог нам выбраться. Он поднял Лотти на руки, хлопал ее по спине, гладил ее мокрые золотистые волосы и бормотал что-то о своих ужасных переживаниях. Взглянув на него, я засмеялся. Может быть, это было не слишком учтиво, но мне требовалось сбросить напряжение после подводной схватки.

Бреннан с наивным восторгом смотрел на меня.

— Спасибо, Берт! Огромное спасибо! — обернулся к нам Помфрет. — Эй, Холл! Ты не знал, что Берт — аквамэн? Это ведь почти — сверхчеловек!..

— Иди ты! — отмахнулся я от него.

Эта немного детская реакция была, в общем, естественной. Когда Чарли тяжело вышел из воды, держа в одной руке нашу насквозь промокшую одежду, а в другой — оторванный хвост крокодила, которым он отбивался от рептилий, — мы все расхохотались. Близость Камушка Бессмертного взвинчивала наши нервы. И мы искали разрядки нервного напряжения, идиотски смеясь друг над другом.

Помфрет и Бреннан все же старались сдерживаться при своих подругах, и обе девушки имели перед ними преимущество большей свободы. Что до меня, то я, аквамэн, стоящий выше «сухопутников», не считал нужным держать себя в жестких рамках...

Или аквамэны все же не вправе ставить себя выше остальных, как вы думаете?

На том берегу полисмены так еще и не решили, что им делать. Мне стало жально их.

— Вперед, ребята! — Бреннан, уже надевший рубашку и брюки цвета хаки, снова возглавил нас. Мы двинулись прочь от канала. Полисмены не обратили ни малейшего внимания на уход своих бывших пленников. У них была другая проблема — как справиться с крокодилами. Я дал себе слово — не забыть их на обратном пути.

Наш маленький отряд шагал на юго-запад, изрядно уставший, но решительный. Где-то впереди, за горизонтом, стоял Склеп Времени Камушкея Бессмертного. Рано или поздно, но мы дойдем до него!

XIII

Мы вообразили, что этот временной прыжок будет последним. И Зверь Времени немедленно отреагировал на нашу упрямую решимость. Мы шли по возделанным полям, по песчаным пустыням, через покрытые ледниками горы... По пути мы становились свидетелями кровопролитных битв, слышали воинственный рев боевых труб... Только мои навыки аквамэна позволили нам уцелеть в пору наводнения.

Не знаю, как бы мы обошлись без Чарли: идя по дну, он переправлял нашу компанию по частям, от одного островка до другого.

И вот, после многих головокружительных скачков через века, мы неожиданно увидели себя в таком времени, в каком еще не бывали: вокруг нас высились сталепластиковые и стеклобетонные громады футуристического города-гиганта.

Мы стояли на широком бульваре; странные блестящие экипажи с тонким звоном проносились мимо нас внутри прозрачной трубы. В воздухе стоял явственный запах свежестираного белья.

— Да это же будущее! — вскричала Фиб, пытаясь пригладить развеянные ветерком волосы.

— Восхитительно!

— Посмотри на эти здания! Они висят в воздухе!

Нас заворожала быстрота и целенаправленность движения всей этой хорошо смазанной машинерии.

— Я за то, чтоб использовать и будущее в нашей борьбе против Зверя Времени, — объявил Бреннан, с интересом рассматривая маленький киоск с испещренной кнопками панелью.

— Если здесь — будущее, — заметила Фиб, — то, значит, мы победили! Камушкой Бессмертный не смог уничтожить наш мир!

— Правильно! — в восторге воскликнула Лотти.

— Поглядите-ка! — указал я на пролетавшие мимо блестящие авто.

Существа, сидевшие в машинах, либо родились не на Земле, либо не были потомками Хомо сапиенс.

— Боже мой! — воскликнул Помфрет. — Что это за дьяволы такие?!

— Это гости с другой планеты, — рассудил я спокойно. — Или же следующая форма жизни, которая получится из нашей. Давайте разберемся в этом, черт возьми!

Каким-то образом Бреннан сумел остановить одну машину. Мы забрались внутрь. Ощущение, что я — в ловушке, не покидало меня. Машина двинулась — именно на юго-запад.

В самый момент отправления мы вдруг успели заметить что-то знакомое — наших железнообутых монстров. Они вошли в прозрачную трубу туннеля. Наша машина просвистела мимо них. Через заднее окошко я увидел, что железнообутые, действуя привычным жестом, остановили другую машину, погрузились в нее... И погнались за нами!..

— Ты не можешь ехать побыстрее, Холл? — умоляюще сложила руки Фиб.

— Я их пощекочу моим старым «Фарли»! — грозно заявил Помфрет. Он выставил в окошко ствол своей пушки, уперся локтем в спинку кресла и нажал спуск.

Мы увидели, как луч ударил по машине наших преследователей.

Но — увы! — она все так же летела в прозрачной трубе. Невредимая, презиравшая страшную мощь нашего оружия, она бесшумно мчалась за нами!

— Не сработало! — взревел потрясенный Помфрет.

— Эти будущие люди строят из хороших материалов, — заметил я.

— Вся наша надежда — скорей на юго-запад!..

Преследующая нас машина увеличила скорость: несомненно, ею управлял на расстоянии некий разум, а не сидящие внутри железнообутые чудовища. И я понял: если не сделать решительного, резко враждебного хода против Камушкея Бессмертного, — то на этот раз все окончательно сорвется.

И вот, заставив себя забыть всю фантастичность обстановки, я нащупал ответ; или, по крайней мере, часть его.

— Холл! — закричал я. Все обернулись ко мне, как подсолнухи к солнцу. Они смотрели на меня, как на оракула. — Дай перевод тех семи проклятий с таблички, что мы нашли в глобусе. Скорей!

Бреннан подчинился без малейшего колебания.

Непромокаемая бумага сохранила свои свойства. Я начал читать с самого начала — громко, пронзительным голосом, нараспев. Мои друзья, вероятно, решили, что я свихнулся. Я понятия не имел о том, что именно я читаю; слова ничего не значили для меня. Я ощущал полноту и округлость гласных, шероховатость согласных... Я читал, срываясь на крик, вкладывая всю свою надежду в произносимые слова.

Не прочел я еще и трех строк, как мне почудилось, что наша машина закувыркалась. Я увидел дно преследующей нас машины с железнообутыми: она ткнулась в корму нашего экипажа и перелетела через него. Я понял, что они опрокинулись, прозрачная труба осталась целой; кувыркание было только ложным ощущением. Но чувство головокружения не покидало нас.

И вот, сцепившиеся друг с другом, обе машины отправились в странный полет. Вокруг нас возникла знакомая фиолетовая оболочка — вначале огромная, захватывающая дорогу, прозрачную трубу и окружающие здания; но постепенно она сокращалась, стягивалась — и внутри светло-пурпурного пузыря остались только две наши машины.

— Временной пузырь захватил нас! — вскричала Фиб.

— И железноногих! — добавил Помфрет, со злобой глядя на свой пистолет, словно тот его укусил.

Я раздраженно подумал: такое могут сказать только сухопутники... Я бросил чтение и сунул листок в карман своей серой куртки. Если искусство жить — это умение не скучать, то мы все это время жили самой полной жизнью. Что дальше?

Цветовые пятна, полосы, лучи, огненные струи, взрывы фейерверков вокруг нас... мне показалось, что

все это — внутри моего черепа. Голова наполнилась звоном.

Бег наших машин прекратился в то самое мгновение, как они покинули прозрачную трубу.

Мы держались друг за друга, используя, как центральную опору, могучий корпус Чарли. Хорошо смазанный, он издавал знакомый запах земного уюта.

— Сильная штука, — проговорил Бреннан.

— Камушкой Бессмертный снова паникует! — прокричал мне в ухо Помфрет. — Почему ты перестал читать, Берт? Видишь, как ты достал старого хрыча!

— Подожди — посмотрим, куда и когда мы приземлимся!

Мы не представляли направления нашего движения с тех пор, как покинули трубу; но по опыту мы уже знали, что в фиолетовом временном пузыре можно перемещаться и в пространстве. И вот наша машина слегка дрогнула, словно опустилась на ровную площадку, и мы замерли в ожидании следующих толчков при исчезновении лиловой сферы.

За этот крохотный промежуток я успел понять, что Зверь Времени в панике. Конечно, я мог и ошибаться, но все же мне казалось: Камушкой Бессмертный так потрясен, что реагирует бездумно и бессмысленно, как сущий идиот, нанося бессмысленные и почти безвредные удары...

Фиолетовая оболочка пропала. Обе машины опрокинулись, и на густой траве получились две кучималы: из нас и из железнообутых. Приподнявшись, я разглядел знакомый, совсем недавно виденный пейзаж.

Мы оказались на лужайках усадьбы Ганнетов!

Железнообутые сразу же, не обращая на нас никакого внимания, с топотом бросились бежать к дому.

— Ганнет! — вскричал Бреннан, покраснев от волнения. — Это ведь он?

— Да, — подтвердил Помфрет. Он внимательно стал рассматривать старый дом, желто-серые стены которого обдувал легкий бриз с моря; голубые крыши темнели на фоне вечернего неба.

— Хотя... — с сомнением пробормотал он, — половины северного крыла вроде бы нет... И вертолетная площадка не там, где я помню...

Мы направились к дому, спотыкаясь на крупном гравии дорожки.

Украшенная богатой резьбой карета, влекомая парой великолепных, серых в яблоках, лошадей, с шумом и звоном отъехала от главного портика здания. На возницах были пудренные парики. Уступая дорогу, мы отскочили в кусты бордюра. Посмотрев вслед, я успел разглядеть: в карете, словно в витрине музея восковых фигур, сидели мужчина и женщина — в пышных платьях конца XVIII века. Пудра париков отливала серебром. От этой пары исходил некий дух благородства и элегантности.

— Скорее в дом, — объявил я. — У них в арсенале разве что рапиры да дуэльные пистолеты — этого не хватит против наших друзей с железными ногами!

Когда мы подошли к самому дому, из окон его в вечерний воздух вырвались звуки музыки. Мы осторожно приблизились к стене и заглянули в высокие окна бального зала.

Я сразу вспомнил свое первое впечатление от этого зала в Ганнете. Но здесь было не то...

Длинные кринолины, букеты цветов на платьях, атласы и шелка, ослепительно яркие цвета, пудра и блески, веера и страусовые перья, изящные башмачки под пышными юбками...

Кафтаны с рядами огромных пуговиц и длинными, элегантными крыльями кружев, огромные карманы, раздутые рукава, тончайшие платочки за фигурными отворотами манжет, парики под толстым слоем пудры, башмаки с квадратными носами, быкоподобные лица кавалеров...

Скрипучие, повизгивающие звуки струнного оркестра...

Менуэт, гавот, а повинувшись желаниям старших гостей — и старинный коранто...

— Чудесно, чудесно! — шептала Фиб, в восхищении прильнув к окну.

— Вот как все это выглядело на самом деле, — отметил Бреннан. — Это вам не спектакль, не кино...

— Очаровательно! — согласился и добряк Джордж. В самом деле: кто бы мог (кроме разве что энтузиастов Французской революции) не почувствовать сердцебиения, прилива любви и жалости к этому веселому, смеющемуся серебристому миру, предающемуся безумствам накануне своей гибели...

Дрогнула земля, вечернее небо совсем потемнело, а потом внезапно сверкнул солнечный диск.

Танцоры исчезли — так же как ассирийские колесницы, разрушенные аккадские города, нежная цивилизация Народа Цветов. Теперь мы увидели в зале совсем иную сцену. Весь пол был заставлен кроватями. Сестры в белых чепцах и бело-серых платьях до полу сновали между ними, разнося эмалированные чашки, белые с голубым краем.

У самого моего окна стоял молодой мужчина с невидящим взглядом. В его темных глазах застыло напряжение смертельного ужаса. Его куртка цвета хаки была расстегнута; на майке были изображены крылья и буквы Р. Ф. К. — «Королевский авиационный корпус».

— Так Ганнет был госпиталем!.. — успела произнести Фиб, пока новый толчок не скрыл от нас эту картину времен войны с кайзером...

Теперь мы увидели некое собрание. Произошла смена декораций: изысканно украшенный зал XVIII века превратился в мрачное помещение со стенами из грубых сосновых панелей. Возникла эстрада, и на ней за столом восседала группа людей, до ругани споривших между собой; из зала за ними напряженно следили мужчины и женщины глуповатого деревенского вида.

— Должно быть, это Великие дебаты о Мировой Федерации, — определил Помфрет. — Тогда по всему миру так спорили. Теперь нам трудно представить, о чем они могли спорить; но если б они не договорились, то весь мир бы погиб в диких междоусобицах между мелкими нациями...

— Мне гораздо интересней, что собрался сделать Камушкой Бессмертный, — проворчал Бреннан. — За чем он перекидывает нас через время?

Я хотел ответить, но уступил это право Фиб:

— Это же очевидно, дорогой! Он ищет табличку!

— Точнее — его железноногие, — добавил я.

— Ну уж! — возразил Бреннан, но, видимо, понял логику моих слов. — Да, конечно! Если он сумеет раздавить табличку, то у нас не будет возможности загонять его обратно в Склеп, — усмехнулся он. — Вот и причина всех временных парадоксов, вот почему он нас щадит до сих пор, но когда-нибудь это кончится!

— Когда-нибудь кончится, — мрачно повторила Фиб.

— Мы перелетаем снова! — вскричала Лотти, хватая Помфрета за локоть.

Если не считать отсутствия кое-чего, а именно — оборудования для аукциона и рядов позолоченных стульев с позолоченными зрителями, — то зал был в точности тот самый, куда мы вошли с Джорджем Помфретом, чтобы принять участие в торгах. Я не успел подробно все рассмотреть: Бреннан толкнул меня в бок.

— Смотри, кто подъехал! — странно изменившимся голосом проговорил он. Я обернулся.

Только что приземлился старомодный вертолет; шофер погнал его в гараж, а вышедший из машины хозяин усадьбы пошел к парадной двери. Загорелый, хорошо сложенный, он был точной копией того странно задумчивого человека, что хмурился на нас со старого портрета, но — молодой копией!

— Это — Вэзил Станнард! — первым сказал Помфрет. — Но моложе, чем на том портрете!..

— И табличка у него в дипломате! — встревожился Бреннан. — Сейчас что-то будет!..

Так и есть — сзади Станнарда из кустов вырос железнообутый монстр. Мохнатая громадина бесшумно оттолкнулась от земли, ее прыжок нес гибель несчастной жертве... Но железные сапоги еще не коснулись гравия, как раздалось шипение — словно яичница с салом на сковороде: своим «Фарли» Помфрет аннигилировал чудовище на лету.

Прыжок и выстрел — все это заняло меньше мгновения.

Станнارد обернулся в удивлении, но ничего не увидел и не понял; крепко сжимая левой рукой ручку дипломата, он шарил правой в кармане, ища ключ...

— Хороший выстрел, Джордж! — воскликнул Бреннан, но мир опять закачался, потемнел и завертелся, проходя новую временную петлю...

И снова вечер лег на зеленый край. Оранжевый свет вырывался из высоких окон Ганнета. Звуки оркестра вылетали оттуда в тишину сельского вечера — мелодии, популярные лет тридцать назад. В окно мы видели очередной бал: мужчин и женщин в ярких костюмах, танцы, выпивку с закуской... Нас охватило жгучее желание вернуться в тот век невинности, когда мы ничего не знали о Камушкее Бессмертном...

— Бал-маскарад! — воскликнула Фиб.

— Какая еда! — пустила слюнки Лотти.

— Смотрите на того ассирийского царя! — прищурил Бреннан глаза от яркого света. — Это же Вэзил Станнارد! Нацепил свои археологические трофеи!.. Он здесь царит, вообразил себя могучим Ашшурбанипалом. Какая колоссальная наглость!

— Он хорошо веселится, — заметил Помфрет. — А насколько я слышал — жил он не очень счастливо.

— Так сейчас он еще *живет*!.. — Фиб показала на ближайшую к нам фигуру: — А взгляните на этого! Если бы я не видела тех, настоящих, я бы сказала, что он...

— Куда уж натуральней! — оборвал ее Бреннан. — Это он и есть! Берт! Нам нужно туда!

Человек, о котором шла речь, передвигался по залу не без труда — ему мешала сгибать ноги длинная, до лодыжек, юбка. Остальная его одежда состояла из ярких шерстяных кусков ткани, обернутых вокруг тела; за спиной шевелились веерообразные крылья, составленные из множества перьев. Голова скрывалась под орлиной маской; хищный крючковатый клюв и сверкающие глаза были совсем как живые. Он, очевидно, представлял крылатого гения и ходил с конусом, полным «люстральной» — святой — воды для оплодотворения фруктовых деревьев. Этот маскарадный костюм, отвечающий ассириологическим пристрастиям хозяина бала, был великолепен по исполнению...

— На нем не маскарадное платье!.. — дошло наконец и до Помфрета.

— Конечно, нет! — выдохнула Фиб. — Он — реальный!!

— К черному ходу, быстро! — крикнул Бреннан. И мы побежали вокруг дома, к заднему крыльцу усадьбы. Можно понять ужас, охвативший нас.

Чарли вошел в особняк с черного хода. Его жуткий внешний вид вполне сходил за маскарадный костюм — несколько экстравагантный, но тем более удачный. Что ж, по безобразному лицу мы узнаем своего Чарли.

Мы распахнули первую дверь из прихожей. Здесь на ковре сидели мужчина с женщиной; судя по состоянию костюмов, они не ждали посторонних. Парочка уставилась на нас с ужасом, как на выходцев из преисподней. Я было повернулся, но Бреннан не разделил моей деликатности.

Он совершенно спокойно свалил мужчину на пол ударом по голове. На гостях были костюмы Самсона и Далилы. С быстротой автомата Бреннан надел на себя леопардовую шкуру, а на Фиб — накидку из перьев с алмазами, сорвав ее с девушки, которая в немом ужасе смотрела на нас.

— Не бойся, куколка! — сказал ей Бреннан. — Сиди здесь, и тебе ничего не будет. Так нужно!

Мы хотели бежать, но дверь открылась и вошел, шатаясь и икая, человек в шлеме шахматной — желто-голубой — окраски и с бутылкой в руке.

— Хватай его, Берт, это твой! — указал Бреннан. — И скорей за нами! Джордж... ну, вы с Лотти уже готовы для маскарада. Охотники из Африки, потрепанные зверями. Пошли!

Я понимал, что дело не терпит промедления, но попытался выразить слабый протест. Человек в шлеме глупо смотрел на меня. Я сорвал с него шлем — классической, гладкой коринфской формы — и этим же шлемом ударил его по голове. Человек молча свалился и остался лежать без сознания. Ничего, очнется. Накидывая его голубой плащ и застегивая золотые цепочки, я подумал: странно, что Камушкой

Бессмертный забросил нас именно сюда. Ведь он прекрасно понимает, что мы можем помешать ему и похитить табличку...

Не додумав этой мысли до конца, я насадил на голову шлем и бросился в открытую дверь. Надо держаться вместе, а не то Зверь Времени легко раскидает нас по разным эпохам. Я побежал.

По просторным холлам и комнатам Ганнета слонялось множество людей. Звуки смеха и музыки, экзотические запахи дорогих духов, шуршание богатых платьев, наэлектризованная атмосфера вечера — все это будоражило мое воображение. Здесь я был как дома, в то же время хорошо понимая, что все окружающее — мираж, обман... Но все же я наслаждался тем, что снова здесь!..

У входа в бальный зал, где меня оглушили фанфары, игравшие последние дикие такты какого-то местного танца, — ко мне бросилась Фиб. На ее лице я прочел страх.

— Они пошли к библиотеке! Холл не мог здесь стрелять!.. — Она кивком показала мне на толпу танцующих. Оркестр загремел «Веселые Гордоны». Она взяла меня за руку, и мы побежали по коридору.

— Библиотека, наверно, там, в конце... — Я взглянул ей в лицо и увидел, как дрожат ее губы. — О Берт! Я все думаю о той девушке, что бежала... и я...

— Ты говорила Холлу?

— Да, но он не поверил, что это была Лотти. Но мы-то знаем!

— Будем разбираться тогда, когда это придет. Мы ведь еще живые...

В библиотеке Бреннан и Помфрет осматривали глобус, который мы раньше видели на собственной вилле Помфрета. Лотти стояла у двери, нервно кусая пальцы; она не сразу увидела нас. От крылатого гения не осталось никаких следов. Разве только запах паленого мяса в воздухе...

— Он уничтожен, Берт. Но я не могу разобраться в этом глобусе с табличкой... если все время...

— Понимаю, — прервал я Помфрета. — Камушкой Бессмертный должен попытаться снова. И он уже начал.

Внезапно дверь открылась и вошел Ашшурбанипал. Лишь на миг на лице его промелькнуло удивление; в руке появился пистолет, и во взгляде блеснула холодная ненависть хозяина к вору:

— Попались?! Наконец-то! Хорошо! Сейчас здесь будет полиция. — Он пошел к телефону.

Но Бреннан перехватил инициативу.

— Одну минуту, Станнард! — Я был восхищен той уверенностью, что звучала в голосе Холла Бреннана. — Не остаётся бы вам в дураках. Вы же не знаете, в чем суть. А мы знаем. — Не боясь пушки, он опустил руку в карман и вынул пакетик. — Поглядите на это. Потом — на ваш глобус. И начинайте думать.

Бреннан сам развернул пакетик и показал Станнарду табличку. И этот человек — угрюмый фанатик порядка, хозяин многих людей и многих денег, повелитель огромной промышленности империи — потерял свою железную уверенность. Да, Вэзил Станнард в недоумении покачал головой:

— Я положил ее туда на прошлой неделе — а глобус цел... Совершенно цел! Та самая табличка... но вы не могли вынуть ее оттуда...

— Ладно, не нудите! — Бреннан победил в этом поединке. — Мы знаем, о чем написано в этой табличке. — И он кратко рассказал, что произошло с нами. Я не удивился реакции Станнарда. Как старая акула, чуяющая поживу или угрозу, он приготовился к действию:

— Значит, если мы не запрем этого монстра обратно в его Склеп Времени, то...

— Да, это будет конец!

— Что ж, вы можете рассчитывать на меня. Я много лет не был в хорошей драке. Но такая удача — с голыми руками пойти на Зверя Времени! Хо-хо!..

Тут пол вздрогнул, и яркие огни растворились в полутьме; мы еще стояли в библиотеке Станнарда, но знали, что переброшены через время.

Станнارد этого не знал, но сразу догадался:

— Библиотека! Как она изменилась! Это же она...
о, двадцать лет назад! Мы перепрыгнули через время!

У меня блеснула мысль: если у кого ненормальная реакция, так это у нас. Любой будет изумлен после путешествия во времени, и лишь наша фамиллярность с Камушкеем Бессмертным позволяет нам не удивляться. Станнارد же был и потрясен, и заинтригован: он бегал по комнате, узнавая обстановку двадцатилетней давности...

— Это значит — старый дьявол сделал новый ход, — заметила Фиб. Ее лицо потеряло ту живость, которая так понравилась мне при нашей первой встрече; ужасы, следующие один за другим, слишком хорошо отразились на ее внешности. Если мы проиграем этот бой с агентами Камушкея и они уничтожат табличку, — тогда пропадет всякая надежда удержать Зверя Времени, а сами мы будем навсегда выброшены в какую-нибудь чужую эпоху...

Повернулась ручка двери. Мы сразу бросились в дальний, темный угол комнаты и укрылись за выступ огромного шкафа. Чарли скрипнул своими железными суставами, и Помфрет тихо выругал его:

— Достань масла, Чарли!

— Есть, босс!

Дверь открылась, и вошел Вэзил Станнارد — на двадцать лет моложе того человека, что стоял среди нас с открытым от изумления ртом. У нашего хозяина отвисла челюсть! Он еле пробормотал:

— Но это же я!

Вслед за этим младшим Станнардом появился он, долгожданный агент уничтожения — им управлял далекий Зверь Времени из своего Склепа, погребенного в песках.

Молодой Станнارد обернулся и с криком ужаса рухнул на пол с раскинутыми руками. В эту секунду Бреннан выступил вперед и всадил короткий луч своего «Крейтона—80» в железнообутого монстра. Но почти в то же время комната задрожала и огни замигали во временном переходе.

— Я... я помню это! — прохрипел Станнارد.

Мы напряженно ждали.

— Он не может запустить сюда своего киллера, не затащив вместе с ним и нас! Боже мой! Это может длиться...

— Чертовски долго! — подхватил я. — Думай, Холл! Надо расколоть этот орех, найти выход из вечного шаха!

Быть может, думал я, с жалостью поглядывая на красно-золотые волосы Лотти, на ее белоснежную кожу, — быть может, нам удастся как-то вырваться из страшной временной петли — так, чтобы не произошло этого ужасного бегства по картинной галерее... и, может быть, — находки обезглавленного тела девушки в беннетовском комодее...

На ковре отвратительной кучей лежал застреленный Бреннаном железноногий — вместе с нами его захватило во временной прыжок; и теперь я разделался с этой падалью одной вспышкой своего «Фарли». Только запах паленого мяса повис в воздухе, да черное пятно осталось на ковре.

— Экономка так и не поняла, что это такое, — заметил Станнارد. — Мы продвинулись вперед лет на пять. Если не ошибаюсь...

Он не кончил: мы услышали тяжелое дыхание человека, в безумном страхе ломящегося в дверь; дверь распахнулась настежь, и вбежавший Станнارد подскочил к одному из ящичков письменного стола. Он открыл его наполовину и уже вынимал оттуда пистолет, когда в дверях появился крылатый орлиноголовый гений...

Я не мог бы сказать точно, чья именно пушка испарила этого демона. Конус смертоносной радиации стянулся в луч — и ничего не осталось.

— А я-то голову ломал — ведь мне тогда не удалось и прицелиться, — сказал Станнارد, глядя на своего двойника. Пол покачнулся. — Кажется, мы снова улетаем!

Во время временного прыжка я подумал, что комедию пора кончать. Нужно скорее найти способ остановить эту карусель и проломиться к Камушкею. Как сказал Бреннан, эта попытка Зверя Времени

раздавить табличку — может продлиться весьма и весьма долго...

Не хватит ли с нас этих прыжков? Когда библиотека приобрела четкие очертания и Вэзил Станнارد начал прикидывать дату, — я двинулся к двери.

— Куда ты, Берт? — крикнул Бреннан. — Табличка же здесь. К. Б. посылает свою банду именно сюда...

— Держи Лотти. Я думаю, что дом унесет меня через время вместе с вами; а эти твари, очевидно, болтаются где-нибудь снаружи, скажем — около тех ломаных машин из будущего города. — Я открыл дверь. — Я буду очень рад, если найду железногого!

— Если так, — взволновался Помфрет, — то, я думаю, Лотти не стоит здесь держать!.. Да и Фиб тоже!

— Да-да, Джордж! — ко мне вернулась моя обычная раздражительность. — Я имею в виду — чтоб она не попадалась на пути железноногих!

— Я, пожалуй, согласен: они все — из той шайки, что прикатила с нами в той футуромашине, — сказал Бреннан. — Так что ты останешься с нами во всех скачках, Берт. Но...

— Нет времени для «но»! — Пол трянуло, лампы замигали. — Пока!

Я выбежал наружу. По коридору ко мне приближался монстр, и я почти машинально выстрелил в него. Давно прошло то время, когда отвращение к убийству задерживало мой палец у спуска; теперь во мне не было жалости к этим агентам уничтожения, чудовищным порождениям времени. За окном желтая луна разливала по саду свой мягкий свет, и я отчетливо увидел опрокинутые машины; из одной выбирались новые дьяволы.

Решение напрашивалось само собой. Я бросился к машинам, выхватив свой «Фарли-экспресс», и устроил тотальную позитронную аннигиляцию. Закончив с этой малоприятной задачей, я повернулся к дому.

И ясно увидел в освещенном окне верхнего этажа силуэт девушки — с криками ужаса она убегала от железнообутого монстра.

XIV

Это могла быть Логги, могла быть Фиб, могла быть и неизвестная мне гостья этого дома. Из-за собственной глупости я уже потерял Ишфру; но больше я такой ошибки не повторю — ради Джорджа Помфрета и Холла Бреннана!

На бегу я почувствовал сотрясение земли, в глазах у меня потемнело; временной скачок исказил все окружающие предметы. Не хуже профессионального взломщика я взобрался по водосточной трубе. Окно было разбито — верный признак, что я иду по следам монстра. Я спрыгнул с подоконника на пол и увидел разбросанное по комнате оружие: опрокинутые панцири, целые снопы пик и алебард, мушкеты и винтовки Энфильда, высыпанные из ящиков, как спички из коробков. За дальней дверью, подумал я, должна быть картинная галерея. Я пробежал туда — ни души. Картины висели на местах, где я когда-то видел только пустые прямоугольники; сундуки и комоды стояли под каждым окном. Меня охватило жуткое предчувствие.

Какая-то мерцающая невещественность обволакивала комнаты. Под лестницей появился человек — и с космической скоростью промчался мимо меня вверх. Я с изумлением поглядел ему вслед; но тут женщина и робот с мешком белья промчались вниз мимо меня, чтобы исчезнуть в служебной половине дома.

Я остановился около кресла и одной рукой оперся о его спинку; но оно вдруг превратилось в стол красного дерева. Лампы мигали так часто, что получалось слабое свечение вполнакала. Картины на стенах менялись. Канделябры падали и становились другими. Как в мультфильме, менялись обои и обивка мебели.

Но самое страшное — страшнее землетрясения в Борсуппаке — была какая-то нереальность окружающего. Ничто из видимого мною — не оставалось неизменным...

Все новые люди проносились мимо меня. Я часто видел самого Вэзила Станнарда, а также и другого человека, властные движения которого говорили, что

это, несомненно, Лестер Нортроп — последний владелец Ганнета.

Я понимал, что происходит, но легче от этого мне не было. Камушкой Бессмертный, отчаявшись перебросить нас подальше от таблички, запустил теперь этот слепящий вихрь светотени. В безумной панике он перемешал все временные линии, как моток ниток. Отвлекая нас множеством и скоростью временных прыжков, он надеется, что мы наконец запутаемся и прозеваем монстра, пришедшего уничтожить табличку.

Я спустился по лестнице и пошел к бальному залу, понимая теперь: и мои товарищи, и я, и оставшиеся монстры будут перемещаться только все вместе. Хронологическое время вокруг нас закручивалось в петли и узлы. Мы улетали все дальше и дальше. Я вломился в какую-то дверь, перелетел через низенький столик; но не успел я упасть на пол, как столик исчез.

В нескольких сантиметрах от меня в пол вонзилось смертоносное острие, железный наконечник на ноге монстра.

Его свиные глазки покраснели от ненависти.

Я выхватил «Фарли», но зверь успел выдернуть острие и ловким ударом выбил пушку у меня из рук. Пистолет заскользил по полированному полу и угодил в отверстие решетки эр-кондиционера, искусно замаскированной в дубовой резной панели.

Теперь я был отдан на милость железнообутых!

Я вскочил на ноги. Во рту пересохло от непреодолимого страха. Вокруг нас все менялось, события мелькали, как кадры в кино, — рауты, балы, похороны, свадьбы... Я уворачивался от ударов острия и думал лишь о том, удастся ли мне дотянуться до заветной решетки: в это время бальный зал вдруг наполнился массой вещей, принесенных сюда из других комнат.

Увиливая от зверя, я понял, почему никто из присутствующих нас не видит: для них мы существовали всего мгновение и улетали вновь в просторы времени.

Тяжело дыша, я стоял за широким изгибом лестницы и видел железного, шарящего по комнате в поисках меня. Он был похож на уверенного жирного кота, играющего с мышью.

Я рванулся в сторону, но был грубо отброшен назад внезапно возникшей скульптурной группой. Я покатился по полу. С этой стороны путь мне закрывал панцирь миланской брони. Бежать некуда! Я прислонился спиной к холодному металлу; монстр приближался; я чувствовал кровь, текущую из пораненного при падении лба.

И вдруг я увидел... самого себя, удивленно на меня глядящего!

Да, это был я сам, беззаботный, случайно зашедший с другом на аукцион... И тут мой двойник исчез.

Исчезли статуи и панцирь. Я бросился бежать в открывшийся проход, хрипя, как раненый олень. Вверх по лестнице, через четыре ступеньки, по длинной галерее — кровожадная тварь сопела за моей спиной... Надо проскочить мимо нее и вернуться к друзьям — они вооружены!..

Четыре раза я пытался увильнуть в расчете, что зверь пролетит мимо; но он не отставал от меня ни на шаг.

Я вскочил в пустующий рыцарский зал и захлопнул дверь. Монстр без труда ее разломает, но я хотя бы успею немного отдышаться. Дверь затряслась. Но вместо треска ломаемого дерева я услышал глухое топание железных сапог по старому деревянному полу. Я осторожно приоткрыл дверь.

Да! Случилось то, что должно было случиться!

По картинной галерее ко мне с криком ужаса бежала Лотти, а за ней — железнообутый. Я выскочил, понимая, что должен как-то помочь ей. Она задыхалась. Чудовище схватило ее за платье; пытаюсь вырваться, она сломала длинные ногти. Полетели в сторону туфли на шпильках; одежда затрещала... Обнаженная, она все же вырвалась из смертоносных когтей и, вопя, побежала назад по картинной галерее.

Я помчался следом.

У третьего окна стояли Фиб и я сам, в ужасе мы смотрели вслед бегущему монстру. Я прибавил бегу, но обе фигуры уже исчезли.

Но ведь я же и без пистолета справился с теми крокодилами! Значит, и с этим мохнатым смогу разделаться! Нож, на котором засохла крокодилья кровь, оказался в моей потной ладони. Я отчаянно рванул вперед, глотая воздух.

Щелк! щелк! щелк! — таинственные часы отсчитывали прыжки через время. За секунды наших драматических схваток — люди, живущие в этом доме, проводили целые месяцы и годы. Не удивительно, что вокруг этого дома вилось столько легенд и страшных историй!..

Лотти выбежала на верхнюю площадку лестницы. Зверь — за ней, пуская слюну. Меня, у которого перед глазами вставало безголовое тело из сундука, каждое пролетающее мгновение жгло раскаленным железом.

Где-то в доме, держась на этой временной линии, наши ищут Лотти — Бреннан и Помфрет, Фиб и Чарли. Какого дьявола, выругался я, они не смогли сами ее найти?!

Но миг настал: я прыгнул на спину железнообутого.

Мохнатая шкура страшно воняла.

Я вцепился левой рукой в жирную, спутанную шерсть и раз за разом погружал свой нож в бок зверя, чувствуя скрежет лезвия по костям. Признаюсь, никакой радости боя, гордости за себя я не ощущал — только непередаваемое отвращение...

Проклятая тварь заурчала, как паровой котел высокого напора.

Раненый зверь извернулся, пытаясь цапнуть меня лапой. Горячий коготь уже прикоснулся к моему боку. Но я держался на мохнатой спине, весь в поту и крови; глаза мои заплыли, в глотке пересохло, звон в ушах глушил меня... Собрав все силы, зверь встряхнулся, я соскользнул с его спины, и в моей руке остался большой клоч вонючего меха. С тяжелым стуком я свалился на пол.

Всего в ярде от меня, в стене лестничной площадки, виднелась низенькая дверца с панелью из ценнейшего красного дерева — цвета запекшейся крови. Распростертый на полу, оставивший нож в боку врага, я с ужасом смотрел на нависающего надо мной зверя. Его кровь забрызгала меня и все вокруг. Лотти сбегала по лестнице, крича и хватаясь за голову. Зверь нанес мне удар.

Перекинув свое тело, я ухитрился использовать силу смертоносной железной ноги. Удар пришелся по дверце, она открылась, и я проскочил в нее. Головой я ударился о какие-то перила. Мой желто-голубой шлем с узором из кровавых пятен глухо зазвенел. Задыхаясь, с искаженным лицом, я привстал и заглянул через перила: снизу на меня смотрел я сам!..

Да, с оркестровой галереи бального зала я смотрел на себя, смотрящего на меня...

Я попытался что-нибудь сказать — ответить на вопросы, которые я тогда хотел задать своему двойнику, но не смог. В любую секунду монстр ворвется сюда, словно дьявол из преисподней, и насадит меня на острие, как мясо для кебаба.

Вспышки света, боль в голове, искры в глазах, выстрелы и рев ракетного выхлопа... Мой несчастный мозг вынес это. Все затряслось, а сильнее всего — мое тело, попавшее в самый центр нового скачка.

В этой временной перемене было нечто новое, зловещее... Здесь нужно быть готовым к любой неожиданности.

Фиолетовые переливы света во тьме, подобные огненным сполохам полярных сияний, — такого я еще не видел... Заключенный в пузырь искривленного времени, я беспомощно барахтался, погружаясь в вязкое болото забвения.

Холод стального пола обжег мои ладони и колени — я стоял на четвереньках.

Когда фиолетовые переливы света померкли, я начал вставать. Рука нащупала какой-то предмет, я наклонился и увидел пудреницу — старую коробочку

с окаменевшим кусочком пудры, израсходованной много лет назад...

И я понял, что достиг наконец нашей заветной цели: Склепа Времени Камушкея Бессмертного!

Я вскочил на ноги и, шатаясь, оглядел весь огромный зал. Здесь ничего не изменилось: твердый металл, гнетущая тишина, ощущение страшной и могучей энергии, запертой за этим железным занавесом.

Я медленно повернул сильно болевшую шею, ища глазами те два загадочных пламени — желтое и розовое, что светились здесь раньше.

Я испытал шок. Оба пламени, розовое и желтое, горели по-прежнему, но съжились, уменьшились. Они болезненно колебались, волновались от неосязаемого мною ветра, чье холодное дыхание доносилось сюда через горизонт времени.

От брака Камушкея Бессмертного и Анкло Желанной родились близнецы Муммусу и Шошшусу — прекрасные девушка и юноша. Теперь, измученные многовековым бодрствованием, утомленные непрерывными усилиями удержать узы на собственном отце, Звере Времени, — они почти до конца исчерпали свои силы.

От языков пламени послышался вздох.

Слова — значение их я не мог понять — звучали как шелест падающих листьев в осенних рощах. Я смотрел на оба пламени, на их слабое, побледневшее сияние — в них уже ничего не оставалось от того уверенного спокойствия, которое так утешало нас тогда, после стольких перенесенных ужасов.

Жгучая жалость шевелилась во мне. Чувство глубокой благодарности, восхищения и вины — спаяло мою личную судьбу с судьбой этих пламенных близнецов. Ибо теперь я видел ясно: если близнецы не устоят, если погаснут огни Шошшусу и Муммусу, — то Камушкой Бессмертный победит.

Как волны от необозримо далеких квазаров — через мрак пространства и времени — их голоса достигали моего слуха, жалуясь, отчаиваясь, прося и требуя.

Эти голоса приходили ко мне, входили в меня без слов.

Ограничены были их силы. Утонченные, хрупкие, легко уязвимые, они все же пытались выполнять свою задачу, лишь слабо беспокоя поток времени и почти не нарушая хода жизни Вселенной в пределах нашей мировой линии. Теперь я понял, сколь многим в счастливом исходе наших приключений были мы обязаны заботливому вмешательству. Теперь, когда их отец — Камушкой Бессмертный — в текущем времени втянул временной пузырь в свой Склеп, чтобы забросить в Ганнет новую банду железнообутых, — добрые близнецы тайно сумели превратить этот пузырь в спасательную капсулу для меня.

Ибо, понял я, только пожертвованная человеческим существом энергия способна восстановить их силы, помочь выковать на этих мистических огнях новые, крепкие цепи для Зверя Времени.

— Что еще желаете вы взять у меня?! — прокричал я. — Мою жизнь?!

Мои слова быстро заглохли в пустоте гигантской палаты, и я понял: что может весить моя жизнь на весах семи тысячелетий...

Мне почудилось, что за моей спиной сдвинулся огромный лист железного занавеса. Я повернулся. Да! Занавес двинулся!

Он начал подниматься, миллиметр за миллиметром.

Я знал — знал наверняка, — что лежит там, за занавесом. Металлическая машина ползла вверх — ровным, еле ощутимым ходом, и сама эта вкрадчивая славность говорила о хитрости, коварстве того, кто там прятался, — о его желании внезапно вырваться оттуда, все поражая...

Открыв лицо, я смотрел на поднимающийся занавес. Огни пламени — розовый и желтый — рвались вверх, утончаясь, развеваясь короткими паническими толчками.

Что же произошло? Может быть, все запоры, наложенные на Зверя Времени, рухнули и теперь остался лишь этот последний железный занавес, удерживаемый

седьмым, недосказанным заклинанием? Страшная тяжесть давила на мои плечи. А голос близнецов нашептывал мне: «Мы стары и слабы, мы отдали всю свою силу, чтобы сдержать то зло, которое породило нас... нам нужна свежая жизнь, свежая энергия, свежие желания...»

Я опустил руку в карман, нащупал листок, достал, разгладил — тот листок, что когда-то в футура-автомобиле города снов я в такой спешке скомкал и сунул в карман. Кто же жил в том городе? Люди или... Сейчас этот вопрос будет решен вместе с судьбой всего человечества.

Я начал читать.

Даже на английском эти грозные заклятия звучали полновесно и округло, словно медные шары...

Странное мерцание возникло в воздухе и наполнило весь зал. Перезвон маленьких гонгов взорвал тишину. Стали оживать и прыгивать с фриза каменные звери — вначале они вслепую тыкались туда-сюда, но постепенно они начали просыпаться, готовые броситься на меня и разорвать.

Я читал дальше, руки мои тряслись; и чем дольше я читал, тем яснее понимал, что вовсе не мое чтение загонит Камушкея Бессмертного в его Склеп Времени. Нет, одни мои слова сделать это не могли. Тут нужна была моя жизненная сила, жизненная сила всего человечества, лишь она, в соединении с силой заклинаний, могла позволить Шошшусу и Муммусу, истинным Стражам Склепа, выполнять предопределенную им задачу.

Высокие, торжественные столбы огня, желтый и розовый, росли с каждым произнесенным мною словом, наливались уверенной мощью. И во мне росла уверенность. Я читал все смелей.

Движение железной массы остановилось.

Звери — ламассу и утукку, грифоны и железнообутые из глубин преисподней, где царят нечестивые божества Нергал и Эрешкигал, — вся эта медленно пробуждающаяся стая монстров с фриза начала отступать по своим собственным следам и снова становиться частью настенной резьбы.

Вновь возвращались миру сила и уверенность.

Железный занавес ударился о верхнюю ступеньку лестницы с глухим, мрачным звуком — словно нижние врата ада со скрипом заперли самого дьявола.

Волна воздуха со знакомым кисло-сладким запахом озона прокатилась по залу. Перестав читать, я выпустил из руки листок, и он, трепеща, упал рядом с окаменелой компакт-пудрой.

Мы победили! — меня охватила щенячья радость.

Тут мысли пламенных близнецов вновь полились в мой мозг, теперь — сильные и мудрые. Заклятие не было еще выполнено мною: ведь уголок обожженной глиняной таблички был отломан, и я не знал конца последней фразы. И даже компьютер не смог восстановить эту завершающую часть заклания. Так, значит, все повторится сначала? Значит, нам снова не удалось загнать Камушкея в ловушку?..

Как бы в подтверждение этой мысли, железный занавес затрясся от удара изнутри словно огромный гонг загрохотал в зале.

Мысли пламенных близнецов ускорили свой бег в моем сознании, говоря мне: они могут вернуть меня в мое собственное время — в тот момент, когда Камушкой Бессмертный впервые ворвался в наши жизни; и мои товарищи тоже смогут оказаться там. Спросив о несчастных багдадских полицейских, я понял, что и они будут возвращены в привычные им время и место.

Я сделал небольшое уточнение: нас перенесут не в самолет, летящий над Ближним Востоком, а прямо в безопасный уют комнаты Джорджа Помфрета.

Последний раз я обвел взором Склеп Времени, быстро взглянул вверх, где над эбеново-черными ступенями свисал металлический занавес. И тогда я поклонился — я знал, что пламенные близнецы, Шошшусу и Муммусу, отпрыски Камушкея Бессмертного и Анкло Желанной, поймут этот жест благодарности... фиолетовая пелена обволокла меня, мир качнулся и...

— Это Берт! Берт! Какого черта!.. Где ты был?!

— Я был почти что здесь, — ответил я, оглядывая комнату Помфрета, где все еще стоял мой глобус с вырезанной в нем дырой. — Но не совсем.

Помфрет схватил меня за руку. Лотти бросилась целовать меня — такой ее я еще не видел: заплаканная, с красными глазами, с потеками макияжа на щеках... Они уже давно сидели здесь, не понимая, как это случилось. Холл Бреннан сидел за столом, подперев голову рукой, с остановившимся взглядом; другая рука его была судорожно сжата в кулак...

Лотти снова разразилась рыданиями.

Чарли, уродливый, как всегда, вошел топоча и внес коробку с новыми тканями — для обивки стен?

Помфрет покачал головой. Я обвел глазами его уютный кабинет — и все понял...

— Нет, нет!.. — Я нащупал рукой стул и грохнулся на него.

В моем сознании туманно пробежали воспоминания о том, что мы прошли. И так, мы спасли мир. Мы загнали ненасытное чудовище назад в его гробницу. Но потребовалась и была принята жертва. Мы заплатили свою цену...

Собравшись с духом, я встал и подошел к Бреннану. Положил руку ему на плечо. Но снял — мне не хотелось, чтобы догадка оказалась верной...

Но Бреннан поднял голову и открыл мне свое каменное лицо:

— Ты знаешь, Берт?

Я кивнул.

— Мы сумели загнать Камушкея Бессмертного обратно в Склеп, — сказал я. — Но...

— Это хорошо... — Он тщательно произнес эти слова, будто боясь, что потеря контроля над своей речью вызовет срыв и слова польются бессвязным потоком... — Это очень хорошо. А я этого и хотел, так ведь?

— Да, Холл. Ты хотел этого — ради всех.

— На этот-то раз Зверя Времени заперли надежно? — спросил Джордж Помфрет.

Я хотел ответить утвердительно, но тут позвонил телефон. Чарли послушал и сообщил нам:

— Будет проводиться следствие о теле девушки, найденном в комодке. Нас всех просят там быть.

— Я буду там, — сказал Холл Бреннан. — Я хочу ее увидеть.

Где-то под песками пустыни Камушкой Бессмертный ждет, когда снова ослабеют узы заклятий. Тогда он еще раз попытается выйти на свободу, чтобы похитить наш мир.

Но об этом пусть позаботятся люди, которые будут жить здесь через семь тысяч лет.

Да, пусть они позаботятся об этом...

РОМАН

Планета кочующих
ГОРОДОВ

И земля, и все растущее на земле, и звери в полях, и птицы в небесах, и рыбы в морях будут отданы в руки мужчины и женщины, и их детей, и детей их детей отныне и навеки, ибо написано, что дети мужчины и женщины будут вкушать от древа познания добра и зла, и узнают то, что могут познать себя в судный день, и не будут разлучены друг с другом в последние дни

Книга Бытия, глава 2, стих 17 (с 7)

I ПЕРЕЕЗДЫ

Он решил, что сможет подремать часа два, пока передвигают остаток города. Спать ему очень хотелось; но и пропустить такую возможность было жалко. Постоял у постели, думая — какой дрим запрограммировать: «Дримосхему» или «Дриматику»; наконец решил положиться на старый надежный «Дай-ал-дрим».

Вызов сделал сам, не пользуясь роботом, и расписался так же, как на своих чеках: Д. Ку-Зет Марсден. «Ку-Зет» не означало ничего. Набрал что-то неназойливое, мягкое и спокойное, с солнечными лужайками, с отдаленным журчанием воды, гудением жуков, с полным ощущением безмятежности и счастья. Система Сновидений позаботится о его психике — она отыщет в каталоге нужные впечатления, чтобы проснулся он здоровым и уверенным в себе.

Он повалился на низкую кровать — и тут вспыхнул его персональный видеоэкран. Вот невезение! Если бы можно было не заметить... Но зуммер не умолкал, и пришлось вставать. На экране появилась Флора Вальдесей. Он быстро распахнул дверь, и Флора, излучая свой обычный шарм, вошла в комнату. Вслед за нею ввалился человек, чье лицо — жесткое, с тяжелой челюстью и резкими чертами — было знакомо Марсдену. Хотя, кажется, они никогда не встречались.

Небрежно кивнув, Флора сразу устремилась к окну-экрану на западной стене; прихватила по пути стул и уселась, сбросив движением плеч свою любимую теплую куртку с золотыми звездами на голубом поле. Прodelав все это, она напряженно уставилась на экран:

— В прошлый раз я не посмотрела, как двигали Лoadен.

— Ну так будь моей гостьей.

Она усмехнулась:

— Дуг, кровати-то у тебя для секса, а не для сна.

— Поговорим об этом часа через два, Флора.

Пол под ними вдруг накрепился.

— Сегодня они решили начать пораньше. — Пришедший мельком взглянул на Флору и повернулся к Марсдену. — Раз наша дама так занята, я уж сам представляюсь. Мэсон Уормлей.

Они пожали руки друг другу. Да, о Мэсоне Уормлее ходило много странных слухов. Доверенное лицо мистера Эр, он вращался в недоступных для Марсдена сферах; впрочем, Уормлей не мог не знать о спортивных увлечениях Дугласа.

Пол снова дернулся, на этот раз так сильно, что со стола упал стакан.

— Команды работают все хуже и хуже, — усмехнулся Уормлей. Он был настроен на вежливую беседу. Марсден налил ему рюмку и встал за спиной у Флоры. Он никак не мог понять, зачем явился этот незваный гость. Комната опять двинулась, экраны качнулись и с угрожающим стуком ударились о стены. Флора почему-то засмеялась.

— Ты здесь как старый обросший краб, Дуг, — сказала она Марсдену. — Зачем ты забрался в этот Хейлет-Вилладж?

— Это мой дом.

Уормлей подошел к ним, и все трое принялись наблюдать, как последние дома города поднимались в воздух.

Хейлет-Вилладж и его сосед Чиппинг-Хамлет — были последними районами Лoadена, подлежащими передвижке. Хай-стрит и парк плыли по воздуху на фоне восходящего солнца. Лучи его отражались от

экзисенсных антенн и шпилей и просвечивали сквозь плющ, свисающий с ровно посаженных деревьев. На тротуарах толпилось несколько человек. Когда Хай-стрит покачивало, они теряли равновесие и хватались — кто за столбы и стенки, кто друг за друга. Флора снова засмеялась. Видно, ей очень нравилось это зрелище.

Когда дом Дугласа оторвался от земли, чтобы занять свое место в летном строю, Уормлей, желая польстить хозяину, сказал:

— Я видел по TV фехтовальный чемпионат. Вы были хороши, Марсден. Наверно, иметь такую мощь — огромное счастье.

Марсден удивился:

— Вот уж не думал, что кто-то еще смотрит TV.

— Да, я из последних могикан. Что поделает, телевидение постепенно вымирает.

— Подумаешь!.. — усмехнулась Флора. Глаза ей слепило солнце, но она все же пыталась рассмотреть транспортные команды, копошащиеся в своих антигравитационных ячейках. — Экссесс — это гораздо смешней.

— Считают, что новости и текущие дела — это слишком эфемерно. Но когда Эр вернется к власти, — многозначительно объявил Уормлей, — будет много перемен.

— Не надо политики! — отрезала Флора. — Смотрите-ка! Спорим, они не поймают этот гараж!

К парапету платформы были причалены два скиммера, и незакрепленный гараж свалился прямо на них. Пустые, неуправляемые скиммеры камнем полетели к земле и бесшумно исчезли в буйных зарослях городской окраины. Листья и ветки сомкнулись — и теперь было бы бессмысленно искать там упавшие машины.

— Бездельники! — кратко оценил Уормлей качество работы транспортной команды.

Гараж передвинули на место. Хейлет-Вилладж и Чиппинг-Хамлет — две беспорядочные кучи домов неопределенного возраста, два огромных кирпичных лайнера плавно скользили в утреннем воздухе.

Странное дело, этот Уормлей — и привлекал, и отталкивал Марсдена. Дугласу захотелось прощупать гостя.

— Видимо, Эр разделяет взгляды Гоббса, — сказал он. — Классик говорит в своем «Левиафане», что права отдельных личностей должны быть признаны суверенными. Я правильно говорю?

Уормлей повернулся к нему:

— Эр разрабатывает философию управления. Мы ждем со дня на день его свежих решений. А все эти доатомные, докосмические системы — для нас просто мусор.

Марсдену пришлось согласиться.

— Новые ценности изменили общество, — сказал он, стараясь казаться спокойным, но чувствуя в глубине души, что не простит Уормлею его презрительного тона. — Однако вы забываете о Томе Пэйне, а ведь его слова — это непреходящие истины. Даже здесь, на планете Парсло, люди остаются людьми, как и на Земле.

При слове «Земля» Флора оторвалась от зрелища летящего города.

— Земля, — повторила она. — Мэсон сказал мне, что мы надолго застрянем на Парсло. Галактика, мол, беспокойна. — Она усмехнулась. — Когда она спокойна-то бывает, хотела бы я знать...

— Сейчас нельзя разбазаривать транспорты и старлайнеры на экскурсионные поездки, — с холодной казенностью разъяснил Уормлей. — Теперь, на Парсло, мы должны полагаться главным образом на самих себя.

— Да всем известно, что инопланетяне — тупицы, — оживилась Флора. — Настоящие дубины. Пока не пообвыкнут на Парсло — на них смотреть смешно. Даже моя сестрица Полли была сначала как дурочка деревенская... Но в их культуре есть что-то такое... У них ведь разрешительное общество...

— Парсло покончила со всем этим, — жестко сказал Уормлей.

Из окна было видно, как внизу по полям скользит огромная тень летящего города. Они пролетали над расчерченными фермами, где, не разгибая спины,

трудились роботы. Пролетели над обширной безлюдной зоной, где бушевало море дикой зелени: покинутый сайт — отсюда когда-то улетел такой же город. Уормлей глубокомысленно озирает окрестности, на лице его было написано недосыгаемое превосходство над простыми смертными. Но вот он дернул застежку воротника, кожаные нашивки блеснули золотом, и Дуглас вспомнил все, что он знал об этом человеке.

Несколько лет тому назад в ресторанах, спортклубах, спартанских кругах поползли первые слухи о некоем деятеле, известном под инициалом «Эр». Мэсон Уормлей был в числе приближенных этого лица, а Марсден никогда не лез в практическую политику. Хватало того, что феноменальная память позволяла ему в любой компании приводить подходящие цитаты. Кстати, он даже не гордился этим даром, а просто считал его частью своей натуры.

— Встретиться с Эр?.. Неплохо придумано, — сказал вдруг Уормлей. — Полагаю, что смогу это устроить.

— Да, конечно... — подтвердил Марсден, застигнутый врасплох: ведь он не просил об этом.

Перелет подходил к концу, и механики транспортного контроля уже выстраивали Хай-стрит над тем местом, где ей надлежало располагаться. Сначала посадили гараж — видимо, он, после этой аварии, вызывал у них особое беспокойство. Опустили пару драг-сторов¹, вертолетную стоянку и универсам — аккуратно, прямо на позицию; потом поставили библиотеку и сад. Остальная часть города — деревни-микрорайоны и муниципальные комплексы — простерлась на добрых пять миль. Марсдену повезло: он выбрал удачное место для жилья. А заработок преуспевающего спортсмена позволял прилично жить в этом перелетном обществе.

— Спасибо за прогулку, Дуг. Прекрасное зрелище! — Флора поставила на стол пустую рюмку, поправила волосы перед зеркалом и собралась уходить. — Мэсон берет меня на вечер в честь Мелвилла. Ты там будешь?

¹ Аптеки-рюмочные.

В этом вопросе не было никакой издевки. Ведь Флора при жизни его матери так дружила с ней. Но в голове ее всегда гулял ветер. Она и не догадывалась, какую отравленную стрелу воткнула в душу Марсдена.

— Нет, я, пожалуй, не смогу прийти.

Уормлей взял ее под руку:

— Ты забыла, Флора? Мелвилл же победил Марсдена в финале.

— Ой, верно! — спохватилась Флора. — Ну, Дуг, ты в другой раз победишь. У тебя ведь это здорово получается.

Марсден отвернулся к окну. Кто такая Флора Вальдесей? Легковесное существо, «своя девчонка» порхает от мужчины к мужчине, хохочет не смолкая и потягивает через соломинку — словно коктейль в баре — дни своей безоблачной жизни. Что от нее требовать? Марсден повернулся к гостям.

— Верно, Флора, иногда получается. Может, когда-нибудь получится сразу все...

Уормлей прервал его; он не грубо, но внушительно заслонил Флору своим крупным телом, как бы защищая от возможной обиды:

— Ручаюсь, что уже чувствую разницу в воздухе. Легче дышать. Ягоды на этом сайте очень хорошие.

— Тони сам его выбрал — он на это мастер! — Флора поспешила к двери. — На сайтах у Мандрэйка ягода всегда хорошая. Мы с ним ходили на вечер к Мифлинну, и он мне там такой гороскоп показал!.. Просто чудо! Правда, пока что ничего не сбылось...

Марсден ударил по тумблеру, открывая им дверь. Напоминание о Тони вдруг привело его в ярость. Захотелось раздавить их дверь. Или стать великаном, схватить их за горло и душить, как котят... Но он сдержался. Правда, мысленно, все же выпустил в обоих по целой обойме. Почувствовал явственно, как течет по пальцам липкая кровь. И крикнул им вслед:

— Славно погостили!.. До встречи!

— До встречи! — Они забрались в свой флайер, отчалили — и взмыли прямо против солнца.

Разумеется, Уормлей никак не мог уловить усиления Парсло-Радии. Эффект слишком тонкий,

чтоб так сразу «задышать». Марсден понимал, что Уормлей совершал ритуал — общепринятое лицемерие. Каждый мечтает о свежих сайтах. Каждый старается показать, что именно в него Папа-Рад — радиация родной планеты — бьет сильнее, чем в прочих. Те же, кто чувствует себя неважно, терпит неудачу, — говорят: «Ягода, должно быть, повяла». Дуг вспомнил: он и сам что-то такое сказал, когда Мелвилл победил его в фехтовальном финале. И всем было ясно, что он хочет сказать.

Все друзья и знакомые считали, что Дуглас Марсден — красивый, здоровый молодой спортсмен, щедро одаренный физической силой и ловкостью, мастер всех видов спорта, беззаботный и наивный, этаким счастливец: в общем, славный молодой человек, не привыкший много думать. И, кажется, никто на свете — кроме Паулы — не подозревал в нем бурной натуры, со страстными желаниями и глубокими депрессиями — припадками мрачного отчаяния от неверия в свои силы.

Он как раз собирался позвонить Пауле. Вот только сперва надо поспать, посмотреть заказной сон, а уж потом, после переезда города, можно будет и пригласить ее. Марсден боялся, что Паула откажет ему, но в глубине души сам желал этого. Теперь Лоаден был перемещен на подготовленное плато, где Парсло-Радиация била мощными импульсами из земли. А ему вдруг совершенно расхотелось ее видеть. В последнее время он почему-то избегал всяких контактов, охваченный новыми, незнакомыми раньше желаниями. Жил он хорошо. Знал, что ему завидуют. Здесь, на планете Парсло, — за тысячи парсеков от Земли, — жизнь улыбается только тем, кто имеет деньги, талант или просто способен жить так, как придется, — без претензий. Собственно говоря, все это верно для любой планеты, населенной людьми, да и для самой старушки Земли во все времена ее истории. Но по ряду причин именно эта планета — Парсло — уникально подходила к вышесказанному.

А почему это Уормлей так хотел свести его с Эр? Беспокойство овладело Марсденом. Ведь он привык обходить острые углы, избегать бурных сцен и про-

блем, от которых расстроишь желудок. Его волновала лишь одна проблема — как стать самим собой, как оставаться самим собой, — и, решая эту задачу, он отвергал всякое чужое вмешательство: знать не хотел ни Эр, ни Уормлея, никого из этих типов.

Правда, была еще Паула.

Он теперь не засыпал, не поговорив с ней. И перед тем как окунуться вдвоем в непристойную яму страсти, он мучительно пытался хоть как-то проанализировать свое отношение к этой женщине. Они питали друг друга жгучей энергией, терзаясь своим мучительным обладанием; и, обессилив в ненасытной схватке, проваливались еще глубже — в забытые сна.

В том «разрешительном» обществе, о котором болтала Флора, едва ли испытывали что-нибудь подобное.

...Она не стала зажигать экран, когда он позвонил. Так что Марсдену пришлось говорить с безликим голосом.

— Дугги? — Когда-то он невольно засмеялся, услышав такое имя из ее уст. — Дугги, ты? Я жду твоего звонка. Что ж ты раньше не позвонил? Мой-то Глен: нарочно купил мне новый флайер, а сам махнул в Боростац. — Паула говорила громко. — Я совсем одна. Он наверняка улетел к той мышке, к блондиночке из столичного архива.

— Так, так, — пробормотал Марсден. — Ладно, дорогая. — Его раздражало, что видеотелефон не показывает ее лица. — А Глен не знает...

— Флайер называется «Экспрессон-Вертиго». С виду — так себе...

— Ого! Из лучших моделей года. Скорость — Мах-три¹. Нет, за твоего Глена стоит заступиться: он у тебя не жмот...

— Дугги, дорогой, хочу тебя видеть. Я не могу без тебя жить. Я еще не в порядке — вот почему не включаю свет. Прилетай прямо сейчас!

— Но, знаешь... — начал Марсден.

— А зачем тогда ты звонишь? Не будь так жесток, Дугги!

— Буду, буду сейчас, дорогая. До встречи.

¹ Утроенная скорость звука.

— Ты еще меня любишь?

— Ты сама знаешь.

Чуть подождяв, он отключил связь. Посмотрел на постель, на подготовленный аппарат снов. Вспомнил, что сказала Флора... Взял куртку и вышел к ожидавшему его флайеру.

II

АМАЗОНКА

На Планете Парсло верность старой родине — Земле — была законом. Существовал и другой нерушимый закон: жить здесь можно только по разрешению Управления Радиации Парсло, которое никогда не ошибается. Вскоре после завершения строительства первых поселений, происходившего под командованием Патриарха Парсло, ученые окончательно отказались от всяких попыток понять природу Радиации; а ведь вначале они активно занялись измерениями и опытами, желая найти ей место в каталогах многочисленных уже известных излучений. Старый друг Марсдена, университетский доктор Пер Карлквист часто горевал об этой всеобщей покорности: теперь для любого исследования, для любой свежей мысли шлагбаум закрыт. Долгими ночами они беседовали об этом, да что там они — весь народ требовал от правительства и науки: соедините свои силы и узнайте наконец, что такое эта дающая нам жизнь Радиация!

Паула Лейден жила в городе Черекровец. Это был город пастельных тонов, город шпилей и куполов, лежащий меж серебристых пальцев речной дельты у Спокойного моря. Под ярко-красным флайером Марсдена проплывала земля — дикая и фантастическая, полная буйной зелени. А частые оспины давно покинутых сайтов колыхались самыми густыми зарослями. Он пригляделся к местности и нажал кнопку автопилота, но скорость на максимум не поставил: не хотелось слишком спешить. Зависимость от этой женщины начинала тяготить его. Да, Паула дарила

ему моменты высшей страсти, но резкие смены настроения, глубина ее депрессий — с некоторых пор просто пугали его. Он уже прикоснулся к регулятору скорости — но рука не послушалась его.

По всей юго-восточной части континента землю усыпали покинутые сайты городов... Мятежное изобилие зелени стелилось там, где шли проспекты и высились живые комплексы. У самого Марсдена мать родилась на севере, в Стирольной зоне. Там рано выпадал снег; Дуглас еще помнил материнские рассказы о зимних кострах — так странно было слушать о них на солнечном пляже юго-востока, в аромате садов. Теперь ее нет. Умерла и встретилась — там — с его отцом... Они были хорошими родителями, не стоило ждать от них большего — в тех невероятных ситуациях, которые налагали на них самые неожиданные требования...

Флайер летел стрелой — прямо на Черекровец.

С той роковой встречи уже прошло четыре года — Лейден тогда по-дружески пригласил его к себе на вечеринку. А может, четыре дня, или четыре века? Порой он совсем терял чувство времени, попадая в ауру Паулы... в ауру Паулы? или в пауру Аулы?.. Ум за разум заходит... Терял даже рассудок... терял сознание... все терял... но так много получал потом — ее дивные прелести, ее чудеса, ее сокровища. Да, тело Паулы он завоевал без труда. Но он завоевал больше, чем просто обладание ею. После всех потерь — он получил свежесть ощущений и острое чувство красоты. Все стало обращаться к нему острыми гранями. Он все время был погружен в воспоминания о Пауле — в чувственные, осязательные воспоминания о ней, сразу возбуждавшие его, он жил и дышал, чтоб увидеть ее снова... Это длилось четыре года, а может — всего четыре секунды...

Его вдруг охватило желание музыки. Оно все росло и наконец заставило набрать номер на циферблате. Теперь в его домашней кассетной библиотеке засуетился робот — рычаги перебирают кассеты и нажимают на клавиши. И вот уже вертится бобина. Изящный темный квадрат приемника сначала тихо, потом все громче наполняет кабину звуками. Это льются

первые торжественные аккорды Дворжака — симфония «Из Нового Света». Марсден слушал эти вступительные такты, позволял музыке втекать в свое сознание и обволакивать его... И вдруг — словно удар топора обрубил мелодию — раздался голос Паулы:

— Дугги! Дугги! Отвечай мне, Дугги!

Его дернуло, как от удара кулаком:

— Паула? Да, Паула!

— О Дугги, дорогой! Глен пришел домой! — Ее охрипший от волнения голос перешел в шепот заговорщицы: — Я знаю, он подозревает! Сейчас тебе нельзя сюда!

— Ну ясно! Нельзя.

— Но ты правда любишь меня, Дугги?

— Конечно, люблю!

— Я должна лететь! Думай обо мне, дорогой!.. Я уверена — Глен хочет сделать что-то страшное! Как вошел, сразу спросил меня про новый флайер. Я не смогла даже выйти — позвонить тебе. Это было ужасно!..

Марсден слышал ее тяжелое дыхание на том конце связи — но щелчок тумблера разорвал контакт. И сразу Дворжак с величественным равнодушием снова полился в кабину...

Дуглас в раздражении вырубил музыку. Это — в духе Паулы. Она же просила... На мгновение он ощутил, как смыкается черная вода над головой... все! Он наклонился и щелкнул тумблером, переключаясь на другой канал, чтобы тут же услышать раздражительный, булькающий смех Стива Уинкэма.

— Дуг! Собачий сын! Я тебя по всему свету ловил эти два дня!

— Понимаешь, только что передвинули наш Лоден. А ты бы, Стив, роботов получше поставил себе на связь.

— Хорошо, что я еще живьем тебя не ловил — на моих старых летучках. Тогда бы ты посоветовал мне купить новый флайер.

— А что, ты не можешь себе этого позволить?

— В общем-то могу... Видишь ли, я сделал дело с Куллифордом.

— Наконец-то! Это здорово, Стив! А сейчас ты где?

— Не слышу в голосе жажды встречи! Я на векторном курсе. Черекровец будет через 16 минут 10 секунд.

— Я тебя встречу в «Красном дереве». — Это была скромная таверна, где Дуг часто бывал с Паулой.

— Ну нет, Дуг. Давай лучше в «Ампи Майка»? Подойдет?

— Ладно. Слушай! Ты не введешь снова меня в Спартанские круги?

— Это можно. Я как раз придумал для тебя кой-что. Не поверишь — именно сейчас обмозговывал, а тут твой робот мне кричит, что ты — на Черекровце. Уладим. Люблю четкую договоренность.

— О чем это ты?

— Сам увидишь.

Стив Уинкэм часто темнил, скрывая свой очередной фокус. Это, наверно, было связано с его профессией — импресарио. Как мифологический герой, он поднимал зыбь — внезапно, чтобы насмешить богов.

Такие мысли пришли к Марсдену, когда он вылезал из флайера, припаркованного в тесноте около «Ампи», и увидел, как Стив Уинкэм уже потягивает у стойки «Кровавую О'Хару». У Стива был острый подбородок, но в первую очередь все замечали его глаза — светло-голубые, выпуклые, излучавшие тонкий добрый юмор. Он напоминался: его живость и румянец, возбужденная речь — все это говорило о глубокой увлеченности Стива всеми гранями жизни.

— Дуг! Что ты пьешь в эти алко-дни? Заказывай ужин.

— Что и всегда. Мне, Стив, крепкий цитрус с каплей джебала.

— Твоя история с Таккатом — это здорово!

Пожали руки. Марсден сам устраивал свои любительские матчи, но обычно толку выходило мало. Поэтому для профессиональных схваток и состязаний, за счет которых он жил, Дуг предпочитал нанимать Стива Уинкэма. Чутье спортивного импресарио у Стива было что надо.

— Почему здорово?

— Тренировка у тебя еще хорошая.
— Куллифорд, — напомнил Марсден, сделав глоток. — Вот это для тебя, Стив. Когда?
— Старик! Важнее — где!
— Ну?
— Парень настаивает — в экваториальной зоне.
— Мне подходит. Планетное вращение даст чуть больше баллона¹ — ты же знаешь теорию. А он-то почему так хочет?

— Куллифорд родился в Поляр-сити, на севере Стирола, где уран добывают.

— Ясно. И ты думаешь — экваториальный баллон поможет ему против меня? — усмехнулся Марсден. — Ну, Стив, и хитрый же ты лис. Я это могу оценить. Но ведь смотри — декатлон² сведет на нет всю разницу. Бери Куллифорда. Где и когда ему вздумается. — Он погасил усмешку. — В бруто все решает дубина.

Уинкэм громко чмокнул губами:

— Порядок, Дуг. Как скажешь. Я всегда стараюсь: все к услугам клиента.

— Так и будет, старина! Лучшие в мире экзисенсы. Люди заплатят, чтоб увидеть находку Стива Уинкэма. Вот — ирония наших дней... А почему ты хотел в «Ампи Майка»?

Уинкэм допил свою «Кровавую О'Хару» и встал:

— Пошли, покажу.

Марсден тоже встал и пошел за Стивом. На момент они отразились в высоком зеркале бок о бок. Уинкэм расхохотался, и его ослиный гогот прозвучал куда громче обычного.

— Ух, Дуг, и здоровый же ты, черт! Вот сейчас ты в зеркале — как башня надо мной. А лицом к лицу — как-то не замечал!

— Называй меня: «тактичный Ку-Зет!» — сказал Марсден, отходя от зеркала.

«Ампитеатр Майка» был построен в форме огромной миски; гордо поднимались крутые бетонные стены с отгибом наверху — их поддерживали включенные в

¹ Легкость прыжка

² Десятиборье

бетонную толщу антигравитационные блоки, иначе такое сооружение не устоит. Этот гигант считался весьма привлекательным для шоу-бизнеса: на такой сцене что угодно можно поставить.

Под полом огромной главной аудитории заключался целый лабиринт отдельных, но соединяющихся комнат, рингов и сцен; они обычно были заняты. Уинкэм вел Марсдена к «Восьмому желтому» рингу. Горизонтальные и эскалаторные ленты несли их через комплекс, а из помещений слышались выкрики, звон металла, глухие удары боксерских перчаток, легкий топот изящных ножек, резкие удары колокола. Все эти звуки и запахи канифоли, пота, пыли; невольное ощущение вкуса крови во рту — это были для Марсдена как старая, но незабвенная любовь. Люди, проходившие и скользившие мимо — боксеры, борцы, фехтовальщики, амазонки, футболисты и гирокларисты, одетые в цвета своих клубов, — вся эта смесь оттенков и стилей всех видов спорта планеты — все эти атлеты олицетворяли выбранный им жизненный путь. Марсден давно уже перерос уровень местных Спартанских кружков, но память юных лет не угасла в нем...

«Восьмой желтый» был невелик, даже тесноват. Места — человек на двадцать шесть — обычно бронировались на время особенно интересных схваток: за счет казны для всяческих знаменитостей или за собственные — и хорошие! — деньги для особенно ярых болельщиков. В переднем ряду сидела пара; они позевывали, развалясь, — сразу было видно компетентных профессионалов. Марсден кивнул им: «Джек, Молли! Привет, рад видеть!» — и сел рядом с Уинкэмом.

Шла пробная схватка. Дуглас рассмотрел подготовленный к бою ринг. В безжалостном свете лучей кружили две девушки — словно кошки перед дракой.

— Это Феникс Поппи, — тихо сказал он Стиву, устраиваясь в кресле. — Помню ее. Она еще в хорошей форме.

— Да нет, старик, смотри на другую! Мы из-за нее пришли. Валяй свое профессиональное мнение.

Если ручаешься мне за нее — заплачу без всяких, и считай, что договор готов.

Марсден сердито взглянул на веселого импресарио:

— Не надо, Стив! Бизнес есть бизнес, а мне не хотелось бы ломать ей жизнь.

И Стив, развалясь в кресле, сосредоточил внимание на сопернице Феникс Поппи.

Иные профаны сочли бы, что у мужчины нелепо спрашивать мнения об амазонке. Но Уинкэм и Марсден знали лучше. Женщина, даже если она сама — классная амазонка, никогда не даст объективного ответа.

— Ее зовут Шари Арруза, — шепнул Уинкэм. — А сама она величает себя «Алое Пламя» — дурочка еще.

Амазонки эти сражались с умом. Шари Арруза скользила по рингу в хорошем ритме. Марсден быстро измерил ее темп в секундах. Она была быстрее, чем Феникс Поппи. Одета в алое — шорты и туника, обнажавшая ее правую грудь, — она двигалась более уверенно. Ее стандартные черные сапожки до колен блестели в лучах света, твердо постукивая по брезенту ринга. Плетеный щиток, диаметром двадцать четыре сантиметра, так и плясал в ее левой руке, парируя электрические укусы бича Феникс Поппи.

Маски девушек сверкали бижутерией под лучами юпитеров.

Каждая из двух амазонок пыталась достать до тела противницы своим электрическим бичом, свистя и щелкая им. Круглый щиток отбивал удары этого змеиноного жала. Удар — отбой, удар — отбой, и хлыст опять готов для нового удара... Иногда бичи переплетались, и девушки отскакивали назад, чтоб разделить их. Победить должна ловкость и быстрота.

Уже дважды Алое Пламя была близка к победе, и Феникс Поппи лишь в последний миг удавалось поставить щиток. Марсден не мог не увлечься зрелищем — он наклонился вперед, следя за качаниями девичьих тел и взмахами бичей, мерцавших радужными отблесками ярких огней.

Сердцем бойца он хорошо понимал этих девушек — их сложные маневры, их преданность боевому искус-

ству амазонок, моральный груз, лежащий на них. Глядя на ринг, он не мог быть судьей — слишком живо сочувствовал он обеим соперницам...

Вдруг Поппи, уже казавшаяся усталой и неспособной продолжить схватку, взметнула свой бич в воздух. Как живое змеевидное существо, хлыст закружился, вибрируя и набирая силу. И вот посыпались удары — как прыжки ядовитой кобры. Шари, застигнутая врасплох, выбилась из ритма — ей осталось только отбиваться щитом. Было слишком поздно. Электрическое жало вонзилось в ее обнаженную грудь. Дуглас ясно видел искру разряда и уловил сдавленный стон девушки. Красное пятно, словно второй сосок, выступило на белой коже груди.

Молли в первом ряду встала. Она показалась Дугу жестокой и неприятной; на лице ясно виднелись следы старых шрамов, залатанных пластическими операциями.

— Хватит, дочка, — обратилась она к Поппи. — Иди оботрись. И ты, милочка! — это относилось к Шари Аррузе.

Алое Пламя сошла с ринга, держа в левой руке опущенный бич и щиток, а правой потирая ужаленную грудь. Дуглас хорошо понимал, что главная боль у нее внутри — ощущение раненой плоти было ничто в сравнении с горечью поражения.

— У тебя третий удар! — отметила Молли сухим тоном бывалого тренера. — Сегодня, милочка, ягоды тебя подвели.

— Завтра я постараюсь! — быстро возразила Шари, переводя дыхание. Ее большие темные глаза с мольбой обратились к наставнице. Марсден смотрел, как мускулы перекачивались на ее удлиненных бедрах. Молли покачала головой. Шари сняла с головы алмазную диадему, освободив массу упругих темных волос. Молли продолжала:

— Жалко, милочка.

— Но это все ягоды. Я уверена, — торопилась сказать Шари, тяжело дыша и продолжая массировать грудь. — Скоро ведь Черекровец будут передвигать. Все говорят.

— Может быть, милочка, все может быть. Иди-ка теперь умойся, приди в норму.

— Ну? — спросил Стив Уинкэм, когда девушка шла к раздевалке, волоча по полу бич. Ни разу она не взглянула ни на Стива, ни на его друга.

— Хорошо, — определил Марсден с уверенной легкостью эксперта, говорящего о том, чего он сам никогда не сможет испытать. — Но не слишком. Не высший класс.

Молли повернулась к нему с недовольным, но все же любезным выражением лица и согласно кивнула:

— Застыдилась. Но так всегда бывает. Поппи через это уже прошла. А у этой еще и не было настоящей беды.

В душе Марсдена росло раздражение. Для чего Стив притащил его сюда? Ну ладно: бедняжка пытается получить звание амазонки. Высокооплачиваемый спорт, тут тебе и деньги, и самоутверждение. Но явно проваливается. Зачем тут профессиональная компетентность Марсдена? На таком уровне вполне достаточно опыта Молли.

— Пошли допьем! — встал Уинкэм. — С нами, Молли? А Шари не захватишь?

Медленно угасало то возбуждение, которое Дуглас неизменно ощущал при виде любой спортивной схватки. Он достаточно разбирался в тайниках души спортсмена, и ему были понятны мотивы действий Стива: тому были нужны не победы, не победители — ведь все лавровые венки все равно когда-то пойдут в мусор. Дуг сам предпочел бы, чтоб все были победителями — без побежденных. Он чувствовал, как в его тело впитывается сок ягоды... Нет, ерунда, Радиация Парсло слишком тонка для этого... Но он вдруг ощутил страстное желание сойтись в бою с Куллифордом — прямо здесь и сейчас!

Вернулись в бар и стали ждать женщин. Тут Стив Уинкэм неожиданно заявил, с необычайной для него трезвой ясностью:

— Дуг! У меня не случайный интерес к Шари Аррузе. Я не хочу, чтоб она прохлестала всю свою жизнь в амазонках...

— Вот как? А что она сама об этом думает?

— ...и я помогу ей. Ну, про твои дела с Паулой я знаю. Слушай сюда. Ты ведь устраиваешь все свои любительские выходы сам. Сам себе антрепренер. Прекрасно! Профессионал, не буду критиковать. Но ведь тебе нужна секретарша, такая...

— Бог с тобой, Стив! Какая еще секретарша? У меня для такого дела работы.

— Да. И сколько раз твои роботы сажали тебя в лужу? Бери-ка лучше Шари своей секретаршей: фактотум¹ шефа, твой заместитель по всем делам, исполнитель всех поручений. Такую работу она будет делать с закрытыми глазами. Она — бакалавр по компьютерам. И сил у нее хватит — я знаю... — Стив замолчал, думая о чем-то своем.

Да, Источник Жизни в Черекровце, видимо, слабел. Радиации Парсло здесь, похоже, уже не хватало. Марсден наклонил голову, соглашаясь. Возражать не хотелось: каким-то образом он почувствовал облегчение.

— Ладно, Стив! Так и сделаю. Но если она все мои дела запутает? Тогда ты будешь своей шкурой отвечать!

— Не запутает, Дуг! Я ее знаю, а она — меня. А тебе нужен кто-то, чтобы вправить тебе мозги.

Марсден подумал о Пауле Лейден: «Мои мозги? Это — самая неразрешимая загадка Вселенной».

III

РАУТ С ЯГОДОЙ

После встречи Марсдена с Шари Аррузой у «Ампи Майка» прошло уже четыре дня. Но Дуглас с тех пор сумел перехватить лишь пару двухчасовых сеансов интенсивного сна и так и не смог погрузиться обратно, в нормальную рутину веселого общества богачей Планеты Парсло. Вновь, словно ложноножки амеб, распростер Хейлет-Вилладж свои эскалаторы, движущиеся тротуары и висячие мосты — к окрестным поселениям, к предместьям Лоаден-сити.

¹ Доверенное лицо

Жители Хейлета восстанавливали прерванный ритм своей жизни и вновь окунулись в поток вечеринок, балов, раутов, дискотек. Впрочем, все они, как и положено, усердно работали, но зато потом — большую часть времени — развлекались еще усердней. И Марсден в работе и отдыхе усердствовал не меньше своих соседей.

Профессиональная сторона его спортивной жизни обеспечивала ему приличный доход. Да и вообще в этом мире не было бедняков: нищета отдалилась от него во времени и пространстве, вместе с дифтеритом, раком, чумой...

У себя в библиотеке, где Дуг хранил призы, ему пришлось не раз укреплять полки красного дерева — чтоб не сломались под тяжестью трофеев, этой воскрешенной старины: тяжелой листвы лавров, массивных щитов, мускулистых валькирий с коронами, венков, копий в руках, — все это было сделано из драгоценных металлов и нестерпимо блестело в солнечных лучах. Сам-то Марсден редко смотрел на свои трофеи. А если взглядывал, то каждый раз горькое чувство досады перехватывало ему горло.

Ставя на положенное место свой новый кубок финалиста по шпаге (в том финале его победил Мелвилл), — он едва бросил косой взгляд на выстроенные по полкам протуберанцы прежних кубков, ряды щитов и статуэток.

«Финалист Турнира Кооператоров по астротеннису».

«Вице-чемпион (четвертый год подряд) шахматного турнира «Паладин».

«Вице-чемпион пятиборья по сирийским правилам».

«Парсло-Марафон, второе место».

Он резко повернулся, свалив рукой только что поставленный вице-чемпионский кубок по шпаге. И не стал поднимать — быстро пошел к столу.

Включил тумблером схему и приказал одному из роботов приготовить чай. Плюхнулся в широкое кресло (точно по форме спины), уронил руки на пластик обивки и задумался.

Свет в кабинете включался автоматически при закате солнца: яркость лампы росла по мере того, как снаружи сгущалась темнота. Однако то светило, ко-

торое люди Планеты Парсло именовали «солнцем», — вовсе не было тем Старым Солнцем, что светит где-то там на Старой Земле. Нет, та космическая пара Солтерра (Солнце—Земля) плыла где-то в космосе за много световых лет отсюда, далекая, как позабытый сон, окутанная мифами, уже мало трогающими душу. Планета Парсло давно порвала связь с главным потоком галактической экспансии.

Одни воспринимали Дугласа Марсдена как простого комика, другие же — как разумного человека. Всегда готовый к смеху и шутке, он, казалось, обладал неким даром — попадать в самый центр космических ситуаций. Но в последнее время ему стало как-то не хватать веселья. Он без особого успеха пытался вернуть себе прежний настрой. Депрессия расшатывала его нервы. Если он собирается победить Куллифорда в декатлоне, то ему нужно стоять на высшем уровне. Куллифорд — нынешний чемпион — должен быть побит! И осмеян штампами спортивных репортажей.

Если б только Паула позвонила!

После того памятного разговора на флайере он звонил ей четыре раза. Дважды ему отвечал Глен Лейден, и Дуглас сразу нажимал кнопку; один раз ответа не было совсем, а напоследок запрограммированный робот выразил вежливое сожаление.

Марсден не впервые испытывал такой психический вывих из-за своей влюбленности в Паулу Лейден. Но он любил эту женщину, вот и все — больше тут нечего сказать.

Если сейчас запрограммировать подходящий сон, то удастся вздремнуть полчаса. Может быть, это взбодрит его.

Конечно, он всегда может окунуться в эти экзистенциальные штучки... «Дайте мне экссесс!» — как сказал бард. С этой мыслью он нехотя заказал сводку последних программ. И экран исправно прокатил перед ним весь ролик — названия эпосов попеременно с клипами о культурной и общественной жизни планеты.

Так что сказал тогда Стив Уинкэм?

— «Угроза из космоса» — ничего себе космоопера, есть там парочка смешных эпизодов. Тебе нужно послушать, Дуг! — Он пробежал стрелкой указателя

по списку, выбрал нужное название, развернул на экране аннотацию. «Угроза из космоса». Главный герой — трабл-шутер, искатель неисправностей, направленный Галактическим бюро помогать нео-йовианцам — поселенцам на спутниках Юпитера в старой Солнечной системе. Время действия: тысячу лет назад. Темп действия: быстрый; напряженность: электризованная... Марсден не стал читать дальше. Он знал этот жанр. Главный герой будет менять, как перчатки, свои желания и даже — черты характера; он сам и будет тем агентом Галакт-бюро, сражающим одной левой нео-йовианцев и закручивающим любовь с героиней — некоей мисс Ширан... Марсден улыбнулся этому продолжению своих мыслей. Что ж — он выходит из депрессии: мысль о банальности какого-то экзисенса вызвала у него хоть слабую, но все же улыбочку.

И тут пришла следующая мысль — о Мэсоне Уормлее. Мэсон — человек, что в век Избытка не отказался от телевизора; человек, желавший встречи Марсдена с Эр. Слава Эр росла, как скорость старлайнера, вырывающегося из объятий звезды — красного гиганта. Марсден не скоро забудет тот день, когда Мэсон с Флорой зашли к нему.

Вот только бы Паула позвонила!

Как бы в насмешку над его мыслями — или это телепатия? — раздался гудок внешней линии. Дуглас щелкнул тумблером.

Это была Флора Вальдесей: мысли передались, но не те.

Поморщившись, он приветствовал ее:

— Хелло, Флора. Что нового?

— Я тут в Монтерре с Мэсоном, у нас вечеринка! Ты будешь, Дуг? Пожалуйста!

— Ну...

— Но ты же нигде не бываешь эти дни! И ведь не сплошные же у тебя тренировки! Ты и так в хорошей форме. Ну, скажи, что будешь! Пожалуйста!

— Буду ради тебя, Флора! — И он осторожно осведомился: — Кто еще там будет?

Она хихикнула, принимая неискренность комплимента с подобающим юмором:

— Тони приведет кучу своих друзей из Разведки. Мэсон здесь, конечно. Ну, и Мартин Крошей, Диана Персиммон, Глен Лейден.. И этот божественный скульптор — маленький, как его зовут... ну, который сделал Лалу в бетоне...

— Рандимон Лайон, — подсказал Марсден; его память автоматически выдала информацию.

Глен Лейден!

Ему так хотелось спросить... но не посмел, никто не знает — и никто не должен знать! Во всяком случае, никто кроме..

— Дуг! Ты будешь?

— Буду там, Флора. А... ну, спасибо.

— Глупый мальчик! До встречи.

Связь разомкнулась.

Паула будет там! Должна быть. Паула, Паула, Паула...

Если бы его память не была столь плюсквамперфектной, он мог бы надеяться забыть Паулу Лейден. Но теперь ему казалось, что Паула существовала всегда — до всех других событий. Плюсквамперфект — предпрошедшее время... Он проснулся лишь в тот день, когда они встретились. А до этого он был только массивным телом с мощными мускулами — машиной для чемпионов. С тех пор... Он быстро набрал на циферблате «сновидение быстрой поездки» — короткую серию: лунный свет, кипарисы на берегу пруда с лотосом, звон гитары в отдалении... И дремал с полчаса.

Он проснулся, чувствуя свежесть в теле и покой на душе. Умылся, тщательно оделся, выпил бутылку молока и вышел к своему флайеру. Снова он вылетал на встречу с Паулой, и снова мир окрашивался в розовые тона.

Если Паула будет ласковой и теплой, если их связь уцелеет, не разрушится сейчас, — тогда он рванет в тренировке, он все-таки расколотит Куллифорда в декартлоне, завоюет первенство! Он станет наконец чемпионом, станет наконец Номером Один, поставит наконец на свои полки, в самый центр — настоящий кубок, где не будет — на потеху всему

свету — ненавистных слов «второе место», «финалист» — побежденный финалист!

Бездельники давно исчезли с Планеты Парсло. Автоматика и кибернетика вместе с неистощимой, всех воодушевляющей энергией излучения позволили достичь весьма высокого уровня жизни.

Жители планеты трудились спокойно, невозмутимо; ходили чинно, экономя движения. Но развлечения их были разнообразны, экзотичны и порой доходили до дерзкого гротеска. Старые уравниения труда-отдыха, затасканные вечным бесплодным спором, — в омолаживающей купели Парсло-Радииции приобрели новую значимость, уникальную для Галактики, — здесь это знали все.

Марсден в последнее время не бывал в Монтерре — городе, заброшенном на западный берег континента, а значит — оторванном от центрального массива страны. Ученых очень беспокоила эта удаленность города, но Дуг сразу почувствовал, что радиация здесь сильная и свежая. Монтерр передвигался недавно, не прошло и года. Как сказала Флора, искренне радуясь встрече:

— Ягода чудесная, Дуг!

— Да, Папа-Рад здесь хорош! — согласился он.

Белокурая грива волос Флоры светилась холодным огнем — постарались ее косметороботы. Как всегда, она предпочла звездный жакет — серебро на изумрудном фоне. Что ни говори, красивая женщина: округлые формы, горячая кровь... которая, впрочем, не слишком обильно омывает сосуды головного мозга.

Сегодня Флора была еще свежей, веселей, чувственней, чем обычно. И, видно, заставила изрядно потрудиться свой блок косметороботов БО.

Этот раут — Марсдену удалось профильтровать выющуюся вокруг отрывочную информацию — устроившись на берегу озера, на вилле некоего Патрика О'Монаган-Линга, в честь Тони, чей Развед-отряд только что открыл свежий сайт — новую посадочную площадку для города.

Собственно, для вечеринки не требовалось особого предложения, но как не отпраздновать такое важное открытие! Подходящие сайты с каждым годом найти все трудней.

Гости разгуливали по саду, исправно обслуживаемые роботами-официантами, на чьих подносах был большой выбор прохладительных напитков. Темные высокие кусты очерчивали тенистые аллеи. Дорожки из гравия разрезали изумрудные газоны на строгие геометрические фигуры. Над головами порхали, распевая, белые и золотистые птички. С приближением сумерек в каждом дереве и кусте замерцали разноцветные огни. Сама вилла была залита светом. Здесь царили роскошь, богатство, утонченность. Да, даже на Планете Парсло еще сохранилось деление людей по размеру доходов: радиация делится на всех поровну, а вот богатство — нет.

Болтая с Флорой, Марсден оказался в гуще гостей. Он решил чуть позже подойти к этому самому Патрику О'Монаган-Лингу и поблагодарить его за приглашение. Но, может, Флора пригласила его сама, без спросу? Это — дело обычное; ведь рауты для того и устраивают, чтобы людям одного круга общаться друг с другом.

Двое мужчин, негромко разговаривая, стояли под рукой беломраморного Аполлона. На одном было украшенное алмазами домино и голубой плащ; на другом — плотно облегающее трико из оранжевой синтетики. У этого человека лицо казалось изможденным и измученным какой-то тревогой.

— ...Частную яхту. Ситуация гораздо хуже, чем признает Президент.

— Согласен. Если только Эр сможет...

Они увидели Марсдена, приближавшегося к ним, внезапно прекратили разговор и в полном молчании проводили его глазами. Это не понравилось Дугласу. Он понятия не имел, о чем они говорят; но он почувствовал на расстоянии их явную неприязнь.

Он взял с подноса у робота бокал для себя — цитрус с привкусом джебаля — и вопросительно взглянул на Флору. Она кивнула, засмеявшись:

— Шампанского мне, Дуг!

— Шампанского... Надеюсь, этот Патрик Линг запрограммировал твой любимый год, Флора!

— Милый мой, я люблю шампанское всякого года!

Смеясь, они прошли дальше к беседке, где голубые синички сустились вокруг кормушки. Обнявшаяся парочка, тоже стремившаяся туда, повернула в сторону, не показывая лиц. Вдруг навстречу шедшей впереди Флоре из темной беседки шагнул мужчина, вытирая губы салфеткой.

— Глен! — воскликнула Флора. — Я ищу тебя целый вечер. Где ж ты прячешься, противный мальчишка?

Глен Лейден ответил как-то неохотно:

— Хелло, Флора. Я тут гулял, видами любовался.

— А моим видом, что ж, нельзя любоваться?

Она сделала кокетливый пируэт. Лейден неопределенно улыбнулся, теребя в пальцах салфетку.

Марсден стоял сзади. Он уже хотел было уйти. Лейден — гладкий, грузный, одетый в модный темно-синий костюм с золотым отливом на воротнике и обшлагах, — представлял ту сторону жизни, с которой Дуглас сталкиваться не желал. Преуспевающий, высоко ценимый — этот Лейден, не будь Планета Парсло такой безнадежной периферией, — мог бы сделаться одним из Первых в галактике, разящим мечом среди звезд... Впрочем, он и на Парсло своего не упустит... Глен кивнул Марсдену — демонстрация дружелюбия; улыбнулся — уже свободней, и швырнул скомканную салфетку в урну.

— Хелло, Марсден. Слушай, Флора, ты случайно не видела здесь мою жену? На ней практически ничего нет, а Линг не умеет программировать свои нагревалки. Чертовы лодыри, а не роботы, скажу я вам.

— Паулу? Нет, Глен. Ни разу не видела. — Флора хихикнула: — Наверно, нашла там у озера какого-нибудь славного юношу.

Марсден стоял молча.

— Ну и денек! — Лейден огляделся кругом, словно искал глазами свою жену. Похоже, что он намеревался ни за что на свете не сходить с этого места, навеки загородив вход в беседку. — Вы куда-то шли?.. По каким-то своим делишкам, верно? А в доме, между прочим, идет Эврипид.

— Экссесс потом. — Флора взяла Марсдена под руку и мягко потянула его в сторону от озера, по дорожке из гравия. — Подумаешь, супермен!.. Встал тут, как статуя... Мы лучше пойдем к озеру и поищем Паулу. Пошли, Дуг! — Она потянула его сильнее.

Марсден подчинился и последовал за ней. Когда Глен уже не мог их слышать, Флора ехидно шепнула:

— Послушай, что он делал в беседке? Диана? Это — не его вкус. Бетти — хм! — может быть. Слушай, а давай вернемся!.. Хочется поглядеть.

Не найдя, что ответить, Дуглас промолчал. Флора продолжала:

— Это очень нечестно! Перед тем как у нас случился этот дурацкий перерыв в галактической связи, я получила длинную телеграмму от Полли, — она моя кузина, прелестная девочка, рыжие волосы, длинные ноги, в теннис чудесно играет. В общем — смерть мужикам!.. Так что я говорила?

— Ты говорила, что это нечестно.

— Правда? Ну да, именно так. Полли говорила, что брак — это такой анахронизм!.. А мы тут все еще женимся...

— Ну, Флора, к тебе-то это не относится.

Она снова хихикнула.

— Что я — дура, что ли? Да, они требуют сохранить эту архаическую систему — один мужчина с одной женщиной, пока смерть не разлучит. А я голосую против. Хочу сказать: брак — это все очень хорошо, но это же страшно старомодно.

В иное время Марсден бы посмеялся. Но сейчас он сказал:

— А если нет брака, то нет и адюльтера. И тогда пропадет все возбуждение от любовной игры. Они ведь именно это говорят!

— Они? Ну конечно, ты прав, Дуг. Да, когда имеешь дело с женатым, это всегда немного пикантнее... Но все равно...

— Парсло сохранил институт брака на своей планете, и мы его сберегли. Когда-нибудь, полагаю, мы сможем это изменить.

— Если ягоды нам позволят.

— Да...

— Ах, этот удивительный Папа-Рад! Он дает нам жизнь и все прочее! Без него мы умрем, умрем! — Вдруг она бросила руку Дугласа, закричала и замахала руками:

— Вон Паула! Паула! Паула!!!

Увлекаемый Флорой к берегу озера, Марсден шел прямо туда, где, окунув в воду свой желтый шелковый шарф, стояла Паула Лейден.

IV

ПАУЛА

Она не повернулась и не двинулась с места, хотя Флора позвала ее еще раз.

Опущенный в воду безвольной рукой, желтый шарф покачивался на легкой набегающей волне. Гравий дорожки громко скрипел под их ногами. Рука Флоры тянула Марсдена вперед. Он шел за ней, отставая на шаг, — не готовый, застигнутый врасплох, в страхе от мысли, что сейчас выдаст Паулу и себя этой веселой тараторке.

Он мог тут же, одним словом, все это разорвать. Он мог даже представить себе, как это случится: резкий жест, решительный вид — и прочь отсюда, прочь — навсегда. Потом Паула будет кричать, упрекать, оправдываться, плакать... Но он может покончить со всем этим прямо сейчас.

— Паула! Ты убила себе заткнула, дорогая?

Паула Лейден наконец повернула — медленно и вяло — свое стройное, сводящее многих с ума тело, столь изящное под полупрозрачным серебристым покровом, сверкающим алмазными блестками, — нереальное, будто пульсирующее.

— Флора... Я смотрела на огни в воде... такие яркие, дрожат на черном...

В тот день у Марсдена вечер наступал дважды. Быстроходный флайер — Мах-три — одним прыжком перенес его через континент к западу, и снова, после сумерек, окунул в солнечный свет; и солнце — не то Старое Солнце Солтерры — еще раз зашло за

горизонт в полосах охры и багрянца. Когда-то, на той Земле, под тем Солнцем, страдали люди, пока не поняли глобальный закон человеческой природы. Страдание происходило от чего-то такого, что они называли «болезнью зонального времени», — от некоего смещения чувства времени. Современный межзвездный человек не мог себе представить таких примитивных суточных расстройств...

— Мистер Марсден? — холодно сказала Паула. Не протянула руки для поцелуя, но этот жест чувствовался в ее позе, в ее словах.

— Миссис Лейден? — деревянно кивнул и Марсден.

Флора переводила взгляд с одной на другого:

— Глен тебя ищет, дорогая. Бойтся, кажется, что ты простудишься. А надо сказать, твое платье — довольно-таки...

— Изысканное, — слишком быстро подсказал Дуглас.

— Благодарю за комплимент, мистер Марсден. Боюсь, что Глен не понимает таких вещей... А ты, Флора, сегодня обворожительна. — Холод, вежливость дежурных фраз, спокойствие и плотная броня самоуглубленности — вот что окружало Паулу Лейден. В мужчинах она пробуждала средневековую преданность, она привыкла требовать и получать. Сейчас ее пепельные, гладкие волосы мягко блестели в слабом свете праздничной иллюминации, двумя сходящимися потоками спадая к алмазному колечку за шеей и растекаясь оттуда по плечам и спине.

Нежная красота ее бледной кожи с яркими дорожками голубых жилок затопила Марсдена воспоминаниями. Паула показалась ему старинной восковой свечой, горящей ясным, немигающим пламенем, — свечой, что горела и будет гореть целую вечность все тем же бездымным небесным огнем...

Все трое стояли в сгущающихся сумерках. Развешанные по деревьям фонарики бросали разноцветные блики на воды озера. Высокие темные кипарисы обрамляли тот берег; три белых лебедя безмолвно скользнули по глади и, как призраки, исчезли в густой тени...

— Еще бы шампанского! — весело крикнула Флора, все еще держась за локоть Марсдена.

— Да, это было бы славно, — тихо и четко ответила Паула.

Ни намека, ни дрожи в голосе — где же та женщина, что так безумно молила его о встрече, жаловалась на мужа с его подарком — новым флайером?.. Ни тени того капризного, взбалмошного существа. Нет, это была не Паула, а миссис Лейден, сдержанно-вежливая миссис Лейден.

Они медленно пошли вверх по склону берега. В кронах деревьев, готовясь ко сну, сустились птицы. Шорох набегавших волн уже был не слышен с берега. А впереди все громче звучали голоса гостей, хохот, шум веселых игр — этих глуповатых забав для людей, решивших во что бы то ни стало веселиться до упаду. Их окружал сад, утонувший в бархатном мраке ночи, мягко освещенный в тихих аллеях и залитый музыкой на террасах и площадках.

— А кто это, — оживилась вдруг Флора, — сказал в древности, что сидеть в саду — грех? Какой глупый старикашка!

— Святой Ансельм, — дал справку Марсден. — В двенадцатом веке по старому календарю Солтерры. Только он не говорил про грех. Он сказал, что это опасно для духа.

— Все равно — хитрый старый лис! Не нашел ничего лучше, чем приравнять сады к греху!

— Не забудь о Еве, — заметила Паула. Не смеясь, она искоса взглянула на Дугласа. — Как это: «Ни один мужчина не достоин женщины, воистину так, и сады... сады...»

— Сады окружены пустынями, горами и реками смерти. — Марсден осекся. Он не должен терять самообладания, пока не окажется наедине с Паулой. Тогда — тогда, конечно, прощай и самообладание, и гордость...

— Дуг! Ты просто старый мусорщик со своей историей!

— Звезды для меня сегодня несчастно сошлись, — Паула будто не расслышала шуток Флоры. — Мой

гороскоп напугал меня сегодня утром... И у меня болит голова.

— Да не должна ни у кого болеть голова! — сердито оборвала ее Флора. — Ты, наверно, в последнее время брала мало снов! Это просто глупо и опасно — не получать сна сколько нужно! Жили бы мы в старые времена — тебе б дали таблетку от головы. — Она всплеснула руками: — Представь себе эту старину: все глотают то пилюльки, то таблетки, и вся эта дрянь потом разрушает внутренности. Они даже чтобы детей не иметь таблетки пили! Можете себе представить?

— Ты, Флора, — заметил Дуглас нахмурясь, — находишь удовольствие в нашем Избытке, ну, признайся!

Она согласно кивнула, смеясь:

— А ведь и вправду тогда было прелестно, если не считать их ужасной медицины и диких идей по гигиене. Но я однажды по-настоящему вела машину — в смысле автомобиль. В общем это грязная, вонючая развалина. Но, слушайте, было удивительное, архаическое ощущение мощи! Совсем не то, что на флайере, тут чувство легкости и свободы. А там...

— Машина? — спросила Паула. — О да, вспоминаю. Я видела раз такую модель — в Черекровецком музее. Меня брали в детстве. Это было... гм... смешно.

— Благодаря своим счастливым звездам, что живешь на Парсло.

Паула сделала гримаску: в первый раз за вечер живое чувство нарушило гладкую гармонию ее лица.

— Не говори мне о звездах. Я же сказала, что сегодня утром мой гороскоп был ужасен.

Марсден понял, что эти слова предназначены для него. Он знал, что Паула истово верит в предначертания судьбы, в предсказания астрологов. И понял: нехорошо получится, если он не ответит прямо на ее молчаливый призыв.

Он сказал:

— «Сегодня» уже почти прошло, миссис Лейден. Ваш астрологист принесет вам прогноз получше.

— Конечно, Паула! Мне на сегодня такой кошмар предсказывали!.. Скорее бы завтра настало. Ты знаешь,

я — Овен! — Флора явно была из тех непреклонных, что упорно называют знаки Зодиака их старыми сольтеррайскими именами; причем связывают их с каким-нибудь похожим расположением звезд, видимых с Планеты Парсло, а вовсе не со старинной астрономической номенклатурой. Она болтала без умолку, пока они шли через широкий цветочный партер туда, где разливались яркий свет и добродушный хохот: — Ты знаешь, у меня обе Луны, верхняя и нижняя, были в оппозиции; а Ланселот царил в Рыбах — понимаешь, что это значит? — в квадратуре с Солнцем в Близнецах, и с Бельпуэнтом в Стрельце — тоже в квадратуре. Дорогая! Я сегодня боялась нос наружу высунуть!

— Скоро будет завтра, — снова не без юмора напомнил Дуглас. Паула держалась хорошо; ни долгих томных взглядов, ни горьких вздохов. Что с ней случилось за эти четыре дня? Почему она не позвала его?

— Я не буду тебе рассказывать мой гороскоп, — проговорила Паула без улыбки. — Хотелось бы, конечно, больше верить астрологу. — Она склонила голову, приветствуя проходящих мимо мистера и миссис Антони Клейн — смеющихся от счастья, раскрасневшихся от шумных игр этого вечера. — Всем нам очень нужен Мастер-астролог. У нас ведь нет практика высшего ранга, а Трэси Зимбабве давно умер...

— Ты права, Паула, ты права, — вздохнула Флора. — Возьми на заметку: я была у Афродиты в Пятом Доме — вроде бы неплохо.

— Вы встретите высокого, красивого bruneta-иностранца, — вдруг со смехом «спрогнозировал» Марсден; ему внезапно стало очень легко, появилась уверенность — все будет в порядке! Паула растает в его объятиях, как только они останутся одни. Он побьет Куллифорда в декатлоне; он сможет, наконец, положить настоящий чемпионский венок к ногам Паулы! Они вошли в покрытый тентом дворик-патио, где под взрывы смеха и шипение шампанского мужчины и женщины плясали и пели, собираясь весе-

литься всю ночь под звездами, столь чуждыми Старой Солтерре.

— Хелло, Марсден, — Мэсон Уормлей вышел наперерез со стаканом бренди в руке. — Полагаю, встречу с Эр мне удалось устроить. Он хочет вас видеть. Я дам знать.

Застигнутый врасплох Дуглас смог лишь пробормотать:

— Да, да. Хорошо. Буду ждать звонка.

— Намечаются большие дела, — многозначительно бросил Уормлей. Он кивнул Флоре, и она подбежала к нему, шепнув Пауле на прощание какую-то смешную глупость. Марсдену же послала воздушный поцелуй. И вот они с Уормлеем пошли в танце по дворику: он со своим бренди, она — с бокалом шампанского.

— Паула! — глухо, с яростью, проговорил Марсден.

— Не сейчас, Дугги! Пожалуйста, дорогой, не сейчас!

— Где ты была?

Она пошла в сторону, пожимая такими знакомыми пышными, гладкими плечами — в серебряных блесках. Она избегала смотреть ему в глаза. Вокруг плясали, резвились, пили незнакомые гости. Марсден ощутил какую-то непонятную слабость. «Возможно, так чувствуют себя импотенты», — решил он и поспешил за своей спутницей.

— Паула! Что случилось? Что это, скажи, Бога ради?

— Что ты имеешь в виду? — Она смотрела на него искоса. Дуглас явственно чувствовал ее отчуждение и напряженность. Он огляделся. За ними никто не следил.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Паула. Когда я смогу тебя увидеть? Обычное место...

— Нет! — И уже мягче добавила: — Не сейчас, Дугги. Кто-нибудь увидит. Позови меня потом.

— Я зову сейчас! Почему ты такая злая?

— Я? Вовсе я не злая...

Он оборвал ее в начале какого-то бессвязного обвинения, а потом оборвал и себя, понимая бессмысленность всех слов. Паула есть Паула. Пора бы привыкнуть к смене ее настроений. Он заметил за последним столбом, держащим навес патио, полуот-

крытую дверь. За ней — не выход, а темный провал, со смутными серыми тенями... — значит, комната с какой-то мебелью... Марсден изобразил на лице широкую глупую улыбку — совершенно, впрочем, нейтральную, никому конкретно не адресованную... и стал маневрировать меж гостями, увлекая Паулу к той открытой двери. Громкий смех, стрельба шампанских пробок, музыка — все это сразу смолкло, когда он ногой захлопнул за собой дверь.

— Дугги! Ты идиот!

Она рванулась к двери. Он схватил ее, оторвал от пола и притянул к себе, ощущая сквозь тонкое газовое платье ее тело.

— Паула!!!

Она боролась еще несколько мгновений; потом обхватила его так крепко, что он ощутил ее груди, придавленные к его ребрам... вцепилась в него, обдала все его лицо своим горячим дыханием, впиалась в его губы, их языки переплелись... ее пальцы все сильнее вонзались в его спину...

Послушный робот при входе людей включил свет. Когда вспыхнула лампа, Марсден слегка отодвинул Паулу от себя. Увидел ее широко открытые зеленые глаза, яркость губ с блестками слюны, мелькание языка за ровными белыми зубками... Она вновь прильнула к нему, вздрагивая и всхлипывая с сухими глазами.

— О Дугги!

— Почему ты не звонила?

— Не могла! Глен был как зверь... а я хотела тебя!.. Мне нужно у тебя вот это!.. — Ее рука опустилась вниз.

— Я знаю... мы не сможем так дальше.

— Нам придется. Ты это знаешь.

Они снова слились в яростном, горячем, беспорядочном поцелуе...

Но Паула вырвалась из его объятия. Она провела рукой по гладким волосам, расправила белый газ на груди, поправила юбку, не удержавшись от недовольного восклицания: юбка помялась...

— Полечу, Дуглас, дорогой... Глен — он ведь ищет меня... Я... я хочу сбежать от него...

Она открыла дверь, выглянула наружу — как испуганная птичка с гладкой головкой, бросила через плечо отчаянный взгляд — и исчезла.

Будучи все-таки джентльменом в современном обществе, Марсден предоставил ей добрых пять минут, и лишь тогда покинул комнату ради дурацкого веселья этого раута.

V

НОВАЯ СЕКРЕТАРША

Стив Уинкэм привел Шари Аррузу на квартиру Марсдена, в Хейлет-Вилладж, через два дня после того проклятого раута у Патрика О'Монаган-Линга — или как там звали этого богача. Марсден так и не встретился с хозяином виллы, ибо уехал сразу, как только Паула вернулась к своему супругу. А ведь Лейден был раньше его другом, — обстоятельство, придающее всей истории привкус какой-то пошлой комедии, — вдвоем они повидали лучшие времена; да и сейчас дружба не совсем еще заглохла, как бы ни избегал Марсден Лейдена... Ситуация становилась просто нелепой.

— Эй, Дуг, старый живодер! — Уинкэм, в прекрасной форме, важно выступал, ведя за собой Шари.

Марсден расхохотался. Ему в общем было не до смеха; но Стив Уинкэм такой уж парень — заставит смеяться в любых обстоятельствах.

В это яркое утро Шари Арруза надела скромный костюм цвета листвы, не портивший, впрочем, ее великолепной фигуры. Дуглас живо представил тот красный рубец на ее правой груди. Эта темноволосая девушка со многообещающими губами, с глазами на мокром месте — она была потеряна как амазонка, и он не был уверен, что она станет идеальной секретаршей, но уж если кто-то должен проверить ее на профессиональную пригодность, то Дуглас был рад, что такая задача выпала ему.

Он усадил их, заказал тумблером напитки и — странное дело — почувствовал какую-то предательскую расслабленность.

— Шари бросила эти амазонские дела, Дуг. Она — слишком добра для этого, вот увидишь, Дуг, помяни мое слово.

— Вы все время долбите одно и то же, Стив, — Шари усмехнулась, и этот жалобный смешок не показался Марсдену слишком искренним. Девушка отчаянно хочет стать знаменитой амазонкой. Он знал это чувство. Хотя сам никогда не разбирался в амазонском спорте. У него хватало других дел.

— Я могу лишь сказать, Шари, что рад работать с вами. Мои дела в ужасном состоянии.

Ее взгляд потеплел:

— Я вам очень признательна, мистер Марсден. — Она пробежала глазами по трофейным полкам. — У вас репутация надежная... не думаю, что на всей нашей планете есть более знаменитый атлет, чем вы... Я хочу сказать... — Она не покраснела, но опустила глаза. Что ж, почитание всегда волновало Дугласа Марсдена.

— Конечно, я всегда твержу Дугу, что он — ас! Сколько перваков нахватал!

Марсден резко встал и заказал роботу свежего питья — хотя и это еще не допили. Стив не понимает, что несет. В этом парне не было ни капли злорадства, он говорил бездумно. Но его «перваки» ужалили Дугласа, вечного вице-чемпиона.

— Можно мне посмотреть ваши трофеи, мистер Марсден?

Он кивнул.

— И зовите меня просто Дуг. Инициалы мои Ку-Зет — но это лишь для деловых партнеров.

— Благодарю вас, Дуг.

Пока девушка изучала столь нелюбимые хозяином трофеи, Уинкэм наклонился к другу:

— Все улажено и все в этом мешке, Дуг! Кул-лифорд. — Он подмигнул. — Время — один месяц. Календарь местный. Так что малость отдохни и навались на работку. У тебя ведь вхождение в форму много времени не берет, тем более — для такого

дела. — И вдруг спросил ни с того ни с сего: — Как у тебя с бруто?

Марсден скривил лицо:

— Ты же знаешь, Стив, — это у меня самое слабое место. Колотить соперника дубиной... у меня другое представление о спортивном искусстве.

— Это — тоже искусство, Дуг, это захватывает людей. А сам ты, между прочим, в бруто не силен.

— Я помню.

Да, после последнего поражения он плохо спал целую неделю. Никакие программы дримов не помогали — ни «Дримосхема», ни «Дриматика»...

— А в общем у тебя весьма неплохие шансы. Ребята уже загребают большие ставки на ничьих.

— Так рано? Неплохо. Куллифорд должен начать... ну, тридва по крайней мере.

— У тебя было два: один против него, Дуг, пока Куллифорду не помогла эта дама.

Уинкэм посмотрел в глаза Дугласу.

— Все в порядке, Стив. Я Паулу не видел.

Уинкэм, добрый старый Стив Уинкэм — единственный на этой планете, кто знает о них.

— Ладно, с этим — о'кей. Надеюсь, ты не станешь прерывать тренировки? По крайней мере, сейчас не станешь?

— Она вела себя очень странно...

— Другого нашла?

Уинкэм мог так говорить. Имел право. На то он друг и товарищ, чтобы говорить жесткие, обидные, но часто справедливые слова.

— Не думаю. Нет, нет, я уверен. — Дуглас вспомнил их близость в той дальней безымянной комнате на рауте...

— Ты уж постарайся, — Уинкэм помолчал, выпил глоток и продолжал: — Хреновая ситуация, что говорить. Она баба что надо. Но добра тебе не принесет.

— Оставь это, Стив.

Шари вернулась к ним.

— Какая коллекция! — Она восторженно глядела на Марсдена. — Другого такого трофейного набора нет на всей Парсло!

— Скажите это еще раз, — попросил Дуглас с горечью в голосе.

— Мы назначили сборы в одном милом пустынном местечке — у экватора. Там с неделю назад передвинули город — называется Упландс. Папа-Рад довольно эффективный; для поддержания города не хватает, а нам — на время матча вполне достаточно. Цену билетов назначим по максимуму.

— Ты все обеспечил для моей победы, Стив.

Уинкэм усмехнулся:

— Я делаю свое дело.

— Теперь, мне кажется, передвигают города куда чаще, чем обычно, — сказала Шари. — Ягоды, видимо, держатся не долго.

— Это бабушкины сказки.

— Да нет, Дуг, — покачал головой Уинкэм. — Возьми, к примеру, Черекровец. Там я все время слышу разговоры о новой передвижке.

— Да быть того не может! — подскочил Марсден. — Они ж двигали его совсем недавно... ну ведь... ягода была чудесная, когда мы там побывали прошлую неделю.

— Не знаю. Знакомый парень из правительства рассказывал. Президент не делает никаких заявлений; но думаю — они там беспокоятся.

Шари нервно засмеялась:

— Я полагаю... — и осеклась. — Нет, — сказала она, хихикнув. — Нет, конечно нет.

Марсден знал о любви Уинкэма к Старо-Земным временам — по обычным экзисенсам Стива; это, естественно, сказывалось на стиле его речи. Выходцы из семей колонистов — они стремились сохранить как можно больше связей с Солтеррой. Нет, о разрыве с Планетой Парсло не могло быть и речи; но в культуре — и в астрологии в том числе — они признавали свое земное происхождение.

Обговорив все детали тренировок, оплату спарринг-партнеров и участников decatлона, Уинкэм отбыл. Уходя, он послал Шари воздушный поцелуй. Марсден же немедленно посадил девушку за работу. Нужно было перевернуть массу дел, и ей пришлось восстановить отключенную связь с центральным компьютером. Дуглас не мог вспомнить, когда он последний раз использовал выходной терминал. Что же касается входа, то Шари даже пришлось вытирать пыль, которую прозвали роботы-уборщики.

Он решил урвать часок, чтоб насладиться дримом, и спал хорошо.

Вечером, после ужина по программе робота из Центральных кухонь, — они побывали у экзисенса, которого рекомендовал Стив. На этот раз — уже не «Угроза из космоса». Они выбрали из каталога «Звезды — наши», и на время Марсден стал Клифтоном Руджем, научным репортером газеты «Дэйли Метер» — в смертельной схватке с человеко-роботами — те безжалостно подавили все человечество и приковали его к одной единственной планете — Солтерре. А спокойно сидящая рядом Шари Арруза обратилась в Лиз Ричмонд, объединенную телепатической связью с Клифтоном Руджем, его соратницу по борьбе с гарпиями.

Чисто первобытная забава.

Наконец они стали возвращаться в настоящее, телепатически объединенные еще звучащими в ушах словами: «Смотри на нас, галактика! Человек — в пути, и звезды — наши!» Дуглас Марсден свистнул, потягиваясь:

— Теперь такого никто не напишет.

— Скажите это еще раз, — усмехнулась Шари, повторяя фразу Дугласа.

— Я думаю: люди всегда находили себе какие-то развлечения, пока не изобрели Экссесс, но это, должно быть, было скучно.

— А знаете, что нам рассказывают в университете? Люди ходили в театр, кино и получали большое

удовольствие; но не могли полностью включиться в действие, стать персонажем по своему выбору. И вот представьте: человек сидит, ерзает на своем стуле — а вступить в экзисенсы и стать Гамлетом не может. Как ему понять мотивы действий Гамлета, если он только смотрит и слушает?

— А вам бы хотелось стать леди Макбет или Клеопатрой?

Она прищурилась, задумчиво сложила бантиком свои подвижные пухлые губы:

— Этими двумя... гм... скорее, обеими, Дуг. А я больше всего люблю Селимену — ну, часть ее натуры. — Закрыв глаза, она продолжала мечтательно: — Когда девушке двадцать, а она все еще одинока, ее кругозор страшно сужается. Если бы брак со мной мог удовлетворить ваши желания...

Подумав о Стиве Уинкэме, Марсден воздержался от грубых комментариев, сказал лишь:

— Женщины Мольера — не такие, как у Шекспира, которого мы должны благодарить за разнообразие характеров. Но если я когда-нибудь видел копию Клео, то это вы, Шари.

Она взглянула на часы и удивленно расширила глаза, заинтриговав Марсдена. Ее губы дрогнули, но она сдержалась и скрыла от него улыбку.

— Мэгги мне позвонит через пять минут. Как раз успеем посмотреть новости...

Она включила телевизор. Дуглас уже забыл, где у него размещаются дистанционные кнопки для разных приборов. Вспыхнул миниатюрный телеэкран и робот-диктор стал зачитывать какую-то ерунду об утверждении Президентом разных биллей и законоположений, которую Марсден, вместе с 99 процентами своих соотечественников, не понимал и понимать не желал. Его удивил неподдельный интерес Шари Аррузы к новостям: значит, она входит как раз в этот единственный процент... Он прошел к бару и заказал стаканчик.

Вызывной экран вдруг вспыхнул и зазвонил: какая-то девушка ждала снаружи. Шари встrepенулась, выключила телевизор и засуетилась, ища свой кошелек.

— Не понимаю, зачем это правительству субсидировать TV, — проворчал Марсден. — Пустое это дело. Лучше бы они вложили эти средства в расширение разведочных полетов. Народ ведь смотрит TV только во время выборов.

— Но вот это и оправдывает вложенные средства.

Шари повертелась перед зеркалом, проверила свой вид, заглянула в кошелек, одернула костюм — и вот она готова к выходу.

— Сейчас иду, Мэгги! — сказала она вошедшей девушке. Марсден увидел классический профиль, лицо цвета темного махагони, широкие брови, пышную массу платиновых волос, платье в горошек — розовый по красному, и длинные стройные ноги, которые он автоматически оценил как «первый класс». Красотка Мэгги, назвал он ее про себя.

— Хелло, мистер Марсден. Она грациозно протянула руку, и Дуглас пожал ее холодную ладонь.

— Шари — уникальная девушка. Она может заботиться о другом человеке больше, чем о себе самой, — объявила Мэгги. — Вам повезло, мистер Марсден. Она за пару дней заведет вас и ваши дела как ядерный таймер. Обещаю вам.

«Что за черт, — подумал Марсден, — посторонние люди настолько в курсе моих дел!..» — однако улыбнулся, кивнул и говорил какие-то банальности, пока обе девушки не ушли. Эх, всегда ему это трудно давалось — завязывать прочные знакомства. И виной тому в первую очередь — его феноменальная память. Ведь умение пробиваться в обществе — во многом зависит от способности забывать прошлые неприятности.

Спортзал, примыкающий к его квартире, содержал почти все снаряды, нужные для поддержания формы. Впрочем, для усиленных тренировок всегда можно слетать в «Стефан-Ампи» или в любой другой спорт-

дром. Итак, он пару часов потолкал штангу, повертел педали, поколотил груши, засек время на подъем и спуск по скользкой, утыканной остриями полосе препятствий и с досадой на самого себя отметил, что добавил две секунды к своему лучшему результату. Наконец он поднял дубину для бруто-спорта. Взвесил ее в руке. Пять футов длины, пятнадцать сантиметров в окружности — массивность этой штуки как бы бросала ему вызов. Глубокие выемки для пальцев. Концы тупые; тыкать не разрешается. Нужно колотить, дубасить противника. Марсден правой рукой раскрутил бруто-дубину над головой. Мышцы его напряглись. Со всей силы хватил по боксерской груше. Несчастный кожаный мешок треснул, вылетело облако мелкого песка. Дуглас отступил назад, отмахиваясь от пыли и кашля. Отбросил в сторону бруто-дубину. Вышел из зала. Нет, это неправда, что он никогда не будет чемпионом! Неправда, что он никогда не достигнет вершины! Неправда, что он никогда и ни в чем не станет Номером Первым!

VI

В ЛОВУШКЕ ПСИХЕИ

В то самое утро, когда Марсден развязался наконец со всеми делами и собрал вещи, чтоб лететь на бывший упландский сайт близ экватора, — в то утро позвонила Паула Лейден.

Шари Арруза быстро перевела взгляд с экранного лица Паулы на Дугласа — и отправилась на кухню. Марсден молчал, пока за ней не захлопнулась дверь:

— Паула! Что это? Почему ты не звонила?

— О Дугги, дорогой! Это что-то страшное! Глен подарил мне поводок для Артатеркса — представляешь? С рубинами! Он стоит целое состояние! Ну просто какой-то ужас!

— Вот как?.. — заметил Дуглас, захлопывая чемодан с ружьями. — Ну что ж, пусть Артатеркс попользуется.

— Не будь свиньей, Дуг!

— Да нет, Паула! Дело в том, что...

— Ты больше меня не любишь! Когда я в тебе так нуждаюсь, ты только смеешься! — Она заплакала.

— Ну, Паула! Ты же знаешь — я тебя люблю. И не думаю, чтоб Глен что-то имел в виду.

Она вспыхнула, как спичка:

— Нет! Конечно, имел! Я знаю его лучше, чем ты! Сейчас он просто ужасен!

Марсден взялся за пластиковую ручку ружейного чемодана. Эта женщина может его наизнанку вывернуть, сделать калекой! Облизал губы и снова попробовал ее утешить:

— Все в порядке, Паула. Не волнуйся. Подумай спокойно. Нам придется...

Она смотрела на него с экрана — прекрасное лицо в сверкающей оправе гладких белокурых волос; спокойное до бессмысленности, хотя иногда в ее глазах вспыхивали искры панического бешенства, — это ее свойство всегда поражало Марсдена.

— Прилетай сейчас, Дуг! Глен куда-то убрался, наверно к той рыжей хохотушке, помнишь — такая дура из Юстиции... Ты мне нужен, Дуг! — Она протянула к нему руки. По щекам покатались крупные слезы.

— Мне нужно в лагерь, — начал Марсден. Но еще до того, как в ответ на эти слова глаза ее то ли умоляюще, то ли негодующе расширились, он малодушно заторопился: — Я буду, Паула! Сейчас!

— О Дугги, как я тебя люблю!

Она прервала связь. Он тоже погасил экран и стоял, сердито глядя на свои сумки, чемоданы, ремни. Да, теперь они грызлись, причиняли друг другу боль, но она и впрямь нуждалась в нем — это несомненно. Впрочем, во всем этом столько всяческих подвохов!..

Он позвал Шари и, когда девушка — со странной нерешительностью — вошла, сказал резко:

— Вот, кое-что изменилось. Вы летите в лагерь. А я подъеду туда завтра.

Она ответила не сразу, и он взглянул на нее, оторвавшись от своих чемоданов. Секретарша уставилась на него так, словно он у нее на глазах превратился в дракона.

— Шари?

Медленно и тяжело, будто слова делали ей больно, она спросила:

— Это... та женщина... Лейден?

Он разозлился — что ей надо?

Чтоб не показать дрожи в руках, он начал затягивать ремень на чемодане. Но проглотил злобу и не знал, что сказать, чтоб не разрушить завязавшуюся дружбу.

— Вы, верно, не захотите после этого со мной и разговаривать, Дуг. Но я знаю. Мне, конечно, следовало бы промолчать... Она вам добра не принесет. Да вы и сами об этом догадываетесь. Вот что скверно.

— Пожалуйста, Шари! — только и смог он пробормотать. Закрыв глаза, помотал головой. — Нет, Шари! Не надо. Отправляйтесь-ка к Стиву в лагерь. Я буду там завтра.

— Но вы губите себя! — закричала она с какой-то обидой.

— Я ее люблю. Вот и весь сказ! — Он подхватил чемодан и выбежал из комнаты. Шари смотрела ему вслед, прижав руку к губам, лицо ее побледнело...

На этот раз флайер всю дорогу летел на одной скорости. Дуглас с размаху посадил машину на крышу и вбежал в дом — в розово-бежевый салон: всюду ленты и хрусталь, экзисенсный альков и в нем — изящный диван, обивка пурпурная с розовым. Никакие телевизоры не портили этот уютный уголок. Бар-робот уже приготовил ему любимый напиток — джебальцитрус. Глядя на Паулу, Дуглас автоматически взял стакан.

Она раскинулась на диване. Фигуру облекал серебристый газ; белокурые волосы, строго уложенные, в виде двух крылышек, спадали на обнаженные плечи. Глаза ее были сегодня чрезмерно подчеркнуты косметикой. На пальцах сверкали кольца... Паула протянула руку:

— О Дугги, дорогой!..

Ему показалось, что он движется словно в замедленной съемке или под водой, что он плывет к ней над ковром. Стакан с напитком выпал из его руки. Он упал у ее ног и сгреб ее всю разом в свои объятия. Лихорадочно она прильнула к нему, трепеща и задыхаясь, напрягаясь и выгибая спину.

— Глена не будет всю ночь... мы сами по себе... у нас целая вечность!..

Он же говорить не мог. Он давил всей своей тяжестью. Она застонала. Она ждала именно этого, и он мог ей это дать — он и сам больше всего на свете хотел того же. Дуглас снова видел себя со стороны — наблюдал, клинически регистрировал, как его руки, тело, губы выполняли заданные движения — то, что связывало их двоих в единый узел. Он, может быть, так и не станет чемпионом, но сейчас можно забыть глупые вселенские амбиции. Теперь для Дугласа Марсдена вся жизнь сосредоточилась здесь — в этом розовом дамском салоне Паулы Лейден.

После первого приступа страсти она вдруг спросила:

— Ты припарковал свой флайер, дорогой?

— Клянусь Папой! Нет!..

Она присела в клубке оборванных драпировок.

— Ты идиот! Соседи!.. Это мы можем быть «разрешительными». Терпимыми. Но ты же знаешь деревенских соседей!..

Он выскочил на крышу, проклиная свою глупость. С Паулой он совсем потерял голову..

Загнав флайер в гараж и поручив роботу надзор за ним (Глен Лейден содержал превосходную квартиру с удобствами по высшему классу), Марсден на секунду задержался: оперся о парпет, чтобы бросить взгляд на Черекровец. Он еще ощущал теплую, мягкую плоть Паулы в своих объятиях... На город опустился вечер. Многочисленные щупальца — водные протоки дельты — вились меж домов и строений, отражая мириады огней, стремясь к морю. Еще целая ночь до возвращения мужа Паулы... Солнце садилось за крыши предместий, и тени быстро ползли по улицам и сереющим полоскам рек... Почувствовав холод, он ушел в дом.

Потом они пообедали в «Красном дереве». Марсден ел лихорадочно, быстро, не отводя глаз от Паулы. Она же забавлялась едой, находя орехи у робот-официантов и требуя, по малейшему поводу, свежих порций. Он почувствовал облегчение, когда они вновь оказались в ее салоне. А ведь он уловил обрывки разговоров с соседнего столика: «...Серьезная ситуация. Везде ходят слухи. — Ты знаешь, откуда эти слухи. — Президент скоро будет действовать...» Но Дуглас думал только о возвращении на пурпурно-розовый диван.

Полуобнаженная, она лежала на спине, лукаво улыбаясь ему, спрятав в волосах скрещенные за головой руки. Он склонился над ней:

— Ты все еще вертишься в этих противных Спартанских кругах?

— Паула! Ты же знаешь, что я бросил их много лет назад.

— Я хочу, чтоб ты не бился в декатлоне. Глен говорил, что только двое могут там победить: Чэнгтон и Куллифорд.

— Ну, это его дело.

— Когда он ко мне ласков, то уж ласков, Дугги.

— Ласковой меня?

— Что спрашивать! — Она приподнялась, обняла его голову и поцеловала, медленно скользя языком по губам Дугласа, — это заставило его вздрогнуть от страсти.

— Нас в этом году одиннадцать участников. Поэтому только и потребовался Куллифорд. Декатлон — это как раз для меня! — Он с трудом разжал невольно сжавшиеся кулаки. — Я могу побить их всех! Я знаю, что могу.

— Конечно, можешь, дорогой. Разве я не знаю?

— Это значит — я не увижу тебя больше месяца.

— Тогда нужно заставить эту ночь послужить за целый месяц!

Вспомнив что-то, она добавила:

— А кстати, я думаю — Глен возьмет меня в Гартерсфорд. У его матери там какое-то глупое судебное дело. Как хорошо, что в наших условиях нельзя заводить всякие там усадьбы, имения... Знаешь, на Земле когда-то страшные были времена — выби-

рали, кому что иметь. И как они делили землю. Даже войны вели! — Она сделала гримаску. — Нет, ты только представь!

— Экзисенсы о войнах очень популярны.

— Только среди мужчин. Это потому, что все вы — звери!

И Дуг показал ей, что в какой-то степени она права. Потом он присел, тяжело дыша. Освеженным он себя не чувствовал...

— Если ты уезжаешь — то что ж плохого, если и я уеду тоже?

— Конечно. Я буду скучать по тебе, Дутти... страшно!

— И я буду скучать.

Артатеркс — прандрианский кот-гигант с длинной, шелковисто-мармеладной шерстью — прошел по комнате, выражая всем своим видом презрение. На нем был надет ошейник с рубинами. При виде животного Марсден почувствовал резкое отвращение. Даже подтянул ноги на диван. Паула изогнулась, и они очень комфортно соединились. Ночь продолжалась...

Под утро Паула проговорила лениво:

— Глен говорит — они, верно, скоро опять передвинут Черекровец. Я скажу тебе — ягода в эти дни какая-то вялая. Папа-Рад вроде бы совсем пропадает. Вот это самое неприятное.

— Президент держит это дело в своих руках, — сказал Марсден, думая о тех туманных слухах, что летают по всей Планете Парсло, как осенние листья. — Не ломай ты над этим голову.

— О нет. Это вам, мужчинам, решать. — Когда роботы начали тушить лампы и отдергивать шторы, впуская ранние солнечные лучи, Паула выскользнула из его объятий и села со странной и — для Марсдена — умилительной серьезностью перед компьютерным терминалом, чтоб вызвать свой ежедневный гороскоп. Загорелся экран — на нем заранее были выставлены жизненные циклы, рассчитанные от дня и часа рождения; здесь же — ее начальный гороскоп. Компьютер принялся изучать фактические позиции небесных тел — тех, которым астролористы Парсло разрешили влиять на судьбы человечества. Звездное небо над планетой весьма отличалось от того, что

видели люди с Земли, а потому самые уважаемые астролористы заново провели расчеты местоположений зодиакальных созвездий. Это, как знал Марсден, могло запутать все астролорические выкладки, заваливая компьютеры всевозможными переменными. Имея богатый выбор из двадцати планет и двух лун (не говоря уж о солнце, оно не было Старым Солнцем Солтерры), — астролория располагала богатейшим ассортиментом знаков и предсказательных комбинаций, — о таком астрология древних могла лишь мечтать.

— Кого ты используешь сейчас, дорогая?

— Ах!.. С тех пор как умер Трэси Зимбабве, я все подбираю... Это ужасно! Я пробую Рамазона Пребэдди. Он по крайней мере верен двенадцати знакам Зодиака.

Дуглас рассмеялся. Он ощущал необычайную бодрость и прилив новых сил.

— Ну, дорогая моя, это ведь было там, на Солтерре. Я часто думаю, что с этими нашими подозрительными астрономическими вариациями куда выгодней был бы Зодиак из шестнадцати знаков.

— Правда, Дугги? В самом деле? — Она оживилась. Ее руки лежали на клавиатуре компьютера. — Интересно...

— Вот оно, — показал он на экран, усыпанный символами и знаками. Молча они стали изучать эту картину.

На экране появился и заговорил Рамазон Пребэдди, поясняя свои слова движениями «указки» — тонкого луча света. Марсден слушал не без интереса, но лишь потому, что видел, как благоговейно затаила дыхание Паула. Он никогда всерьез не увлекался астролорией. Признавал, что были сделаны кое-какие замечательные предсказания. Здесь, конечно, что-то есть, даже с точки зрения нынешних скептиков, — если, конечно, отвлечься от суеверия, которое он презирал.

Звучал записанный заранее голос Рамазона Пребэдди:

— Это значит, что вы должны проявить осторожность в выборе компаньонов. — И, после паузы: — А теперь я должен сообщить вам, что Верхняя Луна

и Афродита, соединенные в Раке, в оппозиции¹ к Жнецу в Козероге, — предъявляют высокие требования к вашей духовности и будут действовать против ваших сексуальных потребностей, хотя для особы со слабой сексуальностью эти аспекты могут и не быть столь неблагоприятными...

Паула страстно вздохнула. Она откинулась ближе к Марсдену — он положил руку ей на талию. Услышал биение ее сердца.

— Вот... — проговорила она еле слышно. Продолжать не могла.

Дуглас вырубил голос астролориста.

— Даже я понимаю, что это вовсе не плохо, — сказал он, придавая убедительность своему тону. — Это всегда связывалось с Сатурном... с оппозицией... Верхняя Луна и Афродита... ну, это не очень много обещает... — Он крепче обхватил ее, поднял и уложил на диван, ослабевшую, податливую, как воск... — Смотри, Менуэттер во Льве в секстилии с Корнукопией² в...

— Рамазон бы сказал...

— Менуэттер — его обычно ассоциируют с Меркурием. Так что это — хороший знак, очень хороший. И, смотри сюда, вот Эдем в Девятом Доме — это очень хорошо... Ты ведь говорила, что вы отправитесь в дорогу, — это подтверждается. Духовная сторона — тоже сильная. Все это вовсе не так плохо, как толкует твой Рамазон, Паула.

— О Дугги, ты правда так думаешь?

Она взяла его руку своими дрожащими пальцами.

— Конечно! Может, ты задолжала Рамазону за прошлый месяц?

— О Дугги! Астролористы никогда так не делают!

Он усмехнулся ее наивности.

— Ну, разумеется. — Пошел к экрану выключать. — А смотри-ка. Солнце в твоём гороскопе. Можно ли просить чего-нибудь получше? Что тебе еще требуется?

¹ Оппозиция — прогностическое

² Корнукопия — Рог Изобилия, секстилия — отстояние на 60°

— Ты правда думаешь?.. — Она лежала на спине, приложив пальцы к губам. — А ведь ты здорово разбираешься в астрологии, Дугги, а я и не знала!

Он погасил экран.

— Так, кое-что. Ты же знаешь, какая у меня память. Мне трудно забывать. Нет, я не эйдетик, спасибо Папе, — то, что мне нужно забыть, я забываю моментально. А здесь — выбираешь знаки, решаешь, как они действуют на субъект, — вот и все дела.

— Я уверена — ты умеешь это делать, Дугги! — Она старалась вернуть себе уверенность. — Ты мог бы стать большим астрологом!

— Что ты, Паула, брось! Я же атлет.

— Да. И мне кажется... ты много потерял.

— Паула!

И они снова слились в объятиях друг друга, — пока солнце не поднялось над городом Черекронец, не посеребрило протоки дельты, не заблестело на многочисленных чашках антенн экзисенсной системы.

VII

ДЕКАТЛОН

С обнаженного тела Дугласа Марсдена капал пот — он стоял под палящим солнцем, широко расставив ноги. Бруто-дубина в его руках крутилась то так, то этак; сухая пыль клубилась из-под ног. Он прыгнул вперед — обманный маневр — мощный удар — нырнул, избегая ответного — отскочил назад... Куллифорд ловок. Слишком ловок — больше, чем ожидалось. Ответная атака едва не сразила Марсдена. Дубина Дугласа зазвенела от удара Куллифорда сверху. Он ощутил, как железное дерево выворачивается из его рук. Сумел удержать дубину, чуть не вывихнув кисти; и с тупым звуком прошелся ею по ребрам Куллифорда.

Но некогда чувствовать удовлетворение — черная дубина Куллифорда кружила над ним, как грозная туча в небе. Дуглас уклонился влево и закрутил свою

дубину. Две бруто-палки со звоном столкнулись. Дубина Куллифорда, получившая удар по ко́нцу, соскользнула и прошла грифом по пальцам, причиняя невыносимую боль. Марсден схватил воздух ртом, бросился вперед, пригнулся и, вскинув дубину, опустил ее туда, где должна была находиться голова Куллифорда, — точнее рассчитать удар он не мог: мешало бьющее в глаза солнце.

Это была последняя схватка. Решающая. В этом decatлоне Куллифорд и Марсден уже провели все свои встречи друг с другом. В соревнованиях по бегу Куллифорд победил на миле, Марсден — на стометровке. В прыжках Куллифорд взял себе «в длину», Марсден — «с шестом». И очков здесь набрали поровну. В стрельбе на скаку навскидку Марсден легко победил; Куллифорд уступил на одно очко Чэнгтону и оказался третьим. Но Куллифорд победил в борьбе кудзё, а значит — обходил Марсдена со счетом 3:2. В боксе Марсден победил столь легко, что этот вид остался позором для Чэнгтона с Куллифордом. Этот последний был наголову побежден заносчивым, быстрым как молния, с кофейного цвета кожей дансинг-дервишем — платным партнером из Миссанджаро по имени Рональд Активанс Спенс. Зато Куллифорду удалось — не без труда и не без везения в жеребьевке — победить по штанге. Очки теперь ясно говорили, что Дуглас — впереди. Оставалось только бруто — оно обещало нужные для победы очки. Если Куллифорд выиграет бруто, то он выиграет и чемпионат. Если победит Марсден — или любой другой, — то Куллифорд опустится на второе место за Дугласом.

Как подсказывало само название, бруто было brutальным спортом. Почти обнаженный — в одних пропитанных потом плавках с полоской электростатического экрана вокруг талии, — Марсден прыгал, нырял, крутил бруто-дубину в горячем воздухе. Экран, закрепленный у него на пояснице, излучал электромагнитное поле — оно хоть частью, но защищало тело от костоломных бруто-ударов; но все равно толстая дубина, крепко приложенная к ребрам, свободно

могла вышибить из него дух и уложить навзничь на песок.

Если Куллифорд выиграет эту единственную схватку, то у него «будет схвачено»... Марсден тряхнул головой — волосы выбивались из-под пластиковой ленточки и лезли в глаза. Да, он чувствовал силу противника, ощущал энергию и игру мускулов врага, когда их дубины сталкивались. Куллифорда не подавить, он крупнее Дуга. Значит, надо играть с ним, победить его умением, вымотать его силы. Дубины крутились в жарком воздухе.

Стадион — быстро сляпали строители — отзывался эхом на вопли болельщиков. Те прекрасно понимали, что происходит здесь, на прожаренном солнцем песке. Были и такие времена, когда песок обгагрался кровью. Теперь не то — только пот во все стороны брызжет от обоих соперников. Они делали круги, ища бреши во вражеской обороне, нанося удары, делая финты. Непрерывный стук дубин поэт назвал бы «барабанным боем „Смерти“»...

Марсдена осенило: вот как он сделает. Пойдет в атаку рубящим ударом, но изменит направление, нырнет и врежет Куллифорду по колену. Гигант сам прыгнул на Дуга, тот рванулся навстречу, высоко подняв бруто-дубину обеими руками. Теперь он достанет Куллифорда! Провести задуманный прием... Но перед его глазами — голова и плечо врага, без защиты, открытые, уязвимые... Хотел быстро изменить направление удара, обрушить его на кости плеча... И эта заминка решила дело — ведь дубина у него над головой! Как будто захлопнулась крышка черного котла — только «алое пламя» (Шари?) успело блеснуть в глазах. И он лежит на песке. Бруто-дубина вылетела из рук. Двинуться не может. И видит — прямо перед глазами — расставленные ноги Куллифорда. Бугры мышц измазаны грязным песком... Ноги человекообразного самца возвышаются, как монумент...

Краем глаза Марсден заметил, как безжалостная бруто-дубина подымается в небо. Он четко видел

движение вражеской руки. Вот она опускается — он попытался шевельнуться, достать свою дубину, вско-чить — но поздно... Удар — и Дуглас Марсден надолго потерял всякий интерес к декатлону.

VIII

НИЗКАЯ ВОДА

— Боже мой! Дуглас Марсден! — в ужасе воскликнула Флора Вальдесей. — Ты хочешь сказать, что даже не позаботился свой гороскоп проверить перед турниром?!

Прежде чем ответить, Марсден повернулся в своей постели и глотнул из трубки:

— Это не важно, Флора. Главное — мускулы и уменье.

— Пригодились тебе и мускулы, и умение! За-конченный идиот! Ох, ты меня доведешь!..

— Какая разница? — Медики залатали Марсдена, и сейчас он уже почти поправился. Только что он принял хорошую порцию Снов и чувствовал, как постепенно возвращаются силы. Вот только голова... Череп ему починили, но боль ушла куда-то глубже.

— Этот парень — как его зовут — ну, голова бритая и зад большой...

— Дейтон?

— Да, Дейтон. Он вышел из игры — отказался, потому что Рамазон выдал ему страшный гороскоп на время соревнований. Он послушался!

— Так вот почему нас было только одиннадцать. Значит, я должен был сделать то же самое — так ты считаешь?

Она фыркнула:

— У меня хватает здравого смысла, чтобы при-слушиваться к советам астролористов.

Марсден раздраженно отвернулся к стене. Спасибо, конечно, Флоре за визит, но...

— Стив еще не показывался?

Она сморщила нос:

— Шари только что узнавала. Ты на втором месте, Дуг... Так что у тебя кубок и призовые деньги — вице-чемпион.

Марсден едва не рванулся душисть ее.

Но вместо этого сказал неожиданно охрипшим голосом:

— Это анахронизм — делать такой упор на бруто.

— Идея, дорогой! Надо изменить правила.

— Найди, пожалуйста, Шари — она хорошая девушка. — Дуглас почувствовал, что разговор становится все более и более невыносимым.

Он думал: вдруг позвонит Паула? И как он сумеет объяснить это Флоре? Флора — женщина чуткая. Может, она и сама обо всем догадалась?.. От нее ничего не скроется.

— Ну, в общем, я пошла. — Она встала и, изящно склонившись, поцеловала его. — До встречи! — В дверях повернулась и заметила, слегка нахмурившись: — Ты мог бы заняться астрологией, Дуг. Память у тебя — что надо, да и с виду ты — симпатяга... Я знаю массу девушек — они прямо набросятся на тебя.

— А... пустое дело.

Она усмехнулась:

— И не забудь: Мэсон устроил тебе встречу с Эр. Ну, води себя хорошо.

Он был так подавлен, что даже не включил дистанционный замок за ней.

Чувство горькой обиды, выраставшее в нем наперекор спортивному инстинкту, грозило поглотить его. По-настоящему это он выиграл декартон. Куллифорд взял пять первых мест — и он взял пять... и у Куллифорда было только три секунды — на две меньше, чем у него. Если б это проклятое бруто не было гвоздем всего турнира.. — он в раздражении заворочался на постели. В законах везения нет процентной нормы.

Слухи продолжали виться по Планете Парсло. Марсден получал свою долю этих слухов. Смутные, туманные, они тем не менее предостерегали каждого, кто продолжал как ни в чем не бывало развлекаться на шумных раутах; отныне такое поведение напоминало танцы на палубе гибнущего корабля. Для чего хотел Эр видеть его? Президент еще не сделал никакого

публичного заявления. Когда-то Эр намекнул: Президент и сам не знает, что сказать. Проклятая политика, проклятые политиканы! Дуглас закрыл глаза, думая о Дриме или Экссесе — что-нибудь резкое, острое, пикантное...

Горячая вершина лета легла на юго-восточную часть континента. Смена времен года была тем немногим, в чем Планета Парсло сходилась со старой доброй Землей. Дальше к северу, за Стирольной зоной, реки уже освободились ото льда, деревья в полной зелени, о снеге и думать забыли. На Парсло имелся лишь один континент, большинство же отколовшихся от него островов и целых архипелагов — давно исчерпали Парсло-радиацию. «А что делает Тони?» — подумал Дуг.

И еще он вспомнил — с благодарностью — о своих родителях. Всегда стараясь жить легко, они привили ему любовь и уважение к жизни и к тому хорошему, что несет с собой богатая жизнь. Свою физическую силу и спортивную удачу он унаследовал от отца — отличного фехтовальщика и превосходного боксера. Музыка, спорт-экзисенсы не выходили из нижнего ящика комода, умение ценить и театр, и дикую жизнь на природе — все это сформировало ему крепкую основу... И снова он раздраженно заворочался в постели. Говорят, Папа-Рад лишил людей способности спать так, как в старину на Земле, только получение дрима может дать вам здоровый отдых. Пилюли — все знают — стали архаикой, вместе с исчезнувшими болезнями и недомоганиями. Наконец, не выдерживая этого бездействия и подумав, что оно продолжается уже две недели, — он встал, побрился, принял душ, оделся, потом уселся поесть — вернее, слегка заморить червячка, но он почтил свою трапезу званием завтрака.

Появился Стив Уинкэм и объявил, что наконец уладил все гонорарные дела. Добавил: Марсден получит свой вице-чемпионский кубок на церемонии через несколько дней. Но Дуглас не хотел тратить время на унижительную для него процедуру.

— Пришли мне эту штуку почтой, — резко сказал он. В конце концов, подумал он, закрывая тумблером

дверь за гостем, он всегда сможет переплавить все накопленное добро и продать как драгоценные металлы.

Теперь единственное, ради чего стоило жить, была Паула. Как ни болезненны, даже безнадежны были их отношения, — она все же оставалась с ним..

Никогда еще он не ощущал так ясно бесцельность своего существования.

С необычайной ясностью он вспомнил слова матери... тогда он расколотил свою новую модель флайера с изотопным двигателем — вдребезги, пытаясь усадить его не лесистый склон за их многоэтажкой:

— Бери новый старт, Дуг. Начинай сначала. Будь как река: когда встречает препятствие — ищет обход, размывает камни. Набирает силу, чтоб прорвать запруду. Не позволяй себя запрудить, Дуг!

— Клянусь, не дам! — ответил он. Ему тогда было четырнадцать. Как раз половина его истекшей жизни. Ему всегда хватало намека. Сейчас — Флора Вальдесей. И Паула Лейден.

Они не только намекали. Он почувствовал с приятным удивлением, что, набирая номер, невольно улыбается.

Он будет, как та река, — со змеиной хитростью обогнет и разрешит центральную проблему всей своей жизни.

Уладить детали — оказалось до смешного просто. Он всего лишь зарегистрировался в Центральных Архивах и настроил свои роботы на программирование ежедневных эфемерид — на выход своего персонального компьютера. За это время поступил деловой звонок от Шари Аррузы — она все еще работала у Стива, — и Дуглас отверг ее предложение о матче с Б'Лонгом Кройлем, нынешним чемпионом по рапире. Он однажды победил Кройля — когда шел на подъем, но потом проиграл — когда в прошлом году Кройль завоевал свой титул и принял вызов Дуга. Память об этом, еще режущая и жгущая, теперь — странным образом — не наполнила его желчью, как это было бы еще вчера.

— Скоро вы мне опять понадобятся и именно здесь, в Лодене, — сказал он Шари. — Кончайте эту муру со Стивом как можно скорей. Скажите ему:

в обозримом будущем никаких вызовов я не приму и не пошлю.

Шари ахнула:

— Как это?

— Я решил заняться кое-чем другим. Но вы мне нужны, особенно на компьютере. Я займусь астрологией.

— Вы шутите!

— Отнюдь. Уверен, что смогу действовать лучше, чем любой практикующий нынче астрологист. Гораздо лучше.

— Если вы серьезно... — в ее голосе звучало сомнение.

— Давайте мне ваши даты, времена, места — я вам составлю гороскоп с гарантией девяносто девяти процентной точности.

— Да ведь такого просто не бывает, Дуг!

— Ну, ладно — восемьдесят пять процентов. Я сделаю лучше, чем любой работающий нынче астрологист — с их жалкими семьдесят пятью процентами. Увидите сами. Я это чувствую в себе.

— Что ж, вы — мой босс. Так и передам Стиву. Что еще?

— Все. А как вы?

— Ничего... ну, одна не очень приятная мелочь. Кажется, два города запрограммировались на один и тот же новый сайт — получился конфликт. Где-то на северо-западе. Они уже помирились, но придется сносить часть зданий и удвоить плотность заселения.

— Некомфортно им будет. Но ведь в городах всегда много свободного места — оставляют в расчете на ягоду.

— Я буду рада вернуться в Лоаден. Здесь Папа-Рад заметно ослабляется... ну, вы знаете.

— Значит, они там скоро передвинутся.

Да, насчет Парсло-Радации — это верно. Раньше город на хорошем сайте мог существовать несколько лет, радиация была из-под земли, равномерно даруя жизнь, а потом она внезапно слабела, затухала, и сайт быстро превращался в пустую, безмолвную зону. За все это люди искренне благодарили Папу Парсло. Только здравый смысл удерживал их от его обоже-

ствления. Религии процветали, как им и положено в любом здоровом, склонном к религиозности обществе: Марсден путался в вероучениях новых диссентеров и предпочитал общаться с Богом один на один — без духовных посредников.

В приливе бодрости он начал собирать орудия своего нового ремесла: ведь предстоит еще учиться, чтоб стать лучшим астролористом на Планете Парсло.

Ему нравилась новизна всего этого. Почему раньше он не сделал такой шаг?

Несколько дней прошло в напряженных усилиях, в организации и планировании работы, и наконец он обрел некоторую уверенность в себе и был готов идти вперед. Он работал с Флорой Вальдесей — узнав о его решении, она издала громкий вопль восторга; она помогла ему составить целое досье на людей, которые готовы дать ему первый шанс. Если он докажет им свои возможности, то станет их астролористом на исключительных условиях. Он смело смотрел в будущее. Знал, что у него есть умение — дар? гений? интуиция? — правильно читать звездные аспекты и выдавать гороскопы; они, основанные на широком использовании искусства и науки, будут точны до малейших деталей, пусть проверяют любые авторитеты. Для этого он использует все преимущества своей великолепной памяти. Если есть хоть какой-то смысл в астрологии, то Дуглас Марсден отыщет его и использует во благо.

— Я отношусь к этому очень серьезно, — сказал он Флоре. — Безо всякого цинизма. Наука творила чудеса, тому свидетельство — наше присутствие на планете в стольких парсеках от Земли. А потом, когда речь зашла о вещах, не поддающихся непосредственному измерению, наука потеряла уверенность в себе.

— Это верно, Дуг! Я знаю — это так!

— Если ты даешь астрологии заглавную букву «А», а Науке — заглавную «Н», то дай мне заглавную «Ц» для Цельности!

Впрочем, Шари Арруза как-то заметила ему, что ученые, в отличие от астролористов, не очень-то много имеют от своих занятий наукой.

Позвонил Мэсон Уормлей. Марсден предложил Флоре подключить второй телефон, чтобы поговорить троим, но девушка вдруг завизжала:

— Нет, Дуг! Мэсон со мной... ну, ты знаешь, что у нас с ним!.. Мне нужно лететь — пока!

— Хелло, Марсден! — сказал Уормлей. Его жесткое, тяжелое лицо загадочно смотрело с экрана. — Вы можете завтра заглянуть в мой столичный офис? Часов в одиннадцать?

Марсден согласился и отключил связь. Шари, оторвавшись от своей напряженной работы, рассмеялась:

— Итак, Флора и этот парень — Уормлей — отпали. Но Стив и не рассчитывал на него.

— Если мне повезет и Эр будет в хорошем настроении, — размышлял Марсден, — я предложу составить ему гороскоп бесплатно — в качестве рекламы. Как насчет этого?

Она фыркнула:

— Президент — вот это было бы удачей.

— Вы же знаете, что говорят о Президенте.

— Да, но кто это говорит, и что именно они говорят! — ее глаза вспыхнули.

В 10.45 по земным часам, которые Парсло великолепно приспособил к своей планете, Марсден входил к Уормлею.

— А, это вы — прошу, прошу! — холодное радушие Уормлея не обрадовало Дугласа, но он почувствовал за ним некую мощь. — Я не могу ничего гарантировать. Дело движется вперед. Мы взялись за великую задачу — вовлечен лично Эр. Нас всех спасет правильная политика.

— Очень благодарен, — Дуглас сел в указанное ему кресло. — Но для чего же именно Эр хотел меня видеть?

Уормлей постарался сдержать свое удивление:

— Я думал, вы слышали! Слухи и новости так сложно переплетаются в наши дни. — Он перелистал бумаги. — Я видел результаты декартона. Блестящий парень этот Куллифорд, блестящий. Я думал, бруто...

Марсден прервал его спокойным тоном:

— Мне не хотелось бы касаться этой темы. Сейчас я занимаюсь...

— Не хотелось бы? Эр будет весьма удивлен.

Вспыхнул экран видеосвязи, и Уормлей включил хашфон — беззвучный телефон. Марсден мог видеть движение губ Мэсона, но догадаться, о чем говорит хозяин офиса, не мог. Экран переливался всеми цветами радуги. Дважды Уормлей бросал долгий тяжелый взгляд на Марсдена, сидящего вне сферы слышимости хашфона. Наконец он отключил связь, повернулся лицом к Дугласу и, изобразив улыбку, произнес:

— Боюсь, Эр занят более, чем мы рассчитывали. Дело, знаете ли, движется вперед.

— Так он не сможет меня принять?

Уормлей развел мощными руками:

— Вы знаете, как обстоят дела. Я еще раз поговорю с ним. Он будет доволен. Может, вскоре мы сможем устроить другую встречу. — И Уормлей встал, массивный, как монумент: — Ну, извините меня; видите, сколько здесь... — он указал на стол, заваленный бумагами, компьютерными распечатками и заезженными кассетами.

— Понимаю, понимаю, — Марсден встал, пожал руку хозяину и вышел.

«И это все?» — спросил он себя за дверью.

В коридоре Дуглас прошел мимо бедно одетой пары — лица мужчины и женщины, склоненные друг к другу, были отмечены печатью тревоги. Он услышал слова мужчины:

— ...в зоне кончилась, а никаких признаков передвижки еще нет.

Женщина начала было:

— Эр будет составлять квоты... — но осеклась, увидев проходящего мимо Марсдена.

Оба искоса смотрели на него, пока он не удалился на достаточное расстояние. Звук его шагов по мраморному полу гулко отдавался в пустом коридоре. В огромном многоэтажном здании — собственности Эр — было как-то неуютно, и, лишь выйдя на улицу и увидев сияющее над столицей солнце, он немного приободрился.

«Похоже, ягода здесь ослабла», — решил Дуглас, ощущая какую-то необычную вялость. Может быть, просто плохая форма из-за прекращения тренировок?

Да нет. Несмотря на обилие работы, он всегда выкраивал часок-другой для занятий в спортзале. А за последние несколько дней принял и пару хороших Дримов.

IX

АСТРОЛОРИЯ

Паула вернулась из Гартерсфорда.

Мать Глена Лейдена умерла, несмотря на сверхчеловеческие усилия медиков. Как было сказано: «Что поделать — иссяк ее собственный, персональный Папа-Рад».

Паула оставила Глена совершать скорбный обряд в одиночестве, и оправдываясь беспокойством, заразившим теперь каждого на Планете Парсло, улетела в Тропет. Сейчас этот город был расположен на крайнем юго-западе, за экватором. Дуглас Марсден получил вызов Паулы, и теперь выжимал максимум скорости из своего флайера «Мах-три».

Пальцы его охватила знакомая мелкая дрожь. Болели суставы. С трудом удавалось удерживать сжимающиеся в судороге челюсти и кулаки. Значит, она его не бросила! Радость была так велика, что кружилась голова.

Шари Арруза была недовольна. С тех пор как Марсден повесил на своих дверях табличку астролориста, Шари проводила долгие часы за компьютером и системами файлов и еще столько же времени тратила на прием посетителей. Роботы, сказал ей Марсден, хороши, но они не для него. Может быть, со временем они и смогут приобрести этот знаменитый электроплазменный компьютер, который, по слухам, изобрели в Галактике, но это случится лишь в том случае, если торговые пути станут более открытыми.

— Вот как!.. — вспыхнула Шари. — Да это еще вилами по воде писано! Славные порядки мы завели — поражаюсь, как я только выдерживаю. Что же я — всякой дырке затычка — что ли? Стив

так и сказал, и, по-моему, он прав. А вы, вместо того чтобы заниматься делом, бегаете за этой бабой, как собачка за...

— Шари! Пожалуйста...

Видя, как расстроена его секретарша, Марсден расстроился сам. Он ласково потрепал ее по плечу, но она вывернулась из-под руки.

— Я буду работать дальше. — Девушка тяжело вздохнула. — Еще один день выдержу. Но — не больше.

— Я вернусь, Шари, обещаю.

— А как же проблема Русса?..

— Потом, потом!

Она улыбнулась:

— Другого я от вас не ожидала. — Ее улыбка была похожа на солнце, просвечивающее сквозь дождь, она обезоруживала и смущала привыкшего ко всему Марсдена. Он не мог понять — как это Шари Арруза так сильно вошла в его жизнь? Разве она — не девушка Стива Уинкэма?

Выходя к своему флайеру, он обдумывал ситуацию с Руссом. Один клиент попросил Марсдена сфальсифицировать гороскоп, который Дуглас составлял для друга этого клиента. Дело пахло деньгами. Был затронут также и престиж, ибо этот клиент хотел устроить жизнь своего друга по образцу, который он давал Дугласу. У Марсдена не было никакого желания сталкиваться с Руссом. Этот человек не имел никакого представления о морали — он даже не предполагал, что нравственные правила нельзя менять по своему усмотрению, что они едины для всех. Конечно, с тех пор как люди оставили Солтерру, мораль сильно изменилась — пусть это и не признано официально. Даже брак теперь подвергается атаке. Но ведь какие-то основные принципы сохранились и продолжают играть очень важную роль, — что не способен видеть этот Русс.

И, подумал он со снисходительным смешком, Русс слишком практичен, слишком здравомыслящ, чтоб выслушивать предсказания. Так что пусть Русс отправляется к дьяволу.

Впереди была Паула Лейден — жена его друга, так что неразрешимых моральных проблем у него самого хватает.

Предвкушая бурное и страстное свидание, он предоставил роботам запарковать свой флайер и вошел в лифт первоклассного отеля. Апартаменты, выбранные Паулой, отвечали ее вкусу: гладкие шелковые портьеры медового цвета, мебель обтянута мехом, широкие окна беспрепятственно открывали вид на окружающие пустоши и дальше — на сплошную пустыню.

— Паула, дорогая! — приветствовал он ее, врываясь в комнату с раскрытыми для объятия руками. В одной руке у него был неловко зажат подарок для нее — большой опал в античной броши, он купил его по чудовищной цене в универмаге «Спейсфэрерс-маркет» — «Рынок для космонавтов». Глупым легендам об «опасности» опалов Дуглас не верил. Астролория лучше разбирается в этом.

Она не поднялась с формфита — дивана, принимающего форму тела, — а лишь подставила свою безупречную щеку для поцелуя. Ее сдержанность удивила Марсдена, эта странная самоуглубленность подействовала на него как-то усыпляюще, как медвяная роса на деревьях в жаркий день. Он неловко присел рядом с ней. Она откинулась назад.

— Глен был страшно потрясен, когда мать умерла. Она была ужасная женщина — я от нее... Но она умерла, и не будем плохо говорить о покойниках.

— Это им не может повредить, — возразил Марсден, кладя руку на ее талию. На Пауле был траурный наряд модного фасона — желтый с черным, с глубоким вырезом и кружевной оборкой. Дуглас повел руку вверх.

— Нет, Дугги! Потом. Глена не будет до вечера — мы поужинаем в восемь.

— Как я рад, что снова вижу тебя, Паула.

— Что там за ерунда у тебя с Руссом, дорогой?

— С Руссом?

— Я хочу сказать: никто не ждет, чтобы астролористы говорили стопроцентную правду. Впрочем, и восьмидесятипроцентную тоже. Я, во всяком случае, не жду. А ты не захотел даже изменить гороскоп.

— Паула!

— Ну!... — она подмакнула глаз листочком папиросной бумаги, — я хочу сказать... конечно, я ничего в этом не понимаю. Но простая услуга для друга... Ты не любишь меня, Дугги.

— Ты знаешь — я тебя люблю, Паула. А Русс мне вовсе не друг.

— Легко тебе так говорить!

Он попытался на деле показать ей свою любовь. Но в разгар их короткой схватки формфит принял свою первоначальную форму; Марсден, выброшенный толчком, шлепнулся на пол. Паула устояла на ногах. Падение Дугласа не согнало с ее лица хмурую гримаску.

— Ох, Паула!

— Русс говорил...

— Пошли этого Русса к... Послушай, Паула, дорогая: это — дело этики. Морали, если хочешь. Нельзя просто так менять полученный гороскоп. Я умею интерпретировать его, и мои дела идут все лучше с каждым днем. Но если я хоть раз умышленно сфальсифицирую то, что вижу, то уже на другой день у меня в глазах замутится. Что я вкладываю, то и вынимаю. И если я злоупотреблю своей силой...

— Так у тебя есть особая сила?

— Да, я уверен в этом. Мне уже давным-давно надо было заняться астрологией.

Они обсудили проекты на будущее и составили перечень перспективных клиентов. Паула обещала связаться с Марсденом, как только сможет:

— Только, Дугги, мне придется быть очень осторожной. Если Глен... нужно будет сдерживаться.

— Скажи только слово. Ты же знаешь... Ты добра ко мне, Паула.

— Конечно, дорогой, как же иначе. А ты любишь меня, правда?

На этот раз доказательству не помешали ни формфит, ни упреки.

Алого цвета «Мах-три» вспорхнул с крыши отеля Паулы еще до возвращения Глена Лейдена. Марсден чувствовал приятную расслабленность. Жизнь улыбалась ему. Теперь он должен окунуться с головой в

свой новый бизнес и стать лучшим астрологистом на Планете Парсло.

Весь остаток этого жаркого лета Дуглас Марсден добросовестно занимался получением гороскопов и их интерпретацией, прилагая все свое умение и таинственную силу. Он чувствовал, что с каждым днем эта сила росла. Но необходимо было признать, что без постоянной помощи Шари Аррузы он мало преуспел бы в своих стараниях. Когда Стив Уинкэм или Флора Вальдесей ехидно замечали, что дружба шефа и секретарши все крепнет, Дугласа и Шари охватывало смущение. Марсден редко видел Паулу; она втянулась в движение суффражисток — работала в местном женском отделении партии «Регнанси», требующем равного избирательного права для женщин. Марсден не вмешивался в политику Парсло, мало интересовался галактическими делами. Но он достаточно ясно видел, что Паула просто развлекается своим участием в «Регнанси» — этой галактической организации мистиков, что на самом деле она тоскует по какому-нибудь серьезному делу здесь. К Шари же он оставался по-прежнему любезен, ценя ее и вклад ее в свое дело.

Пришла осень, дни укоротились. К северу от Стирольной зоны дни будут еще короче, и толстая ледяная кора покроет реки, повалит густой снег, голыми и черными станут окоченевшие деревья...

Всю зиму Марсден вдохновенно работал, не обращая внимания на пролетавшие праздники — Новый год, Рождество. Сатурналии, День Солнцестояния — Сансетрайз, — он забыл о них. В гости он не ходил, отвергая все приглашения, и наконец Шари заявила:

— Вам нужно отдохнуть, Дуг. Мы все едем в Ноттингли — побеситься немножко. Вы не составите нам компанию?

— А зачем? Там ведь...

— Экзисенсы устроили новую серию праздничных экскурсий на Сансетрайз. Я говорила с Хеди Арленом. Он мне рассказал про «Империю Хаоса». Это — большая скоростная экскурсия с потрясающими обзорами. У них — постоянный процесс изменений и экспериментов, говорит Хеди. Некоторые эффекты —

просто ослепительны. Они их называют «умовзрыватели». А вам нужна передышка. — Она посмотрела ему в глаза. Марсден заметил, что она дышит несколько тяжелей, чем обычно. — И еще: мистер и миссис Лейден тоже будут там.

— Я поеду, Шари, — он попытался улыбнуться. — Но, знаете, толку будет мало. Я сказал Стиву — он понимает.

— Стив... — Что она хотела сказать, Дуглас так и не узнал, так как Шари внезапно замолчала, отвернулась и начала быстро работать на клавиатуре компьютера.

Правду ли говорила Шари? Это было бы вполне в духе ее переменчивой натуры: соврать только для того, чтоб оторвать его от ежедневной рутины и окунуть во что-то совсем новое, — но лишь для того, чтоб ускорить завершение дела. А теперь этот Хеди Арлен. Она уже говорила, подражая ребятам Экссесса, — такими же резкими фразами.

Она сказала о «потрясающих образах». Один такой образ он никак не может забыть — тот воспаленный багровый шрам на белой коже маленькой, идеально вылепленной правой груди...

Перед самым Сансетрайзом позвонил Мэсон Уормлей. Эр сможет принять Марсдена, если тот поспешит в Столицу, на ее новый сайт — в Шефферовых Горах. Тони нашел этот сайт, неожиданно оказавшийся среди целой россыпи покинутых городских площадок. И теперь все правительство, гражданские службы и администраторы Капитал-сити (Столицы) испустили глубокий коллективный вздох облегчения. Парсло-Радияция была из-под земли хотя и слабыми, но устойчивыми и непрерывными импульсами, давая жизнь и бодрость, внушая новую уверенность в своих силах.

Через знакомые входы, по тем же самым холлам и коридорам с облицовкой из яркого твердого мрамора — Марсден снова прошел по уже проделанному раньше пути. Мэсон Уормлей был куда-то вызван, как сказал Дугласу робот-привратник. Не будет ли мистер Марсден так любезен подождать? Здесь предусмотрен терминал системы экзисенсов, и мистер

Уормлей будет доволен, если мистер Марсден совершит экскурсию в Эксцесс.

Мистер Марсден набрал на клавишах свое согласие.

Через три часа, поплавав среди парусников и китов, он вернулся в реальный мир и сделал запрос роботу.

Мистер Уормлей оставил Дугласу сообщение. Он сожалеет, что не смог сегодня увидеться с мистером Марсденом. Он будет поддерживать контакт.

Мистер Марсден встал — немного быстрее, чем хотел. Мистер Марсден вышел, в чем-то раздосадованный, в чем-то заинтригованный.

— Этот человек вызывает у меня чесотку! — резко сказала Шари, когда Дуглас вернулся домой. — И звонила Флора. Она говорила что-то о призе — выиграла большую сумму.

— Добрая тетя Флора, — заметил Марсден.

Однако не все жители Парсло безоговорочно верили астролористам. Иные высмеивали их как претенциозных шарлатанов. Дуглас придерживался того взгляда, что светила в своих перемещениях действуют как простые часы, отмеряющие периоды человеческих судеб. Ключ к ним давало точное измерение. Если сегодня единственный способ прочесть показания этих часов есть изучение подробно разработанной псевдонауки зодиакальных знаков, — то Марсден, лично он, будет идти этим путем, пока не предложат другой, более правильный. Его уже считали многообещающим астролористом, попадающим в цель лучше большинства практиков. Но Марсден задался целью обогнать всех.

Стремление Дугласа к превосходству могло толкнуть его на путь мелкой подтасовки фактов, но нет — чем больше он работал, тем больше росло в нем убеждение, что существует скрытая, ждущая разгадки истина. Люди, родившиеся в разные времена года, различаются весьма знаменательным образом, и — что еще интересней — их характеристики группируются вокруг неких типовых структур, связанных с датами их рождения. Но Планете Парсло с ее непрерывным перемещением городов — сложность обстановки требовала свежих решений, свежих замыслов, свежих откликов. Если и вправду в основе всех этих

астрологических наблюдений лежат биоритмы, то измерение их космическими часами имеет немалый смысл.

Когда в следующий раз зашел Стив Уинкэм (он рассказал Марсдену о своем участии в организации приближающегося чемпионата по подводному поло, причем деликатно намекнул, что Дуглас мог бы вернуться на свое бывшее место левого крайнего), — он привел с собой Мэгги Карстэрс. Когда девушка вошла, ее бронзовое лицо и электрическая масса платиновых волос как будто осветили комнату.

— Хэй, Шари! Ну как твой дружок? Уже ест у тебя из рук? Впрочем, сама вижу!

И снова Дугласу пришлось подавить инстинктивное ощущение, что он должен возмутиться блестяще-развязными манерами этой девушки, ее претензиями на долгое знакомство. Он лишь улыбнулся, подыгрывая ее тону; с Уинкэмом он был тактично тверд и отклонил его предложение насчет подводного поло.

Мэгги обратилась к хозяину:

— Не составите ли вы мне гороскоп, мистер Марсден? Пожалуйста! Я слышала — у вас очень хорошо получается.

— Это точно! — подтвердил Уинкэм, бросив на Мэгги такой взгляд, что Дуглас обиделся за Шари. — Из-за него страдает сам Рамазон.

Шари выдавила смешок:

— Обслужите ее по всем правилам! — произнесла она с едкостью, которая Марсдену показалась неубедительной. — Все подделки обнаружатся в длительном процессе. Помните это, Стив!

Уинкэм вышел, оставив Мэгги обсуждать с Дугласом нужные ему детали и избегая глядеть на Шари; он выбрался на террасу, чтоб полюбоваться видом на Чиппинг-Хамлет, отделенный от города полосой маленьких, ютившихся друг к другу ферм. Шари занялась компьютером. Марсден сосредоточился на беседе с Мэгги.

Он записал все данные, встал, потянулся — и только тут ему пришло в голову, что следует показать гостям, как они желанны и почетны: заказал напитки, завязал разговор о перспективах выборов, футбольного чемпионата, праздника Сансетрайз — словом, вел себя как истый хозяин, болтая и смеясь, пока они не ушли. Мэгги хотела попрощаться с Шари, но та ушла в задние комнаты — чинить соединение с терминалом темпераментов для очередного гороскопа, так что Стив и Мэгги ушли, более с ней не повидавшись.

Вернувшись в комнату, бросив чемоданчик с набором инструментов и посасывая исцарапанные пальцы, Шари сказала с жаром, который показался Марсдену очаровательным:

— А когда-то я мечтала стать амазонкой! Бывают же такие затмения!

— Ваши родные приедут в Ноттингли?

Она тряхнула головой:

— Нет — они предпочитают другое время года. И кстати — моя младшая сестренка сейчас готовится к финальным экзаменам. Очень важно, чтоб она получила хороший диплом.

— Как у вас.

— Да. Я не знала, что вам это известно. Программирование и стат-анализ — очень важные вещи, мне всегда это долдонили. Может, поэтому я бросила дело и занялась своим дурацким амазонством.

— Я рад, что вы здесь, Шари. Я не смог бы обойтись без вас.

Она прошла в кухню и заказала чай с бисквитами.

— Обошлись бы. Нашли бы кого-нибудь.

По неясной причине — он сам хотел, чтоб причина была ему неясна, — Дуглас не стал возражать, избревая какую-нибудь фальшиво-галантную плоскость. Он удовлетворился тем, что сказал:

— Мы больше не верим в черную магию. Но астрология важна для Планеты Парсло — значит, и

вы важны для меня и для целой массы людей, Шари. Я думаю — мы делаем хорошую работу.

Когда Парсло открыл планету, получившую впоследствии его имя, и положил начало колонизации (это опозоренное слово «колонизация» еще употреблялось первопроходцами), — природа дающей жизнь радиации была неизвестна, но эффекты ее исследовали довольно быстро. Хорошо еще, что погода на планете не выкидывала никаких штучек, и не было необходимости создавать дорогостоящее Бюро погоды, для контроля климатических изменений. Следовательно, Марсден мог ждать Солнцестояния и гадать: будет ли нынешнее Рождество Белым, или снег все же не выпадет.

Раут назначили в апартаментах Клэйтона Мифлинна, в Дромедари-Вилладж (Верблюжьей Деревне). Для Дугласа это был другой конец города. Мифлинн, крупный полный мужчина с выющимися, искусственно — до белоснежности — осветленными волосами, оделся для этого праздника «под Диккенса» и вышагивал по комнате, размахивая своим цилиндром и сверкая лакированными ботинками. Шари в восхищении заулыбалась. На ней было одеяние из одного куска прозрачной материи, цвета слоновой кости; оно спадало классическими складками, напоминавшими о благородной греческой простоте.

— Подоткни себе подушку под джемпер, Клэй! — крикнула она хозяину. — А то животика не хватает!

— Неплохая идея, дорогая!

Марсден, неловко кутаясь в длинную пурпурную мантию со звездами и полумесяцами, нахмурился и потянул Шари за руку. Она засмеялась и ускользнула прочь. Дуглас услышал лишь ее смех, сливавшийся со смехом Мэгги (чье платье было уже на волосок от полного неприличия) и Стива (он не придумал ничего лучшего, чем скафандр космонавта химической ракеты).

Вся компания с шумом и гамом, крепко надеясь на предстоящее веселье и с трудом удерживаясь в

границах пристойности, загрузилась в ожидавшие флайеры и умчалась в Ноттингли. Праздники Солнцестояния — Рождество, Сатурналии, Ночь костров — сулят очень много, когда ты молод и беззаботен, когда в твоих руках целая планета...

Они наконец добрались до Ноттингли — после нескольких промежуточных остановок, где обменивались подарками, выпивали по рюмке и, похохотав и подурочившись, снова садились в аппараты. Марсден никак не мог расшевелить себя. Шари, во всем своем блеске, в одиночестве порхала мотыльком от группы к группе, от одного мужчины к другому, и при этом заливалась смехом. Скрепя сердце, Дуглас вел бессмысленную беседу с какой-то пухлой девицей; у нее были золотистые кудряшки и такое декольте, что казалось — не укрепи его немедленно мощными антигравитаторами, и все тотчас вывалится наружу. Он вежливо терпел ее речи, пока флайер не приземлился на площадку Хеди Арлена в Ноттингли. Тут, невнятно извинившись, он поспешил выскочить наружу. Имя девицы было — Анна. Как все современные люди, Дуглас привык узнавать имена собеседников и — с его памятью это не было проблемой — запоминать их. Ведь мы далеко ушли от кучки варваров в мехах, сидящих вокруг костра. Глобальные коммуникации вынуждают иметь большое число знакомых. А чтобы считаться вежливым, нужно запоминать имена.

Флора Вальдесей — очаровательная в платье из черного шелка, молодившем ее лет на десять, — подлетела к нему, кружась в танце и поднимая неизбежный бокал шампанского. Под большим навесом звенел смех, хлопали пробки бутылок, люди танцевали и пели — в общем, веселились по добрым старым обычаям.

Марсден смахнул с мантии пену шампанского и осторожно поцеловал Флору. Она принялась бранить его:

— Я уже заждаюсь, Дуг! Где тебя носит? — Она зашипела, как шампанское в ее бокале, предупреди-

тельно добавленное подошедшим роботом, и стукнула его кулачком в подбородок. Марсден слегка смутился.

— Ты неплохо выглядишь, Флора.

— А как же иначе, драгоценный мой! Я ж говорила, что приготовила тебе сюрприз, забыл? Так вот, получилась удивительная, ну просто потрясающая, сногшибательная вещь!

— А... — Дуглас понял и начал оглядываться кругом.

— Вон там, Дуг, — Флора указала бокалом, самозабвенно смеясь, охваченная странным восторгом. — Разве не замечательно? — Марсден подумал, что «замечательно» — это еще слабо сказано. Он согласно склонил голову:

— За-ме-ча-тель-но, Флора, ты — чудесное создание! Как ты... — Он чуть было не сказал: «Как ты ухитрилась это сделать?» Но это было бы грубо. Флора сделала правильно, абсолютно правильно. И он сказал: — Как это ты его направила ко мне?

Гримаса, которую можно было считать недовольной, промелькнула на ее лице:

— У Тони — бедняги — большие проблемы. Скажу по секрету — из-за Мэсона. Ах, этот Мэсон — что-то они там придумали с этим Эр... Что-то ужасное. А Тони — ему нужна твоя помощь, Дуг, серьезно говорю тебе. Идем туда!

Марсден поспешил за ней, скользящей словно змейка между гостями; он огибал локти и бокалы, извинялся, отшучивался, выдергивал длинные полы своей нелепой мантии из-под острых дамских каблучков... И, случайно повернувшись, увидел входящих под навес супругов Лейден.

Он ощутил нечто подобное удару кулаком в грудь. Не зря говорят старые люди — что-то передается от сердца к сердцу... Он налетел на полуголую фею в серебристом газе, и каскадик холодного шампанского обрушился ему за шиворот.

Паула смотрела на людей, крепко держась за руку мужа. Ее лицо было неподвижно. Она ни бровью не

двинула, ни носик не сморщила, не позволила своим точеным губкам даже намека на улыбку. Царственно прошествовала она мимо Дугласа.

— Дуг! Где ты, Дуг! Идем!

Очнувшись от своего оцепенения, он неохотно пошел за Флорой.

Х

САНСЕТРАЙЗ

— Сначала они испугались, что ягода — идиографическая, — рассказывал Тони небольшой группе слушателей. — Следующие разведки установили, что это не так. Но ребятам так и не удалось объяснить, почему ягода не номотетическая. И до сих пор это неясно.

— Правда — ослепительный мужчина? — шепнула Флора на ухо Марсдену.

Почему она так безразлично проплыла мимо него? Сделала вид, что не узнает? Чувство одиночества больно сжало сердце Дугласа. А Флора все шептала, — он заставлял себя прислушиваться и в то же время вежливо улыбаться продолжавшему речь Тони Мандрэйку:

— ...удивительно умный — и никакого чванства! Распределение ареалов — произвольное. Мы проделали интенсивную работу по прогнозу, но Папа-Рад совершенно непредсказуем. Все, что мы можем сказать наверняка, — это что архипелаги выдохлись, с островами покончено. Вся оставшаяся на планете Радиация Парсло сконцентрировалась на континенте.

— Удивительную работу ты делаешь, Тони, — с искренним восхищением сказал пышный Клэйтон Мифлинн.

— Это точно! — вставил какой-то бизнесмен, одетый под разбойника с большой дороги — с двумя пистолетами у пояса, лучевым и лазерным.

Беседа продолжалась, — восхищенные слушатели, разинув рты, пожирали глазами разведчика. Марсден ощутил укол зависти. Тони был признанным лидером

в своей сфере. Из всех разведчиков он был самым удачливым. Ему удавалось разнюхать сайт там, где десяток его товарищей проходили, не замечая ни малейшего колебания стрелки на своих детекторных аппаратах.

У Тони на его летной куртке из пластиковой кожи красовался большой железный крест, формой напоминающий мальтийский, а в петлице — ленточка ордена «За заслуги». Кожаный летный шлем и защитные очки лежали рядом на столе. Ноги разведчика были затянуты в узкие сапоги. В каждом дюйме Тони сквозила уверенность и даже лихачество. Отыскивая сайты, он носился на алом «Фоккере ДР-1 Трифан», на носу которого воинственно красовались спаренные девастаторы («уничтожители») типа «Шпандау». И Марсден не без зависти представил на мгновение самого себя в кабине флайера SE5a: он смотрит в прицел и нажимает гашетку своего девастатора «Виккерс-Льюис»...

Он видел Паулу в другом конце зала. Она с безразличным видом участвовала в беседе с группой операторов из студии Экзисенсов. Что они говорили — он не мог слышать, но все эти мужчины показались ему роем черных мух, жужжащих над медом.

Потом Флора ловким маневром увела Тони Мандрэйка от восхищенной толпы, странным образом похожей на группу поклонников Паулы, — и ухитрилась завести обоих мужчин в маленькую гостиную. Роботы подали шампанское. Марсден потребовал цитруса и джебаля, хотя он и не держался уже строгого тренировочного режима. Увидев входящего к ним Клэйтона Мифлинна, Флора помощилась, но было уже поздно, — без откровенной грубости его неставишь, а на такое Флора просто не была способна. Все четверо расположились в этой зеленой с розовым, комнате, мягко освещенной скрытыми лампами, расцелись в комфортабельных формфитах, автоматически подстраивающихся к контуру и весу человеческого тела.

— Так если ты составишь для Тони гороскоп, то сделаешь нам большую честь, Дуг.

— Это верно, Дуг! — подтвердил Мифлинн с комически-покровительственным видом. — Разведчики заслуживают самого лучшего отношения.

— Есть еще Рамазон.

— Да, верно... Но все же, Дуг, как насчет того, чтобы обслужить меня без очереди? Мне предстоит крупная сделка. Хотелось бы знать расклад звезд на этот случай.

— Дуг будет счастлив оказать вам услугу, Клэй, — сказала Флора, вымучив любезную улыбку. — Но не сейчас — вы же понимаете важность ближайшего изыскания Тони.

Тони Мандрэйк молча кивнул. Он выглядел старше своих лет, очевидно, заботы его профессии быстро его старили. На его виске пульсировала жилка, а челюсти разжимались неохотно, словно он разгрызал слова, не желая их произносить.

— Ты права, Флора, моя дорогая. Делается все трудней... — Он рассеянно обвел всех глазами и, остановившись на Мифлинне, поднес бокал к губам.

— Конечно, Тони! Понимаю, как вам туго приходится, — Мифлинн похлопал рукой по своему диккенсовскому сапогу. — Даже в моем бизнесе — вертись, вертись, вертись, день и ночь. Если в две недели хоть раз перехватишь Дрим — то и это счастье, поверьте мне.

— Ну, значит, улажено, Дуг?

Он кивнул. Не мог отказать Флоре. А бизнес есть бизнес. Да и куш неплохой. Флора сделала очень хорошее дело. В силу особенностей жизни на Планете Парсло — рейтинг разведчиков был выше, чем у любой другой профессии, и их чествовали восторженней, чем президентов и фирменных магнатов. Люди здесь жили почти что на головах друг у друга — частой сетью деревень, объединенных в города. Новости разлетались быстро, как и положено новостям.

Разговор перешел на предстоящие выборы — стали обсуждать шансы Эр. Никто не решился дать прогноз — кроме Мифлинна, который презрительно обругал Эр и твердо высказался за нынешнего Президента. Правда, выяснилось, что с Эр он никогда не встречался.

Вдруг дверь распахнулась, и с криками, визгом и смехом ворвалась целая орда полуголых девиц, убежавших от своих кавалеров. Марсден воспользовался этим и встал, решив, что с него достаточно. Он смешался с толпой и принялся разыскивать Паулу. Кавалеры — именно так называли себя эти одетые в соответствии с таким старомодным словом молодые люди — поспешили на террасы, где и растворились в густом ночном тумане. Освещение было приглушено — из уважения к возможным желаниям гостей. Марсден вспомнил рассказы о старом «разрешительном» обществе — тогда любовь была открытой — не то что сейчас... В обеих системах есть свои преимущества. Быть может, его внуки — если родятся — снова, как прежде, будут со смехом заниматься любовью на открытом солнце.

А сейчас — он выслеживал жену другого и, преступая писанные законы Планеты Парсло, в сущности следовал ее неписаным законам. Старый Папа Парсло был скорее пуританином, и его этика так или иначе удержалась... Тени мелькали меж кустов. Он слышал взрывы смеха и визг. Вдруг на бетонной плите тротуара он увидел ключок шелка. Рядом лежал разбитый бокал, и шелк пропитался шампанским.

Паулу он найти не смог...

После полуночи его разыскали Хеди Арлен и Шари.

Шари, как обычно, выглядела изящной, прохладной и сдержанной. Хеди Арлен приветствовал его как многолетний закадычный друг, это был диковатый растрепанный молодой человек с острым носом и быстрым взглядом хорька — судя по всему, парень себе на уме... Его отрывистая, не совсем связная речь почему-то казалась всем чрезвычайно глубокомысленной, а мысли — свежими, не затасканными. Марсдена покорило, когда он увидел, как этот парень из Экссесса держит Шари за талию — чересчур, чересчур фамильярно.

— Пару длинных, Дуг, старина! Пошли к черпалке. В прошлый раз мы там нехило заквасили! — И дальше в таком же духе — многого Дуглас вообще не понял: у каждой профессии свой жаргон. Но тем не менее покорно присоединился к ним: слоняться

бесцельно, вне сферы тяготения Паулы, ему уже надоело. Как хотелось Дугласу броситься к ней и рассказать о Тони! Она была бы счастлива за него, гордилась бы его успехами. От этих мыслей Марсдена оторвали слова Шари:

— Я говорила с миссис Лейден, Дуг. Она волновалась за своего мужа, — я не поняла почему.

Это вполне в духе Паулы...

Часть гостей решила, что пора немного отдохнуть от шумного веселья, и тут же заработала система экзисенсов. Арлен управлял водоворотом заказов: всем хотелось удовольствия — и как можно больше. Никто не хотел вялых, лирических дримов, чье действие растягивалось на две недели.

Да, нужен был именно энергичный Арлен, чтобы выкрикивать: «Террор! Конфликт! Угнетение! Галактика в цепях!» — он называл популярные серии. Марсден был слишком удручен, чтоб сопротивляться. Он расположился поудобней и стал капитаном Лансом: старый звездолетчик, недовольный квартальным окладом, уволился из Солтерранского Космического Флота и связался с бандой головорезов Варки в их коварном заговоре против Империи Гат. Дуглас читывал исторические сочинения о гатианцах, о чужеземном племени «сплочи», — и сомневался, так ли было дело, как ему показывали во сне. Но он дал включить гром и молнию Экссенса, расслабился и... начал пробиваться сквозь строй врагов, обняв свободной рукой обольстительную Русту Перселл. Когда удалось справиться с архипредателем Ван-Кликом, Марсден соединился с Рустой — и проснулся на подушке Хеди Арлена: терминал экзисенсов прекратил накачку Экссенса в его трепещущий мозг.

— Как вы заметили, Шари, — сказал он с ласковой улыбкой, — теперь так уже не пишут.

— И очень жаль, — сказал Хеди Арлен. Он отключил аппарат и сделал широкий пригласительный жест: — Пойдемте выпьем, потом я бы отвел вас на нижний этаж — вздремнем немножко на «Космическом спасении». Это, вы знаете, капитан Форд.

— Я не буду, — сказал Марсден. Встал с экзисенсовской кушетки и потянулся. — Если вам все

равно, я лучше прокачусь в дрим прямо сейчас. — Увидя обиду в глазах Шари, он добавил: — Мне нужно составить гороскоп — для Тони Мандрэйка.

— Тони! — почти испуганно вскрикнула она. — Что ж вы раньше не сказали?!

Дуглас с сожалением отметил, что Шари слишком заразилась манерностью Арлена и его Эксцессной компании.

— Я думаю на этом закончить вечер — если вы не возражаете. — И быстро повернулся к Арлену: — Было прекрасно, Хеди. Но бизнес есть бизнес, и астрология не останавливается из-за Солнцестояния.

— Я вам понадобится, — Шари встала, и греческое одеяние заструилось своими белоснежными складками.

— Нет, Шари. Вам здесь так хорошо. Если серьезно запутаюсь — вызову вас. — Он быстро пошел к двери, чтоб не дать им времени на возражения. — До встречи.

Всю дорогу в своем флайере он думал: что было бы, столкнусь он с Паулой. Но этого не произошло...

В общем, Сансетрайз получился не очень удачный — разве что для Флоры и Тони Мандрэйка, им-то было хорошо...

XI

СЛУХИ

Празднества зимнего Солнцестояния миновали, и люди снова вернулись каждый к своему привычному образу жизни. Парсло-Радиация была под городами этого мира слабой, но устойчивой струей. Репутация Марсдена как асторолориста росла; но, хотя Шари Арруза была вполне этим довольна, Дуглас не мог остановиться на достигнутом. Рамазон Пребэдди по-прежнему казался недостижимой вершиной — для всех, кроме близких знакомых и друзей Марсдена.

Паула так и не позвонила. На все его запросы роботы отвечали вежливыми отказами со своей механической бодростью в голосе. Он не смел позвонить от собственного имени, и ему было нестерпимо гадко

придумывать эти вечные цепи извинений и псевдонимов.

Гороскоп Клэйтона Мифлинна был составлен в одно время с гороскопом Тони Мандрэйка. Дуглас был удивлен тем, что Мандрэйк — лев. По его виду об этом трудно было догадаться. Мифлинн, как Скорпион, представлял собой более интересный букет особенностей и аномалий, и Марсден потратил немало времени, оценивая дурные предзнаменования для будущей крупной сделки Мифлинна. Выходило, что неблагоприятные знамения пойдут бесконечной чередой. Странно: то ли он теряет свои навыки, то ли компьютер не в порядке. Третичные и шестичные аспекты выползали как раз оттуда, где Марсден меньше всего рассчитывал их найти, и поэтому ему приходилось искать знаки, не имеющие троек и шестерок.

В конце концов, он вывалил всю кучу бумаг на стол Шари и сказал, чтоб она сделала заново свежую распечатку.

Слухи продолжали жужжать по деревням Лoadена и других городов планеты. Эр составил какую-то новую, небывалую схему. Президент заболел, и операция оказалась неудачной. Цены на основные продукты питания выросли сверх всякой меры. Фермеры требовали больше денег за свою продукцию, жалуясь, что сельскохозяйственные роботы стали гораздо чаще ломаться. Один исследователь вернулся из безмолвных зон с тяжелым нервным срывом, и спасло его лишь усиленное лечение.

Марсден все работал над гороскопами Мандрэйка и Мифлинна, когда позвонила Паула:

— О Дугги! Это было ужасно! Но я не могла раньше. Глен порвал с той рыжей — ужас, что тут началось! Но сегодня он прислал мне меховую шубу — куницу, до самых пяток — чудовищно красиво. И улетел в Ноттингли. Он нашел себе какую-то там, на Сансетрайзе, я точно знаю...

Марсден попытался ее утешить; но когда он предложил залететь к ней — она отказалась. В ее рыданиях чувствовалась какая-то мучительная боль — он понял это; а когда страдала она, и его охватывали тоска и злость.

— Может, через недельку, Дугги! Мне нужно будет слетать в Боростац, на праздники.

Они договорились встретиться в Боростаце — не в эту среду, а в следующую.

Шари вошла с чайным подносом — рядом с чайником лежала стопка компьютерных перфокарт. Увидев женское лицо на экране, она с шумом уронила все это на пол. Марсден вскочил. Паула издала тихий — чисто бабий — визг и прервала связь. Когда экран потух, Дуглас сказал покорно:

— Ладно, Шари. С этим хватит. Займемся работой.

Она стала собирать рассыпанные перфокарты.

— Так я оставляю вас — поживите один, Дуг. Я обещала навестить Хеди.

— О'кэй! — Он с трудом сдержался, чтобы не прикрикнуть на нее. — Ладно. Пока!

Как ему удалось пережить эти дни — он и сам не понял. Когда позвонила Флора, он с радостью сообщил ей, что гороскоп Тони — самый благоприятный и будущее обещает разведчику много хорошего. Намек был весьма прозрачен.

Когда на экране появился Клэйтон Мифлинн, такой же здравомыслящий и искренний, но теперь одетый в костюм бизнесмена — консервативного темно-синего цвета с золотой искоркой, — Марсдену пришлось быть особенно тактичным.

Он сделал свой отчет обтекаемым:

— Колесница — в квадратуре со Жнецом. Указания на опасность из-за опрометчивости, потери какого-то рода и намеков на насилие.

— На Солтерре это звучало бы иначе, — заметил Мифлинн, которому нравилось знать кое-что обо всем. — Колесница приравнивается, я полагаю, к Марсу, а Жнец — к Сатурну?

— Не совсем так. Не забудьте — здесь намного выросло число планет, не говоря уже о двух лунах. Но даже так — ясное указание на опасности. Далее — Менуэттер в Рыбах — в оппозиции к Бельпуэнту...

Мифлинн поморщился:

— Оппозиция? Юпитер с Меркурием, полагаю?

— Да, но...

— Ясно. Можете не расшифровывать.

— Это — указание на плохое судебное решение; вы пойдете в суд в неудачном расположении духа — против вас будут лень и распушенность... — Марсдену казалось, что он ковыряет ножом в открытой ране.

— Спасибо, Дуг... Вы настроили меня нужным образом — для этого и нужен астрологист. Теперь я предупрежден. Пусть Пэчакок и Слански обожгут себе пальцы, — он подул на свою ладонь для пушей наглядности. — Дело стоящее, очень крупная сделка...

— Я лишь указываю, что предсказывают звезды. — Дуглас представил себе, что слышит свои слова со стороны, и они ему не понравились.

Еще немного побеседовали — Мифлинн отметил, что слышал о передвижке Боростаца, — и тут неожиданно прервали связь. Марсден так и застыл. Боростац! Он сразу попытался позвонить Пауле, — но проклятые сверхэффективные роботы прочирикали, что хозяйка ушла, не сказав, куда направляется.

Ноющее ощущение в груди не покидало его весь день.

Потом он вдруг сообразил, что давно не принимал дрима — не это ли причина его необычной раздражительности? Не слетать ли в Боростац? Если город уже передвинут, Паула даст о себе знать. Он хотел было набрать код «Дримо-Схемы», но тут поступил вызов от бизнесмена Мартина Крошэя. Этот Крошэй, клиент Дугласа, был крупной фигурой в областях пластика и электроники. Общее впечатление у Марсдена было таково, что они с Клэйтоном Мифлинном отнюдь не друзья.

— Не задержу вас, Дуг, — хочу только сказать спасибо за последний прогноз. Здорово!

— Прекрасно, — ответил Марсден, изо всех сил стараясь быть любезным. — В любое время...

— Как раз сейчас и время, Дуг. У меня есть шанс на крупную сделку. Так вот. Дайте мне прогноз на ближайшие несколько дней. Буду очень обязан — и для вас найдется кое-что приятное, так и знайте.

Марсден перестал набирать «Дримо-Схему». Нет, так не долго и сорваться. Флора нагружает его все больше и больше...

— Ладно, Мартин. Пока! — Он работал над гороскопом со всем прилежанием, отрываясь только для разминки да для все более частых глотков виски. Джебаль был крепкий, но виски ему был больше по вкусу. Джебалеваый сок — дар Галактике от планеты Таккат; ее жители избавили эту жидкость от неприятного запаха — и напиток стал любим всеми. И вот гороскоп закончен. Он сам сел за компьютер. Шари... что ж, она теперь с Хеди Арленом — где-то там в толпе ребят Эксцесса...

Он подумал: как это астрологи старого времени управлялись без компьютеров? Должно быть, годы уходили у них на минутную работу... Он закончил, проверил результат, вызвал Крошэя и передал ему свои находки. А они были хорошими для заказчика: солнце и обе луны в соединении, что весьма благоприятно... И теперь он наконец мог набрать дрим.

После хорошего отдыха чувство раздражительности, бесцельности существования исчезло; и он решил, что нужно строже следить за своим физическим состоянием. За последнее время он выпал из спортивной формы. Шари не делала никаких замечаний; в эти дни она казалась очень занятой. Дуглас давно догадался, что у нее нелады с Арленом.

В будущем для него существовала только среда — день, когда он полетит в Боростац.

У него еще оставался телевизор, и он включал его с ощущением человека, подкладывающего бомбу под гробницу фараона. Единственный действующий телеканал был заполнен политическими речами — их обычно читали роботы-дикторы; а живые люди — авторы — включались только в стратегически важных местах своих выступлений.

Появилось лицо Президента, удрученное заботами. Эр, конечно, никогда не показывался на телеэкране собственной персоной. Его подсказки фильтровались в умы с гораздо большим эффектом — через вездесущие слухи.

Шагая взад-вперед по комнате, Марсден в нетерпении поглядывал на экран — ждал новостей о Боростаце. Но их все не было. Наконец, когда в сводке новостей снова дали стереоповтор сюжета из вчераш-

ней программы о выставке ковров — в пятый раз за четыре часа! — Марсден выключил телевизор и заказал себе выпивку. Ни слова от Паулы и ни слова о Боростаце. Он было вызвал Флору, но на экране появилась надпись: «Не прерывать!» Это заинтриговало Дугласа, ибо Флора, как никто на свете, всегда готова была отозваться на внезапный звонок и сколь угодно долго болтать.

Что-то резкое, свежее чувствовалось в воздухе, и кровь бросилась ему в лицо, когда он выскочил к своему флайеру. Да ведь скоро весна. Пора выходить из спячки, время жить!

Почему он так спешил? Времени было вагон. Совсем недавно его телесные ритмы толкали его на резкие, причудливые движения — он бросался очертя голову на дело, а в следующую минуту остывал к нему и смутно желал лишь погрузиться в дрим. Он мог понять себя, если спешил к Пауле. Мужчина всегда летит к своей возлюбленной на крыльях любви. Однако — он сел во флайер и защелкнул дверцу — ягода, должно быть, переработала свой срок. (Старая шутка.) Он стартовал и взял курс на Боростац. Вот чего не хватало Одиссею — флайера «Мах-три»! В каком восторге, держа штурвал, древний герой любовался бы этим темным, бурным морем, как хохотал бы, сверкая зубами в обрамлении черной бороды!..

Века пролетели — казалось ему — с тех пор, как он последний раз летал к Пауле, а может быть, он летел к ней все это время! За этот супервременной сдвиг ощущений отвечала гоогология. Иных людей приводила в трепет сама мысль о полете над землей — может получиться пересечение безмолвной зоны, выход из сферы влияния Радиационной Купели Жизни. Давались различные оценки того отрезка времени, который можно безопасно просуществовать без Парсло-Радиации. Некоторые слишком нервные особы могли выйти из строя в пределах восьми часов. Другие — более флегматичные — могли и целый день продержаться.

Робот-штурман издал приятный музыкальный звук — сообщая, что Боростац уже появился из-за горизонта. Марсден взгляделся вперед. Внизу развора-

чивался город — проспекты, виллы, многоквартирные дома, энергоблоки и офисы; они белели и искрились под солнцем.

Так они вовсе и не передвигали город!

Навстречу летела его мишень — плоская крыша отеля. Флайер сел легко, как птичье перо. Марсден выскочил, вдохнул свежего воздуха, огляделся. Странно — в небе ни одного флайера; а улицы, теперь он видел их близко, были необычно пусты. Он подошел к парапету, посмотрел вниз. Нигде ни движения, ни звука. Город был пустынен, покинут, безжизнен.

Он оглянулся на свой флайер, одиноко стоявший в середине кровельной стоянки. Облака пролетали высоко над головой. Резкие солнечные тени, прохладный ветер. И опять он взглянул на город. Никого. Пусто. Мертво. Коллекция образцов архитектуры. Бессмыслица.

Значит, слухи были неточными. Ягода кончилась здесь, в Боростаце, и вместо передвижки города — власти убрали отсюда весь народ. Почему так произошло — Дуглас понять не мог. Все как положено — звучали погребальные элегии, черные крылья развевались траурными завесами, белые лилии изящно поднимали свои восковые цветы... Он вздрогнул: город мертв, а ведь Паула встречает его здесь!

Он позвонил. Как и следовало ожидать, роботы Паулы кратко объявили: она сегодня в отъезде.

— Я знаю, проклятые железяки! — он яростно щелкнул тумблером. — Она в отъезде в Боростац — веселенькая поездка!

Данте и Беатриче, Антоний и Клеопатра, Ромео и Джульетта? Он увидел ее флайер, вырвавшийся к нему из пелены облаков. Наполеон и Жозефина, Нельсон и Эмма Гамильтон? Он вспомнил обо всех этих влюбленных парах. Он, Дуглас Марсден, не считал нескромными такие сравнения. Паула Лейден летит к нему, и они будут владеть этим пустынным, покинутым городом!

Здесь не будет любопытных соседей, на назойливость которых она может сослаться в оправдание своего отказа. Они будут одни, только вдвоем, и столько времени, сколько они смогут любить друг друга в отсутствие Парсло-Радации.

А можно ли в самом деле чувствовать, что ягоды уже не пульсируют вокруг вашего тела?

А как вянет и умирает сама любовь? Как она выглядит, если отлучена от излучающей Купели Жизни?

Да, но этот флайер не был марки «Экспрессон-Вертиго». Правда, той же фирмы «Экспрессон», но всего лишь прокатная летучка — «Экспрессон-Джендайн». Это вовсе не стиль Паулы. Ему стало не по себе — так сильно, что даже прихватило желудок. Он закрыл глаза. В этот момент флайер замер на лету и приземлился. Раздался скрежет — неловкая посадка. А когда открыл глаза — увидел, что к нему бежит Шари Арруза.

— Шари? — произнес он с глупым видом.

— Дуг! Вам нельзя здесь оставаться!

— Вот те на! Какого черта вы здесь делаете? Я не просил вас прилетать!

— Звонила Паула — она услышала про Боростац.

Так вот в чем дело... О чем же говорили без него эти две женщины?

— Вы могли бы и позвонить.

— Дело не терпит отлагательств. Потом, это не телефонный разговор. И к тому же я подумала... мне показалось, что это хорошая идея... — Тут она запнулась. Тонкая белая материя летнего, не по погоде костюмчика облегла ее фигуру. Он мысленно прикоснулся к тому алому шраму... нет — это невозможно!

— Клэйтон Мифлинн говорит, что вы — шарлатан. Что вы составили ему катастрофически неверный гороскоп, и он собирается отсудить у вас все, что вы получили. С вашей карьерой астрологиста, Дуг, покончено!

ХII

ЭКЗИСЕНСЫ

Та подавленность, что охватила Дугласа Марседена на крыше отеля в Боростаце, продолжала действовать, правда, уже не столь сильно, во время затяжных переговоров, которые он вел всю весну. Благодаря посредничеству заботливой Флоры Вальде-

сей, он сумел убедить Мифлинна не начинать судебное преследование. Факты было легко установить. Мифлинн отказался от выгодной сделки. Пэчакок и Слански, с активной помощью Мартина Крошэя, вмешались в дело и подчистили все весьма эффектным образом. Мифлинн был уничтожен. Но нет — всем известное бычье упорство побудило его требовать немедленного возмещения. Речь шла о грандиозных суммах.

Хоть и немало пота пролил Марсден, разрабатывая ходы, задуманные Флорой, — он не мог не видеть и комическую сторону всего происходящего. Клэйтон Мифлинн надувался и пытел, что твой индюк. И лишь его природная честность позволила Дугласу сорваться с крючка, когда говорливая Флора с ее чисто женской настойчивостью все же убедила Мифлинна образумиться. Чтоб перехитрить Флору Вальдесей, требовался куда более тонкий дипломат, чем Клэйтон Мифлинн.

— Не знаю, почему ты так нянчишься со мной, Флора! — Сказал Дуглас, покорно признавая себя кругом ей обязанным. Она только что выложила ему все новости и отдыхала в молчании.

— Я и сама не знаю. Я не могу считать тебя простым постельным компаньоном. Я для этого слишком высоко тебя ставлю. И не желаю ничего знать о твоих личных делах. Считай, что все мои старания — это дань уважения и восхищения твоими родителями.

Теперь после встреч с Хеди Арленом на ум Марсдену все время приходили экзисенсные клише. И для Шари открылось новое поле деятельности.

— Вы могли бы попробовать, Дуг! — сказала она ему, и Флора согласно кивнула. — Смотрите сами: астролория теперь для вас закрыта навсегда. Вам нужно идти в экзисенсный бизнес.

— Да! — с энтузиазмом подхватил Марсден. — Прекрасная идея. Я готов. И если я смогу обойти Хеди Арлена, то...

— Не загадывайте наперед, Дуг, — сухо заметила Флора. — Время покажет.

— Флора! — воскликнула Шари с упреком в голосе. Дуглас усмехнулся:

— На этот раз я знаю, что это мне по силам.

Флора, улыбнувшись, ткнула его пальчиком в бiceps:

— Ну ладно, только не позволяй себе терять форму!

И он последовал ее совету. Изучая технические детали экзистенсного бизнеса, он действительно держал форму. А изучать пришлось многое. И снова неоценимой оказалась Шари Арруза. Имея контакты со студийцами, она быстро сколотила готовую группу, которой нужны были лишь сценарии, чтобы тотчас запустить производство.

Всякие угрызения совести из-за нелояльности к Арлену у Шари быстро отпали: он сам разорвал с ней, начав ухаживать за некой девицей из Спартанских кругов.

— Клянусь Папой! — воскликнул однажды Марсден, перебирая с ней сценарии и старые ленты. — Мы покажем этой планете, что такое Экссесс!

— Вашими устами да мед пить! — заметила она.

Паула, узнав о новом повороте событий, заинтересовалась и пожелала ему удачи.

— Я уже почти решил сняться «Я борюсь за Марс». Это киносценарий. Джон Дельмар — это просто идеальный мужчина, супермен.

— Звучит прекрасно, Дугги, дорогой! Глен говорил вчера, что последний каталог Экссесса — скука смертная.

— Правда?

— Я теперь очень часто его вижу. У него что-то на уме. Он полагает — Президент скоро скажет речь.

— Я слышал, что Эр...

— О Дугги! Будь осторожен!

Не поняв ее беспокойства, он все же замолчал.

— Я так волновалась, когда ты улетел в Боростац. Эта мисс Арруза, кажется, славная девушка. Она тебе, конечно, очень нравится, так ведь, Дугги?

— Ну что ты, Паула!

— Я должна лететь. Глен пригласил на обед министра. Это будет так скучно! Когда я тебя увижу?

— Скоро... когда смогу...

— Я позвоню тебе, Дугги, дорогой! Я уйду — скажи, что любишь меня!

— Ты знаешь, я тебя люблю!

— Пока, дорогой, до встречи.

Экран погас.

Паула, конечно, не думает, что он?.. Нет, разумеется, Шари... ну, Шари это Шари. С этим все. Все!

Он узнал, что горожане Боростаца получали новые разборные дома из города Паланцано. Плотность населения была велика в обеих этих общинах, и жизнь в них стала не очень приятной. За последнее время он не получал никаких известий от Тони. Интересно, почему разведчики так необычно безмолвны в эти дни?

Беспрестанные слухи носились повсюду, и никто больше не верил ни одной телепередаче. Непрерывно возникали все новые вопросы; но никто не имел представления, как отвечать на них.

Марсден слышал, что несколько других городов были покинуты так же, как Боростац. Шепот все ширился — назывались имена, места, даты. И на фоне этого он усиленно готовил свою первую экзистенциальную драму.

Какая-то безжалостная сила не позволяла ему успокаиваться на достигнутом втором месте. Теперь она заставляла его выискивать новый сюжет, который бы не только соответствовал его талантам, но и вывел бы его — безоговорочно! — в первые ряды Экссесс-бизнеса. Он жаждал только первого места! Быть номером первым хотя бы в одном деле! Разве это слишком трудная задача? Разве это грех — ставить себе такую цель?

Он пробежал глазами по заголовкам превосходных сценариев: «Мужчина, женщина, андроид»; «Иное пространство — иное время»; «Измерение ужаса»... Да,

они превосходны; но они не выбьют искры. Он решил было взяться за Шекспира или Мольера; но, увы, они повторены в таком обилии версий, что добавлять новую — просто нелепо. Но, может быть, это только отсутствие уверенности в своих силах? Как долго он колебался над Гамлетом — он не хотел доверять этой тайны даже Шари.

Если бы удалось найти тот легендарный потерянный сценарий — «Минимэн»! Именно сейчас — или никогда — пришло время его отыскать.

Шари робко предложила Марсдену материал по Джэйн Остен, по Джордж Элиот, по Грэйс Пеннефадер. Он поблагодарил секретаршу; но чувствовал, что сюжеты писательниц у него не пойдут, он сможет работать только на мужском материале.

— Тогда как насчет вот этого? — спросила Шари, извлекая еще одну рукопись из нижнего ящика стола.

Больше чтоб доставить ей удовольствие, Дуглас начал читать. И сюжет сразу же захватил его; он понял, что здесь и заключен нужный ему ответ.

Этот сценарий — «Амазонка» — рассказывал о меценате из Спартанских кругов, о его сделках, неудачах, приключениях, любовных историях с розовощекими амазонками.

— Вот оно! — сказал он Шари. — Мы можем сверить детали со Стивом Уинкэмом. Вы, Шари, просто молодец.

— Так уж получилось.

— Чья это работа?

— Вы уверены, что будете снимать?

— А это — окончательный текст?

— Это — современное... про Парсло...

— Все равно. Говорите, Шари! Кто?

Он уже догадался.

— Я, — ответила она. — Это я написала.

Он сжал ее в объятиях. Она оказалась теплой, крепкой и удивительно приятной в его руках. Он выпустил ее и отступил назад. Рассмеялся, переключился на другой настрой.

— Хитрая девчонка! Мы начнем снимать сейчас же.

— Вы не сердитесь?

— Сержусь?! Шари! Если вы можете такое!..

— Но ведь не в сценарии суть, Дуг. Суть в том, что́ сделает из него экзисенсный продюсер.

— Не скромничайте!

Часть денег Флоры Вальдесей пошла на оплату студийной группы; Стив Уинкэм удивил Дугласа, внося свой вклад. В дело пошла почти вся наличность самого Марсдена. Шари настояла, чтоб и ее взяли в долю.

Они использовали студию «Эксцельсиор» в Лоадене.

Студийный персонал и техники относились к ним терпимо и даже благосклонно. Поразительным было то мастерство, тот опыт, который они проявили. Благодаря им Дуглас мог всецело заниматься только художественной стороной дела.

Студии помещались в легких, открытых корпусах ангарного типа. Каждый работник выполнял свои обязанности с видом непревзойденного в своей области аса. Использовался весь персонал — вплоть до практикантов. Дуглас не мог отказаться от них. Работа им была не в тягость: они знали свои задачи и выполняли их с холодным профессионализмом.

В начальных сериях Дуг использовал музыку Баха, Стравинского, Бартока и Бетховена; в самых патетических же местах он вводил Лелианберга и Голдсофского. В своем музыкальном вкусе он был уверен.

Они провели репетиции под зорким глазом эмпатического транскриптора — этой ощущающей камеры, следившей за ними и улавливающей все оттенки эмоций. Шари надела свой старый амазонский комплект, и взгляд Марсдена, против его воли, притягивался к ее обнаженной правой груди. Безукоризненно белая, она не сохранила и следа того алого шрама, что столь глубоко запечатлелся в воображении Дугласа. Он знал, что этого шрама там нет, но невольно искал его глазами, испытывая к себе самому злость и отвращение. Он мучил бедную девушку репетициями. Но перед ним встала проблема главной мужской роли — мецената амазонок из Спартанских кругов: он понимал, что весь успех постановки зависит от этого персонажа, с которым будут себя отождествлять все читатели. Да, он быстро привык называть «читателями» абонентов экзисенсной сети, как это принято

у профессионалов. Такой перенос значения забавлял его.

Он решил сам сыграть эту роль.

Стив Уинкэм обрадовался и сразу принялся поучать Дуга:

— Запомни, Дуг: я уже перестал быть спартанским парнем. Это — люди без сердца. Зверски эксплуатируют девушек. Весь их интерес — деньги. А для этого нужны смазливые девчонки, достаточно проворные, чтобы хлестаться электрокнутами.

Разжигаемый честолюбием актера-новичка, Марсден ответил:

— Не бойся, Стив. Я тоже заставлю их попрыгать. Войду в роль.

Шари усмехнулась и сверкнула молнией своего амазонского бича в дюйме от носа Дугласа.

— Не забывайте, Дуг, здесь только я — настоящая амазонка!

Производство фильма шло на всех парах. Марсден старался разъяснить партнерам свои взгляды:

— Материала масса, а ведь читатель разделен по отсекам. Как раньше говорили — по жанрам литературы. Вестерн все еще процветает. Другие отсеки требуют иного. И если при подаче таких сценариев на экзисенсные розетки принять за литературную норму великие трагедии английской литературы, то вы поступите нечестно с любителями легкого жанра. — Он сделал энергичный жест. — Я думаю, что джокер в нашей колоде — это интуитивное восприятие. Я жду драматической иронии и не столь поверхностной мотивации и характеров.

Один оператор, бесцельно катавшийся взад-вперед в своей тележке, прислушиваясь к беседе, вмешался в разговор с циничной улыбкой на лице:

— У нас здесь было полно таких великих, непризнанных гениев. Все пытались развернуть свой материал, придать ему значимость, иронию, полнее изучить условия человеческого восприятия. — Он криво усмехнулся. — У них не пошло. Завязло. Читатель просто не хочет хорошего материала. А тот читатель, что привык к великим традициям литературы, — он

запутался, ему никак не приспособиться к требованиям отраслевых специалистов. Вы сами это увидите.

— Это все дело воображения, — упрямо возразил Марсден.

— Если вы не разжуете смысл для среднего читателя — лучше бросайте это дело. Утонченность здесь не пройдет. А если будете ставить свои экзисенсы для ограниченного рынка — наверняка разоритесь.

— Не унывайте, Дуг! — вставила Шари, щелкнув бичом. — Амазонки сейчас популярны.

Да Марсден и не поддавался сомнениям:

— Я сделаю такой Экссесс, что их до самых печенок проберет! — заявил он, искренне веря сказанному.

Ему доставляло огромное удовольствие показывать Флоре декорации своей постановки. Она охала и ахала во всех нужных местах.

— Я так мечтала узнать что значит быть амазонкой, с тех пор как встретила Шари. Она такая милашка! Как она вышагивает в своих сапожках! Почти совсем нагая! Даже внутри все переворачивается!..

— Что ж, Флора, вот закончим наш Экссесс, тогда ты подключишься к аппарату и будешь амазонкой.

— Обязательно! — обрадовалась она. — Замечательный способ усваивать жизненный опыт. Только, надеюсь, ты не будешь слишком жесток со мной. Я этого не люблю.

ХIII

ОПАСНОСТИ ПОСТАНОВКИ

Все быстрее и быстрее вел Марсден постановку своего суперэпоса, будущего шедевра экзиссенского искусства — «Амазонки».

Мэгги Карстэрс со своей электролатиновой шевелюрой прилетела принять участие. Стив Уинкэм не покидал площадки, добродушно пошучивая над всеми участниками съемок. Примчалась и Феникс Поппи — не упустила возможности с небрежностью мастера похлестать бичом по торсам своих противниц. Все

работали с большой охотой, и производство шло полным ходом. Шари вписала пару эротических любовных сцен с экзотическими позами. Марсден считал невозможным сыграть эти сцены с самой Шари. И вырезал их совсем. Он чувствовал, что начинает вырабатывать в себе щепетильность истинного продюсера. А коль скоро экзисенсный читатель будет вовлечен в придуманные переживания двух главных героев — его самого и постановки.

Студийный персонал то и дело отрывался от работы, чтобы передохнуть. Питье текло рекой. Веселились вовсю. Беспорядочно мчался безумный темп жизни Лoadена. Не стихали слухи о покинутых городах. По-прежнему не было надежных известий о действиях разведчиков. И все же из земли под Лoadеном продолжал — слабо, но устойчиво — пробиваться Папа-Рад.

Дуглас чувствовал, что скептически настроенный оператор, который когда-то усомнился в его успехе, был в общем не прав. Читатель, подключаясь к экзисенсам, был способен улавливать тонкие различия в характере героев, глубинную сущность мотиваций, понимание затронутых человеческих проблем. Разве этого мало? Конечно, нет!

В самый разгар одного съемочного дня его вызвал Мэсон Уормлей. Дугласу стало не по себе. Уормлей выглядел нездоровым, казалось, он постарел на несколько лет, и был чем-то весьма озабочен.

— Вы можете приехать прямо сейчас, Марсден? Эр ждет.

— Боюсь, что не смогу.

Уормлей медленно поднял свою тяжелую голову. Сейчас он был похож на вылезающего из болота носорога. Весьма озадаченный, он повторил:

— Эр хотел бы видеть вас, Марсден. Мне стоило больших трудов это устроить. Я буду ждать в три часа дня.

И пока Дуглас колебался, Уормлей выключил свой экран. Марсден разозлился — его отчитали, как какого-нибудь школьника.

График этого дня содержал «ид-процессинг» и некоторые другие новинки — они могли бы вырвать экзисенсы из накатанной колеи рутинных съемок.

Обработку их можно было предоставить техникам. Но Марсден хотел лично наблюдать за их работой. Однако Уормлей, очевидно, не шутил. Видимо, что-то случилось. Ответом на все сомнения может стать встреча с Эр. И Дуглас решился. Он прокричал сквозь шум несколько слов Стиву и Шари, проглотил ленту и влез в легкий скиммер для междеревенских перелетов. На место он прибыл точно в 14.45.

Щеки Уормлея пополнели. Жесткие складки остались; но появилась в этом человеке некая елейность, не замеченная Дугласом утром на экране. Как всегда, Мэсон не терял времени:

— У Эр в данный момент масса текущих дел. Я слышал, что вы вошли в экзисенсный бизнес?..

— А что, это меняет дело?

— Видите ли... Астролория — это одно, экзисенсы — другое. Извините, я на минуту. — Уормлей вышел из комнаты. Марсден остался ждать.

Вернувшись, Уормлей сказал с порога:

— Эр не сможет вас принять сегодня. В Паланцано случилась беда.

— Там, кажется, поселились горожане из Боростаца?

— Именно так. Президент явно не способен владеть ситуацией. Избирательная кампания тянется слишком долго. — Дуглас еще никогда не видел Уормлея в таком состоянии.

— Я уверен, что со временем все выправится. — Марсден встал. Что ж, Эр неуловим, как всегда. — До встречи.

На этот раз, покидая знакомый разукрашенный жилой корпус в Капитал-сити, шагая по полированному мрамору, Дуглас заметил, что никто не встречается ему по пути. В прошлый раз какие-то люди с важным видом постоянно ходили из комнаты в комнату, держа в руках мотки перфолент или длинные полосы компьютерных распечаток. Теперь же только одна женщина с густой копной волос выглянула из двери, а увидев его — отшатнулась назад. Марсден

успел заметить, что ее лицо посерело от страха. Он не понял, что в нем так напугало ее. Видимо, это — растущий страх перед провалом Эр. Слухи об этом уже ходили в политических кругах.

Он вернулся на свою экзисенсную студию как раз вовремя, чтоб закончить ид-процессинг и оценить сделанное без него. Эр и Мэсона Уормлея он тотчас выбросил из головы.

— В нашем экзисенсе не должно быть никакой пошлятины: ни убийств, ни грабежей, ни поджогов, ни содомии, — говорил Марсден Стиву Уинкэму. — Так или иначе, но мы стоим на голову выше всей этой сенсационной мур.

— Однако, Дуг, иным читателям это нравится.

— Показ преступления — это призыв, обращенный к преступному рассудку.

— Ну, всех все равно не развратишь!..

Они рассмеялись.

После работы они зашли в известный Стиву маленький тихий бар: сюда не ходил ни Экссесный сброд, ни буйные молодчики из Спартанских кругов.

— А как любовные дела, Дуг?

Марсден улыбнулся:

— В общем — как всегда. Паула говорит, что у Глена какие-то неприятности.

— Глен! Я только про него и слышу, когда спрашиваю тебя о твоей возлюбленной! — Уинкэм рассердился не на шутку. — Муж любовницы! Тебе-то до него какое дело?

— Не надо так громко.

— К чертям, Дуг! Или брось эту бабу, или возьми ее в законные жены! Ты знаешь, что я о ней думаю? Это просто-напросто мороженная рыба! Но если тебе нравится такой сорт...

Дуглас проглотил эти слова.

— Да, Стив, чертовски нравится. Но что делать, раз на этой планете так силен институт брака? Так что мы влипли. Паула никогда не разведется с Гленом.

— Это гнусно!

— Ну а что делать?

— А если б я, Дуг, женился на Мэгги, зная, что парень вроде тебя целых два года держит ее за трусы? Как это?

— Тебе виднее... но ты, верно, не Мэгги имел в виду?

— Ясно — нет, идиот! С тех пор как Шари дала мне отлуп...

— Шари? Тебе?

— Ну, да! Думаешь, я б отдал такую девушку? Это мне до сих пор как изжога...

Так вот что за беда была у Стива! Своими шутками он старался залечить скрытую рану... Марсдену было не по себе, он нажал кнопку на столе, заказывая новую порцию — виски с цитрусом.

— Ты слышал насчет Паланцано? — спросил он, чтоб сменить тему разговора.

— Конечно. И про Ноттингли тоже. У них вышел какой-то скандал. Не знаю, из-за чего. Президент поставил там специальный комитет — «гражданский наблюдательный». Даже забавно.

— А что он делает?

— Полицейскую работу, как я понимаю. Если роботы не могут справиться, так должен же хоть кто-то...

— Ну, меня это не касается. Мне нужно кончать наш экзисенсный сериал.

В баре уже шумела группа юнцов: скакали с места на место, орали, хохотали — так ведет себя молодежь, когда не знает, что будет с ней завтра. Роботы шевелились медленно. Марсден понял, что напряжение сети здесь понижено. Вот один коротко стриженный парень прикрикнул на робота: «Быстрее!» и поддал ему ногой. Питье пролилось на пол, зазвенели разбитые рюмки. Кое-кто из посетителей обернулся — без тревоги, лишь с любопытством. Бедный робот вышел из строя. Он закачался, размахивая руками и щупальцами шлангов, рассыпал все рюмки; из его краников хлынули струи напитков. И с треском свалился на пол. Раздался легкий взрыв, и электронная начинка несчастного разлетелась по всему залу. Ребята ржали в восторге.

— Не нравится мне такое, — мрачно сказал Стив.

— Молодежь! — Дуглас был настроен терпимо. — Ягода на них сегодня подействовала.

— Наверное. Сейчас ее много.

Другие роботы быстро убрали останки своего товарища. Он будет отремонтирован или сдан в утиль. Буйным подросткам налили по новой, и они продолжали громко обсуждать свои дела, рассевшись по стульям и табуретам.

— Пойдем-ка отсюда, — поднялся Марсден.

Они вышли в сквер. Ночной ветерок шептался с листьями деревьев. Марсден не знал, в каком месте Лoadена они находятся. Междеревенский скиммер сам доставит их домой. Еще долго они слышали в ночной тишине шум веселья из бара.

— Откуда все-таки эти ребята? — задумчиво спросил Стив.

Дуглас сначала не подумал об этом. При словах Стива он вдруг ощутил неприятный холодок в душе. С тревогой вспомнил о Паланцано и Ноттингли.

Были когда-то такие люди — они просили вживлять им электрод в мозг, чтоб стимулировать центр наслаждения. И потом умирали от голода, испытывая высшее счастье. Закон запретил эту милую забаву. А разве экзисенсы не возрождают это бывшее запретное занятие, накладывая на мозг то же клеймо наслаждения? И он станет Номером Первым экзисенсного бизнеса, и будет счастлив этим?

Со всех сторон до них доносились ароматы наступившего лета. Они шли пешком, наслаждаясь чистым воздухом ночи, крупные — даже жирные — звезды дружески подмигивали им. Эта планета начисто отрезана от всей галактики, и лишь ночные светила напоминают жителям об их происхождении... Когда Стив вызвал с карманного пульта пару скиммеров, Марсдену не хотелось с ним прощаться. Но нужно заканчивать производство — утром он должен быть на студии. Надо принять хороший дрим, подумал Дуглас, как только уложу готовые экзисенсные ленты в коробки.

— До встречи, Стив!

— До встречи, Дуг!

Сидя в скиммере, он поразился сам себе: ему вдруг захотелось произнести то архаическое выражение, солтерранский пережиток: «Доброй ночи!»

XIV

ПРЕ-СТУП-ЛЕ-НИ-Е?

«Амазонка» провалилась.

Марсден не мог этого понять. Он просто не верил этому.

Лишь когда Флора Вальдесей, со всей дружеской серьезностью на располневшем лице, сказала ему, что не могла выдержать и отключила терминал задолго до конца, — лишь тогда он осознал всю степень постигшего его несчастья.

— Но почему? — умоляюще спросил он. — Флора! Бога ради — почему?

— Не могу это объяснить, Дуг. Все это... ну... не то, чего я хотела. Мне было противно выпячиваться в этом диком костюме... в этих сапогах... с голой грудью... А потом Феникс Поппи хлестнула меня кнутом...

— Да, да! Но ведь ты победила!

— Я не получила удовольствия, Дуг.

— Но разве ты не получила ощущения всего этого, скрытой драмы и трагедии, того, что так важно для амазонки...

— О да. Конечно. Но я прокатилась вместе с Тони — и у него было такое же впечатление. Ему совсем не понравилось эксплуатировать тело девушек.

— Да что ты, Флора!

— Честно, Дуг, именно так.

— Да нет во всем этом ничего злого или грязного.

— Я уверена — Шари написала великолепнейший сценарий. Извини, меня, Дуг. Право, жаль твоих родителей — они так верили в тебя. А Тони, бедный — он и без того замучен в последнее время. Ему нужно было как следует расслабиться. Тот гороскоп, что ты ему составил, — он его так поддержал! Но сейчас

ему ужасно, дьявольски не везет. Нет новых сайтов. Конечно, каждому встречному он этого не скажет. Но у меня плакал на плече — бедняжка!

Разведчик — плакал? Дугласу показалось, что земля закачалась у него под ногами.

Впрочем, все это — пустяки. «Амазонка» провалилась. Никто не подключался к терминалам «Амазонки»; только слухи продолжали виться кругом...

Все средства Дугласа испарились. Он продал свой флайер «Мах-три» — с тоской похлопал его на прощанье по ярко-алому боку. Флоре и Стиву оставалось лишь стиснуть зубы и признать свои убытки. Им не грозило разорение: Флора была хорошо обеспечена, получив наследство, о котором на всякий случай говорила весьма туманно; Стив же немедленно провернул несколько успешных матчей.

Марсден пошел в свой любимый гимнастический зал и, прощаясь с ним, постарался извлечь все, что мог, из всех снарядов. Он переезжал в квартиру посромней. Отпустил и часть своих роботов, оставив лишь необходимый минимум. И, наконец, попросил Стива что-то сделать для устройства какого-нибудь матча.

— Пойми, Дуг: ты сейчас выведен из игры. Люди подумают, что ты совсем опустился. Впрочем, посмотрим...

— Сделай, пожалуйста, старина! Ты сам видишь, в какой я дыре.

Шари настаивала, чтоб он оставил ее помощницей, и отказалась от оплаты. Дугласу было стыдно. Но все же пришлось признать, что Шари стала для него незаменимой.

Последний позор он испытал, когда Паула — он ее так долго не видел — позвонила и рассказала, что была в гостях у родственников Глена — где-то в Монтерре. В конце разговора она добавила, с трудом подбирая деликатные слова:

— Мы с Гленом прокатились на «Амазонке», Дугги. Глену, кажется, не понравилось — он выключил очень быстро.

— А ты?

— Это ведь ты делал, Дугги, так что я прошла все до конца.

Он не стал заострять. Получив от него клятвенное заверение, что он ее все так же любит, — она прервала связь. Итак, Паула доказала свою верность. Он почувствовал в себе вспышку прежней страсти к ней. Ему захотелось получить дары ее любви — прямо сейчас и здесь...

Он начал усиленные тренировки в общественных залах и, благодаря искренней помощи Стива, сумел выиграть несколько коротких турниров по боксу — без особого для себя напряжения. Но в Спартанские круги Дуглас вступить отказался. После «Амазонки» эта мысль его отталкивала. За все лето он ни разу не повидался с Паулой, и только поздней осенью — уже чувствуя, что втянулся в новый ритм жизни, — он смог урвать с ней несколько тайных, мгновенно пролетевших уик-эндов.

— Глен с головой ушел в работу Департамента. Там что-то жуткое случилось, — говорила она Дугласу, гуляя по садам или прижавшись к нему за столиком в их любимом ресторанчике.

Все новые волны слухов набегали на Парсло. Темп жизни общества поддерживался непрерывным поиском наслаждений во всех его слоях. Повальное увлечение какой-нибудь причудой охватывало за одну ночь целый континент — и так же быстро умирало, чтоб уступить место новой прихоти.

Однажды Дуглас объявил Шари и Стиву:

— Я иду на преступление.

За окном было мрачно, шел дождь. Снова приближались дни Солнцеворота.

Стив издал неопределенный звук. Он был занят мыслями о молодом крокфайтере — борце «крокодильего» стиля, — которого он сейчас продвигал. Шари повернула голову к Дугласу.

— Неужели? — спросила она. — Как тебя понимать?

— Гм? — промычал Стив.

— Понимай буквально, — голос Марсдена звучал вполне уверенно.

— Грабеж банка? В век кредитных карточек и компьютерных расчетов? — Шари попыталась рассмеяться, но холодная уверенность Марсдена беспокоила ее. Смешок прозвучал неестественно, как звон треснувшей рюмки.

— Нет. Похищение шедевров искусства. Если точнее — Галерея Данеконского. А если еще точнее — «Мадонна» Джордано. Это принесет нам больше пяти миллионов — прямо в руки.

Стив Уинкэм вдруг понял, что Дуглас Марсден, может быть, и не шутит.

— Брось это, Дуг! Преступление — это... ну, устарело в наши дни. Я хочу сказать: зачем вообще воровать? Старина, какой смысл?

Марсден не ответил. Он начал ходить по комнате, ставшей вдруг необычайно тесной для него. Стив и Шари смотрели на него с беспокойством; он это видел, и в нем нарастало некое неприятное сознание собственного превосходства, мрачной силы.

— Ты забыл, как Доккерти провернул то нашумевшее дело с «Юнайтед Пластике»? Он получил чистых пятьдесят миллионов.

— Да, но можно ли назвать это преступлением?

— Конечно. Он обработал их книги, сделал деньги и вышел из игры, а отдыхать оставил кого-то другого. Так что я проявляю большую скромность, ограничиваясь «Мадонной» Джордано.

— Но зачем, Дуг, зачем? — не понимал Уинкэм.

Марсден и сам не мог бы ответить. Заговорила Шари.

— Не спрашивай его, Стив. Если он считает эталоном пятьдесят миллионов Доккерти, то у него займет некоторое время...

— Что вы хотите этим сказать, Шари? — резко спросил Дуглас с жаром человека, видящего себя разоблаченным публично.

Шари хотела возразить, но закрыла рот. Отошла к окну и раздраженно махнула рукой:

— Ничего, Дуг. Не обращайте внимания, — голос ее звучал бесцветно.

Так они стояли в разных углах комнаты, возбужденные и напряженные, не зная, что говорить даль-

ше, — и очень обрадовались, когда на сцену вихрем ворвалась Мэгги. Она рассказала им новейшие сплетни, в своем оживлении даже не заметив признаков бури. Стала хлопотать с чаем. Стив и Шари сумели повернуть беседу в нормальное русло; Марсден остался недоволен. Он ждал протестов против своего плана. Ждал, что друзья громогласно обрушатся на него. Он был готов к этому... А они всего лишь посмеялись и отмахнулись от него. Это было непохоже на Шари. Дуглас скорее страдал, чем злился.

Наконец все гости ушли; Шари отправилась со Стивом и Мэгги смотреть работы нового художника, выставленные в одной из галерей деловой части города. Не случайно они заинтересовались галереями, подумал Марсден. Они настроились на его волну — он почувствовал это. И еще кое-что он почувствовал.

«Пятьдесят миллионов Доккерти как эталон».

Он представил себя забирающимся ночью в галерею Данекопского, отключающим сигнализаторы, снимающим «Мадонну» и уносящим ее — а как? Под мышкой?

Марсден почувствовал, что его лицо против воли расплывается в улыбке. Ничего себе бизнес! Не зря говорят, что Дуг Марсден — настоящий комик; его чувство юмора помешало ему стать преступником — величайшим преступником на всей Парсло. Он ясно увидел, что идея его была чистейшей фантазией, призраком в лунном свете. Шари и Стив это сразу увидели, они не были ослеплены жадой превзойти всех. Быть первым в чем-то. Они могли быть довольны своим заурядным положением.

Так почему же он не может?

...Дуглас продолжал боксировать за деньги и стал восстанавливать утраченные позиции: но он лучше всех понимал, что остаться навсегда боксером — это не ответ.

Он выехал из тесной квартиры и нанял просторную — почти на том же уровне, что его прежние апартаменты. Он открыл для себя, что повысился спрос на жилую площадь; выбор квартир был ограничен; видимо, город заполняли какие-то новые люди. Слухи вились повсюду. На орбите радарными были обнаружены чужие космические корабли. Чужие огни

в ночном небе, необъяснимые шумы... Не пробудился ли у Галактики интерес к существованию Парсло?

На соседней улице открылась новая школа. Сначала Марсден был в восторге от их непрерывных потасовок, от рева, свиста, воя, лая, мяуканья и прочих звукоподражаний, чем увлекались школяры; однако вскоре он стал сожалеть о нарушенной тишине и наконец смирился.

В одной вещи Дуглас при этом убедился: он продолжал любить детей, несмотря ни на что.

То, что он любил замужнюю женщину, вовсе не исключало для него желания иметь детей и завести семью.

Вошла Шари в новом костюме: он скрывал ее плечи и грудь, ноги до щиколоток, но полностью обнажал живот. Это было изобретение Марсдена, но устаревшая аппаратура не смогла справиться с таким заданием и результаты оказались плачевными. Шари выбрала его за неудачное приобретение, включила телевизор и прошла на кухню готовить чай. Ни он, ни она не доверяли роботу выполнять этот священный обряд цивилизованного человека.

— Не взорвите все это, Дуг.

— Нам придется вернуть это к чер...

Нам! Шари оставалась ему верна! Он понять не мог, почему. Ведь он любил Паулу. А Паула — он в этом был уверен — любила его. В Шари он видел лишь верного друга и уже никак не мог обходиться без нее.

С телеэкрана начал читать свое страстное обращение некий бородач — изможденное лицо с резкими, аскетическими чертами; лихорадочные глаза, блестящие в студийном свете фанатическим огнем. Моджендро Дхавара — пророк катастрофы. Человек, поклоняющийся своему собственному Богу, Богу, решившему поразить за нечестие всех сынов Парсло. Марсден погасил экран. Развелось множество религиозных и мистических кликуш. Предвестие несчастья висело в воздухе, как некая завеса, и из этой ткани не получалось иной одежды, кроме власяницы.

Прихлебывая с видом знатока чай, приготовленный Шари, Марсден стал отвечать на вызов видеофона.

Это был Глен Лейден. Марсден едва не подавился глотком, пролил чай. Вытер рот и включил экран.

— Марсден? Позвольте вас на пару слов. Паула — моя жена — устраивает небольшое собрание на Солнцеворот. Я хотел бы, чтоб вы прибыли. Я понимаю — поздно вас предупреждаю, у вас в планах может стоять что-то другое...

— Нет, — Марсден собрался с духом, — отнюдь. Прибуду с удовольствием... на Солнцеворот.

— Очень хорошо. Буду ждать вас.

Экран потух. Марсден взял свою чашку чая. Шари смотрела на него расширенными глазами, с полуоткрытым ртом, не решаясь заговорить. Марсден тоже не смел взглянуть ей в лицо. Что задумал Лейден?.. Надо узнать у Паулы, но как?.. Придется терпеть эту неизвестность до самого Солнцеворота.

XV

ЗАГОВОР

РАДИ ПЛАНЕТЫ ПАРСЛО

Готовясь уезжать к Лейдену, Дуглас Марсден побросал одежду в чемодан и помедлил перед оружейным шкафом. Он смотрел на ряды пустых гнезд — когда-то здесь стояли ружья и пистолеты, но большую часть своего арсенала он распродал. Осталась еще спортивная винтовка калибра 2-5. Сохранил он и «каarpентер» — новейшую модель семьдесят шестого калибра, стреляющую горстями микроиглол. Едва ли она могла считаться спортивным оружием; но хозяин не раз использовал ее на стрелковых соревнованиях. Оружие на Парсло существовало ради охоты и спорта.

О войнах тут никогда не слыхивали.

Теперь он взял в руки свой «каarpентер». Щелкнул механизмом затвора. И поставил обратно в шкаф. Ведь раньше они с Лейденом были большими друзьями — да и теперь считаются ими...

— Бога ради, будьте осторожны, Дуг! — сказала вдруг Шари.

Обиженный и в то же время тронутый ее заботой, он сердито сказал:

— Что за неприличные намеки, дрянная девчонка! Уши надеру!

Вздыхнув, она сменила тему беседы:

— Я слышала, ученые в Университете начинают целую серию новых экспериментов с ягодой. Интересно!

— Зачем это им нужно?

— Откуда я знаю. Просто все только об этом и говорят.

Об Эр так давно не было слышно, что иные горожане уверяли: он окончательно ушел от всей этой политической сумятицы и начал писать свою «Всеобщую историю философии», как давно уже грозился. Мэсон Уормлей сохранял молчание.

До Черекровца Марсдену пришлось добираться общественным транспортом.

Рукава дельты сверкали под лучами бледного зимнего солнца. Падал легкий снежок, подбеливая землю, деревья, крыши, башенки, экзисенсные антенны. Одни мостовые остались чистыми от снега. Ветерок посвистывал и скрипел флюгерами. Какое-то заунывное уханье послышалось невдалеке: это встревоженные чем-то совы вылетели из окна башни Каджахинни и вслепую закружились на ветру, медленно хлопая мощными крыльями. Дуглас открыл дверцу и выпрыгнул из скиммера на посадочную полосу Лейдена, ведущую прямо к портику виллы. Робот взял у него вещи. Одергивая свою темно-синюю куртку, помятую в полете, он вошел внутрь.

Его встретила теплая волна вкусных запахов: пряный аромат пунша, дух сочного мяса, жарящегося на решетке, тонкая прелесть ликера — и тут же опьяняющая утонченность дамских духов и волна крепкого сигарного дыма. Он потер руки в предвкушении удовольствия, собрался с силами и вошел в гостиную. Навстречу ему с приветствием шагнул Лейден, покинув остальных гостей, — те продолжали болтать и смеяться.

— Марсден! Прекрасно! Входите, входите! Не знаю, знакомы ли вы с Лотти Станковиц... — Поведение Лейдена как радушного хозяина было идеальным — это был Клэйтон Мифлинн, но куда более изящный и умный. Неужели с того памятного вечера прошел целый год?

Паула выступила вперед, протянув Дугласу руку. Восхитительная в своем обтягивающем платье цвета «синей ночи», — она была истинной царицей собрания, хозяйкой, в совершенстве знающей свои обязанности. Та же, что и год назад, прическа — два крыла, рассыпающиеся по изящной шее; спокойное, без улыбки, лицо; губы чуть подрагивают — может быть, презрительно? — белая рука в легчайшем пожатии — вот такова сегодня была Паула. Это прочное внутреннее чувство самоудовлетворенности создавало вокруг нее определенную ауру. Такова была Паула. А ему представлялась эта женщина обнаженной на измятой постели, жарко обнимающей его... шепчущей ему на ухо страстные речи... ее зубы яростно впиваются в его тело... ведь та женщина в его объятиях — тоже была Паула!..

— Я так рада, что вы смогли прийти, мистер Марсден. — И дальше: — Мой муж очень хотел поговорить с вами. — И дальше: — Мы все много слышали о вашей спортивной доблести.

Он едва не разразился взрывом искреннего хохота:

— Я счастлив быть здесь, миссис Лейден.

Среди гостей были люди, прекрасно известные Марсдену в лицо: высокопоставленные правительственные чиновники, профессора Университета, сотрудники разных гражданских служб. Он увидел профессора Арминсло: ученый горячо доказывал слушателям, что теперь Радиация Парсло интенсивно исследуется самыми современными способами и ее тайны вскоре будут раскрыты. Дуглас увидел миссис Троинг Ломбарди с бокалом шампанского — главу телевизионной службы. Увидел он и Мартина Крошэя, веселившегося в кругу друзей-бизнесменов; к счастью, среди них не было Клэйтона Мифлинна.

И Тони Мандрэйк был здесь.

Марсден сразу стал искать глазами Флору Вальдесей, обдумывая: подбежать к ней как к родному человеку или лучше избегать ее...

— Хелло, Марсден! — крикнул Тони. — Флора сейчас придет. Застряла — раздает подарки в женской школе. Она ведь там попечительница. Сует свой нос во все дела. — Это звучало одобрительно, хотя и с некоторым укором.

— Да, это у нее есть. — Дуглас надеялся, что тема астрологии сейчас не всплывет.

Внезапно Глен Лейден призвал всех к молчанию. Он встал в середине зала, сильный и властный, с бокалом в руке; лицо его слегка покраснело, но он полностью владел собой. Ясно было: он скажет нечто, имеющее огромную важность. Марсден вздохнул и стал ждать. Он старался не смотреть на Паулу, стоявшую рядом с мужем и глядевшую на него преданно и серьезно.

— Все вы, должно быть, уже поняли, что наше Солнцеворотное собрание несколько отличается от обычных празднеств. Я собрал вас здесь в час кризиса, грозящего Парсло.

По залу прокатилась волна недоуменного шепота; Лейден продолжал:

— Я вполне серьезен. Возьмем для начала политику: все вы знаете, что Президент после своей операции — уже далеко не та сила, какой он был некогда. Эр тоже слишком долго пребывает в молчании. Мы существуем в политическом вакууме. Новые выборы будут пустым фарсом, если не... — Он остановился, хлебнул из бокала и продолжал: — С научной точки зрения — мы столкнулись с тяжелыми проблемами. Едва ли я должен их перечислять. Мы отрезаны от галактики и не можем ждать помощи с этой стороны. У Солтерры есть свои собственные проблемы. Существующее правительство сделает все, что сможет; но политика антикризиса была четко изложена нами, и она будет эффективна, леди и джентльмены! — Он оглядел слушателей, как бы вызывая желающих противоречить. Но никто не открывал рта.

— Поэтому я предлагаю, — произнес Глен Лейден веско, но с воодушевлением, — сформировать новую политическую партию. Таковую, что подметет пол на предстоящих выборах. Партию простых людей, партию спасения Планеты Парсло.

Снова зашуршал шепот, но Глен резким движением руки восстановил тишину.

— Я пригласил вас сюда объединиться со мной. Я верю, что пробил наш час. Да славится Папа Парсло!

Началось бурное обсуждение. Марсден слушал: вначале с некоторым интересом, потом — равнодушно, то и дело заставляя себя не смотреть на Паулу Лейден. Все, чего он хотел, — это прижать ее к себе и уйти от всего остального мира. Но она продолжала впитывать в себя речи своего супруга. Она была с ним всем сердцем, всей душой. Марсден впервые ощутил, что его истинное место — в дальнем углу их треугольника.

Опасения Дугласа насчет внезапного приглашения развеялись, но это принесло ему не облегчение, а наоборот — обиду и раздражение. Он понимал свою роль в готовящемся заговоре. Раз речь шла о всеобщих выборах, то в игру втягивались все регионы, все профессии. Дуглас будет заманивать в загон тех, кто интересуется спортом: как популярный атлет, он сможет собрать немало голосов. Несомненно, Глен сделал хороший выбор. Мелвилл, например, ничего бы ему не дал. Итак, теперь любая обида будет рассеяна обаянием Лейдена...

Лейден даже набросал грубый контур своего первого правительства: Кабинет, службы, главы департаментов, — причем состыковал его с рекомендациями влиятельных чиновников, присутствующих здесь, — тех, что устали от недомолвок Президента, с презрением отвергали и пустословные посулы Эр.

— Конечно, Марсден, я очень рад, что атлет с такой репутацией, как ваша, будет с нами, — Лейден все еще варился в пьянящем бульоне конспиративных планов и дискуссий. — Я знаю и о других ваших стремлениях. Но я помню вас на Пятиборье по

сирийским правилам — тогда я понял, что вы — человек с сильным характером.

— Я не выиграл тогда... второе место... — заставил себя выговорить Марсден.

— О да, но ведь чемпион — Микрович, что ли? — это же просто тумба из мышц и костей. Что я имею в виду? Мне нужен — партии нужен, миру нужен — человек, умеющий думать, способный разделить наше бремя!

«Однако с Лейденом Марсден желал разделить лишь одно бремя. Нет, не разделить! — поправил он себя мысленно. Он желал обладать ею один.

Детали были улажены; теперь партийная машина, управляемая такими людьми, пойдет вперед на полных оборотах. Сферы действия были разграничены и поделены. Денежные суммы — вложены. Программы разработаны вплоть до предпоследнего этапа. Как и все присутствующие, Марсден ощутил уверенность, что новая партия, созданная Гленом Лейденом, станет локомотивом победы.

Как бы в виде окончательного мазка к обещанному триумфу, вошел Мэсон Уормлей, извиняясь за опоздание — масса работы.

— Эр выходит с совершенно новой программой. Очень дельные предложения! Могу вас в этом уверить... — и далее в том же духе.

Уормлей был приглашен на празднество в качестве дымовой завесы. Он вошел вместе с Флорой Вальдесей. Она улыбнулась — продолжительно и таинственно — Тони и послала воздушный поцелуй Марсдену.

Марсдену пришлось засмеяться в ответ.

Приватные беседы могут идти и при Уормлее — за ним будут усердно ухаживать. Он нашел момент, чтоб тихо сказать Марсдену:

— А кстати, я хотел бы получить от вас мой гороскоп. Как можно скорее. Есть шанс, что сам Эр заинтересуется. Он никогда не пропускает случая исследовать каждый путь.

— Прошу извинить, — ответил Марсден. Он был лаконичен и серьезен, так что его слова внушали уважение. — Я отказался от любых поползновений в этой области.

— Правда? А я и не слышал.

Наконец вечер закончился, гости покинули виллу Лейдена в Черекровце. Началась работа. В нужный момент новость прорвалась в эфир. Вал пропаганды помчался по Планете Парсло — перед самым началом избирательной кампании. В первый день весны состоялись выборы, голоса были подсчитаны роботами, результаты объявлены.

Новая партия Глена Лейдена не зря шумела: ее победа была сокрушительной. Обещания новых политиков несли новые надежды всей планете. Президент был выставлен из своего дворца. В назначенный день Глен Лейден будет введен в президентскую должность.

Партия Эр не посмела даже высунуться. Сам Эр через роботов-дикторов сделал сообщение о том, что работает над новой философией управления. Что ж, подождем результатов... Тем временем победители не оставили камня на камне от старого аппарата. И Дуглас Ку-Зет Марсден был избран в ассамблею от Хэйлет-Вилладжа.

XVI

ТЕРМИНАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Теперь Дуглас Марсден знал, что грозит Планете Парсло; и он не мог понять, как это раньше ему не приходило в голову, ведь все было на виду — только смотри. Видимо, он так окунулся в свою личную жизнь, что не счел нужным заметить прямо-таки кричащие признаки... Никакой тайны не было. Это было неизбежно с момента первого заселения. Это должно было произойти. И сейчас происходило.

Шари, конечно, была в восторге от победы Дугласа. Она горячо и — на взгляд Марсдена — слишком бесцеремонно обняла его:

— Теперь вы заняли подобающее вам место, Дуг!

— Я — слуга народа, не более того. С мозолистыми руками — да; подвержен влияниям — может быть; но мне предстоит работа, Шари, и не пустяковая. — Он освободился от ее объятий. — И почему вы решили, что место депутата более почетно, чем место спортсмена?

— Да я не это имела в виду! Вы ведь... вы знаете, что я хотела сказать!

— Я знаю лишь то, что мне вы теперь еще больше нужны, милая Шари. Ваш умственный компьютер должен теперь раскалиться добела.

— Да! И... — она вдруг оборвала себя и бросилась вон, обольстительно сверкнув бедрами — теперь она носила костюм самого наступательного фасона. Марсден усмехнулся. Он увидит Паулу сегодня вечером — причем по деловой линии! Как члену партии Лейдена, ему теперь гораздо легче видаться с Паулой, чем прежде. Жизнь изменилась к лучшему... Тут он вспомнил, что после Паулы у него встреча с Тони, — и помрачнел. Вот где загвоздка. Всем бедам беда...

Вечер с Паулой пролетел быстро. Она была — страсть и огонь... Соблазняла и поглощала... Свидание происходило в отеле, в центре города. Выходя оттуда и вызывая скиммер с карманного пульта, Дуглас ощущал мощный подъем. Секс, подумал он, служит неизмеримо более эффективным стимулятором для административной деятельности, нежели коктейли и беседы...

Трезвые лица деятелей, собравшихся на встречу, одним рывком вернули его в действительность.

Профессор Арминсло, сидевший справа от Глена Лейдена, кивнул Марсдену. Дуглас ответил легким вежливым поклоном. Тони Мандрэйк беспокойно осматривался. Марсден хорошо узнал всех этих людей за время кампании; из двенадцати человек, сидевших здесь, в секретном кабинете скромного правительственного здания в Капитал-сити, он вполне мог срабататься со всеми — кроме разве двоих-троих. И так, Подкомитет по Парсло-Радиации засел за работу. Повестка дня для этого важного собрания содержала лишь один пункт. Он гласил: «Будущее размещение

городов в свете неутешительного прогноза относительно Парсло-Радиации».

— Ясно, что прошлое правительство все об этом знало! — взорвался Мартин Крошэй, трахнув по столу кулаком. — Нам теперь приходится подтирать грязь за ними!

— Было бы полезно выслушать мнение разведчиков, — заметил Лейден вкрадчивым голосом. Крошэй удивленно взглянул на него. Марсден должен был признать, что Лейден хорошо справляется с председательскими обязанностями. Тони пересел вперед. Говоря, он нервно поигрывал своей авторучкой.

— Я буду рассматривать вопрос с двух сторон. Потребность в срочной и интенсивной программе исследований Папа-Рада сейчас более неотложна, чем когда-либо раньше. Нам нужны новые поисковые приборы, новые инструменты, которые повысят шанс найти новые сайты.

Простая речь Тони Мандрэйка не могла скрыть обуявшего его отчаяния — отчаяния от мысли о провале самого важного задания, какое может получить мужчина на Планете Парсло.

— С другой стороны, — продолжал Тони, терзая авторучку, — просто не осталось больше сайтов, нечего находить. Я старался. Старались все разведчики. Мы в лепешку разбивались... — Он бросил на стол ручку и сжал кулаки. — Как вы себе представляете наши чувства? Мы провалили весь наш мир!

Все сидели молча. Ждали еще чего-то. Но Тони сел и вдавился в кресло, как пилот, готовый встретить свою судьбу.

— Мы, конечно, продолжаем искать. Ягода встречается разбросанно, в непредсказуемых местах: маленькая полянка здесь, маленькая полянка там. Закон распределения — полная произвольность. Если только ученые смогут нам выдать какие-то ответы... — Он обратился к профессору Арминсло: — Что делает Университет?

Арминсло — у него полки ломились от кассет с материалами, имеющими хотя бы отдаленное отношение к данной теме, — прокашлялся и положил руки на стол перед собой. И начал популярную лек-

цию — беседу ученого с профанами. Марсден подавил желание прервать его. Чем серьезней становилась ситуация, тем чаще нападали на него приступы истерического веселья. Ведь если планета все равно обречена, то не лучше ли смеяться, чем рыдать? Доктор Пер Карлквист, помощник Арминсло, понял бы это; но он сейчас отсутствовал.

— Ионы проникают в ткани и производят различные эффекты — это показано на кроликах, а управлять этими эффектами можно с помощью стрихнина и других вазодилаторов, то есть сосудорасширителей. — Марсден видел: Арминсло завелся и может крутить свою пластинку весьма долго. — Университетом проделана очень большая работа. Во всяком случае, мы установили, что параметры Парсло-Радиации не меняются при любых воздействиях со стороны хомо-сапиенса в ходе исследований Галактики. — Он начал объяснять, что такое ангстрем; рассказал о различных шкалах измерения длин волн. И отправился в путешествие по всему диапазону электромагнитного излучения — от радиоволн до гамма-лучей; прошел через инфракрасный и видимый свет, ультрафиолет и рентген. Все эти виды излучения, сказал он, хорошо известны и поддаются измерению.

— Но почему же, — вдруг хлопнул он ладонью по столу, — мы не можем ни измерить Парсло-Радиацию, ни определить ее природу?!

— Именно этот вопрос мы и задаем вам, профессор, — спокойно заметил Глен Лейден.

— Да, конечно, — Арминсло вновь прокашлялся и потянул свой пиджак. — Закон Гроттгуса устанавливает: чтобы произвести свои эффекты, лучи должны быть поглощены. Скрытая теплота вещества — это теплота, потребная для измерения состояния этого вещества без повышения его температуры...

— Потребная для чего? — спросил Эркол Фларан, коренастый человек с утиным носом, сидевший с другой стороны стола. — Повторите!

Но Арминсло продолжал:

— Если теперь мы вспомним закон Вант-Гоффа, устанавливающий, что ускорение любого процесса воздействием тепла сопровождается ростом температуры...

— Пососать бы чего-нибудь, чтоб не тошнило! — прокомментировал вполголоса Эркол Фларан, воздев глаза к небу.

Мужественно проигнорировав его, Арминсло бубнил еще долгие полчаса.

Марсден хотел было вмешаться, но потом махнул рукой.

Профессор Арминсло обещал, что новые эксперименты в Университете будут иметь большую ценность, расширяя наши познания в данной области. Но увы — все сказанное и сделанное им не приблизило всех собравшихся ни на шаг к ясному пониманию Папа-Рада. Купель Жизни сохраняла свою тайну нетронутой.

Тони подвел черту, сказав:

— Если у нас не будет принципиально новых инструментов, мы ничего больше сделать не сможем.

Участники Сопевания расхотились в подавленном настроении, некоторые пожимали руки друг другу на прощанье.

Использование Радиации людьми вело к тому, что в один прекрасный день она ослаблялась, интенсивность ее становилась слишком мала для поддержания жизни. И люди просто передвигались на новый сайт. Континент на доброй половине своей площади был запятнан брошенными сайтами городов.

После ухода людей местность всегда принимала иной, более мрачный вид... Марсден ответил вежливой улыбкой Лейдену, которому он сегодня наставил основательные рога, — и вышел. Вид Капитал-сити производил на него тягостное впечатление.

Как это еще за все это время общество сохраняло цивилизованность, здравомыслие и приличия? Никто не шумел, не скандалил. Никто не сошел с ума...

В конце этой недели Дуглас решил и позвонил Лейдену:

— Послушайте, Президент, мы должны сказать всем. Слухи становятся все тревожней. В Чиппинг-Хамлете вас уже называют «горе-президентом».

Лейден успокоил его:

— Имеется целая программа — ее составили старый Президент и его правительство, она должна вас

заинтересовать. Я над ней поработал. Паула — моя жена — сообщит вам подробности (Марсден при этих словах присвистнул от неожиданности). Все друзья согласны. Но мы относимся к этой программе прохладно, ею занимаются дамы. Это все на сегодня. До встречи.

Экран потух. Марсден пережевывал услышанное. Что намерен делать Лейден? Шари подшутила над ним — сказала, что Паула на телеконтакте, и он так резко дернулся к экрану, что Шари пожалела его:

— 'Вы' в ужасном состоянии, Дуг. Что-нибудь плохое?

— Хуже, чем вы думаете, Шари. Но я не могу вам рассказать. Это касается Лейдена как Президента. И если хотите, здесь какая-то мрачная ирония...

Через несколько дней Марсдена разбудил шум — крики и ругательства, стук молотков — в общем, сущий бедлам. Он вскочил с постели, подбежал к окну и, выглянув, не поверил глазам. На какое-то мгновение ему показалось, что дрім все еще длится. Он протер глаза, как это делают внезапно разбуженные герои водевилей.

Вдоль всей Хай-стрит, по скиммерной стоянке и игровому парку с его потрепанной зеленью, до края судомодельного пруда, — какие-то палатки, бесформенно пузырясь, оскорбляли красоту яркого утра. Вокруг них муравьями кишели люди. Жужжали генераторы. Вопили брошенные дети. Лаяли собаки, устанавливая между собой новые территориальные границы. Непрерывный грохот взлетал к небесам. Наконец Марсден различил, что уродливые пузыри — это пластиковые шары-палатки, временное жилье. Натягивались электрокабели. Роботы прилежно укладывали водопроводные и канализационные линии. Передвижной буфет работал в полную силу — выдавал завтраки. Мужчины и женщины, закатав рукава, спорили, махали руками — отстаивали себе новое жизненное пространство, стараясь выбрать местечко по-лучше...

Марсдену не нужно было объяснять, что происходит. Это уже случилось в Паланцано, в Ноттингли. Теперь это пришло и в Лоаден. Его долг успокоить волнения

и подавить в зародыше любую попытку мятежа. Он ощутил комок в горле. Вот что значит — быть членом правительства. Он вспомнил о попытке прежнего Президента — учредить специальный «Комитет наблюдения за гражданами». Быть может, именно сейчас подобный комитет стал необходим? Экран его видеотелефона уже загорелся: посыпались жалобы разгневанных горожан на «гнусную наглость этих гнусных бездельников — ворвались сюда и захватили наш город, будь они трижды прокляты!»

После трех повторений он переключил аппарат на автоматическую запись, а для автоответа вставил видеопленку, где он сам вежливо обещал «принять все необходимые меры». Теперь можно было взяться за настоящую работу. Явилась Шари и доложила, что все эти люди нахлынули из Вазорконда, города внутри страны, на краю Квэйкинг Дезерт — Пустыни Землетрясений, где ягода стала увядать с пугающей быстротой. Туда прибыла группа ученых, надеясь получить свежие данные для исследования Радиации. Но Шари, похоже, считала их дело безнадежным.

— Это начало катастрофы, Шари. Я еще раз позвоню Лейдену.

— Смотрите, Дуг, мне не хочется вам это предлагать... но... я вижу, что вы что-то задумали, что-то не очень приятное... И я думаю — смогла бы угадать, что это такое... насчет Президента, Эр, Тони и всех прочих... Но я считаю — это невозможно. Так что...

— Так что же я, по-вашему, задумал?

— Достать Лейдена через его жену.

Он покачал головой и не сразу ответил:

— Я уверен — она уже знает. Не то чтобы я не хотел вам говорить, но все-таки... — Он взглянул ей в лицо. — И все-таки, видимо, нет. Иногда в неведении — счастье. Я не буду заглядывать в будущее.

— О Дуг!

Он обидел ее. И мог, во всяком случае, это предвидеть. Поднял руку инстинктивно, пытаясь ее удержать: но она ответила ему вымученной улыбкой и вышла, пробормотав что-то неразборчивое насчет школы.

В течение дня Марсдену сообщили, что людей из Вазорконда расселяют по квартирам Лoadена. Поднималось общее возмущение. Квартиру самого Дугласа чиновники, ведавшие размещением беженцев, в списки заселяемых не внесли. Но он сразу же отдал распоряжение — подобрать ему жильцов в соответствии с площадью жилья.

Между многочисленными официальными звонками пробился один — от Паулы. Паула сохраняла комическую официальность, и Марсден подстраивался под нее, с трудом удерживаясь от смеха. Как ни серьезна была ситуация — он не мог уронить себя до стонов и жалоб; и перед самым концом он смеялся бы в глаза смерти. Что смерть? Либо это есть конечная нелепость бессмысленной жизни, либо — финал величайшего опыта, какой может предложить человеку жизнь; и он не видел во всем этом причины для слез...

— Значит, мы увидимся в Акваспорт-сфере в шестнадцать часов, мистер Марсден.

— Прекрасно, я буду там, миссис Лейден.

Кто бы ни подслушивал на ее конце линии — заподозрить что-либо было невозможно. Ясно, что она звонила из офиса. Он улыбнулся, когда она отключила связь: представил множество маленьких, уединенных частных комнаток в задней части Акваспорт-сферы — огромного дворца водного спорта. Замечательно сочетались у них в эти дни дела и наслаждения!

Одной из многочисленных льгот правительственных служащих был бесплатный вход в такие места, как Акваспорт-сфера. Марсден, все в том же немного игривом настроении, натянул яркие плавки и приладил акваланг. И вот он внутри огромной сферы, заполненной прозрачной водой. Он сразу нашел плывущую Паулу далеко внизу под собой и сильными гребками помчался к ней, оставляя хвост пузырей воздуха. Увидев его, она стала ускользать. Ее длинные соломенные волосы казались сине-зелеными — словно ленты водорослей. Они порезвились, совершая замысловатые пируэты и перевороты, и наконец одновременно вынырнули из воды. У него замерло сердце

при виде ее, упругой и обольстительной, серебрящейся каплями воды... Она не улыбнулась. Они прошли прямо в приватную комнату, где растерли друг друга и сели греться перед рефлекторами, нагие и трепещущие в ожидании грядущего пира любви.

— Подожди минутку, Дугги, дорогой! — Паула удержала его порыв, уперев ладони ему в грудь. — Сначала я должна рассказать тебе новость. Жизненной важности! Кстати, в команде Глена многие передают свои распоряжения через жен. Так что ничего подозрительного в этом нет... Мы полагаем, что какие-то религиозные группы подозревают нас...

— Подозревают — в чем? — засмеялся он. — Или ты имеешь в виду...

— Да нет! Слушай, Дугги! Президент — не Глен, а тот, старый Президент, — уже знал ситуацию. Он понимал, что скоро не останется ни одного свежего сайта. И он составлял планы. Правительство тратило огромные суммы. Они снарядили космические корабли...

— Так эти слухи были верны!

— Да, да. Но ведь ты же не вывезешь все планетное население. Это в принципе невозможно, так говорит Глен.

Улыбка сошла с лица Марсдена.

— Всех эвакуировать трудно, да. Но сделать это можно. Конечно, секретность нужно соблюдать. Может начаться паника. Хотя мы на Парсло и цивилизованы...

— О Дугги! Очнись! Не будь ребенком! Мы не можем взять всех. Правительство заключило договор с прежним Президентом и Эр. Они заодно с нами. Корабли заберут только элиту, знатных людей. — Она обвинила его еще влажными теплыми руками, привлекла к своему нагому телу. — Это значит — самых лучших людей, Дугги, дорогой! Таких, как ты и я. Мы будем спасены!

— А остальные?

— А не все ли равно. Важно, что у нас с тобой все будет хорошо! Ты и я, Дугги, — мы будем жить!

Дуглас Ку-Зет Марсден информировал Глена Лейдена, Президента правительства Планеты Парсло, а затем сделал публичное сообщение о том, что Парсло-Радияция на планете иссякла. Он объяснил, что разведчики уже не способны найти свежие сайты. Он сказал населению, что ученые не надеются узнать о Радииции больше, чем уже известно. Затем он раскрыл план спасения на космических кораблях нескольких людей, объявивших себя элитой и решивших бросить огромное большинство граждан на верную гибель.

Он сделал это объявление по телевидению и отправился на митинг. Сейчас он целыми днями мотался из города в город, забыв о дримах и истратив массу денег.

Увы! Везде его встречали со скептицизмом, насмешкой, раздражением. Люди говорили ему, что не желают слушать таких злых шуток, да еще за счет своих налогов. Все и так знали, что в данный момент Разведчики вошли в полосу неудач. Это время от времени случалось. Что ж, скоро они начнут нападать на свежие сайты. «Сурвей-офис» — Управление Разведки — выпустило прокламацию, подтверждающую это. Там предсказывалось, что обширные новые зоны Парсло-Радииции лежат наготове, как целина, и только ждут своего открытия.

Никто не мог себе представить смерть целого мира. Это просто не имело смысла. Люди спокойно изучали свои астрологические гороскопы, путешествовали с новейшими экзисенсами, ели, пили, плясали — словом, жили обычной жизнью. Иногда то здесь, то там возникали пробки — чрезмерное скопление людей, очереди... Но вскоре эти тромбы рассасывались. Жизнь не может остановиться, она идет вперед...

И только члены религиозных групп поверили Марсдену. Общественное мнение отождествило его с фаддистами — сектой Ожидания конца, теми, кто всегда

готов оплакивать грядущий конец света. Он с презрением отвергал такие сравнения. Сектанты своими параноидальными рассуждениями разрушали впечатление от его речей. Этого он никак не предвидел; и он снова оказался в проигрыше...

Флора позвонила и выбрала его: зачем он злится, зачем пугает всех такими страшными вещами?

Рамазон Пребэдди опубликовал гороскоп Марсдена, злонамеренно подчеркивая в нем отсутствие принципов, отказ от порядочности... Получалось, что Дугласу невозможно доверять, — его убежденность в грядущей гибели планеты происходит из саморазрушительной природы его собственной психики!

Паула отказывалась с ним разговаривать.

Стив Уинкэм и Мэгги Карстэрс звонили ему, выясняя, «ради какого дьявола он все это затеял». Он так и не смог убедить их ни в чем.

— Старина Тони спасет нас, вот увидишь...

Лишь одна Шари Арруза верила в него. Но что с того, мрачно говорил себе Марсден, что потом? Да, она работает с ним и знает — у него нет резона лгать. Но что она может сделать, бедняжка? Она потеряла всех своих друзей, как и он своих друзей, стала нервной и раздражительной. Яркое, живое лицо ее потускнело, глаза перестали искриться...

Лето воцарилось на земле, словно издеваясь над Марсденом. На закате каждого солнечного дня обрывался еще один листок беспощадного календаря. Всеми избегаемый, осмеянный, подвергнутый остракизму, Дуглас Марсден тщетно пытался найти хоть какой-то ключ к сознанию несчастных невежд — увы, ни одной положительной идеи! Он ощущал полное духовное опустошение, истощение. А ведь на Парсло никто и никогда, в сущности, не уставал: физическое утомление, изнурение стали лишь историческими понятиями. Сон был не физиологической, а психологической потребностью. Конкурирующие агентства Дримов стремились усладить своих абонентов приятными переживаниями...

Отчаявшись во всем, Дуглас решил опробовать своего нового робота. Он назвал его «Куллифорд Младший» и запрограммировал на все лучшие приемы и

движения настоящего Куллифорда, взятые с видеозаписей прошлых выступлений соперника. Дуглас включил робота, разделся и встал перед ним, натянув статический экран-щит и перебрасывая из руки в руку тяжелую бруто-дубину.

Вошла Шари — у нее теперь был свой собственный ключ от его квартиры. Девушка присвистнула, увидев Марсдена в боевой позе, заметила: «Я б справилась с ним амазонским бичом!» — и прошла через комнату готовить чай.

Дуглас изгибался, прыгал во все стороны, наносил и парировал удары. Он включил все параметры робота на максимум, чтоб робот бил его со всей силой Куллифорда. Марсден получил мощный удар по ребрам, но потом, нырнув, едва ушел от той самой атаки, что сразила его в незабываемом декатлоне. Тогда он остановил робота и заставил его повторить всю серию из двадцати последовательных движений. В конце этой серии ему уже гораздо легче было избежать этого последнего града быстрых колотушек и финального чудовищного удара. Было, правда, совсем невероятно когда-нибудь снова встретиться лицом к лицу с Куллифордом.

...Они не потрудились вызвать хозяина через телеэкран. Они просто взломали его секретный замок ультразвуковым аппаратом и распахнули дверь. Ворвались в квартиру — длинноногие, крепкие, затянутые в кожу, в мотоциклетных шлемах со щитками. Кое-кто держал в руках какое-то разноружное оружие — спортивные винтовки, пистолеты. У одного парня был даже арбалет. И весь этот арсенал был нацелен прямо в грудь Дугласа Марсдена.

Его охватил ужас — началось! Впрочем, он давно ждал от людей такой реакции. Но когда он увидел это своими глазами — ему стало плохо.

— Наденьте на себя что-нибудь, Марсден!

Он подчинился. Инстинкт заставил его выбрать брюки и куртку из пластик-кожи, такие же, как у бандитов. Он вспомнил о своем оружейном шкафе.

Но эта мысль лишь огорчила его. Если это — картина из будущей жизни на Парсло, то стоит ли быть свидетелем деградации планеты? И еще одна мысль осенила его: вот чего ему не хватало! Он всегда желал быть Номером Первым. Так вот, он будет жертвой Номер Один. Первый человек, который умрет за смутные идеалы свободы и честности, — умирать за них на Планете Парсло давно разучились. Он пошел к двери, подталкиваемый холодными дулами ружей. Тут из кухни выбежала Шари с кипящим чайником в руке. Не долго думая, она применила маленький заварной чайник как ручную гранату — запустила им в ближайшего шлемоносца. Парень нагнулся, и чайничек живописно разлетелся вдребезги, ошпарив голову одного из двоих людей, державших Марсдена за руки. Его напарника Дуглас свалил молниеносным ударом ноги в пах. Шари же, используя носик чайника как шланг, окатила агрессоров кипятком. Клубы пара наполнили комнату. Несколько человек навалились кучей на Марсдена, но он без труда расшвырял их. Схватив одного за горло, он собирался разmozжить ему голову о стену, но то, что он вдруг увидел краем глаза, заставило его разжать руку. Парень сполз на пол.

— Так-то лучше, Марсден! — сказал вожак налетчиков. Он упирал дуло винтовки в живот Шари, с силой вжимая его в живую плоть.

— Ладно, ладно! — Марсден понял, что они будут стрелять. — Бросьте это дело! Девушка здесь ни при чем!

Чайник лежал на ковре, выпуская из носика последние струйки пара. Вот и они кончились...

— Дуг! — закричала Шари, это было ее первое слово после вторжения. Больше она не смогла ничего вымолвить. Марсден кивнул ей головой:

— Веди себя хорошо, моя малышка! Присмотри за корреспонденцией.

Парни толкнули его к двери. Шари бросилась за ним. Но вожак спокойно, как куклу, швырнул ее на ковер, где она и осталась лежать без движения.

— Нам нужен только ты, Марсден! Ты предатель!

Предатель... Марсден понимал, что смеяться в его положении — явно неуместно. Но чем, кроме презрительного смеха, мог он ответить на обвинение в предательстве? Лейден знал всю биографию Марсдена не хуже его самого... Серо-коричневый туман начал застилать глаза Дугласа, плотной завесой отделяя его сознание от остального мира. Какой-то мох со всех сторон напознал на глаза. Тихое жужжание в ушах все росло... Неужели это от страха? Парни потащили обвисшее тело Марсдена. Маленький робот-уборщик выскочил из буфета возле двери, защелкал, выпуская струйки шампуня и взбивая ворс ковра. Издаваемые им звуки звучали упреком за небрежность... Приведя ковер в полный порядок, робот вскочил на свое место в шкаф. Дверь захлопнулась за Дугласом Марсденом и его похитителями.

Только похитителями? Или убийцами?

Их ожидал десятиместный флайер. Марсдена швырнули на заднее сиденье. В полуобмороке лежал он, чувствуя упиравшееся в грудь ружейное дуло. Разумеется, эти люди не были профессиональными убийцами. Откуда они взялись на Планете Парсло? Несомненно, нахватались экзисенсов про гангстеров и хорошо заучили свои роли.

Флайер взлетел. Марсден постепенно приходил в себя. У него было ощущение, что он играет роль в какой-то сценической шараде. Наверное, нужно выглядеть естественнее? Рыдать, умолять их, просить пощады? Он знал — это ничего не изменит, а кроме того, он не сможет прочесть сценарий, если снова займется экзисенсами... Полная нереальность происходящего подтверждала верность его наблюдений...

Под летящим флайером раскручивалась бурая, желтая, зеленая поверхность земли. Вновь бушевало лето, сбрасывая с себя скорлупки весны. Пилот не делал

попыток подняться в разреженные слои, где можно выжить больше «махов». Дуглас вначале ожидал, что его привезут в Капитал-сити и представят пред очи Лейдена. Но теперь он видел, что думать так было наивно. Эти люди имеют приказ уничтожить его, избавить планету от его надоедливого присутствия. Просто-напросто убийцы.

— Скажи Полю — добавить газу! — приказал вожак тоном, не допускающим возражений. — Я всегда считал: где нет ягоды, там задерживаться не стоит.

— Аминь мужику! — проговорил вдруг парень, упиривший винтовку в грудь Марсдена.

Дугласу стало ясно, что его ждет. В его сознании мелькали смутные мысли о бегстве. Увы, путешествия по экзисенсам давали лишь ощущения — и никаких настоящих навыков. Между тем Флайер вздрогнул на лету, взмыл, развернулся и помчался к земле. Приземлился, и облако пыли закрыло окна, внутри стало темно.

С Дугласом вышли только вожак и человек с ружьем. Все трое закашлялись от пыли. Парень подталкивал пленника, пока они не выбрались из оседающего пыльного облака. Впереди, сколько хватало глаз, расстилалась красновато-коричневая пустыня — камни и пески дрожали в струях горячего воздуха. И было совершенно ясно, что здесь нет и следа Парсло-Радии.

Он обтер пыль с лица; поморгал, чувствуя застрявшие на ресницах песчинки. Повернулся к флайеру. Оба его спутника стояли на подножке. Винтовка все еще была нацелена в Дугласа. Пыль улеглась совсем. Солнце жарко палило.

— Прощай, Марсен! — крикнул вожак. — У нас приказ не убивать тебя. Времена меняются и скоро будут отдавать другие приказы. Но все равно ты сдохнешь здесь, предатель Марсен! Тут никакой ягоды — ни черта! А ближайший город — за сто миль!

Они влезли во флайер. Аппарат подскочил, рванулся в небо и растаял.

Дуглас Марсден огляделся. В одну сторону — пустыня, в другую — джунгли, над головой — палящее солнце, под ногами — безжизненная пыльная земля... Из этой земли не струился источник Жизни — не было здесь Папа-Рада, Парсло-Радиации, не было никаких ягод.

Лишь безумием и смертью веяло от этой земли...

XVIII

БЕЗМОЛВНЫЕ ЗОНЫ

Он пошел по пустыне к полосе деревьев. Потыкал землю ногой. Бесплодная, безжизненная глина... Под деревьями отыскивал тень. Он был вымотан и в то же время взвинчен. Какой-то неведомый ранее страх вызывал в нем желание бежать, биться головой о дерево, выть, подняв голову к небесам, — молить их унести его из этого Богом забытого места...

Он попытался не думать. Ведь известно: тот, кто проведет в Безмолвной зоне тридцать шесть часов, — становится бесчувственным бревном, «кочаном», как принято говорить. Словом, до смерти — рукой подать. Его смерти — Дугласа Марсдена...

Он пошел между деревьями. Какие-то странные шумы рождались в листьях. Густая трава пружинила под ногами. С ветвей свисали лианы. На них трепетали лепестками странные цветы — Дуглас и не знал о существовании таких диковин. У него начали болеть ноги. Ощущение было странного свойства — смесь онемения и мышечных болей. Во всяком случае — стало трудно идти. Зачесалась голова — как будто волосы начали вдруг усиленно расти. Глаза болели — он все время моргал. Решил вернуться из-под деревьев на полосу, где жесткая трава сходила на нет и начиналась зона пустыни, — там кое-где возвышались изъеденные ветрами остатки скал, похожие на статуи динозавров. Боль во всех частях тела все росла. Или это — уже агония? Он непроизвольно раскрыл рот и шел так, тяжело дыша, в отчаянии чувствуя, как все мускулы тянет и перекручивает эта странная боль.

Провел рукой по глазам — и только хуже стало, ужасная резь от попавших в глаза пыли и песчинок. Он свалился на землю и остался лежать, раскрывши рот до предела, как рыба на суше. Боль понемногу стихла, сменяясь онемением тела. Оно просачивалось, растекалось по телу, будто теплая вода из ванны — через кожу, вдруг ставшую проницаемой. Дуглас закрыл рот, закрыл глаза и начал сдаваться на милость смерти...

То, что он испытывал, было теперь похоже на дрим. Или, может, просто на сон — он отвык спать без дрима...

Чернота...

Вдруг — снова свет. Он открыл глаза, поморгал. Почувствовал прохладу. Солнце скатилось низко к горизонту, его косые лучи окрашивали валуны пустыни в розовый цвет. Ему показалось, что камни влажны. Да, появилась роса. Дуглас задрожал от холода. Черт возьми, где же именно он находится? Он не верил в «божественные круги» и «уровни кары». В этот момент ему хотелось только уютного камина и доброго горячего завтрака. Да, ему хотелось есть, он просто умирал от голода. Он кое-как встал, чувствуя, что все его тело продолжает испытывать тягучую боль; простонал, стал ощупывать себя — на спине пальцы наткнулись на пристегнутый бруто-генератор. Снова раскрыл рот в жутком оскале. Заставил себя закрыть рот, щелкнув зубами... Брр, холодно! Он потряс головой, пытаясь избавиться от давления воздуха в ушах.

Да, он пока еще жив; но, видимо, переходит в состояние «кочана». Однако, пока суд да дело, он голоден, и надо поесть. Дуглас стал разыскивать себе пищу. Раньше ему было не до того, и богатый выбор еды поразил его. Он узнал среди множества плодов на ветвях и те, что, бывало, заказывал в хороших ресторанах. Но здесь плоды были огромны, в три-четыре раза больше тех, и гораздо сочнее — он убедился в этом, впиваясь в их мякоть. Что ж, по крайней мере, он не будет страдать от голода перед потерей рассудка. Как всякий житель континента Парсло, Дуглас хорошо знал его географию. Однако определить, где конкретно он очутился, было весьма трудно.

Он бесцельно брел весь день и на закате солнца испытал возвращение тех вчерашних симптомов, хотя на этот раз — в меньшей степени. Ему все так же приходилось часто открывать рот, чтоб не задохнуться. С каким удовольствием он набрал бы сейчас «Дрим-мо-Схему» или «Дайал-Дрим» — перехватить полчасика освежающего сна, наверное, это намного улучшило б его самочувствие. И вот, сам не заметив своего падения, он увидел себя лежащим на траве. Непреодолимая сила заставила его закрыть глаза, стало уютней... и он снова провалился в беспробудный сон, похожий на смерть.

На следующее утро, открыв глаза и разминая окоченевшее тело, он увидел, что все вокруг — он сам, деревья, валуны — покрыто тонким белым налетом, тускло переливающимся в лучах солнца. Должно быть, это и есть жизнь «кочана»? Смотри-ка, сказал он себе, чавкая сочным фруктом, самочувствие-то у меня ничего. Он, как ни странно, чувствовал себя освеженным. Он был жив, — но жил особым, странным образом, и, если честно признаться, это его волновало. Окочение тела прошло, и он сделал быструю пробежку в глубь пустыни и обратно. Проверил свои силы. Что ж, скорость неплохая. Пожалуй, так можно добраться и до ближайшего города.

На третий и четвертый день он отыскивал на ветвях новые фрукты и, распознавая по листьям съедобные клубни, выкапывал их себе на обед. Он шел все в одном и том же общем направлении, сверяясь по солнцу. Он уже составил себе мысленно карту этой местности и шел вперед хотя и медленно, но неуклонно. Вот уже пустыня осталась позади. Он с радостью видел, как изменился вид зелени вокруг. Ведь он знал, что на месте пустыни уже давно не размещали городов, а теперь он входил в более перспективные зоны.

Ежедневный закат и восход были для Марсдена моментами чуда. Он создавал, что спит всю ночь, когда тьма покрывает землю, без всякой потребности в дриме. На закате он снова свалится и заснет, чтоб проснуться освеженным на восходе солнца. Он чувствовал себя подлинно живым — гораздо более жи-

вым, чем во всю прошлую жизнь. Но сознавал совершенно иное качество этой своей живости, бодрости — кровеносная система гнала ток жизни по его телу с куда более сильным и стойким ритмом... Он шел вперед к тем горам — их очертания он уже стал узнавать, у их подножия должен лежать известный ему город. А вокруг него расстилась страна, открытая солнцу и дождю, ветру и звездам, — как она лежала до того годы, никем не видимая, ибо люди боялись здесь появляться...

К этому времени он начал страдать поносом — в весьма неприятной степени. Сказалось питание одними свежими фруктами, но ведь другой еды не было. Он ослабел. Это ощущение для него тоже было новым и странным. И вот теперь он понял, что те боли во всем теле, что мучили его по вечерам, — это же и есть «усталость», «утомление», «изнурение» — те слова, значения которых были известны на Парсло только по историческим трудам и путешествиям экзисенсов. А сами эти состояния никто еще не испытывал. Он решил, что возвращается в прежние века — становится обезьяно-человеком. Подбородок и щеки у него покрылись щетиной. Он купался в ручьях, смывал грязь, но, конечно, не мог достичь привычной чистоты цивилизованного человека, привыкшего к горячей ванне с паром, игольчатому душу, мылам, кремам и лосьонам после бритья...

Иногда он видел пролетающие высоко в небе флайеры. Замечал инверсионные следы. Он все ковылял по прямой линии, надеясь, что она приведет его в город, лежащий у подножья гор. Желудок его теперь болел по-настоящему. Его беспрерывно поносило, приходилось останавливаться на каждом шагу. Он захромал, еле двигался вперед. Ноги тряслись. Трудно было сосредоточиться. Один раз — он уже не помнил, в который день — он добрал до открытой лужайки, где с одной стороны бежал ручей, с другой — стояла группа деревьев. Похоже было, что в отдаленные времена земля здесь была возделана рукой человека. Да, так и есть — развалины домика обещали ему укрытие. Он сумел добраться до дверей, ступил на

порог. Трухлявое дерево затрещало, и он упал вперед лицом — в непроглядную черноту.

Следующими его ощущениями были такие: его поднимают, несут — не очень бережно, куда-то за-талкивают — он догадался, что это флайер. Его бросают на сиденье: шум, суета, возбужденные голоса, галдеж перебранки; флайер делает рывок, теперь он легит. Эти впечатления прерываются отключениями сознания... Один из голосов перекрывает другие... а, это динамик. А другой голос — он кажется знакомым... тот, кому этот голос принадлежит, — он возится с Марсденом, приподнимает его, укладывает поудобней, обрызгивает водой, подпихивает подушку под голову на спинке откинутого кресла, пытается чем-то кормить, пропихивая в рот... Он пытается возражать, сжимает зубы... Наконец он начинает что-то смутно видеть. Все кажется таким странным... Нет, внутренность большого флайера была обычной. Это прокатный скиммер, каких много... а вот кто этот человек — он не сидит на месте, невозможно рассмотреть его лицо... Да это же Шари Арруза! Почему она здесь?

Клянусь Папой! Хоть бы остановилась на миг!

Ее голос казался ему несколько странным, как у зверят в детских фильмах-сказках, когда обычную звукозапись пускают с увеличенной скоростью. У него раскалывалась от боли голова, он хотел только покоя, чтоб не трогали... А Шари все хлопотала над ним, поправляя, подталкивая, подтягивая его тяжелое тело...

Наконец они приземлились у его квартиры в Хэйлет-Вилладже, в городе Лоаден. Перед посадкой он успел заметить дым в окне — черные шлейфы по небу. Но он счел это невероятным, наверное — показалось... Противопожарные роботы никогда не позволяли разгореться пожарам. Шари, двигаясь резкими и сильными рывками тигрицы, толкнула его в постель, завалила одеялами, подоткнула их немилосердными толчками. И снова стала насильно вливать ему в рот какие-то питательные жидкости. Несколько раз принималась его умыть... Устроила ему бритье — не слишком это было ему приятно: обмазала его лицо кремом-депилятором и довольно жестко ободрала подбородок. Набрала ему дрим, и он покорно заснул.

Проснувшись, он сразу осознал, что уже не тот человек, кто вчера пошел спать. Во всяком случае, он мог понимать то, что говорит Шари. Вчера он слышал ее голос, но ее слова сливались в непрерывный шум — высокий, дерущий уши. Он потряс головой. Да, нельзя сказать, что он совсем поправился. Общая слабость в теле. Но он мог встать, пройтись — на это сил хватает: беспокойство понемногу утихало.

Шари закричала на него:

— Тебе-стало-лучше? Боже-мой-я-думала-ты-уже-кочан! — так он воспринимал ее речь.

— Подожди, подожди! — он поймал ее за руку. — Шари, помедленней! От тебя у меня голова кружится!

— Ты-такой-медлительный-стал!

Да, у них сейчас был различный темп восприятия. Они общались, как заяц с черепахой, — он отставал от нее. Марсден стал производить переучет своему израненному телу. Обнаружил волдыри на ногах, шрамы и ссадины на руках, шишки на голове. Только теперь осознал он, что вырвался из объятий смерти.

Необычайно громкий взрыв на улице заставил его вздрогнуть. Весь дом тряхнуло. Шари подбежала к окну, взвизгнула, отскочила назад, заметалась по комнате — так воспринимал ее поведение Марсден.

— Что это за пальба у нас идет? — проговорил он с трудом.

Шари открыла рот и дала пулеметную очередь слов. Он понял только про «этих несчастных из Мальборо-сити». Еще одно мощное сотрясение воздуха. Он сам поплелся к окну. Ведь Мальборо-сити был расположен милях в двухстах от Лoadена. Он стал понимать, что происходит в стране. Вырисовывалась страшная картина — оправдались его самые мрачные предчувствия...

Шари подбежала к нему, принесла все их оружие: спортивную винтовку и «карпентер». Было видно, что она вполне освоила оружие. Марсден узнал и в этом болезненные симптомы разлагающейся цивилизации: пока он был в пустыне, мир изменился.

Да, Планета Парсло поверила наконец в то, что он говорил, и результатом стало вот это варварство...

В окно можно было видеть Хай-стрит и парк — там уже не было походных палаток. На их месте чернели кострища, кое-где они еще дымились и даже догорал огонь. Между кострами бегали мужчины и женщины, стреляя друг в друга, бросая самодельные гранаты — бутылки с горючей смесью. Дрались врукопашную ножами и железными прутьями... Лужи крови на земле... Послышались новые взрывы. Рушились фасады домов, и люди разбегались, как муравьи из разоряемого муравейника... Он не мог разобраться в этой страшной картине.

— Люди из Мальборо-сити!

Шари металась по комнате, открывала окна, стреляла навскидку, захлопывала окна... Сейчас Дуглас заметил, что два окна у него разбиты и зашиты досками. А вот и еще одно стекло разлетелось вдребезги, и они чудом избежали ранения осколками. Сюда тоже стреляли! Марсден бросился на пол. Храбрая Шари осталась у окна — стреляла с колена, пока не кончились патроны. И лишь тогда, спасаясь от ответного обстрела, присоединилась к Дугласу — они спрятались под стол. Девушка тяжело дышала, черные кудри прилипли ко лбу и вискам, блестели от пота.

— Мне еще в это не верится! — но Марсден уже поверил в то, что видит: другого просто не оставалось...

— Они начали позавчера! — Речь Шари уже замедлилась. С каждой минутой Дуглас все лучше мог ее понимать, и двигалась она уже не так суматошно. Марсден не обманывался. Он знал, чьих это рук дело.

— Правительство? — начал он расспросы.

Шари издала непередаваемое восклицание отворачивания.

— А что случилось с нашим квартиросдатчиком?

— Его убили в первый день...

Невероятно! Это было страшнее кошмара из запрещенных экзисенсов... А меж тем Марсден знал, ягода просачивалась в его тело... Постепенно шум снаружи стихал. Очевидно, жители Лоадена отбили попытку разоренных жителей Мальборо-сити изгнать хозяев из города и захватить этот сайт с богатыми запасами Парсло-Радии.

— Будем надеяться, что они уйдут по-хорошему. Пусть атакуют какой-нибудь другой сайт. — Шари стала перезаряжать оружие. Заряженный «каarpентер» она вручила Марсдену. — Хотелось бы, чтоб нам больше не понадобилось, но, наверное, придется еще стрелять. Все города с ягодой атакуются людьми из брошенных городов. Хаос наступил, Дуг, абсолютный хаос!

Вспыхнул экран. Это была Паула. Шари включила связь, показав себя как есть — растрепанную, потную, с налипшими на лоб волосами. Паула, наоборот, выглядела собранной, с аккуратной прической своих соломенных волос, все в той же плотной оболочке полного равнодушия ко всему, кроме собственного светлого образа.

— Шари? Это вы?

— Да! Он тоже здесь. Дуг! — Девушка повернулась к нему.

Он встал и подошел к экрану, чтобы Паула лучше видела его лицо. Посмотрел ей в глаза.

— О Дугги! Я думала... думала, что больше тебя не увижу!

— Скажи мне, — спокойно начал он. Время гнева или уже прошло, или еще не наступило. Он ощущал в себе пустоту и тоску. Если б эта женщина была здесь, что он сделал бы? Схватил бы в объятия, забыв про весь свет?

— Я слышала, что они с тобой сделали, Дугги! Я сходила с ума! Это было ужасно! Я умоляла Поля — он мне сказал, что случилось, куда они сбросили тебя. Я не могла лететь сама. Но Шари... она... она...

— Я искала везде, — вмешалась Шари. Она причесывалась, приводила в порядок налипшие на лицо волосы. — Мне нужен дрим, я потом тебе все расскажу. Мы долго искали твои следы... но я считала, что даже кочан, если его имя — Дуглас Ку-Зет Марсден, нужен для цивилизации!

— Так это ты спасла меня, Паула?

— Нет, Дугги, дорогой! Шари. Я не могу долго быть в воздухе. Мы все улетаем! Тебе надо прибыть

в Капитал-сити, дорогой — я могу взять тебя на космолет!

— А Шари? А все наши друзья — Флора, Стив, Карлквист, Хеди, Мэгги?

— Нет, нет, нет, Дугги! Ты не понял! Это твой последний шанс! Если Глен узнает...

— А что Глен?

Шари странно посмотрела на Марсдена.

— Не спрашивай! Он ужасный! Конечно, бери Шари, дорогой! Конечно! Там будет, я думаю, место...

Он внезапно вспомнил тот момент на вечере, в Монтерре, когда он шел с Флорой по берегу озера, увидел Паулу, игравшую шарфом на поверхности воды... Вспомнил те, показавшиеся столь банальными силуэты кипарисов и на их фоне — трех белых лебедей... Паула увидела, что он не слушает ее, и отключила звук, ее лицо в ореоле соломенных кудрей с немой призывом обращалось к нему с экрана. Итак, скоро космолеты отправятся. Но он представления не имел, где они сейчас спрятаны. Паула спасла его руками Шари. Значит, она еще любит его. Ведь без ее помощи он лежал бы сейчас трупом в той развалине, в Безмолвной зоне... Значит — она еще любит его!..

— Я люблю тебя, Паула, — сказал он с улыбкой. — Я остаюсь здесь.

— Как ты можешь! Я не хочу умирать! Я не могу оставаться!

— Но я был в безмолвных зонах и не умер! Я все понял, Паула, я знаю теперь все про ягоду! Поверь мне, Паула! Теперь нет нужды покидать наш мир!

— Но ведь ты сказал... Ты же сказал, что любишь меня!

Ее рыдания растапливали его волю. Он боролся:

— Есть другой путь. Оставайся со мной — молю тебя! Поверь мне! Мы сможем жить на Парсло, безопасно и счастливо!

— Ты безумный! Мы все станем кочанами и умрем!

— Нет, Паула, нет!

— Ты не любишь меня! Никогда не любил! После всего, что я сделала?..

— Я знаю, Паула, поверь мне! Но ты должна выслушать!

— Как я могу слушать твои выдумки? Мы опоздаем! Ты помешался, должно быть! Сумасшедший, говоришь, что любишь меня, и хочешь, чтоб я превратилась в животное, умерла! О Дугги!

— Я знаю — ты запугана, как все. Но...

— Я любила тебя, Дугги, по-настоящему, верно. Но я вижу — ты плохой, злой человек! Глен прав... и теперь некогда...

— Паула! Паула!!!

Но экран потух, чернота. Она исчезла.

XIX

...ИСХОД

Теперь единственной надеждой Планеты Парсло были наука и техника. Да, именно наука и техника, но не сами по себе, а на службе у интеллекта, вдохновения и интуиции. В это искренне верил Дуглас Марсен. Предстоящая ему программа действий требовала абсолютной преданности и непоколебимой верности своим глубочайшим убеждениям — и не оставляла времени для передышки.

В быстро коллапсирующей цивилизации городов, посаженных на высыхающие лужицы Парсло-Радиации, — внешнее подобие нормальной жизни сосуществовало с анархией и хаосом. Сервис кухонных роботов развалился, и голодные люди грабили супермаркеты, а потом стали копать в развалинах автоматических кухонных центров, — ища остатки пищевых запасов. В то же время фирмы сервиса дримов продолжали поставлять свою разнообразную продукцию. А экзисенсы процветали как никогда, давая очумевшим горожанам допинг, отвлекающий от ужаса предстоящего распада.

Флора Вальдесей уже не рыдала в страхе, как это было с ней неделю назад. Она, как и все друзья, все время оглядывалась на Марседена, ожидая, что он скажет, — чтоб повиноваться ему. Стив Уинкэм, со смешным выражением на лишенном подбородка лице, так таращил глаза, словно пытался увидеть скрытую в Дугласе силу. Он сидел рядом с Мэгги Карстэрс, чьи платиновые волосы, увы, теперь были явственно черными у корней, не до них было хозяйке. Хеди Арлен, дерганье которого когда-то так раздражало Марседена, теперь, как и все, сидел тихо и смиренно, готовый впитывать каждое слово.

На собрании были и другие граждане Лoadена. Этот митинг происходил среди развалин взорванного Стефан-Ампи — спартанского стадиона. Все были подавлены. Они уже приняли неизбежность того, что предвидели в страхе.

— Вы не должны умереть! — кричал им Марсен. — Вам незачем умирать! Вы не будете умирать!

Они ждали, не говоря друг другу ни слова. Шари, сидевшая сбоку от Дугласа, задрала голову, не сводя с него глаз. Люди сидели на остатках разгромленных рядов амфитеатра и ждали продолжения его речи.

Они ждали. Это «они» были компактным отрядом сильных, готовых к действию людей.

Он рассказал им о своих экспериментах в Безмолвной зоне. Сказал, что намерен делать:

— Но мне нужна ваша помощь. Мы должны действовать безошибочно: ведь у нас остался только один шанс. Вспомните трагическую историю с людьми из Мальборо-сити. В любой момент может возникнуть новый кризис — стычка с другими беженцами, у которых пропала ягода.

И он повел их за собой мимо городских боен Лoadена. Из Хэйлет-Вилладжа, Чиппинг-Хамлета, через другие деревни, составляющие этот большой город, — они шли к массиву экзисенсных студий. Они были вооружены. Вахтеры студий пытались загородить им дорогу, приняв их за новых агрессоров — искателей Папа-Рада.

— Этот Экссесс должен прогреметь у зрителей, — усмехался Дуглас, вспоминая бывшее. — Или мы все пропадем!

Ягода в Лoadене была еще сильна. Жители еще могли обходиться без дринов и сна. Телевизионная сеть продолжала качать в эфир правительственную пропаганду. Но все антенны были расстроены, безжизненные экраны молчали. Никто ничему больше не верил. Лишь группа, ставшая под знамя Марсдена, еще верила во что-то. Но главное — они верили в Дугласа Марсдена. Он сам не понимал, почему они верят ему. Но он принял их веру и использовал для дела.

На стадии озвучивания нового экзисенса — доктор Пер Карлквист с радиационной кафедры Университета детализировал сухие научные факты, которые могли бы генерировать новое понимание, а значит — создать новую жизнь.

Он излагал аккуратно и методично, иллюстрируя свои слова наглядными, понятными всем опытами.

Он остановился, чтоб вытереть пот со лба. Марсден одобряюще кивнул ему. В это время Хеди Арлен ругался над непослушными тумблерами пульта. Когда он привел в порядок электронику, доктор Карлквист продолжил свою лекцию.

— Я все же не верю, чтобы люди могли жить без Папа-Рада, — заметил Хеди Арлен, с профессиональной уверенностью манипулируя клавишами своего контрольного пульта, — но все равно: если кому-то удалось поверить, помогите мне!

— Здесь требуется большая вера, Хеди! — строго сказала Шари.

— Это значит, — проговорила Флора, — что мы мудрим, хитрим, прячемся в городах, — когда нам открыт весь материк!

— Легко понять, как это началось. Когда-то кто-то жил — в него просачивалась ягода... и прежний образ жизни перестал нравиться, потом стал пугать... Неудивительно, что выросли города, а потом стали передвигаться...

— Теперь твоя очередь, Шари! — Марсден отдавал приказы спокойно, без суеты, зная, что им немедленно

подчинятся. Ведь он боролся за спасение народа целого мира!

Шари уселась перед эмпатическим транскриптором. Она могла следить за вспомогательным экраном, на котором светился еще не законченный гороскоп. Она начала весьма убедительно показывать на гороскопе, где поочередно вспыхивали зодиакальные знаки, — каковы аспекты конфигурации планет, как нужно интерпретировать различные сочетания знаков и светил. У нее был готовый текст, не попадавший в поле зрения эмпа-транскриптора. Марсден всю ночь работал над этим сценарием. Туда вошел весь опыт, накопленный им в бытность астролористом. Все, что он узнал, складывалось теперь, в момент нужды, в его уме, давая ему инструменты и орудия. Общее применение гороскопов Шари излагала, разбивая рассказ по типам личности и по планетарным влияниям, — это подчеркивало необходимость освобождения психики. Они настаивали на неотъемлемости главного права человечества — на свободу. И если Марсден то тут, то там соединял материал грубыми швами, то он знал — игра стоит свеч. Он не забывал, что от его успеха зависит судьба мира.

— А сработает это? — спросила его Флора. Вопрос был риторическим. Ее живое лицо выдавало борьбу между старанием сохранять подобие жизнерадостности и пробивающимся сквозь наигранную веселость, искажающим черты страхом.

— Люди верят в то, во что хотят верить. Значит, это для них сработает. Астролория всеми принимается почти без сомнений. Я знаю астролорию. Я могу действовать на мозги людей, как астролорист, и я буду обрабатывать их мозги дримами и Эксцессом. Да, Флора, — это сработает!

Сидевшая рядом Шари Арруза твердо сказала:

— Да, Дуг, это сработает! Я знаю, это так!

— Пленка уже в банках, Дуг! — крикнул им через всю студию Хеди Арлен. — А здесь Куллифорд! И остальная компания — Чэнгтон и все они!

— Смотри-ка, из Спартанских кругов ребята тоже пришли! — вскочила с места радостная Шари. И побежала навстречу толпе амазонок, борцов и теат-

ральных работников, созданных ею по своим и Стива Уинкэма каналам. Эти люди, видевшие впереди лишь жалкую смерть, с радостью ухватились за шанс сделать хоть что-нибудь, что могло бы помочь планете. Они получили краткие и четкие инструкции у Дугласа Марсдена, который даже не вспомнил о своих поединках — главная идея стерла в его сознании все постороннее.

— Мы будем действовать по принципу «инфекции», — он вызывающе глядел в глаза этим могучим атлетам. — Начинайте здесь, в Лоадене, потом — в соседних городах. Вы можете и силой захватывать вещательные студии экзисенсов. Но лучше действовать мирно.

Одобрительный рев, которым спортсмены встретили его слова, отбил бы у любого охоту им противостоять. Их энтузиазм согрел сердце Марсдена.

— Как только новость будет передана, людские контакты будут распространять ее дальше, как в предгоогологические времена. Нам нужно охватить весь континент. Подумайте: каждый день мужчины и женщины убивают друг друга в борьбе за то, что они ложно считают необходимым для жизни!

— Мы наделаем копий, — вмешался Хеди Арлен. — Я выдам достаточно Эксцесса, чтоб затопить континент!

Сначала спартанцы поверили ему сознательно, рассудком, ибо эта вера, в сущности, приносила им столь необходимое утешение. Получив дримы и прокатившись в экзисенсах, они поверили ему на подсознательном уровне, своими сердцами, как это когда-то называлось. Наблюдая, как они улетают с упаковками новых экзисенсов во флайерах, реквизируемых по этому случаю у населения, — Марсден ощутил большой прилив оптимизма. Они были подобны рыцарям, бросающим вызов силам тьмы и невежества.

— Это должно сработать! — с жаром сказала Шари. Она рядом с Дугласом провожала взглядом спартанцев.

— Да, хорошо работает, Шари. Мы убедим всех, что жизнь возможна на Планете Парсло вне городов и вне сферы влияния ягоды.

— Ты чем-то подавлен! — резко заметила она.

— Нет, право, нет. Просто мы спасаем им жизнь. Но они будут теми же людьми. Менее быстрыми, менее сообразительными, менее нервными. Но теми же самыми людьми, с теми же слабостями, пороками, склонностями. Не думай, что мы всем этим, Шари, изменяем человечество. Ведь род людской уже долго эксплуатирует планеты. И если особые обстоятельства на Парсло немного отличаются, то все равно остаются извечные проблемы человечества — загрязнение среды, перенаселение, — как в предгоогологические времена.

— Тебе нужно выпить и взять дрим, Дуг.

— Нам не понадобятся дримы, когда мы будем снаружи, Шари!..

Дни текли.

Когда Стив Уинкэм сказал ему: «Никто больше не сообщал об огнях в небе». — Марсден поинтересовался:

— А Куллифорд нормально добрался до Лос-Палатоса?

Лос-Палатос, город внутренней зоны, откуда были противоречивые сообщения о кровавой бойне, требовал более жестокого, чем обычный, подхода. Агитация шла хорошо, и лишь некоторые непокорные города, вроде Лос-Палатоса, требовали больших усилий от сторонников Марсдена. Везде он находил у тех, кто верил ему, поддержку и бесспорное принятие указаний. Медленно, но верно поступали от тех, кто вернулся в покинутые города, обнадеживающие отчеты об адаптации людей к новым условиям жизни.

— Лос-Палатос? — переспросил Стив. — Там дела идут слабовато, как и ожидалось. Экзисенские студии разгромлены. Хеди пришлось туда лететь и все строить заново. Но я говорил с ним...

— Строить заново! — прервал его Марсден. — Вот что мы делаем! Строим новый мир. Когда кончится последняя ягода, мы сможем считать, что прошлое целиком осталось позади!

— Есть такие вещи, — заметила Шари, — которых никто никогда не забудет...

— Одну вещь нам придется забыть навсегда — на что похожа жизнь с Папа-Рада. Теперь уже скоро все переберутся в наши новые дома. Я уверен — нам придется это сделать, даже если какая-то ягода еще останется в городах.

— Если ты решишь так делать, Дуг, то все согласятся!

Слова Шари смутили Марсдена — он сам не ожидал такого, занятый по горло повседневными проблемами. Туманный отзвук забытых целей, стремлений прозвенел в их душах. В это занятое время пропагандирования и организации будущего устройства мира — ему казалось нелепым вспоминать о том, как пережить ураган в «сердце бури», в спокойном пространстве в середине циклона. Однако те мысли вернулись к нему, захлестнули сознание...

Только один раз сомнения коснулись его сердца. Почему же нет сообщений об огнях в небе? Почему космолеты не отправились?

— Да-а, — протянул он недовольно. — Все действовали необычайно правильно, когда положение дел им объясняли. Но ведь, в конце концов, мы здесь цивилизованные люди! Умеем направлять и канализировать лишние страсти.

Он, собственно, не это хотел сказать. Удивленное лицо Шари и выпученные глаза Стива заставили его пожалеть о сказанном. Он знал, что они думают. Но его собственные чувства они ведь понять не могли? Собравшись с мыслями, он резко сказал:

— Куллифорду и Спартанским братьям придется обрабатывать Капитал-сити. Мы оставили его напоследок. Бог знает, что там сейчас происходит.

— Они недавно передвинулись, — отметил Стив. — Ягода, должно быть, еще сильна.

— Всякая связь отсутствует. Удивляюсь, — проговорила Шари с нескрываемой злобой, — как они все там еще держатся.

— Трясутся за собственные шкуры! — вставил Стив.

— К чему твой цивилизованный подход, Дуг? А если они начнут воевать за города с ягодой?

— Ладно, ладно, — прервал Марсден неприятный ему разговор. — Проинструктируйте свои команды. Увидимся вечером.

И вот, приняв короткий дрим из старого каталога, свободного от его собственной пропаганды, Дуглас вечером принимал Стива, Мэгги и Шари. Они устраивали прощальную выпивку перед отлетом в Капитал-сити. Все были возбуждены, нервно извинены. Ведь им предстояло разгадать тайну Столицы и окончательно решить всю проблему. Стив и Мэгги, видя настроение Дугласа, поболтали и ушли, Шари стояла у окна в последних лучах заката. Красный свет, пронизывая прозрачные складки ткани, ясно очерчивал формы ее тела.

— Шари!.. — начал он и замолчал. Язык не повиновался ему. Она повернулась, дрожа в страсти. Вытянула руки:

— Дуг! Мы были такие дураки! Но теперь все будет как надо! — и с улыбкой двинулась к нему. — Ты помнишь — ты хотел быть Номером Первым в чем-нибудь одном на всей планете? Как ты пробовал все пути... И вот теперь — теперь ты Номер Первый!

Она охватила его руками и крепко прижала к себе:

— Но для меня ты всегда был Номером Первым! Я люблю тебя, Дуг! Только это мне теперь важно!

Дуглас ощутил глубокое потрясение. Он отодвинулся назад, освобождаясь от ее рук. Дрожь ее тела передалась ему. Его сердце сжалось. Он не хотел изменить Той — не Шари! Но все же, все же...

— Нет, Шари!.. — он пытался сказать, изложить свои чувства словами, но ничего не получалось. — Это — Паула...

Она отдернулась и замерла, будто он ударил ее по лицу.

— Эта стерва! — вырвалось у нее. — Она не на добро тебе, Дуг! Она злая, бессердечная, корыстная! Ей всего мира не жалко — лишь бы ей хорошо. Как ты можешь? Не верю, Дуг! А я люблю тебя! Мы здесь, вместе, на заре нового века! Неужели ты...

Он схватился рукой за свой пылающий лоб. Да, он не понимал тогда, что он делает с этой девушкой.

А что делать теперь, что ей сказать? Он не мог себе представить... Вдруг вспыхнул экран вызова.

Шари рванула обеими руками мягкую ткань платья, обнажая девственные груди.

— Дуг, ты не хочешь меня?

Он отвернулся к экрану, вздрагивая. Это был робот-оповеститель. Бесчувственные линзы сканировали комнату. Металлический голос проскрежетал:

— Безопасен ли вход?

Марсден ощутил толчок — приземлился флаейр. Ну... да! Он был захвачен врасплох. Яркая, болезненная краска на щеках Шари, ее тяжелое дыхание, ее поза, заломанные руки — все это жгло его сердце...

— Входите!

Дверь распахнулась. Вошла Паула. Она остановилась на пороге, держась рукой за шею. Ее фигура, обтянутая кожей летного костюма, со спадающими складками плаща, замерла в неловком положении, когда она увидела Шари. Соломенные пряди ее длинных волос были сложены под фибровую скорлупу космического шлема. Ее лицо было бледным и бесконечно отрешенным.

— Мисс Арруза, — тихо и насмешливо выговорила она.

Марсден понял, что он должен сказать, сделать, почувствовать.

— Паула! — вскрикнул он и одним прыжком пересек комнату, схватил ее в объятия.

Она вырвалась.

— Сейчас не до этого, Дугги! Глен созывает всех лететь. Корабли наконец готовы — было ужасно трудно их подготовить!

— Желаю им всем разлететься на куски и тебе вместе с ними! — выкрикнула Шари. — Раздув ноздри, забыв про свою обнаженную грудь, она двинулась на соперницу, протянув к ней хищные пальцы, как когти тигрицы.

— Шари! Умоляю!

Ее ответное рычание было для Марсдена ножом по сердцу. Он смотрел на Паулу, отбросив все, кроме мысли о том, что она здесь, она вернулась к нему!

— Мы делаем дело, Паула! — пробормотал он, пытаясь сложить что-то внятное из научно-технического и любовного сумбура, что вертелся в его голове. — Парсло-Радиация — ерунда, она не нужна. Прими Экссесс — ты почувствуешь это и поверишь. Паула! Мы сможем остаться здесь и будем жить в безопасности, вместе!

Но она находилась в другом мире.

— Я не могла улететь, не повидавшись с тобой, Дугги. Рамазон отговаривал меня.

— Я могу доказать астролорией, что ты принадлежишь нашей планете — мне!

— После Клэйтона и Тони? Оставь, Дугги!

— Это была просто путаница — ты сама знаешь! Тони не мог найти ягоды, и его плохой аспект попал на Клэйтона...

— Мы теряем время. Если ты меня вправду любишь — ты сейчас пойдешь со мной!

Он сбросил свою оболочку брутальной гордости:

— Но я сделал свое дело, Паула! Все верят мне. Я — Номер Первый! Я — главный человек на планете, и в будущем, когда мы будем строить новый мир, я останусь главным!

— Даже если б поверила — все бесполезно. Глен понимает. Он знает расклад. Ты принадлежишь мне, Дугги, дорогой, а не этой толпе немых крестьян.

— Но, Паула, дорогая!

— Все это — нецивилизованно. Я всегда уступала страсти. Я должна была б отказаться от тебя... Я всегда хотела только «л'амур де тет»!¹ Ты всегда говорил, что любишь меня, и я верила тебе. Теперь ты должен доказать мне свою любовь! Глен ждет. Корабли отлетают. Времени осталось только чтобы добраться до них, идем, Дугги! Идем со мной!

Марсден всегда считал, что его любовь — не самообман, не безумие. Он любил даже недостатки Паулы. Мысль о жизни без нее была ему невыносима. Теперь, когда она говорила с ним, он жаждал только присвоить ее. Он не желал верить в ее отъезд. Он вспомнил страсть, с которой она встречала и погло-

¹ «Любовь головой», рассудком (фр.).

щала, принимая в себя его собственную страсть... Он не желал, чтоб она уходила из его жизни, — он не мог без нее...

— Паула, умоляю, если любишь меня, то пусть Глен один летит на своем космолете!

Шари засмеялась злобно и жестоко.

— Шари! — По-бычьи наклонив голову, он бросил девушке: — Убирайся!

Она отскочила назад, прижалась к стене. Ее лицо искажилось ненавистью.

Дверь опять распахнулась — за ней стоял серебристый робот.

— Пора, миссис Лейден! — заявил он металлическим голосом.

Вспыхнул экран — это он, Стив Уинкэм со своим лицом без подбородка и выпученными глазами:

— Мы все собрались, Дуг! — С экрана в комнату излучалось возбуждение, одушевление участников великого проекта спасения. — Пора лететь в Капиталсити и объяснить им «кривизну их путей»!..

Паула двинулась к двери. Запахнула плащ, скрыв блестящую кожу костюма. Она покидала его...

— Подожди, Паула! Я иду с тобой! Я иду!..

— Алло! Что у вас происходит? — голос Уинкэма донесся откуда-то издалека.

— Тогда скорей, прошу тебя, Дугги! Глен не будет ждать.

Дуглас Марсден пошел к двери. Он сделал один шаг за Паулой, другой шаг... Движение сзади, звук открываемого затвора, щелчок... Он оглянулся. Шари, подняв ружье, целилась в Паулу. Ее глаза яростно сверкали над смертоносным стволом, палец нажимал на спуск... Абсолютная уверенность, неумолимая ненависть... дьявольская решимость...

— Нет! — вскричал Марсден и бросил свое тело вперед. Пуля ударила его в плечо и заставила повернуться вокруг оси. Он видел, как робот хватается Паулу в свои защитные металлические объятия и выскакивает с ней через дверь, прямо на платформу флайера. Дуглас пытался подняться с пола, следовать за ней... Пальцы его вцепились в ковер... Красный туман в глазах. ...Потом — тьма.

И вот они все в комнате стоят вокруг него — Стив, Флора, Мэгги, Куллифорд, доктор Карлквист, еще люди... Шари все еще сжимает в руках винтовку.

— Шари... — пытается сказать Марсден. — Ты не понимаешь...

Она нежно качает головой:

— Я все понимаю, Дуг. Я понимаю, что значит будущее для меня... и для тебя!..

Потом события перемешиваются в сознании Дугласа Марсдена... Его поднимают, перевязывают. Стив Уинкэм громко рассказывает что-то о Комитете Общественной Безопасности ... Вот они уже все во флайере, берущем курс на Капитал-сити, где лишь розовые шлейфы, рассеиваясь, тянутся за космолетами, стремящимися вверх, к далеким звездам. И вот он уже чувствует, как ягода оставляет его тело... лихорадочная хватка Парсло-Радиации ослабевает на его нервах и мышцах... Усталость напоззла на него.

— Я утомился, — проговорил он, глядя в полные слез глаза Шари, склонившейся над ним. А под летящим флайером расстилалась новая планета, которой уже не понадобятся искусственные стимуляторы. — Я очень устал, — повторил он. — Ведь это замечательно, правда?..

К О Н Е Ц

СОДЕРЖАНИЕ

Накануне Судного дня. (Перевод В. Тимохина)	5
Пробуждение Чародея. (Перевод М. Нахмансона и Г. Федюнина)	195
Планета кочующих городов. (Перевод Г. Федю- нина)	365

Литературно-художественное издание

Кеннет Балмер

ПРОБУЖДЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Ответственный редактор *Ольга Солохина*

Редактор *Алексей Бакулин*

Художник *Станислав Богдан*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Елена Капитонова*

Верстка *Антонины Помазовой*

Корректоры *Елена Шнитникова, Виктория Листова*

Л.Р. № 030022 от 06.07.91 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 13.09.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Тип. Таймс. Бумага тип. № 2.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,9. Тираж 50 000 экз.

Изд. № 290. Заказ № 554.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6

Отпечатано на ИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Севсро-Занг®